

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 1(1)

Киров
2012

ББК 74.58я5
В38

Главный редактор
В. Т. Юнгблюд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Ю. А. Балыбердин,
доктор исторических наук, доцент (зам. главного редактора);
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
В. С. Данюшенков,
доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО;
П. И. Кононов,
доктор юридических наук, профессор;
А. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
С. М. Окулов,
доктор педагогических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор

Ответственные за выпуск:
К. С. Лицафева,
кандидат филологических наук, доцент;
В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент;
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: Ю. Холмова

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Юнгблуд В. Т. Культурный смысл модернизации российского образования	6
---	---

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Александр Герцен и судьбы России (материалы «круглого стола»).	
Участовали: М. А. Маслин, Е. Ф. Владыкина, Т. А. Горюнова, Е. С. Гревцова,	
А. Е. Моторина, М. И. Ненашев, С. А. Нижников, Н. О. Осипова	9
Тимшин В. А. Творческий процесс как освобождение	
или преодоление природного в философии К. Эрберга	27
Бердинских М. В. Социологические аспекты имиджа организации (к постановке проблемы)	31
Тян В. В. Электоральное восприятие власти и электоральное поведение	
в социополитических технологиях	35
Грецов В. В. Развитие концепции отражения в истории философии и науке	40

ИСТОРИЯ

Юнгблуд В. Т. Православная Церковь и власть в СССР в годы Второй мировой войны	
в оценках прессы США	46
Судовиков М. С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона	
в конце XIX – начале XX в.	54
Ситникова А. А. Нормативно-правовая база и особенности	
деятельности вятских губернаторов в конце XIX – начале XX в.	59
Китаев Д. Н. Реализация продовольственной развёрстки на хлеб 1919–1920 гг.	
в Вятской губернии	64

ПРАВО

Благодир А. А. К вопросу о системе мер социальной поддержки	
(анализ федерального и регионального законодательства)	70
Розуван А. М., Артемьев Н. С. Административный надзор	
как важный фактор предупреждения рецидивной преступности	74
Петрунева А. Н. Признание крупной сделки недействительной,	
совершенной без одобрения общего собрания участников общества,	
и применение последствий недействительности сделки	76
Семенов А. В., Сучкова Т. Е. Некоторые аспекты становления института	
юридической ответственности врачей	80
Чиркова Е. С. «Субъект права»: подходы к пониманию	87

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Федотов О. И. Жанровые амплуа и эмфатические ореолы	
6-стопного ямба в лирике Владислава Ходасевича	92
Кондакова И. А. Топоним в составе образного фразеологического сравнения	97
Панишева Н. А. Художественное пространство Китая в лирике А. Несмелова	100
Лицарева К. С. Развитие темы «ars poetica» в лирике Ю. Д. Левитанского	105
Ануфриев А. Е. Утопическое мышление как знаковое явление	
литературного процесса в России в 20-х гг. XX в.	110
Долгушев В. Г. Сравнительно-сопоставительный анализ лексического состава	
среднерусских и севернорусских говоров (на материале ярославских и вятских говоров)	116

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Осипова Н. О.</i> «Кукольный текст» современной культуры: мифосемиотика мотива	119
<i>Соболева М. В.</i> Коммуникативный потенциал аудиорекламы: от криков античных зазывал до музыки в смартфонах	123
<i>Пахомова Я. И.</i> Пьесы М. Мак-Донаха в постановках пермского театра «У Моста». Особенности художественного прочтения	127
<i>Сухотерин Д. Я.</i> Демократизация культуры и формирование рынка печатной рекламы в России на рубеже XIX–XX вв.	131

ПЕДАГОГИКА

<i>Юлов В. Ф.</i> Обучение посредством проблемных компетенций	135
<i>Помелов В. Б.</i> Деятельность А. И. Герцена по развитию просвещения и культуры в Вятской губернии: к 200-летию со дня рождения	139
<i>Тимшин А. Б.</i> Теоретические основы социального партнёрства в профессиональном образовании	145

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Левченко Е. В., Втюрина Т. А.</i> Ментальные модели мотивации у студентов	149
<i>Князева Т. Н., Куимова Н. Н.</i> К проблеме дифференциальной диагностики адаптивности младших подростков при переходе из начальной в основную школу	157
<i>Матанцева Т. Н.</i> Возрастные и специфические особенности личностной саморегуляции подростков с задержкой психического развития	162

ПЕРСОНАЛИИ

Вадим Васильевич Колотилов: траектория творческой жизни (Письмо к 80-летию со дня рождения)	167
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Лицарева К. С.</i> Диалектика эстетических критериев в развитии литературно-критической мысли	169
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Коршунова О. В.</i> О Всероссийской интернет-конференции «Компетентностно-деятельностная модель новой сельской школы»	171
<i>Сергеев А. В.</i> Межвузовская научно-практическая конференция «Кировчане в Московской битве 1941–1942 гг.», посвященная 70-летию со времени начала сражения	172
<i>Низовских Н. А., Киселева Е. П.</i> Третья всероссийская научная конференция с международным участием «Психология саморазвития человека»	174

Сведения об авторах	176
---------------------------	-----

Information about authors	178
---------------------------------	-----

CONTENTS

- Yungblud V. T.* Cultural meaning of Russian education modernization.
Alexander Herzen and fates of Russia ("round table" materials)
Timshin V. A. Creative process as releasing or overcoming of natural in K. Erberg's philosophy
Berdinskikh M. V. Sociological aspects of the organizational image (to the problem)
Tjan V. V. Electoral perception of the power and electoral behaviour in sotsiopolitichesky technologies
Gretskov V. V. The development of the concept of reflection in the history of philosophy and science
Yungblud V. T. The Orthodox Church and government in the USSR during the Second World War in the estimates of the U.S. press
Sudovikov M. S. Merchants of Vjatsko-Kamski region at the end of XIX – the beginning of XX century
Sitnikova A. A. Legal and regulatory framework and features of the Vyatka governors in the late XIX – early XX centuries
Kitaev D. N. The implementation of grain allotment in Vyatka region in 1919–1920.
Blagodir A. L. On the System of Social Support Measures (the analysis of federal and regional legislation)
Rozuwan A. M., Artemyev N. S. Administrative supervision as an important factor in preventing recidivism
Petruneva A. N. Recognition of a major transaction as invalid, perfect without the approval of the general meeting of the society and the invalidity of the application of the effects of the transaction
Semenov A. V., Suchkova T. E. Some aspects of formation of institute of legal responsibility of medical personnel
Chirkova G. S. "Subject of law": approaches to understanding
Fedotov O. I. Genre lines and emphatic halos of six-iambic verse in Vladislav Khodasevich lyrics
Kondakova I. A. Place-names in phraseological similes
Panisheva N. A. Art space of China in A. Nesmelov's lyric.
Litsareva K. S. Theme "ars poetica" development in Levitansky Yu. D. lyrics
Anufriev A. E. The utopic mentality as a Significant Feature of the Russian Literary process of the 1920s.
Dolgushev V. G. The comparative analysis of lexical structure of Central-Russian and North-Russian dialects (on the material of Yaroslavl and Vyatka dialects)
Osipova N. O. "Doll's text" of modern culture: mythosemiotics motive
Soboleva M. V. Communicative potential of audioadvertising: from shouts of antique barkers to music in smart phones
Pakhomova Ya. I. M. McDonagh's plays staged at the Perm theatre "By the Bridge". Peculiarities of artistic interpretation.
Sukhoterina D. Y. Democratization of culture and formation of the market of a print advertising in Russia of the end XIX – beginnings XX centuries
Yulov V. F. Learning through problem competences
Pomelov V. B. The activities of A. I. Hertsen for the development of education and culture in the Vyatka region
Timshin A. B. Theoretical bases of social partnership in vocational training
Levchenko E. V., Vtyurina T. A. Mental models of students motivation
Knyazeva T. N., Kuimova N. N. The problem of differential diagnosis of younger adolescents' adaptability during the transition from elementary to primary school
Matantseva T. N. Age and specific features of personal self-control of teenagers with a delay of mental development
Litsareva K. S. Dialectics of aesthetic criteria in the development of literary and critical thought
Korsbunova O. V. All-Russian Internet conference "Competence activity model of a new rural school"
Sergeev A. V. Interuniversity Scientific Conference "Kirov citizens in the battle of Moscow battle in 1941–1942." Dedicated to 70th anniversary of the beginning of the battle
Nizovskikh N. A., Kiseleva E. P. Third Russian conference with the international participation "The psychology of selfdevelopment of man"

КУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Усиление динамики изменений в политической и социально-экономической сферах обусловили необходимость модернизации российского образования, поскольку изменились характер труда, условия и критерии, предъявляемые к качественному уровню знаний, квалификации специалиста и личностным характеристикам человека.

Тем не менее российская система высшего образования, развиваясь в русле мировых тенденций, пытается сохранить самобытность и уникальность отечественной академической культуры, руководствуясь убеждением, что прямое заимствование зарубежных моделей и концепций, «забвение» национальных и «местных» культур, потеря «единого культурного кода» (В. В. Путин) негативно скажутся на развитии образования.

Эксперты ОЭСР М. Бентли, А. Вагнер, Е. Даскин считают, что путь модернизации образования должен быть, с одной стороны, исключительно «российским» – отражающим историю, ценности и традиции российской культуры, с другой – проходить с учетом глобальных тенденций развития высшего образования [1]. К этим основным тенденциям относятся воспитание в духе гражданственности и патриотизма; готовность к активному участию в жизни общества, отстаиванию социальных и национальных ценностей; овладение компетенциями (навыками) в области коммуникации, творческой деятельности, совместном труде в поликультурном контексте; реализации парадигмы «высшее образование на протяжении всей жизни» и другие.

Известный российский культуролог А. Я. Флиер отмечает, что традиционное деление культуры на материальную и духовную малопродуктивно, поскольку не позволяет предметно исследовать ее

основные функциональные блоки и механизмы трансляции социально значимой информации. Более целесообразным он считает структурирование культуры по сферам жизнедеятельности на обыденную и специализированную, отмечая, что «основные функции обеих сфер культуры продолжают существовать параллельно, но в разных областях жизнедеятельности индивида» [2].

Такой подход к определению морфологии культуры позволил связать ее с четырьмя основными блоками проявления человеческой активности, выделяя культуру социальной организации и регуляции; культуру познания и рефлексии мира, человека и межчеловеческих отношений; культуру социальной коммуникации, накопления, хранения и трансляции информации; культуру физической и психической репродукции, реабилитации и рекреации человека.

Приведенная классификация позволяет сегментировать пространство культуры с учетом всех видов материальной и духовной деятельности человека. Она вполне «работоспособна» применительно к рассмотрению «культурных слоев», принадлежащих разным эпохам и этнонациональным сообществам. Вместе с тем, даже с учетом условности и приблизительности критериев разграничения областей социальной практики и включенных в них видов деятельности, следует признать, что образованию, научному знанию, культуре научного труда принадлежит активная интегрирующая роль в рамках всего культурного континуума. Настолько активная, что границы между культурными смыслами всех четырех областей социальной практики, выделенных Флиером, становятся практически неуловимыми.

Стержнем всех социокультурных процессов является образование. В первую очередь образование высшее. Именно университеты генерируют значительную часть научных открытий, способствуют созданию условий для формирования единой естественнонаучной и гуманитарной культу-

ры познания и деятельности, становятся культурно-просветительскими центрами, влияющими на жизнь регионов.

Уже сама семантика латинского слова «universitas» – университет – обозначает «общность, совокупность, корпорация», подчеркивает, что в университете обучают, воспитывают, совершают научные открытия, формируют духовные ценности и новейшие коммуникации. Современный университет (по И. А. Задонской) объединяет в себе три антиномичных по сути компонента: культуру, политику и рынок. Их совокупность определяет и миссию университета, и его имидж.

В настоящее время происходит формирование нового типа культуры, основанного на сбалансированном соотношении интересов государства и личности с точки зрения общечеловеческих и национальных ценностей. Но пока этот складывающийся тип культуры не имеет соответствующей системы образования. Модернизируя высшую школу, необходимо органично интегрировать фундаментальные, гуманитарные, технологические знания.

Роль современного университета не ограничивается только тем, чтобы давать студенту знания. Университет призван формировать личность, наделенную такими качествами, которые позволят ей достойно отвечать на вызовы эпохи. Формируя личность, университет тем самым воздействует на социум в целом. Чем солиднее возраст университета, тем ощутимей в нем чувствуется академическая атмосфера, воспитывающая всех, кто в нем трудится, культурой, наукой, содержанием изучаемых дисциплин.

Как заметил В. В. Путин, «выбор образовательной программы, многообразие образования – наше несомненное достижение. Но вариативность должна опираться на незыблемые ценности, базовые знания и представления о мире. Гражданская задача образования, системы просвещения –

дать каждому тот абсолютно обязательный объем гуманитарного знания, который составляет основу самоидентичности народа.

И в первую очередь речь должна идти о повышении в образовательном процессе роли таких предметов, как русский язык, русская литература, отечественная история – естественно, в контексте всего богатства национальных традиций и культур» [3].

В университете должны присутствовать все условия для формирования специалистов нового поколения. Сегодня мы являемся свидетелями и участниками процесса создания оптимальной модели образования, которая соответствует новому типу культуры и постиндустриального и информационного общества и отвечает на вызовы современной цивилизации.

Поэтому важнейшими факторами социально-экономического развития, научно-технического прогресса и культурного совершенствования являются гуманитаризация, гуманизация и качество образования.

Роль и место гуманитарных наук должны быть обозначены, поскольку характер любой эпохи, а наступивший XXI век не является исключением, определяется не только и не столько количеством и качеством технических и технологических прорывов, сколько способностью человека встать вровень с достижениями своей эпохи. Эта способность всегда задавалась той шкалой гуманитарных ценностей, которая формировалась современными ему научными представлениями о мире, производстве, самом человеке, которая подсказывала, как и чему именно следует учить подрастающее поколение. В этом и состоит одна из главных научно-образовательных миссий Вятского государственного гуманитарного университета.

ВятГГУ свою цель видит в создании современного инновационного центра гуманитарного образования, что предполагает развитие всех

видов университетской деятельности в соответствии с гуманистическими ценностями, воздействие на социальные и духовные процессы своего края и прилегающих областей. Основные результаты этой работы воплощаются в научно-образовательной и воспитательно-просветительской работе через конкретные программы: формирование ценностей личности в современном гуманитарном образовании; сохранение и развитие культуры региона в инновационных программах гуманитарного образования; гармония среды и человека; информационная образовательная среда как условие инновационного развития гуманитарного образования в регионе. Программы предполагают максимальный учет требований рынка, в том числе и по части выхода на европейский уровень качества образования и усвоения выпускниками компетенций, которые позволят им работать в постоянно меняющихся условиях. Однако в основе идеологии этих программ присутствует понимание того, что знаниями отнюдь не всегда можно распоряжаться как товаром. Не

только экономика, но и само общество должно приобрести новые качества, и в этом обществе сегодняшним студентам предстоит жить полноценной жизнью. Это потребует от них соединения функциональной эффективности с духовностью и подлинно человеческим отношением друг к другу; творчества и желания применять свои таланты в пределах культурного пространства России. В этом, очевидно, и должен заключаться культурный смысл социально-экономической модернизации.

Примечания

1. Высшее образование в XXI веке: подходы и практические меры: рабочий документ // Всемирная конференция по высшему образованию (Париж, 5–9 окт. 1983 г.). Париж: Юнеско, 1998.
2. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М., 2000. С. 134–135.
3. Путин В. В. Россия: национальный вопрос «Самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром» // Ведомости. 2012. 23 янв.

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 94(470+571)"18"

АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН И СУДЬБЫ РОССИИ (материалы «круглого стола»)

Редакция журнала «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета» в феврале 2012 г. провела «круглый стол», на котором обсуждалась проблема «Александр Герцен и судьбы России». Круглый стол был посвящен 200-летию юбилею русского философа Александра Ивановича Герцена.

В работе «круглого стола» участвовали:

Михаил Александрович Маслин, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ, г. Москва (докладчик);

Елена Федоровна Владыкина, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии факультета философии и культурологии ВятГГУ, г. Киров;

Татьяна Александровна Горюнова, кандидат философских наук, ст. преподаватель кафедры философии и социологии факультета философии и культурологии ВятГГУ, г. Киров;

Елена Степановна Гревцова, кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, г. Москва;

Любовь Евстафьевна Моторина, профессор кафедры философии факультета социального инжиниринга Московского авиационного института (национального исследовательского университета), г. Москва;

Михаил Иванович Ненашев, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии факультета философии и культурологии ВятГГУ, г. Киров (ведущий «круглого стола»);

Сергей Анатольевич Нижников, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, г. Москва;

Нина Осиповна Осипова, доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии и рекламы факультета философии и культурологии ВятГГУ.

Ведущий, М. И. Ненашев. Мы собрались обсудить социально-философские идеи нашего великого соотечественника Александра Ивановича Герцена, которому в 2012 г. исполняется 200 лет со дня рождения.

Александр Герцен – блестящий публицист, писатель, философ, революционер, человек с трагической судьбой, переживший разочарование в своих идеалах молодости. Он приходит к выводу, что нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри. Признаюсь, для меня этот вывод Герцена странным образом перекликается со словами из Поэмы о Великом инквизиторе в романе Ф. Достоевского «Братья Карамазовы»: нет заботы беспрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем поклониться.

Наша работа будет проходить следующим образом. Мы заслушаем доклад профессора Михаила Александровича Маслина, затем каждый из участников Круглого стола в своем выступлении

сформулирует свое отношение к идеям доклада и расскажет, что ему лично представляется важным в творчестве Герцена. Просим участников Круглого стола в начале своего выступления формулировать основную мысль, или тему.

М. А. Маслин. «Философия А. И. Герцена сегодня. К 200-летию юбилею великого мыслителя»*

Инициатива «Вестника Вятского государственного гуманитарного университета» – почтить 200-летие со дня рождения Александра Ивановича Герцена (1812–1870) – представляется ценной и актуальной. К сожалению, А. И. Герцен не является «героем нашего времени» подобно ряду других русских философов – идейных лидеров интеллигенции девятнадцатого столетия. Так, двухсотлетний юбилей В. Г. Белинского пришелся на прошлый, 2011 г., однако практически не был замечен историками русской мысли. Для контраста: пятидесятилетняя годовщина со дня смерти Белинского отмечалась в 1898 г. с огромным размахом. Это была демонстрация на-

© Маслин М. А., Владыкина Е. Ф., Горюнова Т. А., Гревцова Е. С., Моторина Л. Е., Ненашев М. И., Нижников С. А., Осипова Н. О., 2012

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-03-00029а «Философское рождение за рубежом во второй половине XX – начале XXI вв.: направления, школы, центры».

стоящего почитания памяти критика, когда практически все русские газеты откликнулись на эту дату.

Столетие со дня рождения Герцена также было широко отмечено в 1912 г. Для советской историографии русской философии особое значение приобрела статья В. И. Ленина «Памяти Герцена», которая явилась основополагающей для формулировки принципа партийности историко-философского исследования. Эта статья, растащенная на цитаты, обязательные для руководства в работе всякого герценоведа в советское время, послужила основой для формирования многих стереотипов в истории русской философии [1].

Приходится признать правоту В. В. Розанова, который в свое время заметил: «У русских нет сознания своих предков и нет сознания своего потомства... От этого наш нигилизм... И нигилизм наш постоянно радикален: “мы построим все *сначала*”» [2]. Применительно к истории русской философии это означает, что она во многом состоит из потерь в результате нигилистического «построения всего сначала». Таковы потери, вызванные идеологическими ограничениями, например, советскими запретами на религиозную философию.

Технология построения предметной области истории русской философии порой напоминает «процесс снятия сливок», поскольку по соображениям новизны в нее включаются прежде всего те персоналии и течения, которые не исследовались ранее. Последние два десятилетия отмечены плодотворным возвращением в лоно отечественной культуры многих имен, идей, течений. Начало этого процесса надо отнести еще к концу советского времени. Поначалу это были тексты К. Д. Кавелина, Д. И. Писарева, П. А. Кропоткина, А. А. Потебни и других мыслителей, чье наследие не выглядело как враждебное марксизму. Поэтому первые тома публиковались в издательстве «Правда», принадлежавшем ЦК КПСС, в качестве приложения к журналу «Вопросы философии».

Позднее эта книжная серия перекочевала в другие издательства, сначала государственные, а затем и частные. «Номенклатура» приложения к журналу «Вопросы философии» резко изменилась в сторону религиозной философии после публикации под одной обложкой двух программных манифестов русского идеализма «Вехи» и «Из глубины» (1991). И далее серия держалась почти исключительно на публикации сочинений религиозных философов – Ю. Ф. Самарина, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. С. Соловьева, В. Ф. Эрнста, П. А. Флоренского, И. А. Ильина и др. Интерес к русской философии в 90-е гг. был гигантский, спрос, что называется, превышал предложение. Достаточно сказать, что первая в

своем роде антология по философии русского зарубежья, подготовленная автором этих строк, вышла в издательстве «Наука» в 1990 г. тремя выпусками общим тиражом 150 тысяч экземпляров («О России и русской философской культуре. Мыслители русского послеоктябрьского зарубежья»).

Нельзя не отметить, что и в нашей стране, и в мире в целом интерес к русской философии не только сохраняется, но и продолжает расти. Выходят многочисленные статьи, монографии, сборники, проводятся конференции и «круглые столы», читаются курсы в высших учебных заведениях. Публикуются архивные материалы. Появляются новые мировые центры по исследованию русской философии. Одним из таких центров является сегодня Китай, где регулярно (раз в два года) проводятся Всекитайские конференции историков русской философии и где работает большая группа профессионалов-историков русской философии. Интересно, что в Китае, так же как и в России, приоритеты в исследовании русской мысли сместились в сторону религиозной философии. Достаточно сказать, что на китайский язык переведены практически все произведения Н. А. Бердяева. Происходит это не потому, что китайцы испытывают какой-то особый интерес к религиозной проблематике, но потому, что их работы в области истории русской мысли по своей направленности следуют «в фарватере» российских исследований. Вместе с тем китайские философы активно разрабатывают историю русской нерелигиозной философии, включая русский марксизм. Здесь можно упомянуть Всекитайскую конференцию «Русская философия и модернизация России», которая прошла в Пекине в 2011 г.

Что же касается российской историографии русской философии, то ее приоритеты резко изменились, и Герцен, возведенный Лениным на пьедестал в качестве «дворянского революционера» (вместе с декабристами), перестал быть актуальной фигурой. Как известно, в центре ленинской концепции был тезис о том, что Герцен «сыграл великую роль в подготовке русской революции». Данная концепция имела прежде всего пропагандистскую партийную направленность в духе большевизма, основанную на жестком отделении образа Герцена-революционера от иных многочисленных интерпретаций творчества русского мыслителя и от всех разнообразных влияний, которые Герцен оказал на русское общество. Ведь тогда, в юбилейный 1912 г., на столетнюю годовщину со дня смерти Герцена откликнулись не только В. И. Ленин и Г. В. Плеханов, но и Р. В. Иванов-Разумник, М. М. Ковалевский, П. Н. Милюков, П. Б. Струве, В. М. Чернов и многие другие мыслители и публицисты.

Статьи Герцена в «Колоколе» при его жизни внимательно изучали не только последователи, но и противники. Имя Герцена, как известно, до 1862 г. было запрещено упоминать в открытой печати, и рупор консерватизма М. Н. Катков был первым из русских журналистов, кто вступил с Герценом в открытую полемику. Однако и он в своей резко критической статье «Свободный артист воображает себя представителем русского народа» (данная статья открыла полемику против Герцена в печати) был вынужден признать: «...мы не можем не заметить, что должно же быть в настоящем порядке вещей что-нибудь радикально неправильное, если оно делает возможными подобные (Герцену. – *авт.*) явления...» [3]. И надо заметить, что антигерценовская кампания не только не снизила, но и повысила интерес к заграничным изданиям Герцена. По собственному признанию Герцена, «Колокол» использовали «для справок по крестьянскому вопросу» высшие государственные чиновники, а его статьи читали «генералы из либералов, либералы из статских советников, придворные дамы с жадой прогресса и флигель-адъютанты...».

Очевидно и не подлежит никакому сомнению влияние идей Герцена на *русское общество в целом*, включая не только радикальную, но и либеральную и консервативную его части. Как известно, для встречи с Герценом в Лондон приезжал не только Н. Г. Чернышевский, но и Ф. М. Достоевский. В Лондоне в 1862 г. состоялась встреча Достоевского с Герценом, чья критика западного «мещанского» идеала была положительно оценена Достоевским и оказалась созвучной его «почвенничеству». Достоевский проповедовал мирное объединение высших слоев с «почвой» – русским народом, в котором, как он считал, живы христианские идеалы братства и любви. Характерно, что Достоевский в результате этой лондонской встречи использовал тот же термин, что и Герцен, – «русский социализм», хотя и наполнял его иным – христианским – содержанием.

Огромное воздействие идеи Герцена оказали на формирование эстетического консерватизма К. Н. Леонтьева. Сочинения Герцена, особенно его работа «С того берега» (1850), были для Леонтьева «выражением родственных и дорогих идей и чувств», среди которых он особенно ценил «*Антиевропейские* блестящие выходы Герцена, читаемые на *французском языке*» [4]. В письме с Афона от 1 июня 1872 г., написанном вскоре после своего обращения в христианскую веру, Леонтьев писал: «На столе моем рядом лежат Прудон и Пророк Давид, Байрон и Златоуст; Иоанн Дамаскин и Гёте, Хомяков и Герцен» [5]. Называя Герцена «гениальным эстетиком», он вынес из его сочинений критическую оценку европейской цивилизации – «...прежде

всего самый образ этой средней европейской фигуры в цилиндре и сюртучной паре, мелко-достойной, настойчивой и самодовольной» [6].

Идеи Герцена были подхвачены и развиты Леонтьевым в качестве объяснительной модели функционирования всякой цивилизации. Согласно этой модели именно богатство и усложнение культурных форм определяет универсальную формулу развития как в природе, так и в обществе. Леонтьев отталкивался в данном случае от герценовского термина «историческая эстетика», который был обоснован в главе «*Venezia la Bella*» («Красавица Венеция») из «Былого и дум» (февраль 1867 г.). В этой главе Герцен показал, что феномен Венеции с утилитарной точки зрения – «гениальное безумие», поскольку этот город построен «там, где город построить нельзя». Но великолепная роскошь венецианских дворцов есть зримое доказательство того, что история развивается по законам эстетики, где критерием развитости выступают высшие достижения человеческого духа. Особенно это видно в Венеции, где «каждый шаг торжественного шествия морской красавицы (т. е. Венеции. – *авт.*) должен быть записан потомству кистью и резцом» [7].

Герцен вполне отчетливо описал то, что Леонтьев впоследствии назовет «вторичным упрощением» по отношению к европейскому (германо-романскому) миру с такими его характерными чертами, как уравнилельный (эгалитарный) прогресс, парламентская система, всеобщее избирательное право. Отсюда герценовские предсказания относительно будущего Северо-Американских Штатов, которые «с своим единством цивилизации легко опередают Европу, их положение проще. Уровень их цивилизации ниже западноевропейского, *но он один*, и до него достигают *все*, и в этом их страшная сила» [8].

По Герцену, общественное устройство, основанное на демократии, равенстве и «отрицании иерархии» (т. е. выстроенной системе разнообразных и «своеобычных» духовных ценностей), является далеко не идеальной целью, достойной человеческих стремлений. В действительности Герцен был одним из самых острых и глубоких критиков демократии, основанной на «арифметическом пантеизме всеобщей подачи голосов» и на «суеверии в республику или парламентские реформы». «Демократия, – писал он, – не может ничего создать, это не ее дело... демократы *только знают... чего не хотят; чего они хотят, они не знают*» [9].

Революционность Герцена, представленная Лениным в качестве выражения «классовой борьбы как основы его теорий и учений», также подлежит сомнению, особенно в той части ленинской оценки, которая характеризует эту революционность как «форму перехода... к суровой, непре-

клонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата». Но мог ли тот, кого Ленин назвал «революционным демократом», обратиться 18 февраля 1858 г. к российскому императору Александру II со словами «Ты победил, Галилеянин». (Согласно преданию с такими словами умер император Рима Юлиан Отступник, преследовавший христианство). Герцен оценил царя-освободителя как «мощного деятеля, открывающего новую эру для России». Далее приведем редко цитированное в советское время высказывание: «Имя Александра II отныне принадлежит истории... Начало освобождения крестьян сделано *им*, грядущие поколения этого не забудут» [10].

Один из почитателей философии Герцена, известный английский мыслитель Исайя Берлин считает, что герценовская концепция «индивидуальной свободы» составляет центральное ядро всего творчества русского мыслителя. Называя Герцена «гениальным писателем», Берлин в своей книге «Русские мыслители» подвергает критике установившуюся традицию связывать наследие Герцена главным образом с «полуанархическим народничеством», прудонизмом, крестьянским социализмом и т. п. С Берлином можно согласиться в том, что подобные интерпретации «несправедливы» и неадекватны, ибо уводят в сторону от главного, а именно, персоналистического содержания его философии.

На самом деле, считает Берлин, политическая сторона творчества Герцена была не основной, а производной от его концепции индивидуальной свободы. Вместе с тем Герцен гениален не только как выдающийся публицист и прозаик, но и как мыслитель, — подчеркивает Берлин. «Основные идеи Герцена, — пишет Берлин, — уникальны не только по русским, но и по европейским стандартам. Россия не столь богата такими первоклассными мыслителями, чтобы она могла позволить себе игнорировать одного из трех самых гениальных моральных проповедников, когда-либо рождавшихся в этой стране» [11]. (Берлин считает тремя «самыми гениальными моральными проповедниками», наряду с Герценом, также Достоевского и Толстого.)

Айлин Келли, известная английская исследовательница творчества Герцена, в своем предисловии к книге Исайи Берлина поддерживает интерпретацию герценовской философии, предпринятую Берлином. В результате проведенного Берлином анализа Герцен, более известный на Западе как «русский радикал и утопический социалист», выступает на страницах книги как «автор одних из самых глубоких современных сочинений по проблеме свободы» [12]. Действительно, наиболее важной задачей анализа творчества Герцена является его «философская реабилитация», предполагающая обращение к его собственно

философскому содержанию, не подменяемому какими-либо односторонними политизациями.

Сегодня схему революционного демократизма, восходящую к Ленину и употреблявшуюся в советский период, следует считать непригодной для оценки философских идей Герцена. Действительно оригинальное содержание философии Герцена составляет его «собственный философский опыт», прежде всего связанный с темой личности, на что указывал в свое время В. В. Зеньковский. Герцена, наряду с Бердяевым, можно назвать одним из наиболее выдающихся русских философов свободы. Именно в этом качестве Герцен прежде всего известен за рубежом. И сегодня самой важной задачей российского герценоведения является вернуть это качество.

Если обращаться к собственно философскому содержанию творчества Герцена, то нельзя не видеть, что одной из основных идей, усвоенных Герценом еще в ранний период, является утверждение необходимости свободы личности. Свобода приобщения к европейской культуре в полном ее объеме, свобода от произвола властей, бесцензурное творчество — вот те недоступные в России ценности, к которым стремился Герцен. Впечатления о первой встрече Герцена с Европой, представленные в «Письмах из Франции и Италии» (1847–1852) и в работе «С того берега», свидетельствовали о радикальных изменениях в его оценках европейской цивилизации. Позднее он вспоминал: «Начавши с крика радости при переезде через границу, я окончил моим духовным возвращением на родину». Герцен отмечает «величайшие противоречия» западной цивилизации, сделанной «не по нашей мерке», пишет о том, что в Европе «не по себе нашему брату». Однако он по-прежнему не отказывается от приверженности к идее личной свободы: «Не будет миру свободы, пока все религиозное, политическое не превратится в человеческое, простое, подлежащее критике и отрицанию» [13].

Как известно, Ленин негативно оценил первые эмигрантские сочинения Герцена, назвал их «духовным крахом», основываясь, очевидно, на тех критических и во многом пророческих высказываниях в адрес европейского социализма, которые содержатся в работе «С того берега»: «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда... снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией...» [14]. Однако Герцен, напротив, чрезвычайно высоко ценил эту книгу. В свое посвящение «Сыну моему Александру» он включил следующие строки: «...я ничего не писал лучшего и, вероятно, ничего лучшего не напишу». Именно здесь он впервые столь подробно излагает свое

критическое видение европейской жизни и принципиально расходится со всеми известными ему социальными и философскими теориями: «Нищи решений в этой книге — их нет, их вообще нет у современного человека». Герцен приходит к выводу о том, что претензии социальных наук покончить со злом и безысходностью, царящими в мире, — несостоятельны.

Человеческая жизнь имеет свою логику, не укладывающуюся в рациональные объяснения. Цель человеческой жизни — сама жизнь, и люди не хотят приносить жертвы на алтарь истории, хотя их вынуждают это делать, что показали события революции 1848 г. Критика Герценом западной цивилизации по причине внутреннего разлада с ней может быть охарактеризована как экзистенциальная критика. Он критиковал идеализм Гегеля с позиций персонализма, а именно, за то, что судьбу конкретной личности тот принес в жертву абсолютной идее. По Герцену, западная цивилизация богата внешними формами, но бедна человеческим содержанием. Вот почему нивелирующее влияние европейской цивилизации опасно для всех народов.

Идеи Герцена пережили свое время и продолжали оказывать влияние на русскую философию и в двадцатом столетии. Герценовская критика европейской цивилизации оказалась основополагающей для такого пореволюционного идейного течения, как евразийство. Уже в первом коллективном сборнике евразийцев «Исход к Востоку» (1921) идеи Герцена неоднократно цитировались, обращались к Герцену и другие евразийские издания, такие, как «Евразийские временники». Особенно часто обращался к наследию А. И. Герцена известный богослов и религиозный философ Г. В. Флоровский, который был автором магистерской диссертации, посвященной русскому мыслителю.

Подводя итоги сказанному, можно констатировать, что наиболее важной задачей герценоведения сегодня является «философская реабилитация» его творчества, которая должна быть нацелена на адекватное историко-философское исследование его богатейшего наследия. И здесь очень важной задачей явилось бы создание современного научного собрания сочинений А. И. Герцена. Как известно, 30-томное собрание сочинений (далеко не полное), выпущенное в советское время, давно стало библиографической редкостью. Последнее комментированное издание избранных философских произведений и писем Герцена было подготовлено З. В. Смирновой и А. И. Володиным — наиболее известными и квалифицированными советскими герценоведами (Герцен А. И. Соч.: в 2 т. М., 1985). Это 95-й и 96-й тома известной серии «Философское наследие». Вместе с тем хотелось бы предостеречь

читателей от того, чтобы принимать всерьез некоторые экстравагантные интерпретации философии Герцена, выполненные в духе постмодернизма и лежащие за пределами научной историографии русской философии. Я имею в виду, например, книгу Р. Христанова «Александр Герцен: Импровизация против доктрины» [М., 2001].

Современные исследования, достойные памяти великого русского мыслителя, призваны раскрывать принадлежность Герцена *всей русской философии, а не какой-то ее отдельной части*. В связи с этим необходимо привести слова П. Б. Струве, сказанные еще в 1908 г.: «Можно многое понимать иначе, чем он. Но нельзя сознательно отвергать то, что составляло существо Герцена — священное пламя свободы». И далее: «Один из национальных героев духа, Герцен не принадлежит какой-либо партии и какому-либо направлению. Не готовые решения и утвержденные рецепты, а дух свободы и культуры и сияние красоты обретаем мы в его творениях» [15]. Невозможно представить русскую философию без Герцена.

Е. С. Гревцова. «А. И. Герцен: двуликий Янус и двуглавый орел»

Образ двуликого Януса — древнеримского мифологического божества — использовался Александром Ивановичем Герценом для обозначения двуединой обращенности русской мысли в прошлое и в будущее. Этот образ — метафорическое истолкование славянофильско-западнических дискуссий 30–40-х гг. XIX в., свидетелем и активным участником которых был сам Герцен. Он писал в «Былом и думах»: «У них и у нас (т. е. у славянофилов и западников. — Е. Г.) запало с ранних лет одно сильное, безотчетное физиологическое, страстное чувство... чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно*» [16].

Обратим внимание на то, что обобщение «мы, как Янус или двуглавый орел» включает и «я» самого Герцена — признание тем более ценное, что сделано оно в 1861 г., т. е. ретроспективно. Герцен не отделял себя от того общего интеллектуально-критического и патриотического фона, который формировали славянофильско-западнические дискуссии 30–40-х гг. XIX в. «Я не помню, — пишет он, — чтобы мы сомневались в их горячей любви к России или они — в нашей». «Былое и думы» в качестве исторически достоверного свидетельства о развитии русской философской мысли дает точную интерпретацию дискуссий между славянофилами и западниками как идейных споров между двумя сторонами русского патриотизма.

Нельзя не поддержать основной пафос статьи профессора М. А. Маслина, посвященной современной оценке философии Герцена: необходимо вычленять *собственно философское содержание* идей Герцена. Попытки свести его творчество к «революционному демократизму» оказались несостоятельными. Представление о Герцене как о «штурмане грядущей революционной бури», которое господствовало в советское время, никак не объясняло содержание философских исканий русского мыслителя. Главным недостатком советского герценоведения было то, что его философские идеи интерпретировались в качестве некоего бессознательного придатка к «верной революционной теории», а именно, к марксизму. Но к марксизму Герцен не имел никакого отношения. Маркса он считал неисправимым доктринером, чьи идеи к России неприменимы. Марксизм и бакунизм как социальные доктрины одинаково были неприемлемы для Герцена как мыслителя. Если взять философское завещание Герцена – написанные за год до смерти письма (излюбленный его жанр) под общим названием «К старому товарищу», то нельзя не увидеть, что марксисты фигурируют там под презрительной кличкой «марксиды». Но равным образом он отрицает и катастрофическое бунтарство Бакунина, все мировоззренческие вопросы сводившего к одному и единственному – оправданию и обоснованию немедленного анархического бунта (в интерпретации Герцена – «тощего духом переворота»). Вот почему представляется несостоятельной и никак не объясняющей Герцена как философа известная фраза Ленина: «Герцен вплотную подошёл к диалектическому материализму и остановился – перед историческим материализмом».

Единственным подлинным философским миром для раннего Герцена 40-х гг. был Гегель, которого он называл тогда «гигантом» и «великим мыслителем». Особенно ярко этот «гимн Гегелю» (Д. И. Чижевский) проявился в цикле статей «О дилетантизме в науке». По мысли Д. И. Чижевского, автора фундаментальной монографии «Гегель в России» [СПб., 2007], ранний Герцен пытался построить, отталкиваясь от Гегеля, своего рода «философию борьбы», которая «явственно носит черты гегелевской диалектики». Но в эмиграции теоретические интересы Герцена резко изменяются. Проблематика истории философии, онтологии и гносеологии, поиски общей теории развития в виде «философии борьбы» уходят далеко на второй план. В центр выдвигаются проблемы социальной философии и философии истории, философии культуры и теории цивилизации. Эта перемена произошла в процессе непосредственного, а не книжного знакомства Герцена с реальной европейской жизнью,

как результат наблюдения за революционными событиями 1848 г. Все это заставило усомниться в применимости на практике основных понятий Гегеля и, в первую очередь, мыслей о закономерностях, управляющих историческим процессом. То, что с марксистских позиций принято было называть «духовной драмой Герцена», на самом деле было его духовным прозрением. Он отрицает наряду с историческими законами идею бесконечного линейного прогресса в истории, движущегося, якобы, к какой-то определенной цели. В истории, напротив, по его собственным словам, «все импровизация».

И, наконец, самое важное, что составило принципиальное отличие Герцена от того образа последовательного демократа, который был создан Лениным, – это имевшая место на самом деле критика надежд на «несчастливого, обделенного брата», будто бы способного на «крутой и насильственный переворот». В действительности массы – это стихия, влекомая «темным инстинктом и безотчетными страстями», и вовсе не эти «океаниды» создают перевороты, а искусное и подготовленное меньшинство, которое, на самом деле, управляет событиями. Но лицо всякой эпохи и всякой цивилизации создают высшие проявления культуры, а не «молчащее большинство». «Я не жалею, – писал Герцен, – о двадцати поколениях немцев, потраченных на то, чтоб сделать возможным Гёте, и радуюсь, что псковский оброк дал возможность воспитать Пушкина» [17].

Следует согласиться с тем положением статьи профессора М. А. Маслина, которое утверждает очевидное и не подлежащее никакому сомнению «влияние идей Герцена на *русское общество в целом*, включая не только радикальную, но и либеральную и консервативную его части». Именно в этом ключе следует интерпретировать идейную преемственность философских идей Герцена и К. Н. Леонтьева. Социально-философский идеал Леонтьева под названием византизма, разумеется, существенно расходился с главной руководящей идеей всего творчества Герцена – идеей свободы. Однако общие основания теории культуры, критика буржуазной демократии и потребительской западной цивилизации, всего того, что охватывается понятием «мещанство», наконец, – понимание того, что объяснение русской истории требует совершенно иной формулы, чем формула Запада, – все это Леонтьев заимствует у Герцена.

Ложный «революционно-демократический детерминизм» в интерпретации творчества Герцена совершенно бессилён в объяснении того, почему о его философии положительно отзывались такие, несомненно, консервативно настроенные мыслители, как Н. Н. Страхов и М. П. Погодин, специально приезжавший для встречи с

Герценом в Монтрё и опубликовавший воспоминания об этой встрече в журнале «Заря» (1870. № 2). То же можно сказать и о Ф. М. Достоевском, приезжавшем в Лондон встретиться со знаменитым эмигрантом. Погодин, как и Достоевский, по словам последнего, при встрече с ним «очень хвалили ему одно его сочинение – “С того берега”» [18]. Характерно, что Достоевский в 1872 г. рекомендовал статьи Герцена как «лучшую философию» в России и во всей Европе. Блестящий интеллектуальный портрет Герцена содержится в «Дневнике писателя» за 1873 г. Достоевский видел в Герцене социалиста – «русского барича», называл его «русским дворянином и гражданином мира», признавая в то же время справедливой его критику Запада. Но не это виделось ему главным в Герцене. Достоевский подчеркивал, что Герцен – это, прежде всего, глубокий и разносторонний мыслитель. «Это был художник, мыслитель, блестящий писатель, чрезвычайно начитанный человек, остроумец, удивительный собеседник (говорил он даже лучше, чем писал) и великолепный рефлектёр... Без сомнения, это был человек необыкновенный...» [19].

Чествуя Герцена в год его двухсотлетнего юбилея, приходится констатировать, что, несмотря на ритуальное «революционно-демократическое» славословие вокруг имени Герцена в советский период, философская сторона его творчества осталась менее всего изученной. Данная констатация тем более справедлива для постсоветского времени. Это признавал в своих последних публикациях виднейший советский герценовед А. И. Володин. В одной из последних своих работ он заметил, что за десять лет (1966–1975) в журнале «Вопросы философии» было напечатано всего две статьи, посвященные философии великого мыслителя. До сего времени, подчеркивал А. И. Володин, Герцен так и остался «неудобным мыслителем» [20]. Остается надеяться, что 200-летний юбилей Герцена послужит стимулом к изучению наследия русского философа.

А. Е. Моторина. «Антропологические взгляды А. И. Герцена»*

Начну с тех оценок философских идей Герцена, которые дает Михаил Александрович Маслин, опираясь на высказывание В. В. Зеньковского о том, что действительно оригинальное содержание философии Герцена составляет «его собственный философский опыт», прежде всего связанный с темой личности. В связи с этим я остановлюсь на антропологических взглядах Герцена.

Человек и природа, человек и личность, свобода личности и ее зависимость от окружающих условий, философия «деяния» – эти вопросы волновали Герцена еще со студенческих лет, когда он пишет свою работу «Место человека в природе» (1832). Позднее в «Письмах об изучении природы» (1845–1846) Герцен продолжит свои размышления, заметив, что «все стремления и усилия природы завершаются человеком, к нему они стремятся, в него впадают как в океан» [21]. В 1850 г. в книге «С того берега» он приходит к выводу, что в душе каждого человека дремлют целые миры, и судьба этого богатства своей внутренней силой «возвышает человека и над слепым потоком его природного бытия, и над слепым ходом истории» [22].

Антропология Герцена в этот период несет в себе определенный религиозный смысл: имеется в виду абсолютная вера в человека, в его самодержавную независимость, которая еще не имеет какого-либо концептуального обоснования. Антропологизм здесь как бы перемешан с натурализмом: с одной стороны, Герцен возвышает человека над природой и историей, с другой – выводит человека из природы. Объективным основанием, да и обоснованием, его антропологии является сама жизнь, ее события, переживания этих событий, «одействования» (выражение Герцена. – А. М.) их. Поэтому его скорее интересовали не концептуальные построения, а лица и биографии. Лицо, подчеркивал Герцен, – это «послужной список, в котором все отмечено, паспорт, на котором визы остаются».

Действительность своей личности, по мнению Герцена, человек достигает в разумном, нравственно-свободном и страстно-энергетическом деянии. Человек «всемирно призван» участвовать в деяниях, совершающихся около него. «Личность создается средой и событиями, – писал Герцен, – но и события осуществляются личностью и носят на себе ее печать – тут взаимодействие... Зависимость человека от среды, от эпохи не подлежит сомнению» [23].

Герцен часто употребляет термин «одействование», термин, который, по замечанию В. В. Зеньковского, не привился в русской философской терминологии, и, вероятнее всего, это есть перевод немецкого термина «*Verwirklichen*» [24]. Вместе с тем термин «одействование» в философии Герцена имеет смысл, *связующий в единое целое* все понятия и вопросы, касающиеся человека и личности. «Одействование» знания практикой, подчеркивал Герцен, есть необходимое условие преобразования жизни и совершенствования человека. В романе «Кто виноват?» А. И. Герцен пишет: «Совершенное отсутствие всякой определенной деятельности невыносимо для человека. Животное полагает, что все его дело – жить, а

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-03-00029а «Философское российское введение за рубежом во второй половине XX – начале XXI вв.: направления, школы, центры».

человек жизнь принимает только за возможность что-нибудь делать» [25]. Герцен был убежден, что «спасение» начала личности в «деянии». В деятельности человека, по его мнению, формируется личность, ее «внутреннее ядро», определяющее отношение человека к жизни.

Михаил Александрович в докладе уже затрагивал тему индивидуальной свободы у Герцена. Я лишь замечу, что понятие свободы имело у Герцена такой же «смыслообразующий статус», как и понятие человека. Он писал, что человек свободнее, нежели обыкновенно думают, и что *большая доля нашей судьбы лежит в наших руках*. Эти слова Герцена стали крылатым выражением. Нравственную независимость человека он считал такой же непреложной истиной, как и его зависимость от среды. «Вне нас все изменяется, все зыблется, — пишет он, — мы стоим на краю пропасти и видим, как он осыпается; сумерки наступают, и ни одной путеводной звезды не является на небе. Мы не сыщем гавани иначе как в нас самих, в сознании нашей беспредельной свободы, нашей самодержавной независимости» [26].

Выделяя «ядро личности» как действительную основу жизнедеятельности человека, Герцен был далек от понимания свободы в качестве безусловной данности личности. Мерой свободы является у него гармония жизненных обстоятельств и той внутренней силы, которая возвышает человека. Внешняя активность, поступки, «деяния» личности должны, по его мнению, соответствовать духовным, нравственным, душевным возможностям *человека внутреннего*. В одном из споров с Бакуниным Герцен утверждал: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри» [27].

Антропология Герцена, если можно так выразиться, шла следом за его личной судьбой. В ней появляются новые мотивы после его «семейной драмы», смерти близкого друга В. Пасека, других «роковых случайностей». Эти события потрясают его. В марте 1843 г. он записывает: «Неужели вся жизнь должна быть пыткой и мучением? Человек по песчинке, несчетным трудом, потом и кровью копит, а случай хватит и одним глупым ударом разрушает выстраданное». Герцен заключает, что человеческая жизнь включена в страшный омут случайностей, и признает себя бессильным бороться «с тупой, но мощной силой, во власти которой личность и все индивидуальное» [28].

Но именно потому, что бессмысленная случайность начинает занимать в его мировоззрении такое огромное место, Герцен, верный своим духовным и нравственным идеалам, вновь укрепляется в своем антропологизме. Этот антропологизм у Герцена окрашен в трагические тона, ибо построен на философии случайности, но он

освобождает мысль Герцена о превосходстве случайности над человеком. Потребность нечто свое спасти из вихря случайности развивается у человека вместе с его сознанием, — писал он в 1848 г., — это есть чувство своего достоинства и стремление сохранить нравственную самобытность своей личности. «Свободный человек *создает* свою нравственность... Незыблемой, вечной нравственности так же нет, как вечных наград и наказаний» [29].

По замечанию В. В. Зеньковского, «убеждение в реальности случайности не делает Герцена скептиком, но совершенно разрушает религиозное восприятие жизни... Расхождение реального бытия и сферы ценностей остается непримиренным у Герцена... выход из этого невыносимого тупика, возможный лишь на почве религии, остается закрытым для него. Герцен в философии случайности нашел базу для утверждения «беспредельной свободы» человека и для абсолютности его этического идеализма. Но философия случайности, конечно, достаточно зыбкое основание для такой возвышенной антропологии; с другой стороны, именно она позволила Герцену *вскрыть основную проблематику личности*» [30].

Антропология Герцена, таким образом, не получила какой-либо концептуальной завершенности. Свою философию Герцен называл реализмом, поскольку по-настоящему был «погружен» в саму жизнь. Его антропология не завершена, потому что она есть не система, а *путь* мыслителя, философа, художника к тайне и правде бытия, путь, на котором Герцен обретал «свой собственный философский опыт».

С. А. Нижников. «Герцен — разочарованный западник»*

В докладе Михаила Александровича отмечалось, как стереотипы советского и последующих времен заслоняют от нас реальную оценку творчества Александра Ивановича Герцена. Эти стереотипы во многом господствуют по сей день. Подобно тому как философствующая публика не идет далее первого философического письма Чаадаева, забывая о последующих, так же происходит и с Герценом — оценки его творчества во многом основаны на ранних произведениях и упускают из виду последующую трансформацию. А ведь Герцен — ключевая фигура для понимания развития общественной и философской мысли в России второй трети XIX в. Фигура, которая не утратила актуальности по сей день.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-03-00029а «Философское русское рождение за рубежом во второй половине XX — начале XXI вв.: направления, школы, центры».

Герцен прожил до предела трагическую (смерть детей и жены, ссылки и преследования, разочарования), но вместе с тем интересную жизнь, до краев наполненную думами о России, о ее лучшей будущности. В 1847 г. Герцен навсегда покидает Россию, но до конца дней живет ее интересами.

Первоначально Герцен рассматривал славянофильство исключительно как реакцию на попирающие национальность реформы Петра I, реакцию против петербургского периода. Если славянофилы во многом превозносили византизм, то Герцен называет его «бездонным стоячим болотом, в котором исчезли следы древнего мира»; Петр I «парализовал влияние духовенства, это было одним из самых важных его деяний...» [31]. Казалось бы, взгляды славянофилов и Герцена на историческое прошлое и его смысл прямо противоположны. XXX глава четвертой части мемуаров Герцена («Былое и думы») является прекрасным первоисточником, характеризующим славянофильство 40-х гг. и его отдельных представителей. Тем не менее в некрологе К. С. Аксакову Герцен писал: «Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но неодинаковая... И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно» [32].

Особенно высоко ценил Герцен А. С. Хомякова, И. В. Киреевского и К. С. Аксакова. Первого он называл «Ильей Муромцем, разившим всех, со стороны православия и славянизма», а про Киреевского говорил, что он был ближе по симпатии к нему, чем ко многим западникам из своего круга [33]. В Хомякове Герцен признавал серьезного противника, логика которого была оснащена диалектикой, а глубина мысли и всесторонность познания поражали всех.

В конце своего спора со славянофилами Герцен скажет: «Борьба между нами давно кончилась, и мы протянули друг другу руки» [34]. «Да разве нет у нас открытого поля для примирения? — Риторически вопрошал он. — И отвечал: «А социализм, который так решительно, так глубоко разделяет Европу на два враждебных лагеря, — разве не признан он славянофилами так же, как и нами». Он стал считать, что время «домашних ссор» прошло, что пора отбросить «ребяческую борьбу, соединиться во имя России» [35]. Для Герцена необходимость воззрений славянофилов состояла в том, что они пытались рассмотреть «стихии русской жизни, которые они открыли под удобрением искусственной цивилизации» [36]. Эти стихии, по его мнению, прямиком ведут к социализму, а «это мост, на котором мы можем подать друг другу руку» [37]. Однако православие и монархизм Герцен по-прежнему отвергал. Тем не менее, В. В. Зеньковский справедливо утверждал,

что Герцен «чрезвычайно национален», ибо его взрастила та же самая духовная почва, из которой выросло и раннее славянофильство.

Герцена отнюдь нельзя назвать слепым западником, так как после деятельности славянофилов теоретически чаадаевы уже были невозможны, а западное общество не подтвердило социалистических ожиданий и обнажило буржуазные пороки. Герцена скорее следует назвать «разочарованным западником».

Отношение Герцена к западной цивилизации менялось в процессе его внутреннего развития и жизненного опыта. «Мы Европу все еще знаем задним числом, — признается он, — нам все мерещатся те времена, когда Вольтер царил над парижскими салонами, и на споры Дидро звали, как на стерлядь». Когда же Герцен надолго остановился в Европе, идеал померк и «невеста обманула», в итоге осталось только «разочарование и усталость». «Мы вообще знаем Европу школьно, — продолжает Герцен, — литературно, т. е. не знаем ее, а судим поверхностно, по книжкам и картинкам... Наше классическое незнание западного человека наделает много бед...» [38].

Происходило это потому, что, во-первых, русской интеллигенции был известен только один верхний и образованный слой Европы. Во-вторых, это знание являлось историческим, а не современным. Так, Герцен отмечал: «Поживши год, другой в Европе, мы с удивлением видим, что вообще западные люди не соответствуют нашему понятию о них, что они *гораздо ниже* его». Основываясь на своих наблюдениях, Герцен утверждал, что в Европе купец и мещанин уже давно сменил рыцаря, господа сменились хозяевами, а в России этого еще не заметили.

Герцен давал такую критику западному обществу и человеку, на которую осмеливались не все славянофилы. Он, например, считал, что ни о каком развитии личности в западных условиях уже не может быть и речи, ибо не личность уже там главное, а «товар, дело, вещь, главное — *собственность*». Прошлые отношения между людьми канули в лету, а новые способствуют «развитию всех мелких и дурных сторон мещанства под всемогущим влиянием ничем не обуздываемого стяжания». На Западе теперь два главных стана, — продолжает Герцен, — две партии: скупость и зависть. Парламентское правление он называет «самым колоссальным беличьим колесом в мире», когда основой государственного порядка становится всеобщая подача голосов, эта простая арифметика управляет политикой, а истина в ней определяется сложением и вычитанием.

Проникли эти изменения и в сферу культуры и образования: вести себя стали прилично вместо хорошо, хранить лишь внешнюю респектабель-

ность вместо внутреннего достоинства. Все превратилось в декорацию, рекламу. Даже самое грубое невежество получило вид образования. Герцен утверждает, что на Западе не может быть серьезного теоретического образования, ибо для него требуется слишком много времени, оно слишком отвлекает от бизнеса. Это происходит потому, что «все, лежащее вне торговых оборотов и “эксплуатации” своего общественного положения, не *существенно* в мещанском обществе». Даже из протестантизма, продолжает Герцен, западный человек «сделал *свою* религию, примиряющую совесть христианина с занятием ростовщика, – религию до того мещанскую, что народ, ливший кровь за нее, ее оставил» [39].

От гегелевской философии как «алгебры революции» Герцен переходит к осознанию того, что «истина логическая – не одно и то же с истиной исторической, что, сверх диалектического развития, она имеет свое страстное и случайное развитие, что, сверх своего разума, она имеет свой роман». И хотя осознание бессилия идеи, отсутствия обязательной силы истины над действительным миром огорчило Герцена, он мужественно преодолел разочарования и принял открывшуюся ему новую истину: «Довольно удивлялись мы отвлеченной премудрости природы и исторического развития; пора догадаться, что в природе и истории много случайного, глупого, неудавшегося, спутанного... не все так хорошо подташовано, как казалось...». «Наше историческое призвание, – продолжает Герцен, – наше деяние в том и состоит, что мы нашим разочарованием, нашим страданием доходим до смирения и покорности перед истиной и избавляем от этих скорбей следующие поколения. Нами человечество протрезвляется, мы его похмелье, мы его боли родов» [40]. Однако, судя по дальнейшей истории России, похмелье так и не наступило, а российская интеллигенция продолжала наступать на те же грабли, ввергая общество в революционное насилие и катаклизмы, ведущие к распаду страны.

В отличие от революционеров и «интеллектуалов», Герцен был мыслящим, ищущим человеком. У него не было неопровержимых догм ни на Западе, ни на Востоке. После насилия 1848 г. он уже не верил в целесообразность революционного действия и выступал противником любого террора. В эти годы наступает перелом во взглядах Герцена, и он начинает расходиться с Бакуниным и даже своим близким другом и соратником Огаревым. В цикле писем «К старому товарищу» (1869), адресованных Бакунину, он осуждал призывы политических организаций к немедленному революционному перевороту, говорил о необходимости «учить» народные массы, а не «бунтовать» их. На примере европейских рево-

люций и событий из российской истории он доказывал, что насилие не годится в качестве средства созидания. В этих суждениях Герцен ближе к Достоевскому, чем к революционно-демократической интеллигенции, к которой его обычно причисляли и зачастую причисляют сегодня.

Е. Ф. Владыкина. «По страницам философской публицистики А. И. Герцена»

Город наш хранит имя Александра Ивановича Герцена в названии одной из улиц, а также в названии всеми любимой областной библиотеки. Вятчи-библиофилы нередко перечитывают страницы книги, где описываются не самые приятные дни пребывания молодого Герцена в нашем городе, куда он был сослан под надзор полиции [41].

Эпоха, «впервые сознательно на себя взглянувшая» (Ф. Достоевский); «великий ледоход» русской мысли (М. Гершензон), эта эпоха вела к пробуждению русской мысли. Герцен – представитель этой эпохи. На его долю выпали испытания ссылкой и испытания «бездомностью». В 1847 г. он покидает Россию, не ведая того, что уже никогда не вернется на родную землю. Замечу при этом, что перед отъездом Герцена из России на прощальном ужине среди собравшихся был и «высочайше утвержденный сумасшедший» России – П. Я. Чаадаев. Знакомство с Чаадаевым и его «крамольными» «Философическими письмами» оставит глубокий след в поисках Герценом собственного пути.

В этих кратких заметках мы не касаемся ни страниц частной жизни, ни переживаний А. И. Герцена за границей. Нас интересуют те вневременные горизонты философского вопрошания, которыми изобилуют страницы его произведений – власть, народ, свобода. И есть ещё одна неизменная тема, рожденная в пору кружков и романтических увлечений («мы все храмовые рыцари» [42] – скажет юный Герцен об этой поре). Это тема судьбы России. Сегодня по-прежнему мы нередко слышим: славянофильство, западничество. Оказывается, эта тема неизменно волнует русское общество.

У Герцена своё отношение к славянофилам и славянофильству. Для него они дети одной среды, одних увлечений, одного времени, и в них «было очень верное, но смутное предчувствие нового порядка вещей», однако они не смогли разработать его «положительную сторону», обратив это предчувствие в религию и «притом в религию прошедшего, совершенно не соответствовавшую их же собственному представлению о русском народе». Впрочем, в полемике разных школ русской мысли Герцен видит общее – осуждение императорского режима, установившегося при Николае I, «тут Чаадаев, Хомяков и Белинский подавали друг другу руки» [43]. Общей, с

точки зрения Герцена, была и «господствующая ось» – вера в русский народ и желание деятельно участвовать в его судьбах.

Славянофилам присуще чутьё. «В их решении лежало верное сознание *живой души* в народе», и выход они видели в возвращении к прежним нравам. Герцен спрашивает: «К каким?» Тем ли, о которых писал Чаадаев: «Русская история – развитие крепостного состояния и самодержавия» [44], состояния просвещенных рабов? Или это обращение к мощи русского народа?

Герцен напишет: «мощный, неразгаданный народ», чья история нередко «представляет... очень странное зрелище». А странность мыслитель видит в сочетании мужества, силы, ума с пассивным равнодушием. Да, русский народ не лишен мужества, силы, ума; занимает, распаивает огромные территории, ревниво оберегает их, но «стоит ему успокоиться относительно целостности своей земли, он снова впадает в своё пассивное равнодушие, – равнодушие, которым так превосходно умеют пользоваться правительство и высшие классы». Изредка случается, что высшие классы не без тревоги начинают замечать «отсутствие народа» и что «всё здание русской цивилизации как бы висит в воздухе, приподнятое с помощью веревки, конец которой находится в руках правительства» [45].

Возвращаясь к полемике со славянофилами («Письма к противнику» представляют собой спор с Ю. Самариным), читаем: «Для вас русский народ преимущественно народ *православный*, т. е. наиболее христианский... Для нас русский народ преимущественно *социальный*, т. е. наиболее близкий к осуществлению одной стороны того экономического устройства, той *земной веси*, к которой стремятся все социальные учения» (курсив Герцена). Социальность русского народа общинна и нравственна. Но не существует вечной нравственности. Нравственный идеал рождается через самого себя, через свободу.

Свобода – необходимое условие для достойной жизни и самая высочайшая ценность. Непременное лицо свободы – самостоятельность и ответственность личности за свои поступки. Кроме того, нельзя быть свободным, не обладая материальной независимостью. Однако, констатирует Герцен, Россия «не имеет ни пристрастия к равенству, ни *емкости* к свободе. (курсив Герцена. – Е. В.). Это так и ведет от аракчеевского императорства к императорству пугачевскому» [46]. Русское общество «кажется утомленным свободой прежде, чем даже успело её получить. Оно опасается крайностей свободы, не успев насладиться ею. Первое возбужденное прошло, и всё тяготеет к затишью» [47].

Находясь за границей в пору величайшей смуты, Герцен откажется от многих представлений, возникших в пору романтической юности. «От-

резвление» придёт с событиями 1848 г. в Европе. Именно эти события приведут Герцена к спору с самим собой. Этот «спор» умалит его восхищение перед Западом, обнаружит мещанскую составляющую западной цивилизации, сместит некоторые акценты его исторической концепции, утвердит в идее «русского социализма» и необходимости «построения идей» с развитым народным сознанием; с сознанием, рожденным «внутри», а не за счет изменений наружной жизни. Он понимает, что Россия уже вступила на путь, пройденный Европой, – путь от культуры к цивилизации, путь обуржуазивания.

Симптомы и последствия этого процесса Герцен почувствовал одним из первых. В своих работах «С того берега», «Концы и начала» он пишет о мещанстве как неприятной стороне западной культуры. Оно – признак утраты идеалов, личностного начала, всеобщего «линияния». Мещанин покупает с уважением тульские перочинные ножички, на которых английская фирма, также охотно он покупает фотографические открытки вместо произведений живописи, поскольку, на его взгляд, они красивее и к тому же дешевле. Заметим, критика Герценом мещанства повлияла на Ф. М. Достоевского (их встреча имела место в 1862 г. в Лондоне). В «Зимних заметках о летних впечатлениях» мы видим высказывания о «массовом», безликом человеке, близкие герценовским. Идеал такого человека – «накопить денежки и завести как можно больше вещей...» [48].

Полтора века отделяют нас от времени, когда нашими великими соотечественниками были написаны эти строки. Много изменилось в мире. В XX в. уже не «русскому человеку» в Европе, а самим европейцам в лице своих выдающихся мыслителей (Мартин Хайдеггер, Жан-Поль Сартр, Альбер Камю, Хосе Ортега-и-Гассет) пришлось немало раздумывать над проблемой «подлинного» и «неподлинного» существования, над другими экзистенциальными вопросами. Задумаемся над этим и мы, только, как пишет Александр Герцен, не стоит «принимать цели за достигнутое, зародыши – за совершенных людей, идеалы – за существующее и задачи – за их решения» [49].

Т. А. Горюнова. «Мировоззрение А. Герцена в отражении русской религиозной мысли»

Творчество А. И. Герцена являет собой целую эпоху в развитии русской общественной мысли, в нем заключаются «концы и начала» нашей философии. Такую высокую оценку таланта Герцена можно обнаружить в литературе по отечественной философии. В монографиях и статьях анализируются размышления Герцена о революции, особом пути России к социализму, о ме-

щанстве как выражении духовного оскудения человека и об упадке европейской культуры. Давно определено место писателя в освободительном движении России: его рассматривают как родоначальника народничества, как зачинателя революционной пропаганды в нашей стране, как проповедника социалистических идей. Казалось бы, что все произведение Герцена хорошо изучены, а их идейное наполнение полностью проанализировано.

Тем не менее Герцен остается одной из противоречивейших фигур русской философии. Poleмика вокруг его творчества началась еще в 30–40-е гг. XIX в. Многим современникам Герцен представлялся фигурой двусмысленной. В нем видели то западника и нигилиста, то патриота и критика европейской цивилизации. В его работах слышны были призывы к резким социальным изменениям, в то же время он представал как противник насилия. Он верил в идею социализма и в то же время сомневался в возможности ее осуществления. Споры вокруг его творчества продолжаются и сейчас. Так, современные исследователи считают его «неудобным мыслителем» [50] и «самой проблемной фигурой русской культуры» [51].

В настоящее время обращение к этой незаурядной личности непопулярно в среде отечественных ученых, занимающихся историей русской философии. Профессор М. А. Маслин справедливо замечает в докладе, что Герцен, возведенный Лениным на пьедестал в качестве «дворянского революционера», перестал быть актуальной фигурой. Его имя, овеянное многочисленными идеологическими штампами и ярлыками, ассоциируется у современного читателя с революционной и пропагандистской деятельностью. В результате образ Герцена-революционера, писателя и общественного деятеля заслонил трагическую личность Герцена-мыслителя, к идеям которого обращались такие разные философы, как П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, К. Н. Леонтьев, Н. А. Бердяев, Г. В. Плеханов, Г. Г. Шпет и др. Поэтому сегодня необходимо, если можно так выразиться, переоткрытие философского опыта Герцена, та реабилитация его богатейшего наследия, о которой пишет М. А. Маслин в заключение своей статьи. Для целостного осмысления философского мировоззрения Герцена мы обратимся к оценке его социально-философских исканий в русской религиозной мысли.

Герцена можно назвать типично русским мыслителем, так как в его размышлениях присутствует этическая проблематика, связь теоретического и аксиологического подхода к бытию, что, по мнению В. В. Зеньковского, является характерной особенностью русской философии

[52]. О приоритете нравственных оснований в творчестве Герцена впервые заговорили почвенники. В частности, Н. Н. Страхов отмечает, что для Герцена социализм представляет собой нравственный идеал. Но увлечение философией Гегеля и Фейербаха привело писателя к нигилизму и атеизму, что обусловило его духовную драму. Нравственные поиски ни к чему не приведут, считает Н. Н. Страхов, если они оторваны от религии, а для Герцена «все религии суть уклонения человеческого ума от прямого пути» [53]. Потеряв религию, Герцен постарался избавиться и от религиозных предрассудков. Однако, подходя ко всем религиям объективно, из всех этих «уклонений» он все же отдает предпочтение православию, считая великим счастьем, что русский народ не был испорчен влиянием католицизма и протестантизма.

Страхов подчеркивает, что Герцен по-настоящему русский человек, у него русское сердце, а его нигилизм, отличающийся от привычного «глубоким и искренним усилием мысли», был «одним из проявлений напряженной идеальности русского ума и сердца» [54]. Он анализирует эволюцию его западнических взглядов, выделяя здесь несколько этапов: идеализация Запада и отречение от своего русского, отказ от западных идеалов и в итоге духовное опустошение, но в то же время очищение от предубеждений, в результате которого у писателя пробуждается вера в Россию. Страхов пишет: «Отаявшийся западник превратился в нигилистического славянофила, а во многих отношениях оказался истинно русским человеком» [55]. Под «нигилистическим славянофилом» подразумевается мыслитель, чья вера в самобытное развитие России родилась из западничества, последовательно развившегося и преодоленного. Сила этой веры прямо пропорциональна силе былого увлечения Западом. По мнению Страхова, Герцен был свободен от характерного для западников «умственного рабства». Однако при этом остался на предпоследней ступени до совершеннейшей веры, и полностью преодолеть разрыв с родной почвой для него оказалось невозможно.

С. Н. Булгаков в своих размышлениях о мировоззрении А. И. Герцена продолжает линию, начатую Н. Н. Страховым. Он рассуждает о причинах и сущности духовной драмы Герцена. Называя его «умственным мещанином», «резонером здравого смысла», Булгаков признает: почти всю свою сознательную жизнь Герцен был атеистом, с гипертрофированным здравым смыслом. Герцен отрицает Бога, бытие трансцендентного, религию, поэтому ему трудно найти точку опоры для ответов на бытийственные вопросы. Булгаков пишет о мучительных поисках Герцена, в которых он сближается с Иваном Карамазо-

вым. Разница в том, что последний «ищет Бога и потому еще спрашивает там, где Герцен, уже окончательно изверившийся, имеет вполне готовые ответы» [56]. Единственно возможной реальностью он признает чувственный осязаемый мир и факт нашего существования. Для Булгакова в этом заключается суть позитивизма, и Герцена, отрицавшего всякую метафизику, он относит именно к позитивистам.

Кроме того, Булгаков одним из первых провел параллель между взглядами А. Герцена и Ф. Ницше. Заметим здесь, что тот и другой вначале искренне и глубоко восприняли христианство, и оба в итоге пришли к его отрицанию. Несмотря на явные различия в мировоззренческих взглядах Герцена и Ницше, Булгаков указывает на объединяющее столь разных мыслителей идейное содержание: «Человек есть мера вещей – вот сущность философии Герцена; принцип Герцена не представляет, таким образом, ничего нового – это принцип софистов, этих позитивистов и ницшеанцев древности» [57]. Каким же критерием определяется сам человек? Этот критерий – деятельность, дело. Герцен развивает «философию деяния», у него даже появляется специальное слово – «одействовать». Точно так же и философия Ницше связана с активностью, с волей к власти.

Отрицая высшее начало и религию, Герцен все равно, по мнению Булгакова, остается религиозным искателем. После разочарования в Западе у него появляется новая утопия – вера в Россию. Утопические взгляды писатель связывает с русским народом и сельской общиной, в отличие от Ницше, который делает ставку на сверхчеловека. На примере Герцена и Ницше обращает на себя внимание одна особенность: разочарование в западноевропейской культуре пробуждает интерес обоих к России как к альтернативе.

В заключение Булгаков, говоря об мировоззренческих поисках Герцена, делает вывод о том, что он «хотя и кружным путем, более отрицательным, чем положительным, ведет к... Достоевскому и Соловьеву» [58]. Герцен возвестил о грядущем духовном возрождении, о котором так грезили все религиозные мыслители порубежной эпохи.

М. И. Ненашев. «О диалектике Герцена и диалектике вообще»

Я коснусь историко-философских идей молодого Герцена. Речь пойдет о диалектической составляющей работ «Письма об изучении природы» и «Дилетантизм в науке», которая представляется уязвимой с современной точки зрения.

В «Письмах об изучении природы» Герцен пишет, что стоя на локковской точке зрения, невозможно выйти из формальных противоре-

чий, и вообще рассудок не способен разрешить им же поставленное противоречие. Например, в спорах о врожденных идеях, о сущности и других вопросах есть две стороны, взятые по отдельности, они противоречат друг другу, а на середине они сливаются. Поэтому обе стороны неправы, пока существуют в отвлеченной отдаленности, и могут быть истинными только при сознании единства.

В этом рассуждении проступает основательное знакомство с гегелевской диалектикой: любые позиции, взятые в своей отдельности, не являются истинными, пока их не начинают рассматривать в единстве.

Однако, пишет далее Герцен, философы *намеренно* остаются за пределами сознания этого единства, ведь «надобно много трудиться и много приобрести упорной косности, чтоб не последовать диалектическому влечению, которое само собою выносит за пределы рассудочности». А вот ум, «свободный от принятой и возложенной на себя системы, останавливаясь на односторонних определениях предмета, невольно стремится к восполняющей стороне его; это начало биения диалектического сердца» [59].

Выделим этот упрек философам, намеренно остающимся в своей упорной косности за пределами того единства, вне которого стороны, взятые в отвлеченной отдаленности, не могут быть истинными.

В работе «Дилетантизм в науке» Герцен также пишет о том, что некоторые представители науки не могут привыкнуть к вечному движению истины и раз навсегда признать, что всякое положение отрицается в пользу высшего и что только в преемственной последовательности этих положений и их снятии проторгается (выражение Герцена. – М. Н.) живая истина [60].

Теперь признаем, что этот упрек вполне приложим и к современным философским направлениям. Очевидно, что феноменологию Гуссерля, рассуждения Виттгенштейна о достоверном, идеи Поппера о принципе фальсификации и т. д. можно представить как те самые односторонние определения, которые должны невольно стремиться к восполняющей стороне.

Но предположим, что мы нашли способ сообщить Бертранию Расселу о том, что истина находится в вечном движении, и что всякое положение отрицается в пользу высшего. При этом сообщить в тот самый момент, когда он размышляет над рассуждением Людвиг Виттгенштейна, ну, например, таким: «Нам неясно как раз то, насколько специализированно употребление слов “Я знаю”» (См.: Виттгенштейн Л. О достоверности, п. 12).

Очевидно, что Рассел согласится с тем, что истина находится в вечном движении, но затем в своей *упорной косности* все равно будет про-

должать размышлять над словами Виттгенштейна об употреблении слов «Я знаю». Скорее всего, и Гуссерль, узнав, что всякое положение отрицается в пользу высшего, продолжит упорно размышлять над трансцендентальным эпохэ.

А если бы мы смогли перенестись в эпоху, которую непосредственно описывает Герцен, и рассказать Декарту о том, что нужно всего лишь следовать диалектическому влечению, и тогда свободный ум невольно устремится к восполняющей стороне, то и Декарт, как нам представляется, вежливо признав все это, тем не менее продолжит как ни в чем не бывало размышлять над cogito.

Маркс и Энгельс начинают «Немецкую идеологию» словами о том, как одному бравому человеку пришло в голову, что люди тонут в воде только потому, что одержимы мыслью о тяжести. А вот если бы они выкинули это представление из головы, объявив, например, его суеверным или религиозным, то избавились бы от всякого риска утонуть.

Мне кажется, критика Герценом дилетантизма в науке и односторонностей Бэкона, Локка, Декарта вполне может вписаться в рассуждение Маркса и Энгельса про людей, тонущих из-за одержимости мыслью о тяжести.

Мне представляется, что история философии совершенно не случайно, но необходимым образом движется через оппозиции идеализма и материализма, эмпиризма и рационализма, которые диалектическому уму кажутся лишь односторонними выражениями единого взгляда на процесс познания истины. Допустим на минуту, что философии Бэкона и Декарта действительно являются односторонними выражениями единого взгляда. Тогда мы должны признать, что можно построить, по крайней мере в принципе, некое *непрерывное* движение мысли от Бэкона к Декарту и обратно. Но ведь очевидно, что нельзя, непрерывно двигаясь от Бэкона, прийти к Декарту. Эта невозможность непрерывного движения от одной позиции к другой и обратно означает их несоизмеримость и невыразимость друг через друга. Их можно понять лишь в качестве самостоятельных миров, которые бессмысленно мерить общей мерой, так же как говорить об их якобы заблуждениях и крайностях.

Поясню свою мысль на фрагменте из работы Мартина Хайдеггера «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим». Хайдеггер пишет об опасности, которая таилась в разговорах между ним и японским графом Куки относительно искусства и поэзии. Дело в том, что сам немецкий язык, на котором велась беседа, постоянно разрушал возможность сказать то, о чем шла речь. Хайдеггер напоминает свое определение языка как дома бытия, и

говорит о том, что «мы, европейцы, живем, надо думать, в совсем другом доме, чем восточноазиатский человек». И если учесть, что языки «здесь и там» не просто различные, но исходят в корне из разного существа, то диалог между домами оказывается почти невозможным [61].

Хайдеггер ставит под вопрос саму возможность диалога между европейско-западной и восточноазиатской культурами, в котором зазвучало бы нечто *вытекающее из одного источника*. То есть под вопрос ставится реальность того единства, которое должно обеспечить, если следовать терминологии Герцена, диалектическое снятие односторонностей обеих культур.

Но невозможность диалектического снятия означает дискретность языков и культур, а значит и философских концепций, которые ведь тоже можно представить в качестве особых языков, посредством которых рассматриваются проблемы познания истины.

Юрий Лотман в начале своей книги «Культура и взрыв» пишет о том, что язык создает свой мир, и одним из важнейших оказывается вопрос о степени адекватности мира, создаваемого языком, и мира, лежащего за пределами языка. Он делает вывод о неизбежности того, чтобы эта реальность охватывалась не одним каким-то языком, а только их совокупностью, и называет иллюзорным представление о возможности одного языка для выражения реальности. Минимальной работающей структурой является наличие двух языков, неспособных по отдельности охватить внешний мир. Эта неспособность – не недостаток, но условие адекватного отражения, ибо диктует необходимость *другого* (другой личности, другого языка, другой культуры). Поэтому представление об оптимальной модели с одним предельно совершенным языком должно быть заменено образом структуры с минимально двумя, а фактически с открытым списком разных языков, взаимно необходимых друг другу в силу неспособности каждого в отдельности выразить мир. Лотман подчеркивает, что условием адекватности отражения внеязыковой реальности является именно взаимная непереводимость или ограниченная переводимость языков [62].

Если мы поставим на место внеязыковой реальности реальный познавательный процесс, а вместо языков введём различные философские концепции, то, следуя параллельно ходу мысли Лотмана, мы должны признать необходимость и неизбежность различных, причем непереводимых друг в друга концепций, которые лишь в совокупности способны более или менее адекватно выразить суть познавательного процесса. А также должны признать невозможность построения единственно правильной гносеологии, вбирающей

в себя отдельные философские концепции в так называемом снятом виде.

Своим выступлением я хотел показать, что имеется иная возможность понять историю философии, — отнюдь не в контексте гегелевских категорий снятия и единства противоположностей, от которых отталкивается Александр Герцен в работах «Письма об изучении природы» и «Дилетантизм в науке». Эта иная возможность связана с признанием *неустранимой дискретности философского дискурса* и отказом от установки на формирование некоего единого взгляда на процесс познания истины.

Н. О. Осипова. «А. Герцен: эхо “другого берега”»

Идея «круглого стола», посвященного 200-летию со дня рождения А. И. Герцена, представляется весьма перспективной в нескольких отношениях: во-первых, симптоматично, что в русской истории даты Отечественной войны 1812 г. и юбилея Герцена совпадали, что неизбежно вызывало известные интеллектуальные ассоциации; во-вторых, творческое и философское наследие русского мыслителя с течением времени обнаруживает новые грани интерпретации (они обозначены в докладе М. А. Маслина). В ряду этих интерпретаций мы встречаем и психоаналитические подходы, и политологические характеристики, и религиозно-философские построения.

По-видимому, эти новые ориентиры связаны как с отказом от тенденциозности в оценке культурного наследия России, так и новыми «вызовами» эпохи, ответ на которые мы обнаруживаем в историко-философских концепциях прошлого. И есть некий парадокс в том, что статья В. И. Ленина «Памяти Герцена», «растущая на цитаты» и породившая стереотипы партийности, тем не менее, очень точно определила место Герцена в типологии общественного движения России. Если дистанцироваться от политической интенции ленинской статьи, то и в самых общих (даже «над-идеологических») характеристиках феномен Герцена аккумулировал в себе основные векторы интеллектуальной истории России — яркой, противоречивой, отражающей специфику национального сознания и национальной культуры как системы «бинарных структур».

Стремление к противоборству и установлению различий между двумя полюсами, по мнению С. Аверинцева, — это неотъемлемая особенность русской культуры, унаследованная от Византии: «Вообще говоря, всякая культура живет сбалансированным противоборством противоположностей... Чем выделяется ранневизантийская культура, так это тем, что в ее кругу крайности осо-

бенно контрастны, а их приведение к единству особенно парадоксально» [63].

Типичным персонологическим феноменом подобного парадокса и являлся тип Герцена, блестяще описанный в рефлексии либерального историка и дипломата И. Берлина, также упомянутого М. Маслиным. Позиция И. Берлина по отношению к Герцену представляется особенно значимой в нескольких аспектах. Прежде всего, И. Берлин прекрасно знал русскую историю, где «отвлеченные идеи и мечты легко становятся заменой реальности» [64]. Кроме того, его подход был, на мой взгляд, подходом культурологическим, который, как мне думается, в данном случае является одним из самых плодотворных. Он показывает, главным образом, историю идей, отразившую рождение и судьбу русской интеллигенции (статьи «Рождение русской интеллигенции», «Герцен и Бакунин о свободе личности»), представлявшей слой общества с «невиданной способностью к усвоению понятий». Почти каждая философская система, претендовавшая на статус цельного знания и окончательные ответы, встречала «пылкий прием» и становилась «символом веры... вскормленной ненавистью... к мистическому анархизму<...>». Русские довели этот процесс до острого и отчаянного героического наслаждения» [65].

Путь Герцена-философа, яркого публициста и писателя, является отражением исканий русской интеллигенции — не случайно рядом с его именем ставят имена Толстого и Достоевского, которых волновала историческая миссия России. Не случайно и то, что полем борьбы вокруг этой проблемы стала литература (о её судьбе в связи с этим И. Берлин пишет в статьях «Молчание в русской культуре», «Ёж и лиса», «Литература и искусство в России при Сталине», воспоминаниях о встречах с советскими писателями).

В связи с неразвитостью парламентаризма, легальных политических сообществ свобода слова в России всегда понималась как «свобода печати», а острые идеологические и политические проблемы переносились на страницы литературных произведений или оформлялись в жанрах эссе, «писем к другу», «писем к читателю» и др.

Бинарная логика русского национального сознания реализовалась в таком «метаисторическом» свойстве русской культуры, как *литературоцентризм* — упорном тяготении культуры в целом к литературно-словесным формам саморепрезентации [66]. Примечательна фраза Бунина о том, что в нынешней ситуации виноват «литературный подход к жизни», который «отравил нас» [67]. О литературоцентризме как доминанте культурного сознания писал и Ф. Степун, подчеркивавший, что именно в пространстве литературы «разрешались и социальные, и политические, и моральные, и

даже религиозные вопросы. Она была одновременно и предпарламентом, и как бы церковью русской интеллигенции» [68].

Цензурные условия стимулировали мощную идеологизацию любой, даже самой невинной, дискуссии. Политизированная литература, политизированная критика, дискуссии между сторонниками и противниками чистого искусства, сторонниками и противниками реформ. «Общество... кажется утомленным свободой прежде, чем даже успело её получить. Оно опасается крайностей свободы, не успев насладиться ею» [69], – это Герцен. Но не политикой была обусловлена приведенная мысль – статья А. Герцена называлась «Новая фаза в русской литературе» и представляла литературный обзор. Несомненный литературоцентризм свидетельствует о двойном видении: критерием оценки литературных произведений становилось их отношение к решению острых вопросов, а критерием оценки исторической ситуации – характер её преломления в литературе: «Литература у народа, не имеющего политической свободы, – продолжает Герцен, – единственная трибуна, с высоты которой он может заставить услышать крик своего негодования и своей совести» [70]. И. Берлин с позиций значимости литературы объясняет политику Сталина в этой области – в России между 1945 и 1955 гг. «не было опубликовано художественного произведения, которое заслуживало бы внимания... как эстетический феномен, а не документ эпохи» [71].

Позиция И. Берлина в целом была близка общему настроению русской эмиграции первой пореволюционной «волны», где с новой силой вспыхнул интерес к личности и наследию Герцена, интерпретированного в контексте эмигрантского сознания с его мессианской идеей в основе.

«Мессианский миф», который был положен в основу евразийской идеи, на самом деле складывался уже с первых шагов вольной русской прессы за границей, у истоков которой стоял Герцен. Не случайно В. Руднев, публикуя в 66-м и 67-м номерах «Современных записок» (1938) письма А. Герцена к дочери, предваряет их предисловием, в котором подчеркивает, что трагическая и одинокая фигура Герцена воспринимается в смысловом поле эмигрантского сознания в качестве символа – его идеи, его издательский опыт, опыт общения с российскими корреспондентами, критический пафос его публикаций, острота полемики воспринимались эмиграцией в качестве неотъемлемых свойств вольной русской прессы и критерия оценки кровавого переворота в России. Публикация писем была приурочена к 125-летию со дня рождения Герцена (1937), которое русская эмиграция отметила вечерами в русских общественных и культурных центрах и публика-

циями в прессе. Еще во время юбилейного 1912 г. сложилась мифологизация Герцена, образ которого превратился в героический и трагический символ русской эмиграции, призванной к великой миссии: «Мы не в изгнании – мы в послании» (З. Гиппиус). Публиковались воспоминания участников юбилейных мероприятий 1912 г. в Париже и Ницце, переиздавались произведения писателя.

Не без влияния идей Герцена и его концепции свободы написаны труды таких многогранных и талантливых публицистов и критиков эмиграции, как Р. Гуль, М. Слоним, которые наряду с серьезными литературно-критическими и литературоведческими трудами обращались к социокультурным и политологическим проблемам. В частности, М. Слониму принадлежат такие работы, как «Большевизм с точки зрения русского», «Русские предтечи большевизма», «От Петра Великого до Ленина: история русской общественной мысли» и др.

Ярким художественным проявлением духовного диалога с Герценом стал роман В. Набокова «Другие берега» (1954), в котором писатель вступает в имплицитный диалог с Герценом, о чем свидетельствует внутренняя полемическая связь названий произведений. Символика «берега» по-разному интерпретируется у писателей: если для Герцена («С того берега») послание «на другой берег» – это пророчество конца истории, то для В. Набокова «другой берег» – это преодоление исторического хаоса через возвращение к истокам. Две такие могучие фигуры русской эмиграции, как Герцен и Набоков, каждый по-своему, были властителями дум русских диаспор на западе, выражая дуальность и антиномичность русской культуры, которые являют пример мучительного балансирования сознания между расколом и сохранением единства. Еще Г. Флоровский писал в свое время, что «завязка русской трагедии сосредоточена именно в факте культурного расщепления народа...» [72], а Г. Федотов использовал по отношению к русской ментальности метафору «двоецентризм», «двухжелткового яйца», «эллипса с двумя разнозаряженными центрами». Но при этом «Былое и думы» Герцена и «Другие берега» Набокова оказываются той границей, на которой происходит синтез ментальностей в поисках единства и целостности русской культуры. Об этой особенности мирозерцания Герцена, воплотившейся в «Былом и думах», проницательно писал И. Берлин [73].

В заключение хотела бы предложить еще один ракурс в осмыслении западной рефлексии образа и творческого наследия Герцена, опосредованно связанный с трудами И. Берлина. Речь идет об одном из наиболее ярких и неоднозначных при-

меров художественного видения «герценовского текста» в трилогии известного британского драматурга, режиссера, киносценариста и критика чешского происхождения Тома Стоппарда «Берег Утопии», которая с успехом прошла в России (где уже знали творчество Стоппарда по пьесе и фильму «Розенкранц и Гильденстерн мертвы») и получила неоднозначную оценку. Сам драматург признавался, что интерес к русской истории идей сформировался у него под воздействием книги И. Берлина «Русские мыслители»: «Я начал писать книгу «Берег Утопии» больше 10 лет назад. Тогда стало понятно, что в России больше нет коммунизма, но на этом месте образовалась дыра. Я подумал, что Герцену как поборнику свободы мысли, свободы вообще было бы интересно существовать в это время<...> Как бы вели себя люди, если дать им полную свободу? В результате, когда происходит такая ситуация, как показывает история, люди наложили на себя такое количество контролирующих органов, столько запретов, что о демократии не приходится вести даже речь. Герцен, который описан мною как человек, живущий романтическими идеалами, жестоко бы разочаровался» [74]. Девятнадцатый век мыслится драматургом как эпоха перехода. Среди персонажей – Бакунин, Белинский, Чернышевский, Огарев и др. В числе источников – «Былое и думы» Герцена, с точки зрения которого и поданы события. Диалоги о судьбах России и будущем Европы перемежаются эпизодами из частной жизни, общественной деятельности. В финале пьесы Герцен, пройдя через личную драму, разочарование в революционных идеалах, обращается к зрительному залу: «Пока мы не перестанем убивать на пути к утопии, мы никогда не повзрослеем. Смысл не в том, чтобы преодолеть несовершенство данной нам реальности. Смысл в том, как мы живем в своем времени». По-видимому, это и есть то завещание, которое русский мыслитель оставил современному поколению. Но это уже тема следующего разговора.

Заключение: М. А. Маслин. Хотелось бы, прежде всего, выразить удовлетворение самим фактом дискуссии, посвященной современному взгляду на философское наследие Александра Ивановича Герцена. Общий ход этой дискуссии напомнил мне круглый стол под названием «Освобождаясь от стереотипов в истории философии», который проходил в рамках Международного дня философии в Москве, в Институте философии РАН 16–19 ноября 2009 г.

На мой взгляд, все участники дискуссии, главным образом, были нацелены на пересмотр застарелых стереотипов в оценке философии Герцена, которые достались нам в качестве наследства от догматизированного марксизма. Эта про-

блема имеет исключительно важное, если не центральное значение для современной истории философии как науки. В разных вариациях звучала главная мысль о необходимости вычленения собственно философской проблематики в наследии Герцена, которую участники круглого стола определяли как «философию свободы», самым тесным образом связанную с «абсолютной верой в человека» (Л. Е. Моторина), экзистенциальными вопросами (Е. Ф. Владыкина), как философствование, нацеленное на обоснование связи теоретического и аксиологического подхода к бытию (Т. А. Горюнова). Интересно прозвучало выступление Н. О. Осиповой, в котором было показано отношение к Герцену европейских интеллектуалов.

Выделение личностной ориентации как центральной позволило конкретным образом раскрыть самые разнообразные связи и влияния философии Герцена в контексте отечественной философской традиции, отличающейся ярко выраженным антропоцентризмом. Герцен, бесспорно, развивался в общем русле западной, европейской философии. Это подтверждается основным содержанием его историко-философской концепции, ориентированной, главным образом, на греко-римскую и новоевропейскую философскую мысль (М. И. Ненашев).

Однако общая принадлежность Герцена к европейской философии нисколько не отменяет своеобразное содержание его позиции как русского философа, что позволяет говорить о существенно «незападных» чертах его философствования, особенно ярко проявляющихся в области социальной философии и философии истории. Это неоднократно отмечали участники круглого стола. Отсюда – характеристики Герцена как «разочарованного западника» (С. А. Нижников), а также «двуликого Януса и двуглавого орла» (Е. С. Гревцова), сочетающего как западнические, так и славянофильские ходы русской мысли. Отсюда же показанное участниками круглого стола влияние Герцена на самые разные в мировоззренческом отношении проявления русской философской мысли – от К. Н. Леонтьева и Ф. М. Достоевского до Н. Н. Стрехова и С. Н. Булгакова. Надо сказать, что были показаны как раз менее очевидные примеры разнообразных влияний Герцена, что расходилось с устоявшимся стереотипом о главном векторе разворачивания его идей в направлении к народнической идеологии.

С чем бы я не согласился? С высказанным со ссылкой на В. К. Кантора мнением о том, что Герцен является «самой проблемной фигурой русской культуры» (Кантор В. К. Трагедия Герцена, или Испытание радикализмом // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 77), а также с тем,

что он является чуть ли не самой противоречивой фигурой в русской философии. Это не так. В русской философии есть немало персоналий, чьи личные судьбы и на самом деле демонстрируют не только противоречия, но и буквально «шараханья» из одной крайности в другую. Достаточно упомянуть Льва Тихомирова, члена Исполнительного комитета партии «Народной Воли» революционера-террориста, а впоследствии идеолога монархической государственности. Радикальную смену мировоззрений демонстрировали также бывшие легальные марксисты – С. Н. Булгаков, С. А. Франк, Н. А. Бердяев, которые впоследствии стали религиозными философами. Г. П. Федотов, один из самых известных религиозных философов русского послеоктябрьского зарубежья, до революции был даже не легальным, а революционным марксистом. Если же говорить о Герцене, то центральной проблемой его философии и в 40-е гг., и в течение двух последующих десятилетий оставалась проблема личности и ее свободы. Менялись лишь ракурсы рассмотрения этой проблемы. Есть все основания утверждать как раз обратное: философское творчество Герцена является одним из самых ярких доказательств единства русской философской мысли, которое надо понимать как единство в многообразии. Сегодня особенно важно показать принадлежность Герцена *всей русской философии, а не каким-то ее отдельным направлениям*. На мой взгляд, это было главное, что прозвучало на круглом столе, посвященном 200-летию со дня рождения Герцена.

Примечания

1. Об этом см.: Маслин М. А. Предубеждения и штампы в истории русской философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Философия и социология; культурология. 2010. № 4(4). В методологическом отношении настоящая статья продолжает публикацию 2010 года.
2. Розанов В. В. Листва: собр. соч. / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2010. С. 319.
3. Катков М. Н. Собр. соч.: под общ. ред. А. Н. Николюкина. Т. 2. СПб., 2011. С. 46.
4. Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. М., 1996. С. 108.
5. Там же. С. 20.
6. Там же. С. 409.
7. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1957. Т. XI. С. 469.
8. Там же. С. 481.
9. Там же. М., 1955. Т. VI. С. 77.
10. Там же. С. 195, 196.
11. Berlin I. Herzen and Bakunin on Individual Liberty // Berlin I. Russian Thinkers. N. Y., 1979. P. 83.
12. Kelly I. Introduction // Berlin I. Russian Thinkers. P. XIX.
13. Герцен А. И. Указ. соч. М., 1955. Т. VI. С. 46.
14. Там же. С. 110.
15. Струве П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 290.

16. Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч.: в 30 т. Т. 9. М., 1956. С. 170.
17. Герцен А. И. С того берега // Собр. соч.: в 30 т. Т. 6. М., 1955. С. 56.
18. Достоевский Ф. М. «Человек есть тайна...». М., 2003. С. 32.
19. Там же. С. 34.
20. Володин А. И. Неудобный мыслитель. Из записок герценоведа // История отечественной философии с субъективной точки зрения. М., 2003. С. 149–172.
21. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1954. Т. 3. С. 127.
22. Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1919. Т. 5. С. 444.
23. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1960. Т. 20. С. 588.
24. Зеньковский В. В. История русской философии. 2-е изд. YMCA-PRESS 11, rue de la Montagne-Ste-Genevieve. 1989. Т. 1. Ч. 2. С. 158.
25. Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. IV. С. 205.
26. Герцен А. И. Собр. соч.: в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 348–349.
27. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1960. Т. 20. С. 590.
28. Цит. по: Зеньковский В. В. Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 296.
29. Герцен А. И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. С. 360.
30. Зеньковский В. В. Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 297–304.
31. Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1986. С. 139–140.
32. Герцен А. И. Былое и думы // Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 215.
33. Там же. С. 235, 256.
34. Там же. С. 215.
35. Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1986. С. 153.
36. Герцен А. И. Былое и думы // Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 215.
37. О развитии революционных идей. С. 153.
38. Герцен А. И. Былое и думы // Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 233, 257–258, 263–264.
39. Там же. С. 264, 265, 267, 268–269.
40. Там же. С. 259–260, 262.
41. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 8. М., 1956. С. 234–251.
42. См.: Георгий Флоровский. Искания молодого Герцена // Георгий Флоровский. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 364.
43. Герцен А. И. Новая фаза в русской литературе // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1959. Т. XVIII. С. 189, 190.
44. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 9. М., 1956. С. 147.
45. Герцен А. И. Новая фаза в русской литературе // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1959. Т. XVIII. С. 181, 182.
46. Там же. С. 276–277, 289.
47. Там же. С. 171.
48. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1973. Т. 5. Зимние заметки о летних впечатлениях. С. 76.
49. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1959. Т. XVIII. С. 13.
50. Володин А. И. Неудобный мыслитель // Свободная мысль. 1993. № 7. С. 73.

51. Кантор В. К. Трагедия Герцена, или Искушение радикализмом // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 77.
52. Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2001. С. 266, 273.
53. Страхов Н. Н. Борьба с Западом. М., 2010. С. 174.
54. Там же. С. 172–173.
55. Там же. С. 181.
56. Булгаков С. Н. Душевная драма Герцена. Киев, 1905. С. 18.
57. Там же. С. 26.
58. Там же. С. 43.
59. См.: Герцен А. И. Соч.: в 2 т. Т. I. М., 1985. С. 382–383.
60. См.: Там же. С. 144.
61. См.: Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 275.
62. См.: Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 8–10.
63. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 239.
64. Берлин И. История свободы. Россия. М., 2001. С. 339.
65. См.: там же. С. 338.
66. Кондаков И. По ту сторону слова (кризис литературоцентризма в России XX–XXI веков) // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 5
67. Бунин И. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. Т. 2. С. 119.
68. Степун Ф. А. И. А. Бунин и русская литература // Возрождение. Возрождение. 1951. № 13. С. 168–175. Цит. по: Критика русского зарубежья: в 2 т. Т. I. М., 2002. С. 264.
69. А. И. Герцен о литературе. М., 1962. С. 474.
70. Герцен А. И. Избр. произведения. М., 1937. С. 391.
71. Берлин И. История свободы. Россия. С. 352.
72. Русская идея: в кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 110.
73. Берлин И. Александр Герцен и его мемуары // Берлин И. Подлинная цель познания. Избранные эссе. М., 2002. С. 610.
74. Интервью с Т. Стоппардом. URL: <http://www.annews.ru/news/detail.php?ID=56470>

УДК 1(091):123

В. А. Тимшин

ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЛИ ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРИРОДНОГО В ФИЛОСОФИИ К. ЭРБЕРГА

По мнению Эрберга, стремление к свободе, желание в наивысшей степени испытать свою духовную мощь, независимость от «кандалов природы» и влечет человека к творчеству. Доверившись лишь чутью свободы и художественному чувству меры, он не останавливается ни перед какими преградами, так что силы природы отступают перед силой творческого духа. Аналогичные процессы можно наблюдать как в художественном творчестве, так и в научном.

According to Erberg, the desire to be free and the highest desire to experience own spiritual strength, independence from the “shackles of nature”, pull human to create. Trusting only the instinct of freedom and artistic sense of proportion, he does not stop at any obstacles, so that the forces of nature fall back to the power of the creative spirit. Similar processes can be observed in art and in science.

Ключевые слова: К. Эрберг, свобода, творческий процесс, интуиция, озарение, вдохновение, припоминание, воплощение, красота, художественное творчество, научное творчество.

Keywords: K. Erberg, freedom, creative process, intuition, an effulgent flash of intuition, inspiration, anamnesis, embodiment, beauty, artistic creativity, scientific creativity.

Кто не боится сказать абсурда –
часто говорит истину.

К. Эрберг

Наше внимание будет сосредоточено на философских взглядах российского поэта-символиста и теоретика искусства, активного участника Вольной философской ассоциации (1919–1924) Константина Александровича Сюннерберга (псевдоним Эрберг; 1871–1942). В своем трактате «Цель творчества. Опыты по теории творчества и эстетике», впервые увидевшем свет в 1913 г., автор не только по-своему пытается продумать «великую проблему творчества», но и желает «заразить своими идеями читателя». Для достижения этой цели Эрберг готов использовать любые средства, в том числе и «лирические». В разных частях текста философ цитирует Тютчева, Пушкина, Тургенева, других поэтов и писателей, часто использует метафору. Эрберг оправдывается: «В деле убеждения одного человеческого духа другим все методы хороши: лишь бы они достигали своей цели, и иная убедительно произнесенная фраза ценнее целой системы очень логичных, но неубедительных для данного случая

доказательств. Ясный, логический и рационалистический путь стелется лишь по периферии мира. Смелой ногой ступает исследователь здесь под повседневным солнцем природы. В темную же глубину тайны мира ведут иные, темные пути. Неуверенной стопой идет здесь неопытный путник и жалуется на тьму, изранившую ноги: он не знает, что не ноги ему нужны здесь, а крылья. Бескрылым нет доступа во тьму тайны» [1].

В основе философских воззрений Эрберга лежит идея свободы. Признавая ее как высшую ценность, философ обосновывает свою концепцию иннормизма: «Власть идеи, власть догмы часто бывает гораздо сильнее, чем власть личности. И я прежде всего борюсь с порабащающей меня властью идей и догм, которые часто являются могучим орудием в руках посягающего на меня человека. И в этом случае иннормизм есть единственный путь, идя по которому, я всегда могу себя чувствовать огражденным от посягательства на величайшую для меня ценность – мою свободу» [2]. Под иннормизмом Эрберг понимает не просто отказ от догмы, нормы, но отказ от постоянства какой-либо нормы: «ненавистна заключающаяся в этом постоянстве принудительность». Он описывает формулу иннормизма: «хочу быть свободным в своем хотении чего бы то ни было».

Эрберг не первый из русских философов, кто поднимает проблему свободы. Ему были хорошо известны идеи В. Соловьева, работы которого обсуждались на заседаниях Вольной философской ассоциации [3]. Однако позиция мистического анархизма выделяет Эрберга среди современников, а на ценность его сближения творческого процесса с красотой и свободой указывал Н. Бердяев: «Ценно сближение красоты с свободой в книге К. Эрберга “Цель творчества”. К. Эрберг видит красоту в преодолении творческим духом человека природной необходимости. Но К. Эрберг признает лишь свободу старого Адама, свободу формально-бессодержательную. И все же глава “Красота и свобода” в его книге очень ценна для философии искусства. Искусство, поистине, есть путь освобождения от природной необходимости» [4].

К проблеме творчества Эрберг подходит с выделения субъектов зиждательной деятельности: Бог, человек, животное. По мнению философа, это следует из того единообразия законов, которым подчиняются все элементы мироздания. «Мир – не что иное, как организованный, обусловленный закономерностью ритма хаос, подобно тому как музыка есть организованный, обусловленный закономерностью ритма шум... Как для бытия музыки необходима деятельность ее творца – человека, так и для бытия мира необходим созидательный акт Бога» [5]. Живот-

ное с его строительными и другими способностями также может быть субъектом организующей деятельности.

Общим объединяющим признаком этих субъектов является воля. В то же время свободное ее изъятие проявляется у каждого из них в разной мере. Если волеопределение Бога безусловно свободно (пожелать для Бога – значит уже иметь), а животного безусловно несвободно (оно всецело зависит от природы), то волеопределение человека, занимающее срединное положение между Богом и животным, двойственно: с одной стороны, оно свободно, с другой – несвободно.

Эрберг выделяет критерии зиждательной деятельности: мотив, цель и результат. Мотив определяет созидательную цель, цель руководит процессом, процесс приводит к определенному результату. Мотивом деятельности Бога является безусловная свобода, «пользуясь которой, он волен хотеть всего, в том числе и несовершенного мироздания» [6]. Желаемая цель его деятельности совпадает с достигнутым результатом, так как Бог есть свободная волевая единица. Это и объясняет, почему мир, созданный безусловно свободным Богом, такой рабский и жалкий. Так произошло по желанию Бога, не от недостатка у него сил, а от их избытка: «...свободный Бог создал несвободный мир. Создал только потому, что так пожелал, ибо он свободен исполнить все, что пожелает», – констатирует Эрберг [7].

Мотивом зиждательной деятельности человека «является сознание переживаемого в природе рабства». Конечная цель – есть свобода, к которой человек стремится. Результатом интуитивной деятельности человека является произведение искусства или научное открытие. Последние создаются путем творческого преодоления природной необходимости.

Таким образом, Эрберг различает созидательную и творческую деятельность. Первую он соотносит с деятельностью Бога, вторую – с деятельностью человеческого духа, руководимого интуицией. В созидательной деятельности сразу заложен результат. В творческой деятельности результат желателен и не всегда достижим сразу: «Бог хочет создать, человек хочет создавать, или, вернее, творить; ибо в глаголе “созидать” уже как бы заложена цель, заложен результат зиждательного акта (что характеризуется приставкой частицы со), тогда в глаголе “творить” содержится процесс независимо от его результата... Созидательная деятельность Бога – в сфере бытия свободного, творческая же деятельность человека – в сфере освобождающегося бытия. Все же прочие виды зиждательной деятельности человека и животного – в сфере рабского, подвластного бытия» [8].

Сравнивая творческую деятельность человека с инстинктивной деятельностью животного, Эрберг приходит к выводу, что животное не является творцом. И хотя строительные «шедевры» некоторых животных (бобра, паука, пчелы и др.) иногда относят к области искусства, этот результат обусловлен властью природы. Именно она вложила в животных строительные наклонности, без которых они обречены на вымирание. В отличие от человека, который «хочет творить», животное «должно строить». И хотя оба они рабы природы, но «животное – послушный ползающий раб, тогда как человек – раб бунтующий. В творчестве сказывается бунт его. Поэтому-то творчество есть специфически человеческая деятельность. Потому-то имя творца может быть дано только человеку» [9].

Эрберг подробно рассматривает творческий процесс в науке и искусстве. Культуру Эрберг определяет как «совокупность созданий человеческого духа». Эти создания могут быть как материального, так и духовного характера, как утилитарного, так и неутилитарного. Останавливаясь на последних, Эрберг приходит к выводу, что цель науки и искусства лежит не в сфере утилитарного или неутилитарного, а в сфере внеутилитарного. Цель чистого творчества не в творчестве ради творчества, а в переживании человеческого духом освобождения от уз необходимости. В этом процессе есть что-то таинственное, притягивающее, приносящее наслаждение. При чем это наслаждение относится не к цели, а к процессу: «сорвать завесу с сокрытой истины» (Эрберг цитирует здесь Менделеева), приблизиться к идеалу, который не известен творцу, но свободно поставлен им для преодоления. В подтверждение Эрберг приводит слова Менделеева о том «как привольно, свободно и радостно живет в научной области» [10].

Но художник, так же как ученый и философ, творит не ради материальной или духовной пользы: «Далек он в этот момент от мысли, что колоннада его портика будет защищать от дождя, что его статуя будет украшать площадь, что его драма будет поучать и развивать зрителей, что его музыка будет способствовать смягчению нравов» [11]. В творческом процессе художник, ученый, философ преследуют высшую цель – духовное освобождение.

Большое значение в этом процессе имеет интуиция. Именно она дает толчок разуму, который включается в творческий процесс: «Повинуясь этому толчку, разум влечет творческую колесницу по своим природным законам, но все же не в ином направлении, чем то, какое дано интуицией» [12]. На примерах Пуанкаре, Ньютона, Кеплера, Шиллера, Платона, Тютчева, Пушкина и других Эрберг показывает место интуиции в

творческом процессе (как научном, так и художественном) и ее первенствующее значение над рациональным. Кто же может помешать этому процессу? Философ дает ответ на этот вопрос: «Жизненная польза, засасывающая в свое болото все ей поддающееся, природные законы необходимости, холодно требующие безусловного себе подчинения, и, наконец, власть, обуславливающая мир, – вот враги творческого, к свободе летящего духа» [13].

Останавливаясь более подробно на примере художественного творчества, Эрберг анализирует этапы («моменты») творческого процесса. Первый этап – внутренне озарение. В какие-то моменты человеческий дух под действием «непонятного, внезапного наития» начинает ощущать в себе необыкновенную силу, чувствует способность к преодолению границ природы. В такой момент озарения человеку «становится доступен какой-то особый, исключительный род свободного, непосредственного видения, при котором он в бессознательной интуиции становится причастным царству безусловного, царству свободы: свободы от власти законов необходимости» [14]. Эрберг сравнивает такое состояние с припоминанием художником сновидений, когда он вдруг, по непонятной для него причине «начинает видеть и слышать неведомые дотоле образы, краски, звуки, положения, сочетания, отношения. Поверх повседневного, поверх природы он созерцает особый мир, не доступный никакому определению на языке человеческих понятий» [15]. «Озаренный» человек – это художник в потенции, так считает Эрберг. Она может реализоваться в ходе второго этапа – вдохновения.

Вдохновение не является причиной творчества, это всего лишь толчок к нему. Для вдохновения необходимо совпадение тысячи случайностей, совпадение «обусловленного природою настроения человеческого духа с его воспоминаниями о безусловном... воспоминание обо всем, испытанном душой художника в моменты созерцания, – воспоминание о внезапном озарении, о необычайном подъеме, о редкой, кристальной чистоте души, о созерцании, – о счастье» [16].

Третий этап – это внутреннее творчество (припоминание и индивидуализация). Оно заключается в припоминании человеческим духом всего того, что пережито им в момент озарения. Для этого художник должен испытать (войти в) похожее состояние. Это сопряжено с необычайным подъемом духа. Здесь необходима активность и определенная доля сознательности: «Акт творческого припоминания обусловлен величайшим напряжением всех духовных сил человека, мысленно выбирающего наиболее пригодные формы для восстановления в своей душе хоть частицы пережитого в момент озарения» [17]. Такие припомина-

ния трансформируются и получают своеобразное выражение, присущее только данному человеку. В таком процессе индивидуализации Эрберг и видит начало художника. Творцом художник становится лишь на четвертой стадии.

Четвертый этап – внешнее творчество (воплощение). На этом основном этапе художник воплощает в своем произведении то, что он пережил в момент озарения. При этом художник рассказывает не о том, что видел, а о том, как видел. Этот этап связан с преодолением множества преград. Так, зодчий должен преодолеть природную косность и тяжесть строительного материала, художник – тусклость и ничтожное количество имеющихся в его распоряжении красок, художник – слова «бедность и бледность» человеческого языка, музыкант – необходимость собрать «отдельные, разнородные, находящиеся в хаотическом состоянии звуки». Эрберг замечает: «Вообще, природа, сопротивляясь творческому духу, нагромождает тысячи ненужных, несущественных для данного случая мелочей, но художник побеждает своего противника, умело отбрасывая во время творчества излишние природные оболочки; он схватывает не вещественное, улавливает неуловимое, и при помощи кисти и резца воплощает свои далекие потусторонние видения» [18]. Такое преодоление преград природного, по мнению Эрберга, должно быть легким и непринужденным.

При этом художник не просто преодолевает преграды, которые ставит ему природа, но и сам, порой не осознавая это, создает (усиливает) эти преграды. Так, зодчий «с умыслом пользуется более тяжелым, громоздким материалом для своих творений, оставляя иногда части строительного материала его естественный внешний вид, – например, в форме грузных, необработанных гранитных плит; этим он как бы подчеркивает силу противника, с которым пришлось ему бороться» [19]. Живописец, не боясь трудностей изображения трехмерного пространства, часто берет очень рискованную планировку, использует сложные способы передачи своих впечатлений в краске, порой кладет краску комками, делает необычно резкие переходы от света к тени, пользуется или слишком ярким или слишком мрачным освещением. Поэт искусственно укладывает слова, фразы в определенный ритм и рифму. Композитор создает музыкальное произведение в форме сонаты, концерта, симфонии. Все это делается для того, чтобы «в преодолении их испытать мощь победы над природой» [20]. Именно этим и объясняется то обаяние, которое производит стихотворение или музыка: «В этой сказочности, неестественности музыки, как бы ругающейся своим ритмом, мелодией и гармонией за то, что она не от мира сего, лежит причина ее

обаяния, причина неотразимого влияния на человеческую душу, причина того, что музыка – наиболее могущественное из всех искусств» [21].

Часто такой процесс не логичен, изобилует скачками мысли, непонятными выражениями, иногда содержит бред. Но именно такими сочетаниями слов, звуков, красок, линий, а также их преувеличениями и пытаются художники-творцы закрепить в произведении свои воспоминания о пережитом моменте озарения. Наивно полагать, что таким образом художник изображает «действительность» (он чаще всего вообще ничего не думает по этому поводу). И если человеку толпы такое произведение искусства кажется диким, неестественным, то человеку «однажды озаренному» такая ложь помогает хоть на мгновение созерцать безусловное. Эрберг констатирует: «Таким образом, отрывочная, часто похожая на бред передача сна ближе к цели. И кто не боится сказать абсурда – часто говорит истину» [22].

Такая неестественность является ценностью только в том случае, когда художник считается с внутренним чувством меры. Внешнее проявление такого чувства меры, по мнению Эрберга, и является причиной красоты художественного произведения. И хотя часто художник конечную цель своей деятельности видит в желании изобразить именно красоту, философ говорит, что это не так. Цель художественного творчества не в изображении красоты, с которой художник столкнулся в момент озарения, а в бессознательном стремлении повторить те переживания, которые испытал художник в этот момент и которые его «отравили» – это переживание безусловной свободы.

Считая красоту не конечной целью, а средством к ее достижению, Эрберг тем не менее признает за ней высшее достоинство и действительное величие: «Я возвышаю красоту тем, что напоминаю о ее трансцендентном значении (не предвещая, однако, здесь вопроса о ее сущности). И я утверждаю, что мечтая о красоте, художник бессознательно мечтает о свободе, и желая проявить красоту, он, сам того не зная, стремится пережить вновь все, испытанное им уже однажды в царстве безусловной свободы» [23].

Однако язык красоты используют не только художники. Ученый, философ, пророк в некоторые моменты времени («в истиннотворческий момент») также становятся художниками. Обычно они обращаются к человеческому разуму на точном языке понятий, что ведет к обогащению человечества «новыми, полезными познаниями». Но иногда их систему логических доводов и умозаключений вдруг «прорезывает мощный зигзаг ослепительной молнии». В эти моменты «человеческая душа вдруг вспоминает о чем-то не подчиняющемся человеческому разуму, о чем-то бе-

зусловном, свободном» [24]. В результате возникают гениальные, безумные по своей смелости научно-философские концепции. В такие моменты ученые и философы становятся художниками, способными на языке красоты «изречь неизреченное», то, что они называют истиной. Эрберг замечает: «Мечом творческого преодоления и творческой ненависти разрушаются кандалы природы. Художник дает этому мечу имя – Красота; ученый называет свой меч – Истина» [25]. То же самое можно сказать и о деятельности пророка. В своих мистических откровениях он также говорит на языке красоты.

Подводя итоги, поэт-мыслитель высказывает догадку: «Что если те великие загадки, которые человечество именует истиной, добром, божеством – также лишь наименования, лишь ярлыки? Не кроется ли за ними более глубокая и более ценная загадка, имя которой – безусловная свобода? Не к ней ли стремится из природы мучительно бьющийся о землю крылатый дух человеческий?» [26]. Отказываясь обсуждать этот «важный и сложный вопрос», делая оговорку, что сравнительный анализ свободных переживаний художника, ученого и философа не входил в задачи, Эрберг тем самым обозначил путь дальнейших исследований.

Примечания

1. Эрберг К. Цель творчества. Опыты по теории творчества и эстетике. 2-е изд. М.: Вузовская кн., 2006. С. 6.
2. Там же. С. 13.
3. Более подробно взгляды В. Соловьева рассмотрены в монографии: *Ненасhev М. И.* Концепции свободы в философии Владимира Соловьева. Киров, 1999. 248 с.
4. Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. Харьков: Фолио; М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. С. 327.
5. Эрберг К. Указ. соч. С. 37.
6. Там же. С. 41.
7. Там же. С. 40.
8. Там же. С. 47.
9. Там же. С. 48.
10. Цит. по: Эрберг К. Указ. соч. С. 53.
11. Там же. С. 54.
12. Там же. С. 62.
13. Там же. С. 55.
14. Эрберг К. Красота и свобода // Эрберг К. Цель творчества. Опыты по теории творчества и эстетике. 2-е изд. М.: Вузовская книга, 2006. С. 127.
15. Там же. С. 125.
16. Там же. С. 128–129.
17. Там же. С. 128.
18. Там же. С. 140.
19. Там же. С. 137.
20. Там же. С. 140.
21. Там же. С. 141–142.
22. Там же. С. 130.
23. Там же. С. 132.
24. Там же. С. 147.
25. Эрберг К. Цель творчества ... С. 27.
26. Эрберг К. Красота и свобода. С. 147.

УДК 316.354

М. В. Бердинских

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИМИДЖА ОРГАНИЗАЦИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье раскрыты основные предпосылки формирования проблематики в области имиджеологии предприятия или организации в конце XX – начале XXI в. Проанализированы основные работы как русских, так и иностранных авторов, исследовавших эту тематику. Автор дает глубоко обоснованное свое видение понятия имидж, дискутирует с другими авторами – специалистами по данной проблеме.

The basic preconditions of formation of a problematic in area of imagemaking of the organizations in the end of XX – the beginning of the XXI centuries are opened. The basic works both Russian, and the foreign authors investigating these subjects are analyzed. The author gives deeply well-founded vision of concept image, discusses with other authors – experts in the given problem.

Ключевые слова: имидж, организация, предприятие, PR, массмедиа, информационный обмен, общество, имиджмейкеры.

Keywords: image, the organization, the enterprise, PR, a mass media, information exchange, a society, imagemakers.

В последние годы понятие «имидж» стало необычайно популярным. Повсеместно открываются имидж-студии, появляются специалисты по формированию позитивного имиджа – имиджмейкеры. В настоящее время термин «имидж» используется не только применительно к людям («имидж губернатора», «имидж поп-звезды», «имидж Чубайса») или крупных бизнес-корпорациям («имидж РАО ЕЭС России», «имидж Газпрома»), но и к иным объектам («имидж товара», «имидж государства») и явлениям («имидж банковской системы в России», «имидж нанотехнологий»).

Идет активный процесс становления теории имиджа, имиджеологии как новой научно-прикладной области знания, возникающей на стыке социологии, психологии, социальной философии, культурологии, экономики, антропологии, экологии и других наук.

Слово «имидж» происходит от английского “image” (imidz), которое, в свою очередь, происходит от латинского “imago” (имитировать). В английском языке слово “image” имеет не одно, а несколько значений: образ, облик, подобие, метафора, отражение. При этом чаще в английской речи слово “image” употребляется в значении «образ». Как справедливо подметил Б. А. Борисов,

«в современном русском языке английское слово “image” наделяется такой емкостью и многозначностью, что его по праву можно отнести к категории мультикультурных символов. Образ, мотив, роль, амплуа, маска, типаж, мода, установка, фасад, репутация, лицедейство, прогнозируемое ожидание – вот, думается, еще не совсем полный перечень смыслов этого понятия» [1].

К озвученным общеупотребимым смысловым расшифровкам, по нашему мнению, можно добавить и другие: вид, презентабельность, личина, престиж, стиль, статус, грим. Практически у каждого человека существует свое понимание и определение имиджа.

Одним из основоположников теории имиджа считается Н. Макиавелли, у которого были несомненные способности к своеобразному «имиджевому» восприятию действительности. Особенность его мышления заключалась в необычайном умении взаимодействовать с другими людьми, добиваться любых своих целей, оперативно анализируя информацию и умело предвосхищая какие-либо их действия или реакции. Макиавелли писал: «Государю нет необходимости обладать всеми названными добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающими ими. Дерзну прибавить, что обладать этими добродетелями и неуклонно им следовать вредно, тогда как выглядеть обладающим ими – полезно. Иначе говоря, надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым – и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимым» [2].

В своих работах Макиавелли подчеркивает важность умения производить впечатление и оперировать добродетелями в зависимости от конкретных целей. Иначе говоря, он довольно четко доносит до нас важное понимание того, что зачастую имидж создается, чтобы поддерживать у аудитории некую иллюзию о ком или чем-либо, иллюзорное представление, не совпадающее во всем с реальностью. Уже на данном этапе мы можем сделать необходимый для нашего исследования вывод о том, что смысловое содержание имиджа можно поделить на две части: информационную, опирающуюся на практические реалии, и иллюзорную, скрывающую реальность. Именно во взаимодействии этих двух разнополярных сторон и рождается целостный имидж какого-либо объекта.

Термин «имидж» стал широко употребляться в США в середине XX в. в условиях возникновения конкуренции за потребителя, когда производители начали отстраивать новую схему взаимодействия с потенциальными покупателями, ориентированную на его потребности и нужды.

Понятие имидж обозначало разновидность рекламного образа – особый механизм «расширения ценностного диапазона товара» [3]. Продавцы товаров и услуг постепенно осознали, что для эффективного взаимодействия с потребителем им нужно работать не только над качеством товара, но и над позиционированием его образа, картинки, обладающей идеальными характеристиками. Клиентам стали предлагать не только сам товар, но и его идеальный образ, обладающий дополнительной ценностью.

Один из основоположников теории психологического мотивирования психоаналитик К. Г. Юнг предложил термин «имидж» («имаго» – идеальный образ, который, по определению исследователя, избирательно направляет восприятие одним субъектом другого). Это представление стало впоследствии основой целых систем не только в рекламе, но и в политике и общественной жизни [4].

Начали разворачиваться дискуссии о смысле и значении имиджа в рамках анализа процессов современной действительности. Экономист Кеннет Болдинг в своей книге “The Image. Knowledge in Life and Society” первым предложил рассмотреть имидж как идеальный инструмент, позволяющий найти путь к поведению каждого индивида и динамике общественной жизни [5].

Категорией имиджа стали оперировать не только игроки потребительского рынка, но и другие индивиды либо организации, стремящиеся заинтересовать, произвести впечатление, получить сильный эмоциональный отклик у какой-либо аудитории. Пришло понимание, что сильный имидж благодаря заложенным в нем установкам способен не просто вызвать какую-либо реакцию у целевой группы, но и побудить ее к конкретным действиям. В западных и европейских странах понятие имиджа быстро начало обретать политическую полновесность и применяться относительно политических лидеров, представителей органов государственной власти, кандидатов на выборные должности. Имиджевые инструменты становятся серьезным стратегическим оружием в борьбе не только за кошельки потребителя, но и за его голос, симпатию, доверие, поддержку.

Современное широкое использование слова «имидж» у нас в стране имеет свою историю. Благодаря деятельности русских «имажинистов» (1919–1927), в сообщество которых до 1924 г. входил Сергей Есенин, впервые этот термин получил в России распространение во французском варианте (*image* – «имаж»). Русское художественное течение «имажинизм» возникло вслед за «имажистами» европейской и американской литературы. Представители этого литературного течения заявляли о том, что цель творчества

заклучается именно в создании образа и его исключительной самоценности «...мы, кто отшлифовывает образ, кто чистит форму от пыли содержания... утверждаем, что единственным законом искусства, единственным и несравненным методом является выявление жизни через образ и ритмику образов» [6].

Более того, в качестве основного выразительного средства имажинисты использовали метафору, метафорические цепочки, сравнивающие разные элементы прямого и переносного образов. Конечно, понятие имиджа было достаточно ограниченным и толковалось только через понятие образа, а трактовка самого образа была отчасти гипертрофированной, искаженной, соответствующей целям литературной группы эпатировать публику, возвести образ в ранг эксцентричного артиста с громким псевдонимом и вызывающим удивление костюмом. Однако мы можем говорить о том, что уже тогда имажинисты посредством литературных форм и своего вызывающего поведения на публике доносили до сознания своей аудитории понимание того, что имидж является многокомпонентным понятием, которое сочетает в себе использование информационных, описательных характеристик образа и субъективного, экспрессивного элемента. Также с помощью своего поэтического творчества им удалось заявить о силе воздействия мощного выразительного образа – представления на общественность, своих читателей.

Если говорить о научном исследовании понятия «имидж» в современной России, то отечественные ученые всерьез заинтересовались феноменом имиджа в начале 70-х гг. В условиях тотальной идеологизированности советского общества Е. Карцева в своей статье «Три лица имиджа, или Кое-что об искусстве внушения», опубликованной в 1971 г., рассуждала об имидже как о ложной ценности прогнившего буржуазного общества и средстве капиталистической пропаганды, специально направленном на отвлечение общества от реальных общественных проблем. Автор продолжил детальный анализ интересующего явления в научной монографии «Массовая культура в США и проблемы личности». В этой работе анализируется история создания имиджа на примере кulta романтического образа голливудских звезд американской киноиндустрии. Недостигаемость, красивый экранный образ, ведение активной светской жизни, трудный путь к славе или трагичная личная история (чаще всего придуманная киностудиями для поддержания интереса к звезде) – вот необходимые составляющие имиджа первых звезд американского кинематографа.

Явная идеологическая подоплека исследования Е. Карцевой не уменьшает важности и актуальности обозначенных ею тем. Конструирова-

ние ложных нужд и потребностей, трансформация ценностных ориентиров, подмена нравственных приоритетов, массовые изменения *психосоциального поведения* индивидов в условиях *массовой культуры* – исследование этих характеристик имиджа в условиях современной действительности актуально как никогда.

На наш взгляд, несмотря на то что автор в своей работе был нацелен обличить имидж как лживую личину, маску, призванную скрыть истинное лицо именно капиталистического общества, он невольно призвал думающего читателя провести параллели и вспомнить о том, что удачные имидж-проекты существовали и в СССР. Главным имиджмейкером в СССР выступало само государство, которое стремилось проиллюстрировать «самое совершенное общество» конкретными примерами. Женщина-тракторист Паша Ангелина, шахтер-забойщик Алексей Стаханов, космонавт Юрий Гагарин, советская кинодива Любовь Орлова – в общественном сознании эти конкретные судьбы выполняли функцию иллюстративного примера результатов достижительной мотивации, на которую советское государство ориентировало своих граждан. Помимо конкретных людей, имиджмейкингу подвергались и целые отрасли, явления и направления. Целенаправленно создавался и прорабатывался «имидж советского человека», «имидж сельского хозяйства», «имидж передового предприятия» и т. д.

Одним из первых исследователей, давших определение имиджа в специальной русскоязычной литературе, был О. Феофанов. В своих работах он попытался преодолеть царившее тогда в СССР отношение к имиджу всего лишь как к инструменту конструирования ложной реальности средствами СМИ. В своей книге «США: реклама и общество», появившейся в 1974 г., он определяет имидж как «основное средство психологического воздействия рекламодателя на потребителя» [7]. Автор одним из первых выявил влияние бессознательного на потребительское поведение человека.

К тому времени западные исследователи потребительского поведения пришли к тому, что эффективная реклама и PR должны апеллировать к чувствам человека, вызывать у него сильные яркие эмоции. Возникло понимание, что позитивных характеристик товара или услуги недостаточно для того, чтобы вызвать у целевых групп необходимую реакцию в виде желания приобрести товар, воспользоваться услугой или, например, остаться клиентом той или иной компании. О. Феофанов справедливо подчеркивает необходимость изучения психологической составляющей имиджа, выделения некой особенной психологической характеристики товара, которая придает ему особенную притягательность в глазах потребителей.

Активно понятием «имидж» в России стали оперировать в начале 90-х гг. в связи с возникновением острой конкуренции на потребительском, политическом и других рынках. Политические и экономические реформы дали толчок к появлению новых контактов на международной арене, бурному развитию предпринимательства в разных сегментах рынка, формированию свободного информационного пространства и, конечно, бурной политической жизни.

Безусловно, что в настоящее время интерес к имиджу обострился в связи с проблемой выбора, которая начала вставать перед людьми во всех сферах общественной жизни. Отход государства от тотального проникновения в жизнь своих граждан (как общественную, так и частную) освободил пространство для действий, поступков и волеизъявлений, иницилируемых индивидом с опорой на другие источники информации. Теперь можно было открыто строить свою жизнь и выбирать товары, услуги, работодателей, руководителей и членов политических партий, общественных организаций, руководствуясь не волей руководящей партии, а своим оценочным суждением. Провозглашенный плюрализм и открытая свобода мнений привели к сильному соревновательному элементу в отношениях между участниками нового конкурентного рынка.

Когда у потребителей прошло первое насыщение ранее недоступным изобилием, игроки рынка начали понимать, что для того чтобы продать товар, услугу, привлечь на свою сторону избирателя или эффективного работника, любая политическая, общественная или коммерческая организация должна создать своему товару, себе и своим первым лицам соответствующий узнаваемый имидж, выделиться из тысяч себе подобных. Постепенно популяризация телевидения и увеличение роли массмедиа привели к тому, что имидж стал популярным явлением всех аспектов общественной жизни. В общественном сознании начало закрепляться представление об имидже как об «определенной ценности, от наличия и качества которой зависит жизненный успех, как и успешность любой деятельности, индивидуальной или коллективной» [8]. Именно в новых рыночных условиях люди стали понимать тесную взаимосвязь и взаимозависимость имиджа человека и его личного успеха в частной и профессиональной жизни, имиджа товара и услуги и продажи потребителям, имиджа организации и ее эффективности.

Итак, можно сформулировать следующие основные предпосылки популяризации и широкого применения такой категории, как имидж в общественной жизни:

1. Появление конкуренции, развитие рыночных отношений, и, как следствие, появление проблемы выбора, вставшей перед потребителями

товаров и услуг, работниками, работодателями, инвесторами, акционерами, СМИ, органами власти и т. д.

2. Открытие «железного занавеса», бурное развитие международных контактов, в том числе в сфере бизнеса и дипломатии, заимствование делового опыта иностранных партнеров и общепринятой практики ведения бизнеса.

3. Уход государства от диктата во всех сферах общественной и политической жизни, появление многопартийности, системы реальных выборов политических лидеров разных уровней.

4. Построение демократического общества, предполагающего свободу собрания, слова и волеизъявления, увеличение потока информации и возможность использования множества каналов ее передачи аудитории (рекламные баннеры, листовки, щиты, специальные выпуски газет и ТВ-передач, впоследствии – вирусный маркетинг, социальные сети и т. д.).

5. Возвеличивание роли массмедиа, тотальная популяризация телевидения и, как следствие, необходимость целенаправленного создания позитивного имиджа ТВ-персон (первых лиц государства, политиков, общественных деятелей, представителей коммерческих организаций и т. д.).

Итак, выделив основные предпосылки формирования категории имиджа, необходимо остановиться на смысловой расшифровке и содержании имиджа.

Одним из первых подробным исследованием понятия имиджа в современной России начал заниматься В. М. Шепель [9]. Разрабатывая имиджологию, под которой В. М. Шепель понимает науку и искусство нравиться людям, он очень много внимания уделяет изучению имиджа индивида. Его «обращённый к каждому призыв быть обаятельным и уметь нести свет людям» – носит, по нашему мнению, несколько искусственный характер и приводит к тому, что Шепель трактует личный имидж достаточно узко, придавая слишком большое значение в его создании природным характеристикам человека, его харизме, способности нравиться, умению очаровывать: убежден, что в стремлении любого человека достичь значительного успеха в жизни должна быть заложена чёткая ориентация на эффект личного обаяния.

Безусловно, умение привлекать людей играет роль в формировании как позитивного имиджа индивида, так и имиджа, например, руководителя организации. Но обаяние не всегда равнозначно благоприятному имиджу. Недаром обаятельного человека, зарекомендовавшего себя с крайне негативной стороны, называют «обаятельный мерзавец». Сформированный негативный имидж отталкивает людей, изначально привлеченных обаянием. Личное обаяние – это лишь один аспект многогранного имиджевого явления, опи-

рающегося как на субъективное восприятие индивида, организации или какого-либо явления, так и на его практическую сторону, объективные действия объекта имиджа.

Следовательно, мы не можем согласиться с трактовкой имиджа как умения быть обаятельным и формулировкой цели имиджа как способности нравиться людям. Имидж является сложным многокомпонентной категорией, направленной, прежде всего, на взаимодействие между инициатором, носителем и аудиторией имиджа.

Отсюда вытекает очень важная мысль о том, что имидж – это всегда взаимодействие между объектом восприятия и группой людей, целевой аудиторией. Действительно, имидж – это непрерывный информационный и эмоциональный обмен между создателями имиджа, его носителем и целевой группой, воспринимающей имидж. Инициаторы создания имиджа и его объект посылают обществу посредством своего имиджа определенное послание. Этот имиджевый сигнал воспринимается и анализируется индивидами, входящими в целевую группу, и стимулирует их к формированию определенного мнения, представления, совершению какого-либо действия или бездействия в отношении носителя имиджа, которое, в свою очередь, побуждает как имиджмейкеров, так и объект имиджа к каким-либо ответным реакциям.

Мы не можем согласиться ни с первым озвученным подходом, пропагандирующим тождественность имиджа и образа, ни с полярной точкой зрения ученых, настаивающих на том, что это совершенно разные не взаимосвязанные понятия. Мы считаем, что оба этих подхода не могут быть положены в основу строгой трактовки исследуемого феномена. Истина, скорее, лежит посередине. Имидж – это действительно некоторый образ объекта, результат активности психики субъекта, связанной с объектом.

Примечания

1. Борисов Б. А. Технологии рекламы и PR. М., 2001. С. 383.
2. Макиавелли Н. Государь. М., 2000. С. 173.
3. Анатомия рекламного образа / под общ. ред. А. В. Овруцкого. СПб., 2004. С. 12.
4. Калужная Е. Г. Имидж: предыстория и культурологическое обоснование феномена // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 47. С. 45.
5. Boulding K. The Image: Knowledge in Life and Society. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1956.
6. От символизма до Октября / сост. Н. Бродский, Н. Сидоров, М.: Новая Москва, 1924. С. 170–174.
7. Феофанов О. США: реклама и общество. М., 1974. С. 123.
8. Перельгина Е. Б. Психология имиджа. М., 2002. С. 12.
9. Имиджеология: секреты личного обаяния / отв. ред. В. М. Шепель. М., 1997. С. 142.

УДК 316.32

В. В. Тянь

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВЛАСТИ И ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЯХ

В статье рассматриваются электоральное восприятие власти в процессе её эволюции и электоральное поведение как объекты социополитических технологий, особенности восприятия власти в электоральной среде и их влияние на мотивацию электорального поведения, составляющего основу его моделирования.

Концепция корреляции политического развития общества с обновлением институциональных матриц под воздействием политических детерминантов со спецификой российского политического менеджмента обретает практическую значимость.

In article features of perception of the power in the electoral environment and their influence on motivation of electoral behaviour, a basis of its modelling are considered electoral perception of the power in the course of its evolution and electoral behaviour as objects coziopolitics technologies.

The concept of correlation of political development of a society with updating институциональных matrixes under the influence of political determinants with specificity of the Russian political management finds the practical importance.

Ключевые слова: моделирование, социополитическая технология, эволюция власти, электоральное восприятие, электоральное поведение.

Keywords: modelling, coziopolitics technology, power evolution, electoral perception, electoral behaviour.

Электоральное восприятие власти в процессе её эволюции – феномен, который представляет интерес преимущественно для социальной психологии, отличающейся от личностного восприятия как общее от особенного и целое от единичного. В то же время электоральное восприятие дает определенную установку для электорального поведения избирателей, но поскольку оно детерминировано с массовым сознанием, а электоральное поведение корректируется политическим сознанием, то возможны «сюрпризы» в последнем, имитации волеизъявления, некие новые моменты в политической технологии, т. е. это говорит о неизученности механизма воздействия электорального восприятия на электоральное поведение избирателей, что является важным этико-политическим компонентом в системе «власть – общество». Как известно, Д. Кола, слагая смысловые тренды «образы власти и власть образа», указывает на психологический аспект: «Воображение – это то, что формирует самого субъекта в процессе его первоначального отождествления со своим собст-

© Тянь В. В., 2012

венным образом, который овладевает субъектом» [1]. Развитие системы «власть – общество» в контексте политического дискурса-диалога предопределяется взаимодействием её элементов. Прежде всего, информационно-коммуникативное взаимодействие. Иными словами, в формировании института власти важную роль играют общественное сознание и общественное мнение, а также мнение отдельной личности, которое в сущности отражает мнение определенной социальной группы. Поскольку в социологических и политических исследованиях обобщен взгляд на социально-политический процесс, то представляет практический интерес восприятие власти избирателями, т. е. электоратом.

В силу особенностей социокультурного развития, страновой идентификации рациональная модель синхронного развития субъекта власти и объекта власти не получила реализации. «Массовое политическое сознание, или, точнее, сознание “массового” индивида, представляет собой сочетание установок, сформировавшихся вне этого сознания» [2], – пишет Г. Г. Дилигенский. Далее он замечает: «Непосредственное же содержание массового политического сознания составляют политические ориентации... Поэтому в его структуру должны быть включены не только политические установки, но и социально-политические установки... и основные содержательные элементы массового политического сознания: ...Формирование системы потребностей... признание роли потребностей» [3]. Это подтверждают социологические исследования. «Ожидания респондентов в отношении идеальной власти, как и их оценка власти реальной, распадаются на три категории. Собственно политические, моральные, психологические. Вопреки распространенным представлениям о политике как “грязной” сфере, чисто моральные претензии к власти со стороны наших респондентов стоят на последнем месте» [4], – отмечает Е. Б. Шестопал. В представлении большинства сегодняшних избирателей власть должна быть ответственной, справедливой, заботиться о людях. Следует отметить, русский философ И. А. Ильин утверждает, в политике успех определяется тем великим содержательным заданием, которому государственная власть призвана служить [5]. Понимание власти, отвечающей за дела государства в «диалектике повелевания», есть и в западной общественно-политической мысли: на власть «воздействует огромное количество импульсов, беспрестанно противоречащие друг другу и борющиеся между собой, в определенные моменты принимают вид волн, которые сообщают целому аппарату новое направление» [6]. Электоральное восприятие власти, не являясь научным восприятием и представлением о власти, вызывает инте-

рес для социальной психологии, политической социологии и прикладной политологии.

Электоральное восприятие власти в процессе её эволюции зависит от уровня политического сознания активной части населения, которая хочет выразить свое отношение к власти предержащим, а также от ментальности страты, политической ситуации и при недостаточно высоком уровне политической культуры власть стереотипов. В условиях политической турбулентности люди испытывают ностальгию по «сильной руке», способной навести в стране порядок, не допуская мысли о том, что могут быть нарушены их права. Это обстоятельство может быть использовано в политической рекламе посредством СМИ. («Они играют определенную политическую роль» [7]). Поэтому развитие общественных СМИ для выражения общественного мнения – забота прежде всего самого общества. В условиях политической турбулентности и при отсутствии циркуляции и смены элит неизбежны реминисценции недавнего прошлого страны, активизирующие электоральную восприимчивость разных типов влияния лидеров на общество [8]. Электоральное восприятие власти устойчивое, но подвержено коррекции и корреляции, в процессе осмысления актором новой информации. Современные информационные технологии позволяют применять различные методы передачи информации (адресная коммуникация, социальная сеть и т. д.). Разрабатываются и апробируются новые методы.

В условиях демократических преобразований обновление кадров путем выборов имеет психологический, акмеологический, правовой аспекты. Электоральное восприятие власти в современном обществе служит политическим детерминантом. Его влияние на политическое поведение социальных и политических акторов существенно. Поэтому возникает необходимость ее атрибуции, выработки навыков восприятия, т. е. приобщения к культуре восприятия. Электоральное восприятие власти – сфера электоральной культуры, которая, по мнению Р. Ф. Туровского, является частью политической культуры: «Электоральной культурой можно назвать особенности политической культуры, а также политического поведения и политического участия избирателей, проявленные в процессе избирательных кампаний» [9].

Таким образом, электоральная культура зарождается и развивается в соответствии с развитием демократических традиций в обществе, при этом формируется особый вид восприятия, определяемый как электоральный. Электоральное восприятие влияет на электоральное поведение, которое определяется электоральной культурой, находящейся в латентном состоянии в традиционном и

даже в переходном обществе. Более того, если для традиционной власти при легитимации было достаточно доверия близкого влиятельного окружения, то для политического лидера, стремящегося к власти, необходима более широкая поддержка. Принцип: прийти к власти, потом заняться проблемами легитимации – для него неприемлем. Это возможно при достаточном контроле над обществом. Тогда эволюция власти выйдет за пределы электоральных ожиданий и приведет к разрыву системы «власть – общество». Эта ситуация имеет объяснение. «Теория власти, разработанная в виде теории особых символически генерализованных средств коммуникации, должна уметь объяснять, как в общественной жизни вообще возможна подобная специализация при трансляции редуцированных действий и какие проблемы отсюда вытекают» [10], – подчеркивает Н. Луман. Очевидно, электоральное восприятие власти зависит от уровня коммуникативных связей в обществе. Как известно, для индивида в восприятии образа власти необходимы определенные коммуникативные компоненты. Они способствуют переключению внимания субъекта с характеристики отражения физической реальности на определяющие интерпретации объекта восприятия. По мнению многих исследователей, это объясняется когерентностью познавательных и эмоциональных компонентов. Восприятие электоратом политической власти происходит под влиянием СМИ: «...во время кризиса... средства массовой информации рассматриваются властями как ненужные или незаконные, если они не служат государственным интересам» [11]; корректирующее влияние на процесс восприятия оказывают политические установки, стереотипы, идеологемы, ценности, традиции группы, с которой идентифицирует воспринимающий субъект. Как известно, в Советском Союзе они были средствами пропаганды, т. е. средствами массированного воздействия на общественное сознание, навязывания установок, идеологем. Удавалось добиться приемлемого восприятия действующей власти. Мифологическое восприятие власти стимулировало развитие внешне высоконравственных властных отношений. Последующий отказ от старой избирательной системы, т. е. от голосования за безальтернативного кандидата в депутаты, с предсказуемым электоральным поведением избирателей не создал достаточных условий для волеизъявления народа. Резкая смена базовых политических институтов не сменила электоральных представлений о власти и её имидже. Следует отметить, на создание имиджа влияют также специфические процессуальные факторы, воздействующие на личностное восприятие: психологический феномен, казуальная атрибуция [12], когнитивные моменты [13]. Последние возникают потому, что на процесс вос-

приятия воздействуют не только энергетика накопленных знаний, но и сила внушений, влияющих на модус-вивенди личности.

Следовательно, восприятие политической действительности структурировано и смещение акцента с политико-психологического на политико-правовой в нашем случае вызвано необходимостью выявления особенностей и специфики электорального поведения в российском обществе. Регулярные замеры общественного мнения до и после избирательных кампаний свидетельствуют о том, что электоральное поведение не является зеркальным отражением электорального восприятия власти.

Необходимо учитывать особенности каналов и эффекты восприятия [14]. См. также [15], [16]. В электоральном восприятии важное значение имеет уровень политического сознания, акмеологические основания социальной группы. Правосознание также влияет на политическое поведение электората. Он чувствует ответственность, но при этом надо внести уточнение – это часть бюджетников, военнослужащие, работники госаппарата. По наблюдениям за ходом предвыборных кампаний можно предположить, что партия власти борется за привлечение на свою сторону другой одной трети. При сложном раскладе сил указанная часть электората затрудняется сделать правильный выбор. Отсюда правовые последствия. Электоральное восприятие власти в период её становления характеризуется рядом особенностей. Утверждение новой власти для общества – важное событие, не оставляющее равнодушным. Люди связывают во многом свою судьбу с новой властью. Она представляется им как виртуальный субъект, сам влияющий на объект власти.

Для анализа электоральных кластеров существуют институциональные матрицы, т. е. исторически устойчивые формы базовых экономических, политических, идеологических институтов. Генетически они восходят к культурно-историческому типу», описанному Н. Я. Данилевским [17]: «Неужели... громкое слово Европа – слово без определенного значения?.. О, конечно, нет! Смысл его полновесен – только он не географический, а культурно-исторический» [18]. Утверждая о «культурно-историческом европеизме» России, он подчеркивает: «Но именно сопредельность России с Европой является причиной тому, что интересы России не только иные, чем интересы Европы, но что они взаимно противоположны» [19]. Заметим, «азиатский тип» коннотируется как другой культурно-исторический тип. Можно сказать, что современные исследователи разделяют эти взгляды Н. Я. Данилевского, выделяя два типа институциональных матриц – восточные и западные. Восточным институциональным матрицам прису-

щи нерыночные экономики унитарно-централизованной системы политического устройства и господство коммунитарных или коллективных ценностей. Для западных институциональных матриц характерны институты рыночной экономики, федеративного политического строя и доминирование идеи субсидиарности, которая означает приоритет личностных ценностей [20]. В ряде стран с восточно-имперским прошлым (Иран, Китай, Корея, Монголия, Япония) отмечается восприятие власти как силы, амбивалентной в альтернативе добра и зла, в замещении одного другим. Поэтому там относятся к власти настороженно и подобострастно. Это восприятие власти, близкое к негативному, но адаптивное.

Изменения в системе институциональных матриц предполагает изменения в политической ориентации электоральной среды. Говорить об историческом детерминизме можно лишь при неизменности институциональных матриц. Российская же практика свидетельствует об обратном. Характерно появление сторонников современного (западного) и традиционного (консервативного) контента политического развития российского общества в 90-х гг. XX в. Ряды сторонников Б. Н. Ельцина стремительно выросли ввиду негативного восприятия перестроечной, но монополярной власти КПСС. Постепенно происходит (если переосмыслить сентенцию Ю. Ф. Карякина) прозрение после ослепления [21]. На ранней стадии демократизации общества, в условиях политической турбулентности формировались электоральные предпочтения под воздействием субъективных факторов.

М. М. Назаров указывает на особенности политического сознания в постперестроечный период: «Согласие со всеми оценочными суждениями может рассматриваться в качестве подтверждения известного в политической социологии явления низкого уровня когерентности составляющих массового сознания. Суть в том, что поддерживающие, например, либеральные принципы, занимают по конкретным вопросам такие позиции, которые не согласовываются с этими принципами» [22]. Далее он пишет: «Рост иррациональных компонент сознания современного российского общества отмечается и другими исследованиями. Кроме того, был сделан вывод о том, что в условиях кризиса «в обществе происходит массовая десоциализация и ресоциализация личности, когда индивид, обычно не сознавая, одновременно одобряет противоположные ценности» [23]. Тогда и наблюдается диссонанс, а также «синусоиды общественного мнения» [24]. Политическое сознание электората имеет психологический аспект. Его обусловленность с электоральным восприятием очевидна. На электоральное восприятие власти и электоральное поведение влияют следующие фак-

торы: а) социальная стратификация; б) ментальность; в) политическая культура; г) политическая реклама. В политтехнологии важное место отводится способности воздействовать на подсознание, подкорректировать «образы власти» с целью усиления «власти образа».

Новую демократическую Россию трудно представить без её первого всенародно избранного президента Б. Н. Ельцина, воспринимавшегося обществом в качестве лидера политических перемен.

При этом уровень поддержки понижался от выборов к выборам почти во всех электоральных поясах страны, а в «красных» поясах тем более: «объяснение политического расслоения российских регионов должно быть не конъюнктурным, а социально-экономическим. Но электоральное восприятие демократической власти ввергло многих политиков в психологический шок. Как известно, публицист, народный депутат СССР (1989–1992 гг.) Ю. Ф. Карякин не мог сдерживать своих эмоций, комментируя ход голосования в первую Государственную Думу РФ. «Во время выборов 1993 года в Кремле в ночь на 13 декабря 1993 года, на “встрече нового политического года”, когда выяснилось, что Россия голосует за Жириновского и Зюганова, он публично бросил в микрофон свое: “Россия, ты одурела!”» [25]. Такое электоральное поведение миллионов россиян показалось иррациональным. Именно с того момента электоральное поведение стало предметом внимания политиков и политтехнологов, что предопределили направления в моделировании электорального поведения.

Был сделан ряд интересных наблюдений за электоральным поведением до начала предвыборных кампаний. Оказалось немало «сюрпризов». Остро воспринимается электоральной средой конфликт между ветвями власти [26]. С. Ю. Либман останавливает внимание на правильной организации политической рекламы в обеспечении победы на выборах [27]. Сделанные при этом выводы, по всей вероятности, были приняты политтехнологами. Подтверждение тому президентские выборы 1996 г. «Политическая несостоятельность в стране требовала от лидера принятия решительных мер, ведения уверенной и агрессивной кампании. При этом фактически любые колебания, малейшая слабость могли привести к потере лидером позиций. Отсутствие этого, в сущности, стало одной из причин победы на выборах 1996 г. Ельцина с изначальным рейтингом 6% и проигрыша Зюганова, который лидировал на протяжении избирательной кампании» [28], – утверждает Т. Н. Пищева. В эту победу внесли свою лепту политтехнологи, построившие модель возврата избирателей к сторонникам реформ.

В дальнейшем, по мнению ряда исследователей, при некоторой апатии электората, вызванной избыточным воздействием политического наркотика (обещание, перспектива), такие технологии эффективны, но создают правовые коллизии. Если власть – объект целостного восприятия электоральной средой, то эволюция власти – объект структурного восприятия электоральных групп в условиях модернизации общества с усилением социальной и политической стратификации, появлением новых социальных групп и политических сил. Это предопределяет структурность восприятия эволюции власти. Каждая социальная группа воспринимает эволюцию власти в своем ракурсе. Неоднородность электоральной среды предопределяет структурность восприятия эволюции власти. Власть обречена на поиск компромисса, чтобы добиться консенсуса и на его базе добиться консолидированного решения, а возможно, и создания механизма по выработке консолидированного решения. Только такое решение будет иметь правовую перспективу. Монополия власти со временем приведет к ее демонополизации (диалектика развития). Электорат довольно спокойно воспринимает такой ход событий. Но радикальная ротация элит может способствовать аномалии в политическом мире. А политический крен в левую или правую стороны, конечно же, опасен для системы власти. Каждая сторона будет разочарована происходящим. Снижение рейтинга партии «Единая Россия» становится тенденцией. Он уже снизился до 48% (ВЦИОМ, ноябрь 2011 г.). У других парламентских партий совокупный рейтинг – более 40% («Левада-Центр», ноябрь 2011 г.). Такое электоральное поведение избирателей свидетельствует об изменившихся электоральных предпочтениях, что отразили парламентские выборы 4 декабря 2011 г. Электоральный «отток» от партии власти части избирателей для экспертов не был неожиданным.

В теории власти определяющим её контентом является коммуникативная система. Власть взаимодействует с обществом: трансформируется, видоизменяется синхронно или несинхронно с обществом в зависимости от действенности коммуникативной системы. Весьма существенны для восприятия власти особенности культурной среды. В российской политической культуре голосование во многом определяется принадлежностью к городской или сельской субкультурам. Представители либерально-модернизированной городской субкультуры чаще предпочитают правые политические силы, а традиционалистской сельской – левые [29]. Но от выборов к выборам меняется электоральная карта.

При односторонней коммуникативной связи восприятие власти обществом становится одно-

сторонним. В этом случае можно говорить только о высокой нравственности власти. Более того, усомниться в высоких качествах лидера могут не все. Актуальна проблема восприятия авторитарной личности [30].

Но у многих социальных групп возникают затруднения с определением своего отношения к лидеру. Важны и другие факторы, влияющие на электоральное поведение. Это предопределяет типологию моделей электорального поведения. В избирательных кампаниях разработано и апробировано множество моделей электорального поведения (социально-экономическая, имиджевая, негативная, модель участия и др.) [31]. По мнению В. В. Федорова, возврат к традиционной модели электорального поведения в начале 2000 г. [32] произошел с завершением общественно-политического процесса предыдущего десятилетия в парадигме «Реформы Ельцина, их триумф и крах» [33]. В российском обществе обретают все большее значение демократические институты. Выборы 2004, 2007, 2011 гг. зафиксировали высокую активность электората. Апробировались различные политтехнологии по контролю за электоральным поведением россиян. В молодых демократиях просматривается моделирование избирательной кампании с целью обновления власти или для сохранения статус-кво, влияющее на политическую ситуацию. Часть электората, испытывая дискомфорт с политической идентификацией, прибегает к протестному голосованию (когнитивное электоральное поведение), а разочарование ведет к активным формам протеста. Можно сделать вывод, что специфика электорального восприятия власти обусловлена политическим сознанием, а электоральное поведение – политической культурой.

Примечания

1. Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 252.
2. Дилигенский Г. Г. Массовое политическое сознание в условиях современного капитализма. Вопросы философии. 1971. № 9. С. 54.
3. Там же. С. 55–56.
4. Шестопал Е. Б. Образ власти России: желания и реальность (Политико-психологический анализ) // Полис. 1995. № 4. С. 90–91.
5. Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 356.
6. Жувенель Б. Власть. Естественная история её возрастания. М., 2010. С. 147.
7. Кин Дж. Средства массовой информации и демократия. М., 1994. С. 92.
8. Блюндель Ж. Политическое лидерство. М., 1992. С. 58.
9. Туровский Р. Ф. Региональное измерение электорального процесса: концептуальные основы исследований // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 5–19.
10. Луман Н. Власть. М., 2004. С. 34.

11. Кин Дж. Средства массовой информации и демократия. М., 1994. С. 91–92.
12. См.: Келли Г. Процесс казуальной атрибуции // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 111–127.
13. Фестингер Л. Введение в теорию диссонанса // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. С. 97–127.
14. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994.
15. Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М.: Прогресс, 1981; Феофанов О. А. США: реклама и общество. М.: Мысль, 1974.
16. Имидж лидера / под ред. Е. В. Егоровой-Гантман. М., 1994. С. 181–182; Бодаев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во МГУ, 1981.
17. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2002. С. 72–74.
18. Там же.
19. Данилевский Н. Я. Горе победителям. М., 1998. С. 219, 220–221.
20. Курдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. С. 104–116.
21. См.: Карякин Ю. Ф. От ослепления к прозрению. М., 2007.
22. Назаров М. М. Об особенностях политического сознания в постперестроечный период // Социс. 1993. № 8. С. 40–41.
23. Там же. С. 41–42.
24. Трубина Л. В., Нецадин А. А., Кашин В. К. Синусоиды общественного мнения // Социс. 1993. № 7. С. 14.
25. URL: www.teploserde.ru/karjakin/
26. См.: Шевченко Ю. А. Конфликт между ветвями власти и электоральное поведение в России // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 1.
27. Либерман С. Ю. «Наука побеждать» на выборах и как обеспечить победу с помощью правильной организации политической рекламы // СМИ и политика России. М., 2000.
28. Пищева Т. Н. Восприятие кандидатов в президенты: коммуникативные аспекты избирательных кампаний 1996, 2000 и 2004 годов: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. С. 86.
29. Колосов В. А., Туровский Р. Ф. Электоральная карта России: генезис, структура и эволюция // Полис. 1996. № 4. С. 42.
30. Дмитриев А. С. «Число зверя»: к происхождению социологического проекта «Авторитарная личность» // Социс. 1993. № 3. С. 66–74.
31. См.: Кудинов О. П. Модели поведения россиян на выборах как основа разработки стратегии избирательных кампаний // Выборы в Российской Федерации. СПб., 2002. С. 134–137.
32. Федоров В. В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения. М., 2010. С. 153–157.
33. Там же.

УДК 165.21:1(091)

В. В. Грецов

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ОТРАЖЕНИЯ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

В статье изучается эволюция принципа отражения, его место и роль в истории философии и науки. Дан анализ основных уровней и принципов отражения. Рассмотрены особенности отражения в различных философских направлениях, признающих существование объективной реальности, таких, как материализм, объективный идеализм, религиозная философия.

In this article we study the evolution of the principle of reflection, its place and role in the history of philosophy and science. The article presents the analysis of the basic principles and levels of reflection. The features reflect different philosophical directions, recognizing the existence of objective reality, such as materialism, objective idealism, religious philosophy.

Ключевые слова: научное познание, субъект познания, объект познания, сознание, отражение, объективная реальность, мышление.

Keywords: scientific knowledge, the subject of cognition, the object of cognition, consciousness, reflection, an objective reality, thinking.

Одним из основных вопросов теории познания является вопрос «как человек может познать объективную реальность?». В философии сложилось два основных подхода в решении данного вопроса:

1. Отражательная парадигма. Её основу составляет принцип отражения, утверждающий наличие определённой связи между объективной реальностью и познающим субъектом. Среди концепций, признающих отражение, можно выделить «явно» отражательные учения, такой подход характерен для материализма во всем его историческом многообразии. Само отражение может быть как пассивным (зеркало), так и активным (признается активное влияние субъекта познания на конечный результат). Кроме того, в эту же группу попадают концепции, признающие не отражательную связь между сознанием и внешним миром, к сторонникам данных концепций можно отнести представителей объективного идеализма и религиозной философии (Платон, Августин, Декарт, Лейбниц).

2. Неотражательная парадигма. Здесь выделяются учения, радикально отрицающие какую-либо связь между сознанием и окружающей нас реальностью. Особо это характерно для субъективистских учений (Юм, Мах, Поппер), которые не признают объективную реальность. Кроме того, к этой же группе можно отнести учения И. Канта и Э. Гуссерля, которые выступают не-

ким промежуточным звеном между первыми и вторыми концепциями, так как они признают существование и воздействие на нас объективной реальности, но не признают отражательную связь окружающего нас мира и сознания. Так, Кант признает отражение на уровне чувственных впечатлений, но априорные формы имеют не отражательный характер. Феноменология признает, что в рамках внешней установки происходит отражательный процесс, но в дальнейшем этот вопрос раскрывается слабо, так как в рамках данного подхода акцент делается на работу сознания самого по себе без связи с внешним миром.

Одними из первых на вопрос «как мы можем познать мир?» ответили представители материалистической философии, обратившие своё внимание на отражательную роль органов чувств в процессе познания. «Отражение (как всеобщее свойство материальных объектов) – реакция (изменение, отпечаток, след) любой вещи (явления), взаимодействующей с другой вещью: эта реакция всегда находится в определённом соответствии или сходстве с какой-либо стороной воздействующей на неё вещи. Вследствие взаимодействия вещей отношение между ними носит характер взаимоотражения: любая из них одновременно является отражаемой и отражающей по отношению к другой» [1]. Отражение можно представить как свойство материальных систем в процессе взаимодействия воспроизводить посредством своих особенностей особенности других систем.

Исторически сложилось так, что идея отражения неразрывно связана с материализмом, но мы считаем, что это не совсем так. Проведя исторический анализ философских систем, мы попытаемся доказать, что отражение – это общий принцип для любой философии, признающей объективную реальность и считающей, что её можно познать. Само отражение – это лишь одна из интерпретаций той связи, которая существует между объективной реальностью и познающим субъектом.

Очень часто представителей материализма упрекают в том, что они понимают отражение как пассивный процесс, но это не совсем соответствует истине. Так, по мнению Демокрита, стоящего у истоков материалистического учения о мире, процесс познания можно объяснить через контакт объекта как комплекса атомов с органами чувств субъекта. В то же самое время мыслитель чётко разделяет чувственное познание и умозрение. Первое дает «мнения», а второе – «знания». Чувства играют важную роль в жизни человека и в процессе познания им мира, но всё же основу мира (атомы) можно постичь только при помощи разума, так как какими бы совершенными не были наши органы чувств, они ни-

когда не смогут зафиксировать атомы. «Мнимы чувства: боль, горький вкус, жара, холод, цвет; истинны лишь атомы и пустота» [2].

Дж. Локка также очень часто относят к представителям теории пассивного отражения, за то что он сравнивал нашу душу с листком чистой бумаги, на которой опыт пишет слова, но это отнесение опять же не совсем верно. По мнению Локка, идеи проистекают из опыта, и опыт является пределом всякого познания, и в этом плане душа (разум) пассивна и зависит от органов чувств, так как она начинает свою работу только после получения чувственного опыта. Но все же Локк указывает на то, что опыт бывает двух типов: от внешних предметов (первичные качества) и от деятельности нашей души (вторичные качества). Таким образом, процесс познания предстаёт как некое взаимодействие, как активный процесс, в результате которого происходит переход от простых идей к сложным (как результату деятельности разума на основе опыта).

Бэкон принимает учение Аристотеля о четырех причинах, но если античный мыслитель отдавал приоритет финальной (целевой) причине, то, по мнению английского философа, цель познания состоит в открытии форм природы и её явлений. «Познать форму вещи, значит стать её господином». Для того чтобы наш разум мог воспринять эти формы, необходимо очистить его от «идолов», искажающих сущность природных явлений. «Идолы» – это источники ошибок, препятствия на пути истинного знания. «Идолы и ложные понятия, которые уже пленили человеческий разум и глубоко в нем укрепились, так владеют умом людей, что затрудняют вход истине, но, если даже вход ей будет дозволен и предоставлен, они снова преградят путь при самом обновлении наук и будут ему препятствовать, если только люди, предостереженные, не вооружатся против них, насколько возможно» [3]. По мнению Фр. Бэкона, если освободить человеческий разум от этих идолов, он сразу же начнет адекватно отражать формы природы. В «Новом органоне» он сравнивает процесс познания с отражением в зеркале, т. е. понимает его как пассивный процесс. На наш взгляд, зеркало – эта самая худшая метафора, которую можно использовать для обозначения процесса отражения. Даже восковая дощечка, предложенная в своё время древними греками, является более удачной, так как воск придает отпечаткам некое подобие объема и глубины, в отличие от зеркала, которое упрощает, делает двумерными все предметы, которые оно отражает.

С определенной интерпретацией процесс отражения играет важную роль и в теории познания Платона. Данный философ, как и большинство сторонников объективного идеализма, ка-

залось бы, склоняется к не отражательной связи между сознанием и внешним миром. Но полностью избавиться от процесса отражения он не может. По мнению Платона, процесс познания представляет собой припоминание. Наша душа вспоминает все то, что она видела до своего рождения в мире идей и правильных многогранников. Ключевым моментом для нас здесь является то, что для того чтобы что-то вспомнить, это что-то должно сначала оставить в душе некий след (отпечаток), а сделать это можно только посредством отражения. Душа вспоминает идеи, но делает это на основании того, что она воспринимает вещи окружающего нас мира. Для того чтобы постичь эйдосы, необходимо, посредством умозрения, связать чувственный опыт с теми оттисками, которые оставили идеи когда-то в глубине нашей души.

Аристотель в противовес Платону проводит идейную линию явного отражения как на чувственном, так и на рациональном уровнях. Философ считает, что процесс познания начинается с ощущений (чувственная душа как воск). Чувственная душа – это потенция, которая актуализируется только тогда, когда входит в контакт с объектом чувственно воспринимаемого мира. «Чувство – это способность принимать чувственные формы без материи, подобно тому как воск принимает след от кольца, его форму, не важно, из золота оно или из железа» [4]. Но в то же время он говорил, что чувственность – это лишь промежуточный этап в процессе познания первопричины мира, являющейся сверхчувственным началом. Познать первопричину может только «активный интеллект», инструментом которого является логика. Только при помощи логики, абстрагировавшись от чувственного опыта, можно совершить переход к «чистым формам». Таким образом, у Аристотеля познание вновь представит активным процессом, в основании которого вновь лежит процесс отражения.

Общим для представителей религиозной философии является то, что они признают существование объективной реальности и её познаваемости. Мир и человек являются результатами божественного творения, кроме того, человек создан «по образу и подобию» самого Бога, что обеспечивает ему возможность познавать окружающий его мир.

Одним из наиболее ярких представителей религиозной философии является А. Августин. В своих трудах он подчеркивает высокую ценность рационального мышления, но, несмотря на это, и в его творчестве можно проследить роль отражения в процессе познания мира. С точки зрения философа истину надо искать во внутреннем мире нашей души, но все же в «Исповеди» он огромное внимание уделяет переживани-

ям, рассказам об окружающих его людях. Человек – это союз души и тела. Тело, душа, мир – всё это сотворено Богом и поэтому взаимосвязано. Человек – это тайна, которую каждый из нас должен познать. Мы обладаем мышлением и посредством его можем познать Бога и его замысел, но побуждает нас к этому окружающий мир, наши чувства и эмоции. Августин интерпретирует познавательный процесс следующим образом: любое познание начинается с того, что человек, его душа получают ощущения. Объекты окружающего мира действуют на органы чувств, это воздействие воспринимается душой, но понятие (представление об объекте) формируется в ней не извне, а изнутри, то есть происходит активное отражение окружающего нас мира. Активность проявляется в том, что душа автономна по отношению к телу. Суждение о вещах она дает на основании чувственного опыта, но этот опыт проходит сквозь призму неизменных критериев, которые не вытекают из изменчивых вещей окружающего нас мира. В качестве примера может подойти оценка чувственных объектов с позиций математики и логики. С точки зрения Августина, эти критерии находятся вне мира и вне нашей души, которая также подвержена изменениям. Эти критерии проистекают от Бога, от той истины, которая является вечной и неизменной.

В рамках нашей статьи важен тот факт, что в своих идейных рамках религиозная философия не игнорирует процесс отражения и его важность для познания окружающего мира, другое дело, что, как и в объективном идеализме, связь реальности и сознания будет не явно отражательной.

Представители субъективного идеализма отрицают познаваемость объективной реальности, но от существования самой объективной реальности они отказаться не могут. Так, с точки зрения Канта, познаваемым может быть только мир явлений, который существует только в сознании человека. Разум видит в природе только то, что создаёт по собственному плану. Природа должна отвечать на поставленные разумом вопросы, а не формировать их в нём. Но всё же Кант не может обойти стороной уровень чувственности. Структуры чувственного опыта и рассудка, то, что мы называем восприятиями – это то, без чего не может обойтись человеческое познание. Объективная реальность, воздействуя на наши органы чувств, вызывает в них ощущения, которые затем упорядочиваются и обобщаются на уровне рассудка. В чувственном опыте мы улавливаем не предмет как таковой, а лишь способ, которым он нам предстаёт. Сами же ощущения – это изменения, производимые предметом объективной реальности в субъекте. И хотя посредством чувственного опыта мы имеем дело только с феноменами, но это тот материал, та база, без

которой не мог возникнуть ни один вид познания. Помимо способности к чувственному восприятию у человека есть разум, способность к анализу. Без уровня чувственности не будет никакого объекта, а без разума ничего нельзя будет понять, таким образом, эти две способности взаимосвязаны.

Для нас важен тот факт, что субъективный идеализм Канта, отрицающий познаваемость объективной реальности, признает важную роль процесса отражения на эмпирической стадии формирования явлений-феноменов.

Для представителей феноменологии, которая является разновидностью субъективного идеализма, единственной реальностью является сознание. Но даже в этом случае Э. Гуссерль, стоящий у истоков феноменологии, не может отказаться от процесса отражения в рамках своей теории познания. Важное место в процессе познания играет обращение к самим вещам, к тому, что нам непосредственно дается на уровне органов чувств. Ни одна наука не сможет существовать без очевидных фактов. «Истина относится к очевидности аналогично тому, как бытие чего-либо индивидуального относится к его *адекватному* восприятию» [5]. По мнению философа, суждения строятся на основании неопровержимых данных, которые должны проявляться в нашем сознании. Суждения помогают познавать универсальные сущности, но познание начинается с эмпирического опыта. На уровне чувственности происходит сбор фактов. Несмотря на то что большинство фактов являются случайными, они обрабатываются нашим сознанием (индивидуальное и случайное проходят сквозь призму универсального), и происходит переход к сущностям.

Подлинной реальностью обладают только единичные факты, но проблема заключается в том, что для познания мира они бесполезны. Только

универсальные сущности могут выразить окружающий нас мир, упорядочить множество единичных фактов.

Сознание активно, оно играет ключевую роль в процессе познания. Сознание – абсолютная реальность, та призма, посредством которой мы воспринимаем окружающий нас мир. С точки зрения философа, сознание конструирует мир. Важнейшей чертой сознания является его интенциональность (направленность), а сам процесс познания включает в себя три стороны: 1) объективная реальность; 2) сознание; 3) то, как объект представлен в нашем сознании. Основным источником познания, по мнению Гуссерля, является интуиция, именно она активизирует и направляет наше сознание. Интуиция – это то, при помощи чего мы постигаем смыслы, именно она формирует «жизненный мир», являющийся наиболее важным для жизни человека.

Для представителей субъективизма характерно отрицание существования объективной реальности. Так, Э. Мах утверждает, что в основе научного знания лежат не факты, а ощущения. Окружающий мир – это совокупность ощущений, которые зависят от самого человека. Основная задача любой науки должна заключаться в экономии мышления. В теории познания на первый план выходят мысли, именно они стоят у истоков наблюдения и теории. С точки зрения философа, соотношение мыслей друг с другом выступает в виде теории, а соотношение мысли и факта является наблюдением (рис. 1).

На данной схеме видно, что из процесса познания полностью исключается объективная реальность. С точки зрения субъективистов, сознание играет ведущую роль, оно активно и полностью автономно. Тот мир, который мы видим, – это некая картина, которая находится только в сознании и не имеет ничего общего с объектив-

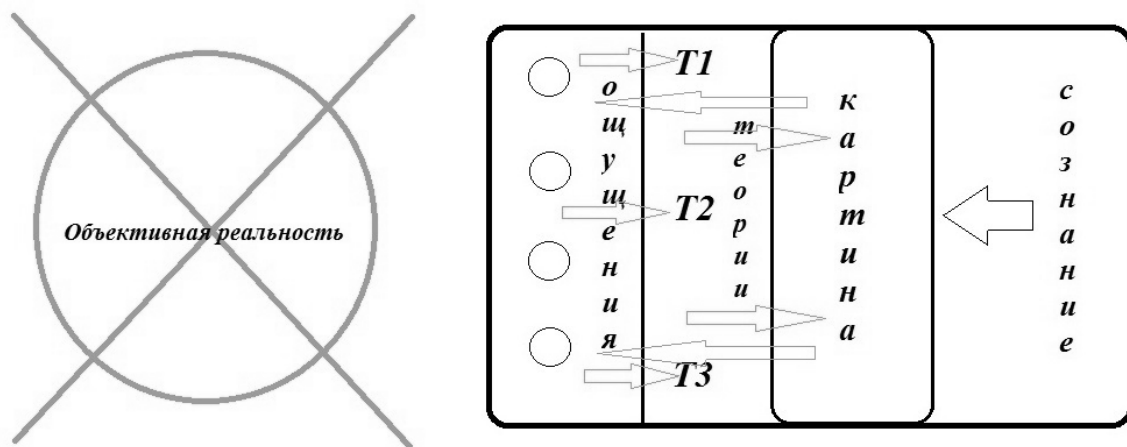

Рис. 1

ной реальностью. Основным критерием успешности и объективности данной картины является то, как она согласуется с ощущениями, но не с миром самим по себе.

Таким образом, рассмотрев основные философские направления, мы можем говорить о том, что за исключением чисто субъективистских концепций, принцип отражения присутствует практически во всех философских учениях, не только в материализме, но и в объективном идеализме, религиозной философии и даже субъективном идеализме. Различия между этими направлениями заключаются лишь в разной интерпретации этого принципа отражения. Уровень чувственности присутствует в каждом из этих философских направлений, а раз он есть, то он, в любом случае, должен отражать какое-то внешнее воздействие.

Существует некая объективная реальность и существует человек, это признают и объектив-

ные идеалисты, и материалисты, и религиозные философы. Сложность процесса познания мира заключается в том, что нельзя перенести объекты внешнего мира в сознание человека, и наоборот. Поэтому неважно, к какому направлению принадлежит философ, он все равно вынужден признать влияние внешней среды на процесс познания. Это влияние можно обозначить как процесс отражения. С другой стороны, человек обладает сознанием, которое позволяет ему интерпретировать те или иные факты, поставляемые органами чувств. Поэтому разница между объективными идеалистами, материалистами и религиозными философами заключается не в том, признают они принцип отражения в познании или не признают, а в том, как они интерпретируют его последствия (рис. 2).

Объективная реальность дает только первичное отражение, которое выражается через знаки, воспринимаемые нашими органами чувств.

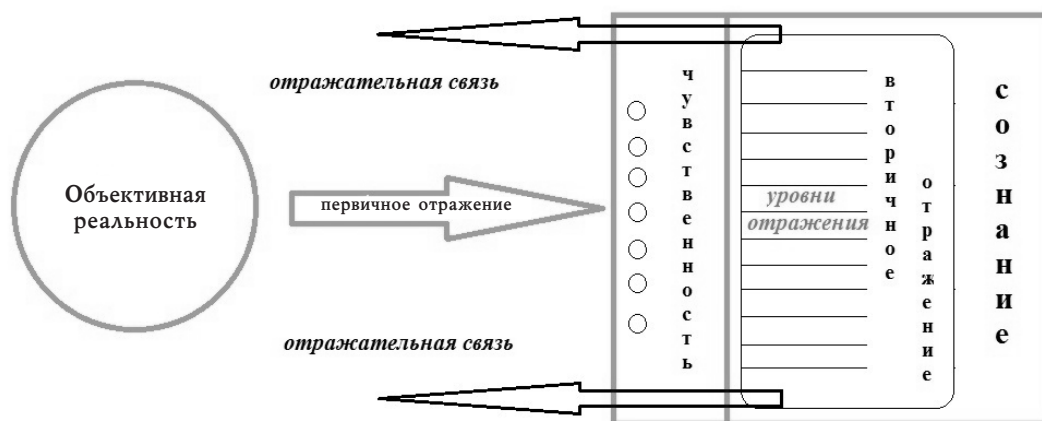

Рис. 2

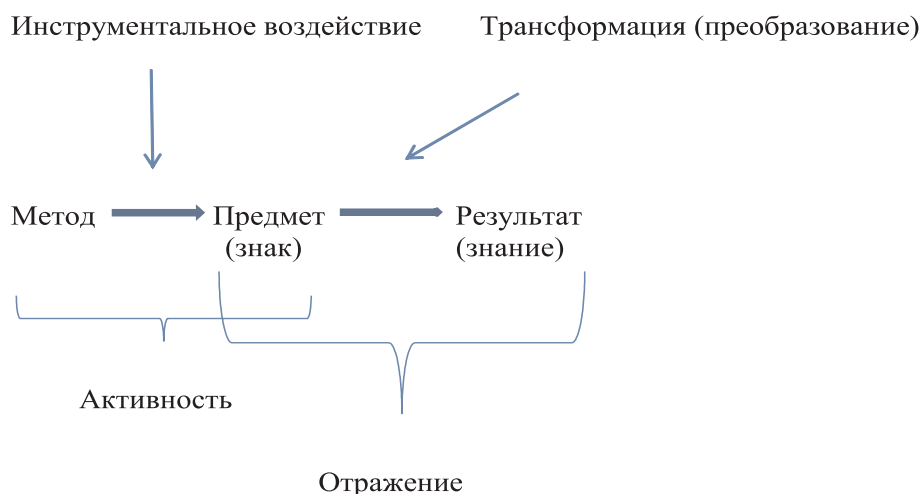

Рис. 3

Настоящее, полноценное отражение, наполняющее знаки содержанием и глубиной, существует только в сознании. Это вторичное отражение является следствием активности нашего сознания, и поэтому оно неизбежно является многоуровневым. Активность проявляется тогда, когда наше сознание, пытаясь получить результат, применяет различные методы в процессе расшифровки знакового материала. Если попытка оказалась удачной, то происходит оформление некоего результата в виде знания. Для иллюстрации этого процесса лучше всего подходит схема, предложенная В. Ф. Юловым [6] (см. рис. 3).

Таким образом, мы видим, что попытка представить отражение только как пассивный, односторонний процесс (бадейна теория) не имеет под собой никакого реального основания. Чистого отражения никогда не было и в принципе

быть не может, а сам процесс отражения, так или иначе, учитывается и признается, чаще всего косвенно, во всех философских концепциях от материализма до объективного идеализма и религиозной философии.

Примечания

1. Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф. В. Константинов. Т. 4. М., 1967. С. 184.
2. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: в 4 т. Т. 3. СПб., 1997. С. 452.
3. Бэкон Фр. Новый органон // Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1977. С. 18.
4. Аристотель. О душе // Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 412.
5. Гуссерль Э. Логические исследования. URL: <http://www.fidel-kastro.ru/filosofy/gusserl/guss2.htm>
6. Юлов В. Ф. Мышление в контексте сознания. М., 2005.

ИСТОРИЯ

УДК 94(470)+271.22(470)"1939/1945"

В. Т. Юнгблюд

**ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ВЛАСТЬ
В СССР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ОЦЕНКАХ ПРЕССЫ США**

Статья посвящена анализу изменений, характерных для материалов, посвященных эволюции взаимоотношений советского государства и Русской Православной Церкви во время Великой Отечественной войны. Показано, что пресса США являлась важным инструментом формирования общественного мнения, в том числе и в смысле его ориентации на поддержку коалиционной дипломатии президента Ф. Д. Рузвельта. Статья основана на изучении публикаций, тиражированных массовыми периодическими изданиями США с учетом характерного для них плюрализма мнений.

This article is devoted to changes, typical for materials, related to relations evolution between the Soviet system and Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War. It is shown that the U.S. press has been an important tool for shaping public opinion, and terms of its orientation on the support of coalition diplomacy of President Franklin D. Roosevelt among them. This article is based on a study of publications, replicated in U. S. periodicals, relying on typical for them opinion pluralism.

Ключевые слова: Православная Церковь, Московская Патриархия, советское государство, периодические издания, США, религия, патриотизм, образ СССР, Великая Отечественная война, общественное мнение, союзническая дипломатия.

Keywords: Orthodox Church, Moscow Patriarchate, Soviet system, periodicals, United States, religion, patriotism, the image of the Soviet Union, Great Patriotic War, public opinion, allied diplomacy.

Образ Советского Союза в годы Второй мировой войны в Соединенных Штатах Америки формировался под воздействием многих факторов. Среди них важное место занимали восприятие общественностью США характера взаимоотношений между Русской Православной Церковью и советским государством, а также готовности официального Кремля гарантировать соблюдение религиозных прав и свобод в масштабах, сопоставимых с привычными для американцев демократическими стандартами.

Основания для пристального отношения иностранцев, в том числе и граждан США, к про-

блеме религиозной свободы в СССР были весьма существенными. «Во время переписи населения 1937 г., всего за четыре года до вступления СССР в войну, пятьдесят семь процентов советского населения причислило себя к религиозным верующим. Хотя мы не располагаем точными цифрами на время войны, все современные источники свидетельствуют, что в тот период число верующих резко выросло», — отмечает современный американский историк С. М. Майнер [1]. С началом войны массовые религиозные чувства отнюдь не ослабели: «Фронтовая жизнь в ежечасном ожидании смерти, страдания от ран, гибель боевых друзей побуждали в русских солдатах религиозные чувства и мысли, в войну религиозные настроения в народе углубились и усилились» [2]. В уважаемом аналитическом журнале «Foreign Affairs» в 1942 г. сообщалось, что в России по-прежнему верующих гораздо больше, чем хотелось бы властям, и «немногочисленные церкви настолько переполнены людьми, что найти себе место во время службы очень трудно» [3]. В 1941–1945 гг. значительная часть населения Советского Союза гораздо более явно, чем в репрессивные 1930-е гг., проявляла приверженность к духовным ценностям православия, чему в значительной степени способствовала патриотическая позиция, занятая Московской Патриархией во главе с Местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Сергием.

Вопрос о взаимоотношении официальной власти и Православной Церкви в стране, большая часть территории которой, по сути, являлась и воспринималась внешним миром как конфессиональное пространство православия, был далеко не праздным. Для Соединенных Штатов Америки эта тема имела особенное значение. В 1942 г. в традиционном опросе общественного мнения, проведенном журналом «Fortune», на вопрос «Если бы вы были поставлены перед выбором отказаться от того, что вам особенно дорого, с чем бы вы расстались в последнюю очередь?» на втором месте в рейтинге ответов оказалось нежелание расстаться с религиозной свободой, уступив первое место только свободе слова [4].

Настроения американских верующих были важным элементом общественного мнения США и влияли на позицию Белого дома в вопросах формирования коалиционной дипломатии. Планы президента Ф. Д. Рузвельта поддержать в

войне с Германией Советский Союз широко обсуждались в Америке. С резкими возражениями против намерений президента выступил американский Совет церквей Христа, который на своей конференции вынес резолюцию, согласно которой участие США в войне на стороне СССР объявлялось недопустимым потому, что Советский Союз – это безбожное государство [5]. Известно, что президент США предпринял определенные шаги, направленные на то, чтобы изменить в лучшую сторону отношение христианской общественности собственной страны к религиозной политике советского руководства. Эти шаги, однако, вряд ли смогли бы произвести желаемый эффект в том случае, если бы руководство СССР не проявило политической дальновидности и не пошло бы на радикальные изменения своего отношения к Церкви [6].

И. В. Сталин, очевидно, прекрасно осознавал, что религиозные настроения не следует сбрасывать со счетов как во внутренней политике, так и во внешней [7]. Весьма показательны наставления, адресованные им А. А. Громыко в момент его назначения на дипломатическую работу в Вашингтон, воспроизведенные в воспоминаниях советского дипломата А. Ф. Добрынина. «Узнав, что тот плоховато еще знает английский язык, – пишет Добрынин, – Сталин посоветовал ему (т. е. Громыко. – *Авт.*) ходить в американские церкви и слушать проповеди. Эти проповедники, сказал он, говорят на понятном народу языке и выражают его повседневные нужды и заботы, а значит и общие внутривнутриполитические настроения в стране. Будучи уже в Вашингтоне, Громыко, конечно, не рискнул ходить в церковь, но, как он позднее сам признался, регулярно слушал по радио воскресные проповеди» [8]. Андрей Андреевич Громыко несколько иначе и гораздо более скупое сообщает об этой беседе [9], но сам её факт, включая совет Сталина, также приводит в своих мемуарах.

Напутствуя молодого дипломата, советский руководитель довольно откровенно сообщал о собственном понимании роли религиозных деятелей в формировании массовых настроений. Естественно, сформулированный им подход распространялся и на оценку служителей церкви, несущих слово Божие в народ в его собственной стране. Следует согласиться с Майнером, делающим вывод, что с самого начала Второй мировой войны «...в Кремле хорошо понимали, что не удалось искоренить религиозные верования, и советские правители всегда рассматривали религиозную политику как политический фактор, проводя политику в поразительно широком спектре вопросов» [10]. Несомненно, религиозный фактор как минимум в не менее значительной степени проявлялся также и в политическом пла-

нировании Соединенных Штатов Америки. Именно по этой причине представляется важным рассмотреть, как реалии взаимоотношений советской власти и православной Церкви передавались на страницах американских периодических изданий.

1941 год стал важной вехой в развитии американо-советских отношений. Общность военных целей создавала важную предпосылку для существенного изменения тональности американской прессы. Военный союз становился реальностью, и это обстоятельство требовало соответствующего информационного сопровождения. Для того чтобы религиозный вопрос не становился камнем преткновения для коалиционной дипломатии, было необходимо как можно быстрее снять негативный фон, накопленный советской властью в «безбожные» предвоенные десятилетия.

Буквально с первых же недель войны «...Советский Союз оказался легитимизирован подлинным патриотическим подъемом... Успешное сопротивление германскому вторжению требовало реабилитации отвергаемых прежде русских религиозных ценностей» [11]. Советское руководство достаточно быстро осознало эту необходимость [12]. Однако большинство американских авторов, писавших о проблемах религиозной свободы в СССР, не торопились реагировать на проявлявшиеся симптомы наметившихся в России перемен. Читающая Америка продолжала в изобилии получать информацию, позволявшую воспроизводить мрачные картины духовного опустошения и коммунистического диктата. В текстах многих корреспондентов и политических обозревателей ощущалась инерция довоенных образов. В этом не было ничего удивительного: изменение содержания статей и использованных в них оценочных интонаций не могло быть быстрым уже потому, что в основе этих образов лежали, как правило, реальные факты недавней российской истории.

Американские публицисты справедливо считали, что именно антирелигиозная политика Москвы перед войной внесла наибольший вклад в нагнетание антисоветского психоза в Соединенных Штатах. Отмечалось, что имевший место в 1920–1930-е гг. «атеистический крестовый поход Москвы был, пожалуй, самым сильным фактором (даже более сильным, чем идея мировой революции), который поверг западный мир в состояние ненависти и отвращения к Советской России» [13]. Устойчивый общественный негатив был следствием проявления антирелигиозной ксенофобии со стороны советского государства, вылившейся в закрытие религиозных школ, разрушение храмов, повсеместный запрет богослужения, табу на любые социальные действия церкви, недопущение верующих в партию и коммунистические молодежные организации, национа-

лизацию церковного имущества; лишение венчания какого-либо правового значения; физическую «ликвидацию» тысячи священников [14].

Несмотря на то что советская Конституция заявляла о свободе совести, отмечалось в «Foreign Affairs», фактически свобода была предоставлена лишь антирелигиозной пропаганде. Например, «был издан закон, под угрозой лишения жизни запрещавший религиозное обучение лиц моложе восемнадцати в группах, состоявших более чем из четырех человек. Его цель заключалась в уничтожении религии на корню» [15]. Читателям напоминали о том, что официальные власти в СССР в течение длительного времени вели настоящую публицистическую атаку на религию в ежедневных и еженедельных журналах, в специальных книгах и брошюрах, об организованных антирелигиозных демонстрациях и праздниках, особенно в канун Рождества и на Пасху; об открытии во многих городах антирелигиозных музеев [16]. Консервативные издания США тиражировали фразу, ставшую популярной в СССР в годы первых пятилеток: «Мы не будем отмечать ни Рождество, ни Пасху, но будем праздновать установку нового водопровода» [17].

Заметное место в формировании подходов к оценке религиозной жизни в России занял англоязычный журнал «Russian Review», учрежденный знатоком российской истории эмигрантом М. М. Карповичем. Первый номер журнала вышел в свет в 1941 г. На протяжении всей войны на его страницах неоднократно появлялись материалы, освещавшие проблемы взаимоотношений власти и Церкви в СССР [18]. Среди авторов журнала был и сам Карпович, довольно резко характеризовавший религиозную политику Кремля в предвоенные годы: «Вместо благожелательного нейтралитета государство встало на позиции открытой враждебности к религии в целом и каждой конфессии в частности; враждебности, которая в течение многих лет нашла свое проявление в акциях прямого преследования и дискриминации. На деле правительство присоединилось к боевым антирелигиозным убеждениям различных атеистических организаций, которым оказывает всестороннюю поддержку, и тем самым атеизм превратился в своего рода государственную религию России» [19]. Возрастание роли и влияния Православной Церкви после начала войны не остались незамеченными Карповичем [20], но он считал, что перемены слишком незначительны, для того чтобы гарантировать нормальное развитие страны в будущем, подчеркивая, что необходимо более «радикальное изменение отношения Церкви и государства» [21].

Тезис о том, что в СССР произошла своеобразная замена одной религии – православной – на другую – коммунистическую, предложенный

главным редактором «Russian Review», строго говоря, не был оригинальным. Так, в редакционной статье октябрьского номера 1941 г. популярного еженедельного журнала «Life», издававшегося известным консервативным медиамагнатом Г. Льюсом, отмечалось, что присущий религиозным крайностям фанатизм был сопоставим с атеистической политикой советской власти и по степени неистовости, и по масштабам нетерпимости: «Почти четверть века коммунизм, единственная официальная религия в СССР, более или менее отчаянно пытался искоренить идею Бога среди 190 миллионов россиян» [22].

В отечественных и зарубежных исследованиях отмечается неравномерность процесса нормализации государственно-церковных отношений в военные годы. Выделяются главные вехи, позволяющие характеризовать качественные отличия форм и содержания двусторонних контактов на разных этапах. С точки зрения интересующей нас проблемы, особенно важными представляются следующие события: 22 июня 1941 г. – начало Великой Отечественной войны, коренным образом изменившее характер взаимовосприятия государства и Церкви. Власть поддерживала в тот момент связи с Патриархией и верующими, «фактически не придавая им юридического характера» [23]; 2 ноября 1942 г. – Указом Президиума Верховного Совета в состав Государственной комиссии по расследованию нацистских злодеяний был включен митрополит киевский Николай. Этот акт озаменовал придание государственно-церковным отношениям официального статуса. Митрополит Николай на протяжении всей войны выполнял большой объем работы, представляя Патриархию, а в отдельных случаях и государство в международных делах [24]; 4 сентября 1943 г. – состоялась личная встреча Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) (при участии В. М. Молотова и Г. Г. Карпова), вслед за которой 8 сентября прошел собор епископов, избравший митрополита Алексия патриархом. С этого момента формируется политико-правовая основа взаимодействия советского государства и РПЦ, что означало «невозможность возвращения к довоенным методам борьбы с Церковью» [25]; 31 января – 2 февраля 1945 г. – проведение Поместного собора Русской Православной Церкви, на котором митрополит Алексий был избран тринадцатым патриархом Московским и всея Руси и было принято Положение об управлении Русской православной Церкви [26]. Это событие открывало новые возможности для активизации внешнеполитической деятельности Патриархии (её делегации посетили Болгарию, Югославию, Румынию; в мае этого года впервые за всю историю России патриарх Московский и

всёя Руси Алексей отправился в паломничество на Святую землю), а также для повышения роли РПЦ в «консолидации общества, необходимой для решения политических и социально-экономических задач по укреплению народно-демократических режимов и обретению ими подобающих позиций на международной арене» [27].

Важно отметить, что на протяжении всей войны государство и Церковь выступали как субъекты исключительно важного для страны эволюционного процесса, объединённые общими патриотическими задачами и ответственностью за судьбу народа. Приведенные выше в хронологической последовательности рубежные события советско-православного диалога по существу отражают темпы и логику «легитимации» и «реабилитации» РПЦ в системе советского государства. Различные американские издания с различной степенью адекватности должны были усваивать эту информацию и доносить её до своих читателей. Важнейшим источником сведений для них была сама московская Патриархия.

В 1942 г. вышла в свет книга «Правда о религии в России», в которой Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей писал, что «Церковь раз и навсегда должна соединить свою судьбу с судьбой паствы на жизнь и смерть». Этот тезис, сформулированный главным церковным иерархом страны, давал возможность две идеи национального и религиозного единства синтезировать в одну: «Православие есть истинное выражение национального духа русского народа и наших братьев славян» [28]. Такой подход имел глубокий внутривластный и международный смысл. Он создавал благоприятный климат для появления новых оценок российских реалий за рубежом и позволял отделить их четкой линией от привычных для запада довоенных стереотипов. В феврале 1943 г. в статье митрополита Сергея, опубликованной в издаваемом компартией США журнале «Soviet Russia Today», этот мотив прозвучал ещё более отчетливо. Он писал: «Тема гонений на религию в России никогда не исчезала со страниц иностранной, враждебной прессы, и это был лейтмотив эмигрантской периодики» [29].

Заявления митрополита были частью широкой просветительской кампании РПЦ. «Абсолютное большинство материалов (опубликованных Московской патриархией. – *Авт.*) было адресовано зарубежной общественности, и содержание их было, разумеется, продиктовано интересами государства, – так, как эти интересы понимало сталинское руководство» [30], – пишет Т. А. Чумаченко. К этому следует добавить, что слова служителей Церкви, адресованные российской пастве и иностранным читателям, были наполнены одними и теми же смыслами: патриотизм, духовное подвижничество, национальное единение.

Американская периодика воспринимала эти сигналы. Наиболее доброжелательно настроенный по отношению к СССР журнал «Soviet Russia Today» отмечал, что свобода вероисповедания в Советской России реализуется в ином историческом контексте, отличном от американского, и это стало причиной недоразумений в отношениях двух стран [31]. Таким образом, фундаментальные различия в подходах руководителей США и СССР к вопросам религии и веры сводились к обычному несовпадению исторического опыта и культурных традиций и оценивались как досадный курьёз.

Издания левой ориентации в США использовались в качестве трибуны различными общественными движениями западных стран, выступавшими за скорейшее открытие второго фронта в Европе и расширение военной помощи Советскому Союзу. Одной из наиболее активных организаций такого рода был британский Объединенный комитет помощи СССР, который возглавлял настоятель Кентерберийского собора марксист Хьюлетт Джонсон. Англиканская церковь имела весьма влиятельные позиции в Соединенных Штатах Америки, а статьи одного из наиболее красноречивых её проповедников пользовались определенным успехом. Принимая во внимание изначальный критический настрой по отношению к СССР американских религиозных общин христианской направленности, выступления Джонсона (в Великобритании и США его часто называли «Красным деканом») имели существенный пропагандистский эффект. В ноябре 1943 г. он писал: «Многие несут вздор относительно религиозных преследований в России. Новый патриарх сам признает, что никогда после 1917 г. он не был ограничен в богослужении советским правительством. Он протестует против многочисленных выдуманных историй об убитых священнослужителях. В тридцати тысячах общин религиозные обряды отправляются без каких бы то ни было помех. В тех случаях, когда верующих, желающих нести службу, немного, помещение им предоставляется бесплатно. Духовенство пользуется всеми правами наравне с другими гражданами; верующие разных национальностей могут отправлять обряды на своем собственном языке. И, несмотря на то что религиозная пропаганда по-прежнему официально запрещена, это правило соблюдается нестрого и не причиняет никакого вреда церкви» [32]. Необходимо отметить, что появление подобных публикаций, рисующих идиллическую, далекую от действительности картину случалось довольно редко и было скорее исключением, чем правилом даже для леворадикальных изданий. В данном конкретном случае важно учитывать момент выхода статьи в свет: она появилась почти сразу

же после того, как состоялось «замирение» Сталина и руководства Православной Церкви (4 сентября 1943 г.) и в период подготовки Тегеранской конференции, на которой ожидалось утверждение планов открытия второго фронта.

В реабилитации довоенной политики советской власти приняли участие и либеральные публицисты. Они, как правило, стремились рассматривать эту тему комплексно, в широком хронологическом и проблемном контексте. Так, начало конфликта между Церковью и государством, по мнению постоянного автора «Current History» С. Фей, имело отнюдь не «коммунистические» корни – еще «при старом царском режиме многие из православных священников были невежественны, суеверны, аморальны и развратны. Они выступали против современных научных методов в медицине, сельском хозяйстве и образовании. Священный Синод, созданный Петром Великим, стал анахронизмом, стоящим на позициях фанатичной реакции и узкого национализма» [33]. В таких условиях, – по мнению этого обозревателя, – большевики, совершив революцию, попросту не могли игнорировать факт очевидно несоответствия позиции, занятой Церковью, идеологии радикального обновления, предложенной советской властью.

Лишь немногие американские аналитики на первых порах заметили перемены в религиозной политике советского руководства. Фей был как раз из их числа. Он зафиксировал произошедшие после июня 1941 г. сдвиги и пытался объяснить происходящее: «В последние годы, однако, Сталин ослабил гонения – новое, светское образование пустило корни в целое поколение советской молодежи, и церковная организация уже не рассматривается как идейная опасность для марксистских идеалов» [34].

Причины поворота в политике советского государства в отношении православной Церкви, ставшего очевидным осенью 1943 г., американские журналисты характеризовали по-разному. В большинстве случаев главной из них называли патриотическую позицию Московской Патриархии, провозглашенную в самом начале войны и последовательно соблюдавшуюся на всем её протяжении. Отмечалось, что сразу же после нападения Гитлера на СССР глава Русской православной церкви, исполняющий обязанности Патриарха, митрополит Сергей выступил с посланием, в котором призвал верующих встать на защиту отечества. Церковь, заявил он, всегда была неразрывно связана со страной и народом. Совершив молебен о победе русского воинства, он, «предвидя возможность оккупации немцами обширных западных провинций, осудил заранее любое сотрудничество с врагом. Это обращение получило большую огласку. Во всех церквях были

проведены молебны о победе русской армии. Приходы начали делать большие пожертвования в фонд войны» [35]. Призывы служителей Церкви были услышаны паствой не только в тылу и в прифронтовых районах, но и на оккупированных территориях. «Именно потому, что их бедствия и лишения в войне, которую они называли “Великой Отечественной”, были столь велики, простые русские люди связывали будущую возможную победу с изначальными русскими ценностями: “подвигом” (подвижничеством), основанным на способности длительное время переносить лишения и тяготы (долготерпению) и канонизированном мученичестве (страдании)» [36], – отметил Д. Биллингтон. И Церковь сыграла огромную роль в формировании духа единения и массовой готовности служить Отечеству. Американские обозреватели отмечали и по достоинству оценивали этот вклад: «Сталин признал, что православное духовенство, почти без исключения, действовало лояльно, полезно и патриотично в условиях войны, несмотря на усилия нацистских властей превратить их в своих приспешников на оккупированных территориях» [37].

В целом американцы понимали, что какие бы формы не приняло примирение власти и Церкви, его причиной стал отнюдь не душевный трепет Кремля. Функциональная сторона решений в отношениях с Церковью всегда была для советского руководства приоритетной. Корреспондент британской радиокompании Би-би-си А. Верт, в 1941–1945 гг. работавший в СССР и несколько раз публиковавший свои материалы в США, уже в 1942 г. заметил, что задолго до официального признания РПЦ «Сталин сделал ставку на национальное единство, в результате антирелигиозная пропаганда... полностью прекратилась с самого начала войны» [38]. Итог такой тактики оказался весьма впечатляющим. В «Current History», например, уже в 1942 г. по этому поводу вполне обоснованно отмечалось, что единство правительства и Церкви «поразительным образом изменило военный потенциал русских» [39].

Несколько иначе объяснил причину сближения Церкви и государства известный специалист по российской истории Б. Пэйрес. Полагая, что попытка искоренить религиозные чувства у верующих россиян с самого начала была обречена на провал, он заключил, что осознание этой неудачи руководством страны, усиленное тяготами войны, привело к примирению [40]. Таким образом, по мнению этого автора, базовым фактором компромисса между Патриархией и государством стала изначально толерантная к власти, сочувствующая народу позиция Православной Церкви, а правительство СССР руководствовалось лишь соображениями практической целесообразности.

Впрочем, недоверие в отношении религиозной политики советского правительства продолжало оставаться устойчивым мотивом определенной части консервативной прессы США и использовалось в качестве инструмента давления на общество и Белый дом. Например, Фултон Дж. Шин, популярный в Америке профессор Католического университета в Вашингтоне, считал, что США должны предоставить свою помощь России в войне против Гитлера только после освобождения религиозных заключенных из концентрационных лагерей и возвращения церковного имущества [41]. В противном случае политику сотрудничества с советским режимом предлагалось обуславливать выдвижением жестких условий. По мере развития коалиционной дипломатии выступления с подобными заявлениями становились все менее популярными. Общественное мнение США под влиянием побед Красной Армии пропитывалось все более выраженными симпатиями к советскому народу. Однако чувства лояльности по отношению к политике советской власти в отношении Церкви и верующих, очевидно, никогда не были всеобщими. И хотя в популярном в США «Reader's Digest» в середине 1943 г. не без иронии отмечалось, что сейчас «даже христианские священники из всех сил стараются убедить Америку в том, что в России присутствует религиозная свобода, хотя и с некоторыми ограничениями» [42], сомнения в том, что обретенная в России в годы войны формула согласия между светской властью и православной верой переживет войну и окажется по-настоящему жизнеспособной, сохранялись. Слова известного социолога и публициста Н. С. Тимашева, написавшего в 1945 г., что «коммунистические лидеры на самом деле не приняли даже идею нейтралитета в религиозных делах», что «они как и раньше исповедуют безоговорочный атеизм», в соответствии с которым «религия продолжает считаться враждебным институтом, с которым правительство будет бороться с помощью народного образования», а Конституция СССР «признает свободу антирелигиозной, но не религиозной пропаганды» [43], не являлись единичным фактом.

Примирение Православной Церкви и коммунистического правительства не погасило интерес американских журналистов к религиозной проблематике в СССР. Наоборот, оно актуализировало множество других вопросов. Как изменилась ситуация после признания? Насколько искренна политика советского руководства? Какова дальнейшая судьба Русской Православной Церкви? Преобладающим вектором в публикациях, посвященных поискам ответов на эти вопросы, была констатация необратимости перемен. В этом смысле к близким по духу выводам приходили и откровенно просоветский «Soviet Russia Today»

(«нет никаких оснований ждать “свертывания”, аннулирования этого процесса; если какие-нибудь изменения и произойдут в этом вопросе, то, вероятнее всего, в лучшую сторону») [44] и аналитический журнал истеблишмента «Foreign Affairs», в котором утверждалось, что «нет оснований беспокоиться за будущее религии в России... Россия по-прежнему остается самой религиозной страной в Европе» [45]. Образцом союзнической толерантности стали публикации Ф. Элиота, который заметил, что для достижения взаимопонимания двух народов нужно, «чтобы каждый был готов отложить заблуждения и предрассудки, которые от их частого повторения уже выкристаллизовались в аксиому. В случае с сегодняшней Россией и Америкой формула, которую американцы должны отвергнуть, — это характеристика русского народа как безбожного и нерелигиозного» [46]. Такая позиция в целом довольно точно передавала возобладавший к 1943 г. либеральный подход. Отказываясь от крайних оценок, многие авторы предпочитали оценивать неопровержимые факты и воздерживались от повторения идеологических клише, распространенных в США перед войной. Такая позиция было связана, с одной стороны, со значимостью вопроса, а с другой — с нежеланием «осложнять» союзнический диалог заведомо проблемным сюжетом.

Надо полагать, что именно по этим причинам из американской прессы 1943–1945 гг. ушли сведения, подтверждавшие нерешенность религиозного вопроса в СССР, отсутствия полной свободы вероисповедания, равноправия верующих и проч. Так, например, в одном из отечественных исследований указывается, что «изменение курса государственно-церковных отношений в период Великой Отечественной войны в благоприятную для Церкви сторону не повлекло за собой послабления налогового бремени. Согласно статье 19 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О подоходном налоге с населения» от 30 апреля 1943 г., священники облагались налогом на уровне частных предпринимателей. Минимальный налог составлял 81% при доходе свыше 7 тыс. рублей в год...». Но эти факты были «не на виду» и в зарубежной прессе не фигурировали. Без комментариев оставалось и то, что в эти годы аресту, заключению и ссылкам подверглись те, кто во время войны оказался на оккупированных территориях и служил в храмах: «Осужденные получали большие сроки. Арестовывали священников за особую “активность”, брали и “повторников”, уже ранее судимых и отбывших наказание» [47].

Уже упоминавшийся в настоящей статье С. М. Майнер в своем исследовании, посвященном проблемам союзнической политики, рассмот-

ренной под углом зрения религиозного вопроса в СССР, приходит к весьма жесткому выводу: «Для получения помощи запада Москве нужно было развеять серьезные и вполне заслуженные подозрения в отношении атеистического коммунизма... Поэтому на протяжении всей войны Москва и её люди за границей без устали трудились над искоренением из памяти предвоенных советских репрессий против религии, чтобы заменить их новым имиджем СССР как защитника христианской цивилизации. ...Советам удалось справиться с этой задачей на удивление успешно. История этой почти преданной забвению пропагандистской кампании служит убедительным примером международного имиджмейкинга, различий в советских, английских и американских представлениях о СССР, развития альянса между тоталитарным государством и западными демократиями, препятствий, с которыми сталкивались журналисты, работающие в диктаторских системах, а также того, как стремление выдавать желаемое за действительное, идеологическая приверженность, карьеризм и коррупция формируют информационные потоки в военное время» [48]. Анализ материалов, опубликованных в американской прессе 1941–1945 гг., позволяет не согласиться с этим заключением и прийти к иным выводам:

– в годы Второй мировой войны американская пресса сохранила присущий ей плюрализм в широком спектре оценок российской жизни, включая религиозную политику советского государства и положение верующих в СССР;

– американские средства массовой информации внесли существенный вклад в разрушение довоенных стереотипов восприятия СССР как «безбожного» тоталитарного государства, бесконечно далекого от демократических идеалов и принципов. Главным побуждающим фактором для них являлись реальные события в России, демонстрирующие подлинное единение народа и власти в Отечественной войне. Само применение термина «имиджмейкинг» в таком контексте представляется не только несостоятельным, но и кощунственным;

– в условиях коалиционной войны само понятие «пропаганда» применительно к целому ряду тем приобретало довольно условный смысл. СССР и США в той войне были союзниками. Не только правительства. Союзниками были армии, народы. Союзниками были религиозные конфессии. Союзниками были корреспонденты и политические обозреватели. Материалы прессы США за 1941–1945 гг. свидетельствуют именно об этом.

Примечания

1. Майнер С. М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика 1941–1945. М., 2010. С. 17.

2. Цыпин В. История русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 263.

3. Pares B. Religion in Russia // Foreign Affairs. 1943. Vol. 21. № 4. P. 642.

4. The Fortune Survey // Fortune. 1942. November. Vol. 25. № 4. P. 8.

5. Коваленко В. В. Влияние международного фактора на отношение Советского государства к Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны // Вестник ОГУ. 2004. № 4. С. 17.

6. Цыпин В. Указ. соч. С. 270–271.

7. Сюзан Батлер, подготовившая наиболее полное издание переписки Ф. Д. Рузвельта и И. В. Сталина, не сомневается в том, что изменение отношения Сталина к Православной Церкви произошло при непосредственном участии президента США: «Это всего лишь предположение, но в высшей степени вероятное, что именно Рузвельт направил его по этому пути» (My Dear Mr. Stalin. The Complete Correspondence of Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin / ed. with commentary, by Susan Butler. New Haven and London. 2005. P. 24, 159.) Мы полагаем, что этот мотив для советского руководителя не был единственным, хотя, безусловно, влиял на принятые им решения.

8. Добрынин А. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 1997. С. 16.

9. Громыко А. А. Памятное. Т. 1. М., 1988. С. 77.

10. Майнер С. М. Указ. соч. С. 14–15.

11. Биллингтон Д. Россия в поисках себя. М., 2005. С. 49.

12. См., например: Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 183–193.

13. Fay S. What Does Stalin Want? // Current History. 1943. November 17. Vol. 5. № 27. P. 205–206.

14. Baldwin R. The Question of Liberty // New Republic. 1941. 17 November. Vol. 105. № 20. P. 650–651.

15. Pares B. Religion in Russia // Foreign Affairs. 1943. July. Vol. 21. № 4. P. 637–638.

16. Timasheff N. S. Religion in Russia // Current History. 1945. Vol. 8. February. № 42–1. P. 105–106.

17. Religions in Russia // Life. 1941. October 13. Vol. 11. № 15. P. 118.

18. Болховитинов Н. Н. Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. С. 60–61.

19. Karpovich M. Church and State in Russian History // Russian Review. Spring 1944. Vol. 3. № 2. P. 19.

20. В частности, он отмечал, что с началом войны «...воинствующий атеизм перестал быть официальной государственной политикой, его крайние проявления перестали поощряться... Продиктовано это стремлением к консолидации национальных настроений в стране в условиях растущей внешней угрозы; эта “новая религиозная политика” была значительно усилена фактически с самого начала войны». Karpovich M. Op. cit. P. 20.

21. Ibid.

22. Religions in Russia // Life. 1941. October 13. Vol. 11. № 15. P. 110. Хотя очевидное сходство формулировок, использованных М. М. Карповичем и редакцией журнала «Life», действительно имело место, необходимо отметить, что природа приведенных выводов была различной. Оценки Карповича основыва-

лись на глубоком знании российской истории, понимании роли русской православной традиции и были следствием его устойчивого пессимизма в отношении будущего советской власти в России. Н. Н. Болховитинов отмечает, что именно в годы войны «либерализм Карповича получил более консервативную окраску», вследствие чего к 1945 г. он стал высказывать опасения, что «тоталитарные и полицейские режимы могут занять в Европе место немецких завоевателей» (см.: Болховитинов Н. Н. Указ. соч. С. 62, 630). Истоки оценок, характерных для редакции журнала, следует искать в традициях американского консерватизма, позиция журнала в отношении СССР в годы войны была менее последовательной и подверженной политической конъюнктуре.

23. Хохлов А. В. Возрождение религиозной жизни и эволюция государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 62. С. 94.

24. Коваленко В. В. Указ. соч. С. 16.

25. Хохлов А. В. Указ. соч. С. 195.

26. Поспеловский Д. В. Указ. соч. С. 197.

27. См.: Чумаченко Т. А. Указ. соч. С. 51; Власть и церковь в Восточной Европе 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Документы Российских архивов. М., 2009. С. 6.

28. Московских И. А. Всеславянский комитет и Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны // Право и образование. 2005. № 1. С. 179.

29. *The Patriarch Sergius*. The Truth about Religion in Russia // *Soviet Russia Today*. 1943. February 2. Vol. 11. № 10. P. 9.

30. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие 1941–1961 гг. М., 1999. С. 62.

31. *Melish W. H.* Russia and Four Freedoms // *Soviet Russia Today*. 1944. June 4. Vol. 13. № 2. P. 20

32. *Johnson H.* The Moral Foundations of the USSR // *Soviet Russia Today*. 1943. November 3. Vol. 12. № 7. P. 16. Согласно данным, приведенным Е. Н. Морозо-

вой, «на 1 июля 1944 г. в РСФСР насчитывалось 2297 храмов (всего же на территории СССР действовали 10243 церкви и молитвенных дома», т. е. в три раза меньше той цифры, которую называет Х. Джонсон (Морозова Е. Н. Государственная власть, Русская православная церковь и общество в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2. С. 53).

33. *Fay S.* Op. cit. P. 205–206.

34. *Ibid.* P. 205–206.

35. *Timasheff N. S.* Religion in Russia // *Current History*. 1945. February. Vol. 8. № 42–1. P. 507.

36. *Биллингтон Д.* Указ. соч. С. 49.

37. *Fay S.* Op. cit. P. 205–206.

38. *Werth A.* Russia Behind the Lines // *Nation*. 1942. 18 April. Vol. 154. № 16. P. 454.

39. *Black C. E.* The Line-Up in Eastern Europe // *Current History*. 1942. February. Vol. 1. № 6. P. 532–533.

40. *Pares B.* Religion in Russia // *Foreign Affairs*. 1943. July. Vol. 21. № 4. P. 637, 644.

41. Religions in Russia // *Life*. 1941. 13 October. Vol. 11. № 15. P. 118.

42. *Eastman M.* To Collaborate Successfully – We must Face the fact About Russia // *Readers Digest*. 1943. July, Vol. 43. № 255–1. P. 5.

43. *Timasheff N. S.* Op. cit. P. 109–110.

44. *Melish W. H.* Op. cit. P. 21.

45. *Pares B.* Religion in Russia // *Foreign Affairs*. 1943. July. Vol. 21. № 4. P. 644.

46. *Eliot F. M.* A Religion View of the USSR // *Soviet Russia Today*. 1943. May 2. Vol. 12. № 1. P. 22.

47. См.: *Марченко А. Н.* Материальное положение православного духовенства в России в 1918–1957 годах // Отечественная история. 2008. № 4. С. 107; *Емельянов Н. Е., Хайлова О. И.* Гонения на русскую православную церковь (1917–1950-е годы) // Россия и современный мир. 2008. № 4. С. 126.

48. *Майнер С. М.* Указ. соч. С. 26.

М. С. Судовиков

**КУПЕЧЕСКОЕ СОСЛОВИЕ
ВЯТСКО-КАМСКОГО РЕГИОНА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

В статье прослеживаются основные тенденции развития купечества Вятско-Камского региона в эпоху интенсивного становления капиталистических отношений и революционных преобразований российского общества. Особое внимание обращается на двойственность положения изучаемой группы населения, олицетворявшей собой и феодальную корпорацию, и ядро буржуазии, а также на факт незавершенности в тот период процесса классообразования в регионе.

In clause the basic tendencies of development of merchant class of Vjatsko-Kamski region in epoch of intensive development of capitalist relations and revolutionary changes of the Russian society are traced. The special attention addresses on a duality of position of investigated group of the population, represented itself both feudal corporation, and a nucleus of bourgeoisie, and also on the fact of incompleteness during this period process formation of classes in region.

Ключевые слова: Вятско-Камский регион, купечество, торговый дом, политические партии, Т. Ф. Булычев, А. В. Куршаков, Клобуковы, Ушковы, Пастуховы.

Keywords: Vjatsko-Kamsky region, merchant class, trading house, political parties, T. F. Bulychyev, A. V. Kurshakov, Klobukovi, Ushkovi, Pastuhovi.

Конец XIX – начало XX столетия вошли в историю России как этап важнейших изменений в социально-экономической и политической жизни страны. Реформы С. Ю. Витте, революционные события 1905–1907 гг., модернизация государственного устройства, столыпинские преобразования, Первая мировая война – все эти события отразились и на деятельности элиты предпринимательского сообщества – купеческого сословия, продолжавшего свое существование, несмотря на разрушительные для этой корпоративной организации реформы второй половины XIX в.

В историографии уже отмечалось, что после выхода Положения о государственном промысловом налоге от 8 июня 1898 г. в России более быстрыми темпами, чем раньше, шел процесс сокращения численности купеческого сословия, поскольку отныне приобретение гильдейского свидетельства не являлось обязательным условием для занятий торгово-промышленной деятельностью, то есть новый закон разрушал сословную принадлежность предпринимательства [1]. Учитывая, что во второй половине XIX в., после введения всеобщей воинской повинности, отмены подушной подати, гильдейские купцы

лишались важных сословных привилегий и последние стали носить в основном церемониальный характер (право ношения шпаги, «при русской одежде сабли», губернского мундира, визита к императорскому двору, получения «за оказанные отечеству особенно важные заслуги» медалей и орденов и т. д.), многие предприниматели, не видя былых преимуществ и зная об уплате дополнительных денежных сумм за свидетельства, сами отказывались от приобретения сословных документов.

Данное явление хорошо прослеживается по материалам Вятско-Камского региона, где до закона 1898 г. число купеческих капиталов хотя и характеризовалось неустойчивостью, но в целом было высоким: в 1885 г. здесь насчитывалось 589 гильдейских семей, в 1890 г. – 539, в 1895 г. – 554, а после опубликования Положения о государственном промысловом налоге процесс сокращения численности местного купечества отражался в таких показателях: в 1900 г. было объявлено 478 купеческих капиталов, в 1905 г. – 389, в 1906 г. – 366, в 1909 г. – 266, в 1914 г. – 176 [2].

В масштабе городов наблюдалась следующая картина: к 1914 г. число купеческих семей уменьшилось в сравнении с 1895 г. в Вятке в три раза, в Слободском – в пять раз, в Елабуге – также в пять раз, в Орлове – в шесть раз, в Уржуме – в два раза и т. д. [3] Во многом показательна и такая статистика: в 1912 г. в Вятской губернии купцов и почетных граждан на 1000 жителей приходилось всего 2 человека, тогда как дворян и чиновников – 3, духовенства – 5, мещан – 17 [4].

Небезынтересны и следующие данные: в период с 1901 по 1909 г. в г. Малмыже средний возраст владельцев капиталов увеличился с 53 до 56 лет, в 1909 г. средний возраст нолинского купечества составлял 49 лет. В 1915 г. в г. Яранске из 29 купеческих семей только 13 имели глав семей – мужчин, у остальных вместо них были либо купеческие вдовы, либо купеческие дети. Примечательно и то, что в этом городе в то время не имелось ни одного купца первой гильдии и молодого главы семьи, последним преимущественно было уже за 45–50 лет. Как видим, применительно к началу XX в. есть основания говорить и о повышении среднего возраста купечества, что тоже является показателем кризисного состояния.

О факте упадка купеческого сословия свидетельствовало также наличие немалого числа неторгующих купцов. Гильдейские свидетельства таковыми приобретались или по традиции, как наследственными купцами, или ради звания, которое по-прежнему ценилось как привилегированное. По документам Яранской городской управы, в 1915 г. из 29 семей к числу «потомственных почетных граждан и неторгующих купцов» относились 12, или 41,4% [5].

В начале XX в. претерпел изменения и механизм складывания купечества. Среди вновь записавшихся в это сословие мещане и крестьяне были представлены единичными семьями, основным же источником пополнения гильдий являлись выходцы из этого сословия, то есть начальниками капиталов становились купеческие сыновья, вдовы, бравшие сословные документы на свое имя, в первую гильдию переходили купцы второй гильдии, и наоборот [6]. Из этого следует, что по мере становления капитализма гильдейское сообщество, численно сокращаясь, превратилось в более однородную социальную организацию, хотя юридически у него по-прежнему оставались широкие источники пополнения.

Тем не менее купеческие сословные организации в городах Вятской губернии продолжали свою деятельность. В книгах «на записку исходящих бумаг вятского купеческого старосты» за 1890–1892 гг. содержалось в общей сложности 612 записей [7], что свидетельствовало об устойчивости этого сословного института в тот период, тогда как в ряде губерний, включая Архангельскую, Олонецкую, Орловскую и другие, они закрылись к концу XIX столетия, а в некоторых регионах сохранялись лишь в губернских городах (Москва, Петербург, Тобольск, Оренбург, Самара и др.). В Вятской же губернии на рубеже веков купеческие общества работали в 11 городах, кроме Малмыжа. Несмотря на упадок, уступая место более многочисленному и жизнестойкому в условиях капитализма слою населения – буржуазии, купеческая корпорация, войдя в нее, не растворилась в социальной структуре российского общества той эпохи.

В конце XIX – начале XX столетия профессиональная деятельность регионального купечества характеризовалась общим для страны процессом объединения капиталов в акционерные общества и торговые дома, вытеснявшим с рынка купцов-одиночек и побуждавшим их к вступлению в предприятия ассоциированного типа или созданию их. В Вятской губернии чаще открывались торговые дома – полные товарищества, в состав которых входили родственники, действовали и торговые дома, включавшие в себя не только «полных товарищей», но и вкладчиков. Все эти торговые объединения, учредителями которых выступали купцы обеих гильдий, работали как в губернском центре, так и уездных городах, а некоторые из них имели конторы и за пределами региона [8].

В числе важнейших источников накопления купеческих капиталов в Вятской губернии, как и ранее, оставалась коммерческая деятельность, связанная с ведением вывозной и внутренней торговли. Крупными купцами-оптовиками в тот период были Т. Ф. Булычев (Вятка), Ончуковы (Слободской), Стахеевы (Елабуга), А. Н. Батуев

(Малмыж), И. В. Маландин, С. П. Половников (Нолинск) и др. [9]

О направлениях и масштабах вывозной торговли можно судить по следующим материалам. В январе 1910 г. податный инспектор 2-го участка Котельничского уезда докладывал в Вятскую казенную палату, что скупку хлебного товара на его участке вели «экспортные фирмы Булычева и наследников Ончукова», «при этом фирма Ончукова имеет дело по преимуществу непосредственно с Лондоном, а Булычев большую часть товара сдает на Петербургской и Рыбинской биржах» [10]. В документах казенной палаты находим сведения о количестве сельскохозяйственной продукции (ржи, ржаной муки, овса, льняного семени, льна, кудели, гречи, гречневой крупы, ячменя), вывезенной из Вятской губернии «в навигацию 1909 г.». Самые большие партии товаров были отправлены из Елабужского (2 485 273 пуда), Сарапульского (1 788 000 пудов), Глазовского (1 266 822 пуда) уездов, затем шли Яранский, Малмыжский, Уржумский, Котельничский, Нолинский, Слободской уезды [11].

Похожая картина наблюдалась и в последующие годы. «Первое место по количеству вывезенных продуктов занимает Елабужский уезд (3998 тыс. пудов), далее следуют Глазовский, Котельничский, Малмыжский, Сарапульский, Уржумский и Яранский (каждый с отпуском более 1 млн пудов), Слободской (959 тыс. пудов), Нолинский (715 тыс. пуд)», – говорилось в обзоре губернии за 1913 г. [12] Сельскохозяйственная продукция в этом году отправлялась по железной дороге в Прибалтику (в Петербург, Ригу, Либаву), на север – через Котлас и водным путем – в Рыбинск.

Одной из форм внутренней торговли была постоянная, связанная с продажей товаров из магазинов, лавок, «шкафиков». В начале XX столетия в Вятке владельцами крупных универсальных магазинов, ассортимент товаров которых достигал более тысячи наименований, были купцы Иван Кардаков и Петр Клобуков. Последний выступил заказчиком специального здания для своего магазина, строившегося в 1909–1911 гг. по проекту архитектора И. А. Чарушина в стиле модерн на углу Спасской и Казанской улиц, в старой торговой части губернского центра. «Здесь (то есть в магазине. – М. С.), – вспоминал современник, – товары располагались в двух этажах: на первом этаже продавались всевозможные часы... разные безделушки для подарков... ювелирные изделия... шляпы... зонты... Во втором этаже магазина шла торговля тканями и меховыми товарами...» [13]. Магазин Клобукова, где товар «с поклоном» вручался покупателю, отличался и высоким по тем временам уровнем обслуживания [14].

В то же время в начале XX в. в регионе падали обороты ярмарок, утрачивалось их значение как центров транзитной торговли, всегда привлекавших купечество. Все это стало отражением общей российской тенденции, набравшей силу еще с 1880-х гг. в связи с развитием стационарной торговли через магазины и лавки и появлением новых видов транспорта. В периодических изданиях сообщалось: «Алексеевская ярмарка в г. Котельниче прошла плохо: покупателей было мало...» или «В Елабуге происходит Спасская ярмарка. На нее привозятся из окрестных деревень хлеб и овощи, из Сарапула – обувь, из Камбарки – телеги, из Казани – кондитерский товар. Ярмарка большого значения не имеет...» [15]. Современники обращали внимание и на изменение характера местных ярмарок, в частности на то, что они все более приобрели развлекательную направленность – «на ярмарке царит веселье»; на них работали питейные заведения, устанавливались балаганы, карусели. «Характерно, что в балаганах в числе акробатов и фокусников теперь выступает много китайцев. Это – явление новое», – говорил о елабужской ярмарке [16].

Важной сферой вложения гильдейских капиталов являлось промышленное производство. В начале XX в. наибольшее количество купеческих предприятий имелось в группе предприятий по «обработке животных продуктов» (кожевенные заводы), по «обработке питательных и вкусовых веществ» (винокуренные и пивоваренные, масложитные, булочко-кондитерские предприятия). Вместе с тем купцы являлись владельцами крупнейших в губернии и современных по техническому оснащению в то время железодельных и чугунолитейных производств (Омутнинский, Пудемский, Песковский, Кирсинский заводы купцов Пастуховых) и химических предприятий (Кокшанский и Бондюжский заводы Ушковых). Необходимо также иметь в виду, что в экономике городов заметно были представлены мелкие купеческие предприятия, связанные с выпуском предметов повседневного спроса – мыла, свечей, спичек.

Профессиональные занятия купцов Вятской губернии развивались в условиях отсутствия здесь товарной биржи, тогда как в соседних губерниях (Казанской, Пермской, Архангельской, Нижегородской) торгово-промышленная деятельность предпринимателей во многом регулировалась биржей. Вопрос о ее открытии в Вятке решился только в июле 1917 г., когда Временным правительством был подписан «Устав Вятской биржи» [17]. Отсутствие в губернии биржи и биржевого общества вело к стихийности местного рынка, что увеличивало степень риска ведения купцами коммерческих дел. В целом же региональное купечество сохраняло свою эконо-

мическую силу вплоть до октябрьских событий 1917 г.

Начало XX в. стало периодом роста общественно-политической активности представителей изучаемого сословия. Своеобразным индикатором уровня политизации предпринимательского сообщества явились революционные события 1905–1907 гг. Местные купцы участвовали в разработке и утверждении «Проекта записки, выработанного особой комиссией Вятской городской думы для представления чрез Совет Министров на Высочайшее имя» – документа, по которому предлагалось незамедлительно провести в стране коренную политическую реформу [18], выступали за созыв общероссийского съезда городских голов, принимали участие в деятельности политических партий, причем они, преимущественно молодое поколение – купеческие дети, проявили себя в работе организаций и левого лагеря – социал-демократов, эсеров, возникших в Вятской губернии в конце XIX – самом начале XX в. Небезынтересно, что представители одной купеческой семьи могли по-разному определять для себя политические ориентиры. Так, членом боевой организации партии эсеров был Е. С. Созонов, сын купца-старообрядца из села Петровского Уржумского уезда, в июле 1904 г. бросивший бомбу и убивший В. К. Плеве. В свою очередь, отец Созонова был монархистом и глубоко религиозным человеком. Дочь купца-пароходчика Анисья Тырышкина сотрудничала с местным комитетом РСДРП, а ее брат, Александр Яковлевич, был сторонником иных политических взглядов – монархических – и состоял в партии правового порядка. Вместе с тем ни одна из партий, действовавших в Вятской губернии, не стала для купечества массовой организацией. Характерной же чертой политических взглядов многих купцов по-прежнему оставался консерватизм, а в целом слабое вовлечение гильдейской деловой элиты в деятельность политических организаций свидетельствовало, в свою очередь, и о политической индифферентности немалой ее части.

Новые штрихи общественно-политическая деятельность купечества приобрела в годы Первой мировой войны. Известие об объявлении Германией войны вызвало патриотические манифестации, об одной из которых, произошедшей в губернском центре 20 июля 1914 г., современник писал: «Такого воодушевления и энтузиазма вятская публика не видала давно. Люди различных сословий, партий и состояний слились в дружном единении, готовые кровью своей защищать дорогую Родину...» [19]. Почти через год, 28 июня 1915 г., о схожих настроениях сообщалось губернатору в рапорте нолинского уездного исправника: «Среди всех слоев населения замечается патриотический подъем чувств» [20].

Региональная деловая элита (Лаптевы, Зоновы, Клобуковы, Т. Ф. Булычев и др.) в тот период стала инициатором масштабных благотворительных инициатив, ее представители поступали в ряды армии как по призыву, так и в качестве добровольцев. Вместе с тем наблюдавшиеся со временем рост общественного недовольства властью, ухудшение экономического положения в стране, усталость от войны повлияли и на деятельность купцов.

Пользуясь моментом, некоторые из них не упускали возможность получить высокие прибыли. Были случаи наложения губернатором штрафов на предпринимателей, завышавших цены на продовольствие или самовольно торговавших кожаной продукцией из разряда «военной», производились реквизиции их товаров, заключения купцов в тюрьму и т. д. «Вятский губернатор постановил вятского купца Ивана Васильевича Поскребышева за недобросовестное поднятие им цен на обувь подвергнуть заключению в тюрьму, без замены штрафа, на один месяц», – сообщалось в «Вятской речи» в июне 1916 г. [21] В местной прессе порой звучали резкие обвинения в адрес купцов: «Гласный городской думы в Чистополе Маланьичев пожертвовал городу 20 тыс. руб. на постройку городских продовольственных лавок. Везде богачи крупно жертвуют. У нас в Сарапуле пока только наживают» [22].

Что касается общих настроений представителей делового мира в ту переломную эпоху, то они ярко прослеживались в решениях органов местного самоуправления. Безусловно, особый интерес вызывают документы 1917 г. Так, журналы собраний Котельничской городской думы выявляют отношение гласных к Февральской революции и к событиям последующих месяцев.

Работавшая под председательством купца И. И. Шевелева, дума этого уездного города 4 марта 1917 г. поддержала обновление в России государственного строя, одобрила намерение об учреждении городской милиции с целью охраны порядка и приняла предложение «приветствовать Государственную Думу от лица городской думы» [23]. Тогда же начальником одной из дружин милиционеров назначается думский гласный, купец второй гильдии Алексей Васильевич Куршаков. 9 марта на заседании думы он избирается представителем от городского общественного управления в Котельничский временный исполнительный комитет, образованный «собранием граждан» днем раньше.

Затем на летних выборах в Котельничскую городскую думу, проводившихся на основе всеобщего избирательного права, провозглашенного Временным правительством, победу одержал внепартийный список «плательщиков мещанской повинности и городских налогов», и

представители купечества сохранили свое влияние в городском самоуправлении (председателем думы стал А. В. Куршаков, городским головой избирается купец, «беспартийный демократ» Александр Алексеевич Бабинцев) [24]. В октябре последний и член управы А. И. Шишкин как представители городского управления направляются думой в комитет общественной безопасности при Котельничском уездном комиссаре [25]. На заседании 2 декабря дума единогласно принимает постановление с лозунгами «Вся власть Учредительному собранию! Да здравствует Учредительное собрание!» и в ответ на просьбу главного комитета Всероссийского городского союза избирает своего председателя А. В. Куршакова делегатом «для организации поддержки охраны неприкосновенности Учредительного собрания» в случае посяательства на его права [26].

Политическая ориентация Котельничской городской думы с купеческим руководством определенно выявилась и на ее заседании 17 декабря 1917 г. В этот день в думе рассматривалось письмо Котельничского военно-революционного комитета, в котором ставился вопрос о признании городским самоуправлением «власти советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и правительства народных комиссаров», а «если признает, – говорилось в нем, – то почему она (дума. – М. С.) не обратилась в военно-революционный комитет о присылке в думу делегата от комитета и народного комиссара товарища Останкова для участия в заседании» и далее – «если Дума выскажется против власти советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, военно-революционного комитета, то таковая будет немедленно распущена» [27].

Ответом на этот ультиматум, после полемики, стало единогласное «при одном воздержавшемся» постановление с указанием на незаконность требований комитета и с пояснением, что дума, «представляющая все население города, избранная для хозяйственной деятельности, не вмешивается в политическую борьбу и не защищает интересы партий в их борьбе за власть», что она «приветствует переход власти в руки народа в лице его законного представителя – Учредительного собрания, которое является единственным хозяином земли русской» и что «в отношении административного надзора признает власть губернского комиссара» Временного правительства [28].

В Сарапуле «первые известия о государственном перевороте» (в ходе Февральской революции) были получены 1 марта 1917 г., и они произвели «ошеломляющее впечатление на сарапульцев, – сообщалось в газетах, – население замечательно единодушно, с полным сочувствием от-

неслось к решению Государственной Думы взять управление страной в свои руки» [29]. 2 марта на заседании городской думы, на которое «пришли рабочие, чиновники, купцы, интеллигенция, дамы, были видны военные мундиры и священнические рясы», заступающий место головы, купец П. А. Смагин, зачитав телеграммы из Петрограда, сказал: «Выражает ли городская дума полное доверие новому правительству?» – и попросил встать согласных. «Дума, как один человек, поднялась на ноги. Раздались бурные аплодисменты собравшейся в зале публики», – засвидетельствовал хроникер [30]. Это заседание Сарапульской городской думы современники называли историческим. 3 марта 1917 г. совещание гласных «с представителями разных групп населения постановило – пополнить состав городской думы теми элементами, которые были обойдены при старых выборах» [31].

Деятельность Вяткой городской думы в то время была не менее политизирована, что обуславливалось сначала демократизацией ее состава после Февральской революции за счет пополнения представителями общественных и культурных организаций, Вятского совета рабочих и солдатских депутатов и затем – победой на июльских выборах умеренных социалистов (городским головой стал меньшевик Н. П. Алеев), лишившей таким образом купечество бывшего влияния в городском самоуправлении. Признавая Временное правительство, дума губернского центра негативно отнеслась к октябрьским революционным изменениям в стране и в дальнейшем, как и другие органы местного самоуправления региона, была распущена.

При смене власти, в ноябре – декабре 1917 г., обострение внутривластной ситуации в Вятской губернии сочеталось с погромами, грабежами и другими криминальными проявлениями, жертвами которых часто становились купцы. В этой обстановке представители купеческих фамилий (среди них был, например, гласный Вятского уездного земства П. И. Александров) участвовали в работе «комитетов Спасения Родины», организованных с целью «установления на местах порядка и содействия своевременному созыву Учредительного собрания, борьбы с захватчиками власти» [32]. Дальнейший ход исторических событий прервал многовековую историю русского купечества.

Как видим, история местного делового сообщества дополняется новыми, интересными фактами картину социально-экономического и политического развития российской провинции в конце XIX – начале XX в. Что касается самого купеческого сословия, то его положение в тот период оставалось неоднозначным: с одной стороны, представители изучаемого сословия способствовали укоренению в Вятско-Камском регионе

прогрессивных форм хозяйствования, связанных с буржуазным укладом, проявляли активность в общественно-политической жизни, а с другой – олицетворяли собой слой населения феодальной эпохи, на смену которому приходила новая социальная группа – буржуазия. Сохранение в начале XX в. крупных и влиятельных купеческих организаций указывало на незавершенность процесса классового образования в регионе, что в конечном итоге повлияло и на развитие здесь событий в революционном 1917 г.

Примечания

1. Боханов А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992. С. 30.
2. Цифровые данные приводятся по книге: Судовиков М. С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX века. Киров, 2009. С. 322.
3. Судовиков М. С. Указ. соч. С. 323–330.
4. Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1914 год. Отд. I. Вятка, 1913. С. 25.
5. ГАКО. Ф. 632. Оп. 1. Д. 336. Л. 22–26об.
6. Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 4782. Л. 1–118; и др.
7. Там же. Ф. 628. Оп. 17-а. Д. 12. Л. 1–32.
8. Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5568. Л. 3–8.
9. Всего не менее 10 фамилий (ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3543. Л. 2–4об., 21об., 28, 30–30об., 40об., 41об. и др.).
10. Там же. Л. 2об.
11. Там же. Л. 71–72.
12. Обзор Вятской губернии за 1913 год: приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. Вятка, 1914. С. 36–37.
13. Сергеев Б. Г. Вятские воспоминания (1890–1906 гг.). Ч. 2. О быте // Отд. краевед. литературы Кировской обл. науч. библ. им. А. И. Герцена. Фонд «Д». № 641. С. 193–195.
14. Там же. С. 195–196.
15. Хроника общественной жизни за 1909 и 1910 гг. // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1911 год. Отд. II. Вятка, 1910. С. 97, 119.
16. Там же. С. 119.
17. ГАКО. Ф. 628. Оп. 20. Д. 52. Л. 14–29; Предложения об учреждении биржевых комитетов обсуждались и в уездных городах. «Нужда в биржевом комитете в Сарапуле действительно назрела, и нужно думать, что по этому вопросу будет создано совещание представителей города, земства, госуд. и частн. банков», – сообщалось в феврале 1917 г. в «Прикамской жизни» (№ 37. 17 февр.).
18. ГАКО. Ф. 587. Оп. 10. Д. 9. Л. 273–274об.
19. Там же. Ф. 170. Оп. 2. Д. 73. Л. 15об.
20. Там же. Ф. 582. Оп. 155. Д. 31. Л. 283.
21. Вятская речь. 1916. № 120. 11 июня.
22. Прикамская жизнь. 1916. № 81. 15 апр.
23. ГАКО. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–27.
24. Там же. Л. 151–152об., 156–157; Вятская речь. 1917. № 179. 20 авг.
25. ГАКО. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 1. Л. 315–315об.
26. Там же. Л. 376–376об.
27. Там же. Л. 427.
28. Там же. Л. 428–429.
29. Прикамская жизнь. 1917. № 49. 3 марта.
30. Там же. № 50. 4 марта.
31. Там же. № 51. 5 марта.
32. Вятская речь. 1917. № 248. 18 ноября.

УДК 94(470.342):342(470)"18/19"

А. А. Ситникова

**НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА
И ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВЯТСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.***

В статье рассматривается нормативно-правовая база, на основании которой действовали губернаторы Российской империи. Раскрываются статус, права, обязанности и ответственность губернаторов, а также их административные функции. Кроме того, анализируется управленческая деятельность вятских губернаторов в конце XIX – начале XX в.

The article considers the legal basis which the governors of the Russian empire relied on in their activities. The article deals with the status, rights, duties and responsibilities of governors, as well as their administrative functions. The author analyzes managerial activities of the governors in the late XIX-early XX centuries.

Ключевые слова: губернатор, Вятка, полномочия, нормативно-правовая база, управление.

Keywords: governor, Vyatka, the authority of the governor, legal framework, management.

В системе местного управления губернатор являлся высшим должностным лицом и главой местного управления в конкретно взятой губернии. Губернатор занимался обширной управленческой деятельностью, которая оказывала огромное влияние на экономическую и общественно-политическую жизнь региона.

В дореволюционной историографии даются различные понятия «губернаторской должности». Известный правовед В. М. Гессен анализировал статьи Свода законов Российской империи и пришел к выводу, что в статьях дано различное понятие губернаторской должности: «Ст. 292 Общего учреждения губернского называет губернатора представителем высшей в губернии власти; ст. 271 и 272 – представителем высшей правительственной, или административной, в губернии власти; ст. 201 – начальником и правителем губернии; ст. 270 – непосредственным начальником губернии, ст. 274 – исполнителем и, так сказать, оберегателем закона и т. д.» [1].

Ученый считал, что данное понятие имело двойственный характер, который выражался в том, что губернатор как представитель высшей власти в губернии был органом местного надзора, а как представитель Министерства внутрен-

них дел принимал активное участие в управлении губернией.

На двойственность понятия «губернаторская должность» обращал внимание и барон С. А. Корф в статье, опубликованной в журнале «Вестник права» за 1901 г.: «Наказ 1837 года дал всю власть надзора губернатору, но не освободил его от управления... в нашем действующем законодательстве губернатор преимущественно орган активного управления, функции же надзора остались у него только как исторические рудименты» [2]. Исследователь считал, что функция надзора играла второстепенную роль, а основной была функция управления.

О. О. Эйхельман в своем исследовании также анализировал данное понятие: «Губернатор назван хозяином и начальником губернии... Но он, тем не менее, лишь исполнитель и оберегатель законов... и с этой властью заботится о возвышении благосостояния края» [3]. Существование института местного управления, в том числе и должности губернатора, представлялось ученому необходимостью.

Таким образом, исследование полномочий губернатора вызвало большой интерес среди ученых конца XIX в., должность губернатора представлялась им неоднозначной и многофункциональной.

Современные исследователи также уделяют внимание данному вопросу. В работе А. М. Лысенко указывается на то, что к концу XIX в. возросли административные полномочия губернатора [4]. Надзорную функцию губернатора анализирует С. А. Трушков: «Губернатор обладал широчайшими надзорными полномочиями по отношению к органам городского самоуправления» [5]. Дуализм функций губернатора рассматривает О. Н. Богатырева. Она анализирует функцию надзора за органами местного самоуправления и приходит к выводу: «Разделение управленческих функций приводило к дублированию и нескоординированным действиям государственных и общественных учреждений, порождало противоречия, что в итоге сказывалось на эффективности всей системы управления» [6].

Правовые основы деятельности губернатора регулировались законодательством Российской империи. Губернатор осуществлял руководство губернией на основании «Общего Учреждения Губернского» [7], где в отделе II «О губерниях» (Отд. II. Гл. I. Раздел 2 Общего учреждения губернского) была подробно регламентирована деятельность губернатора, был определен его статус, права и обязанности. Кроме того, губернатор опирался на подробные инструкции, которые он получал от центральной власти: «...каждый губернатор получал от центральной власти подробные инструкции, развивающие об-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, номер проекта 12-11-43004.

щие положения применительно к конкретной ситуации в данном регионе» [8]. Назначение губернатора на должность происходило на основании ст. 263: «Губернаторы определяются и увольняются именными Высочайшими указами и Вместе Высочайшими приказами» [9].

Так, Ковенский губернатор действительный статский советник Н. М. Клингенберг был назначен Вятским губернатором по повелению императора, что подтверждает указ императора из Правительствующего Сената от 11 июля 1896 г.: «Именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату, в 11 день сего июля, Ковенскому губернатору, действительному Статскому Советнику Клингенбергу всемилоостивейшее повелено быть Вятским губернатором...» [10].

О назначении на должность Вятского губернатора всегда упоминалось в Памятной книжке Вятской губернии. Например, в разделе хроники общественной жизни г. Вятки и Вятской губернии на 1904 г. была помещена заметка: «23 ноября Вятский губернатор д. с. с. П. Ф. Хомутов назначен Казанским губернатором; Казанский вице-губернатор д. с. с. А. Г. Левченко – Вятским губернатором» [11].

Губернатор как должностное лицо был наделен определенным набором прав и обязанностей, которые были отражены в действующем законодательстве конца XIX в. Они имели право назначать и увольнять должностных лиц, кроме того, действующим законодательством того времени были определены обязанности губернатора. Статья 270 отдела II «О губернаторах» содержит общие обязанности губернаторов: «Губернаторы, как непосредственные начальники вверенных им высочайшего Государя Императора волею губернии... Имея постоянное и тщательное попечение о благе жителей всех состояний управляемого им края и вникая в истинное его положение и нужды, они обязаны действием данной им власти охранять повсюду общественное спокойствие, безопасность всех и каждого и соблюдение установленных правил, порядка и благочиния. Им поручены и принятие мер для сохранения народного здоровья, обеспечения продовольствия в губернии, доставление страждущим и беспомощным надлежащего призрения и высший надзор за скорым исполнением всех законных постановлений и требований» [12].

Многие исследователи разделяли обязанности губернаторов на группы или категории. Например, А. Д. Градовский, анализируя обязанности губернаторов, сгруппировал их в четыре категории.

К первой категории обязанностей автор отнес «блжительство неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и повсеместного, точного исполнения законов, уставов, высочайших повелений, указов Правитель-

ствующего Сената и предписаний начальства» [13]. Вторая категория отражала прямые административные обязанности, выполняемые губернатором как лично, так и через состоящие под его председательством и руководством учреждения. Третья категория: губернатор принимал участие в различных действиях местных административных ведомств и в суде, если закон требовал его участия. Четвертая категория отражала надзорную деятельность губернатора относительно земских и городских учреждений.

О. О. Эйхельман уделяет внимание полномочиям губернаторов в социальной сфере: «В частности, на него возложено и общее наблюдение за ходом и направлением первоначального обучения в народных школах. Все сиротские дома, больницы, богадельни, дома для умалишенных и тому подобные учреждения, поступившие в общественное ведение, подчинены губернатору, который вправе требовать исполнение в них всего, согласно уставу учреждения. Освидетельством сумасшедших и безумных, в особом губернском присутствии распоряжается губернатор. По соглашению с попечителем учебного округа губернатор разрешает обществам и на частные пожертвования открывать технические училища с курсом не выше соответствующим уездным училищам» [14].

Помимо вышесказанного губернаторы обязаны представлять императору срочные ведомости по разным предметам, а именно: о чрезвычайных повинностях или нарядах, о недоимках, о важных происшествиях, о лицах, состоящих под надзором полиции, об отставленных от службы военных и гражданских чиновниках, о выданных из канцелярии губернатора заграничных паспортах, об иностранцах, присягнувших на подданство России [15].

Таким образом, обязанности губернатора были довольно обширными и затрагивали большой круг вопросов, касающихся общественной жизни губернии.

Следует отметить, что в обязанности губернаторов входило и представление отчетов о состоянии губернии непосредственно императору, рапорты и донесения императору и правительствующему Сенату.

А. Д. Градовский выделяет два вида общих отчетов губернатора о состоянии губернии. Первый вид отчетов составляется после первого «обозрения» губернии, которое губернатор был обязан произвести сразу же после вступления в должность. Затем губернатор был обязан представить рапорт императору и записку о состоянии губернии. Министру внутренних дел и генерал-губернатору губернатор отправлял копии с донесениями и записки. Такого рода ревизии губернаторы должны были производить один или два раза в год. Кроме того, губернаторы были обязаны пред-

ставлять императору ежегодно общий отчет о состоянии губернии за прошедший год.

Так, Вятский губернатор Ф. Ф. Трепов в особой записке довольно подробно описывал состояние Вятской губернии: «Народная нравственность в губернии представляется удовлетворительной. Свыше чем трехмиллионное население... имеет свойственные этому классу черты: трудолюбие, сравнительную строгость и чистоту нравов, простоту образа жизни, скромность потребностей. ...Дело народного образования в губернии поставлено правильно. К развитию его направлены усилия как земства, так и духовенства; к чести этих деятелей – они работают дружно» [16].

В данной записке Ф. Ф. Трепов затрагивал широкий круг вопросов жизни Вятской губернии, делая акцент на социальные проблемы населения. В целом, отчеты губернаторов о состоянии губернии отражали различные аспекты жизни губернии.

В обязанности губернаторов входило и издание различного рода приказов, распоряжений, циркуляров. Так, губернатор П. К. Камышанский издал приказ по поводу ревизии делопроизводства и денежной отчетности Сарапульского уездного полицейского управления. Губернатор остался доволен проведенной ревизией, о чем было упомянуто в Вятских губернских ведомостях [17]. В целом П. К. Камышанский был человеком образованным и гуманным и, как утверждает его современник А. А. Прозоров, «за короткое свое пребывание сумел внушить к себе всеобщее уважение» [18].

За 7 лет управления Вятской губернией А. Ф. Анисьиным было опубликовано немало циркуляров, предназначенных для уездных съездов, земских начальников и волостных правлений Вятской губернии [19].

Содержание циркуляров касалось разъяснений различных положений и временных правил, различного рода обращений в письменных объявлениях, решения по поводу жалоб, о выдаче паспортов, по вопросам подсудности, о порядке взыскания долгов и т. д.

Например, циркуляр губернатора А. Ф. Анисьинова от 19 сентября 1891 г. № 2984 был обращен к земским начальникам Вятской губернии и касался вопросов делопроизводства: «Ввиду же того, что упорядочение делопроизводства волостных правлений находится в прямой зависимости от служебных качеств лиц, исполняющих обязанности волостных писарей, предлагается гг. земским начальникам, при определении на означенные должности, неупустительно наводить справки о прежней службе и о благонадежности кандидатов на писарские должности» [20].

Таким образом, одной из основных обязанностей губернаторов было издание правовых ак-

тов: приказов, распоряжений, циркуляров. В свою очередь данные правовые акты влияли на жизнь губернии. Они распространяли свое действие на территорию губернии и были обязательны для исполнения населением.

Помимо вышеуказанных полномочий, губернаторы имели право осуществлять надзорную деятельность в рамках своей губернии.

Существовало два направления надзорной деятельности губернатора: надзор за должностными лицами и надзор за деятельностью учреждений. Надзор за правительственными должностными лицами выражался в том, что губернатор назначал на должность, контролировал определение чиновников, служащих в местных административных учреждениях в должностях до VII класса включительно. Кроме того, через губернатора шли все представления местных административных начальств, за исключением контрольных палат, о награждении подведомственных им лиц.

Губернаторы несли ответственность за свои неправомерные действия и неправомерные действия своих подчиненных. Ответственность губернаторов за преступления должности была отражена во II томе Свода законов Российской империи. Кроме того, поводом к возбуждению ответственности губернатора было неумышленное, но неоднократно повторявшееся нарушение им закона.

Таким образом, законодательство конца XIX в. четко регламентировало не только права и обязанности, но и определяло надзорную деятельность и ответственность губернатора. Фактически управленческая функция доминировала, а надзорная была номинальной.

Управленческая деятельность губернаторов была разнонаправленной и содержала в себе различные аспекты внутреннего управления губернией. Итогом управления губернией становились социально-экономические показатели в статистических отчетах, отношение центральной власти и взгляды жителей губернии на проводимую управленческую деятельность губернатора.

Так, о грамотной работе губернатора Ф. Ф. Трепова говорит письмо С. Ю. Витте от 27.11.1895 № 3940: «...деятельность Податной инспекции Вятской губернии находит полное содействие со стороны Вашего Превосходительства и заслужила Ваше особенное внимание. Видя в таком сочувственном отношении Вашего Превосходительства к податной инспекции залог достижения той пользы, какая ожидается от этого института и успешного развития ее деятельности вверенной Вам губернии – считаю долгом засвидетельствовать Вам мою искреннюю признательность...» [21].

Письмо от министра финансов с благодарностью получал и губернатор Н. М. Клингенберг:

«...дело осуществления питейных реформ в Вятской губернии, обладающей значительным и разнородным населением, прошло вполне успешно, не вызвав никаких осложнений. Не сомневаясь, что столь благоприятные результаты были достигнуты предначертанными Вами мерами, пользуюсь случаем выразить Вашему Превосходительству мою искреннюю за это благодарность...» [22].

Особую популярность среди населения приобрел Ф. Ф. Трепов за счет своей деятельности по управлению Вятской губернией: «С приездом в город Вятку начальника губернии Ф. Ф. Трепова по его инициативе устраивается настоящая телефонная сеть, соединяющая почти все присутственные места, центральной станцией для этой сети служит помещение канцелярии губернатора. Сеть почти закончена устройством, а сообщение между всеми присутственными местами откроется завтра, 1-го января» [23].

Таким образом, положительная деятельность губернаторов поощрялась благодарственными письмами министерства финансов Российской Империи, а также позитивным откликом у населения губернии.

В годы революции политические взгляды населения губернии менялись, большой общественный резонанс имело любое ужесточение местного уклада жизни населения. Губернаторам приходилось принимать меры по стабилизации общественно-политической жизни в губернии.

В период революционных событий в стране губернией управлял А. Г. Левченко и 19 декабря 1906 г. губернатором было издано следующее объявление: «Считаю долгом предупредить, что ввиду беспокойного времени всякие скопления на улицах г. Вятки, шествия, манифестации и вообще образование толпы не будут допускаемы. Обращаюсь с просьбой ко всем сохранять спокойствие и самим поддерживать порядок, исполняя тем долг всякого человека, сознающего не только свои права, но и свои обязанности» [24].

В таком же направлении действовал и следующий губернатор, князь С. Д. Горчаков. Его деятельность отражена в официальных документах, периодических изданиях данного периода, в мемуарах современников губернатора. В большинстве известных материалов деятельность губернатора подвергалась критике.

А. А. Прозоров в своих мемуарах описывает деятельность С. Д. Горчакова следующим образом: «В 1907 г. губернатором был уже церемониймейстер Высочайшего двора — князь Сергей Дмитриевич Горчаков... разве еще раз упомянуть его, как гасителя проявления всякой общественной жизни, городской, земской, клубной и газетной литературы» [25].

Газета «Вятский край» активно критиковала управленческую деятельность губернатора С. Д. Горчакова. Газета описывала решение губернатора по вопросу неправомерного обыска в г. Сарапуле земского агронома Воробьева. Заявление губернатору предоставила губернская управа и просила его расследовать данный случай. Губернатор прислал свой ответ губернской управе: «На представление от 17-го с. августа за № 6096 уведомляю губернскую земскую управу, что когда губернская управа рассылает нелегальную литературу, “выборгское воззвание” и прокламации по земской почте, я не могу быть уверенным в политической благонадежности агентов губернской земской управы и потому не нахожу возможным сделать какое-либо распоряжение по представленному губернской управой заявлению сарапульской управы за № 926. Действия пристава законны. И. д. губернатора князь Горчаков» [26]. В ответ губернская управа подала жалобу в Сенат и привлекает губернатора к ответственности за клевету, так как «Выборгское воззвание» она не распространяла.

Общественность критиковала князя также за постановления, которые довольно затруднительно было реализовать в связи с особенностями деятельности жителей Вятской губернии.

Например, князь издал постановление, по которому «воспрещается иметь или приобретать без надлежащего разрешения охотничьи ружья как гладкоствольные, так и нарезанные». Данное постановление было довольно актуальным в постреволюционное время, но в обществе оно вызвало широкий резонанс, так как в губернии несколько волостей, в которых население занималось охотой на рябчика и белку, «и можно с уверенностью утверждать, что нет ни одной средней руки деревни, где бы не было у мужичков 2–3 ружей. Чтобы получить разрешительное свидетельство, необходимо ехать в уездный город к исправнику и уплатить 1 р. 50 к. гербового сбора. Громадные, совершенно непроездные, охотничьи кайска и синеглинская волости лежат от уездного города верстах в полуторах, не меньше» [27].

В итоге спустя 2 года с начала руководства губернией на князя был написан ряд жалоб со стороны местных жителей, недовольных его методами управления. Об этом инциденте сообщалось в газете «Вятский край» в разделе «Хроника»: «По сообщению столичных газет, 1 марта председатель совета министров П. А. Столыпин вызвал по телеграфу вятского губернатора Горчакова, после целого ряда жалоб со стороны местных жителей на незаконные его действия во время выборов в Государственную Думу и на целый ряд репрессий по отношению к выборщикам левого блока. Вятские депутаты вносят на днях запрос в Государственную Думу по поводу действий губернатора Горчакова» [28].

По итогам жалоб была назначена ревизия в губернию, которая, однако, не выявила серьезных нарушений.

Губернатор А. Г. Левченко в решении вопросов, связанных с управлением губернией, опирался на законодательство. Так, в ответ на рапорт Елабужского исправника: «Сегодня в 12 до 3-х часов дня приказчики толпою предлагали насильно закрыть магазинам купцам закрыть магазины и добровольно установить прекращение торговли в воскресные дни, большинство хозяев согласились, малая часть отказались. Насилий, беспорядков не производили, но в следующее воскресенье хотят насильно закрыть магазины. Следует ли последним в случае, если запрещения полиции ослушаются, рассеять их или привлечь только к ответственности по 38 и 142 ст. устава» – губернатор ответил: «На рапорт 22.10.1905 уведомляю, аресты могут быть производимы только на точном основании закона, а не административную властью» [29].

В связи с обострившейся политической ситуацией и революционными настроениями в стране жизнь Вятской губернии была дестабилизирована, действующая власть того периода критиковалась населением. Любая управленческая деятельность приводила к недовольству среди народа. В свою очередь, губернаторы, нередко вынужденные применять непопулярные меры, продолжали опираться на закон.

Помимо установленных законом методов управления губерниями вятские губернаторы использовали довольно необычные методы. Так, в одном из мемуаров известного жителя Вятки А. А. Прозорова была описана деятельность губернатора Ф. Ф. Трепова, который, как утверждал мемуарист, любил ходить переодетым по улицам города: «Однажды в каком-то шинке поднял шум, и будучи не узан, был взят в полицию, где, раскрыв свою личность, благодарил полицию за правильность действий» [30].

Такой метод позволял губернатору оценивать деятельность местного управления в отношении простого жителя губернии.

Таким образом, деятельность губернатора была регламентирована статьями Свода законов Российской Империи. Губернатор был наделен определенными полномочиями, необходимыми для осуществления своей деятельности. Помимо управленческой деятельности губернатор осуществлял и надзорную деятельность в рамках своей губернии и полномочий. Губернаторы издавали различные правовые акты: циркуляры, постановления, приказы, объявления, которые влияли не только на деятельность чиновничьего аппарата, но и регламентировали жизнь всей губернии.

В период общественно-политической нестабильности населением активно критиковалась управленческая деятельность губернаторов, несмотря на ее законный характер. В случаях массового недовольства центральная власть проводила проверки деятельности губернаторов, но, как правило, нарушений в действиях губернатора не выявлялось.

Примечания

1. Гессен В. М. Вопросы местного управления. СПб.: Право, 1904. С. 23.
2. Корф С. А. Очерк исторического развития губернаторской должности в России // Вестник права. 1901. № 9. С. 148.
3. Эйхельман О. О. Обзор центральных и местных учреждений управления в России и устава о службе по определению от правительства. Киев, 1890. С. 24.
4. Лысенко А. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской Империи (XVIII – начало XX в.). М., 2001. С. 101.
5. Трушков С. А. Администрация и полиция Вятской губернии второй половины XIX – начало XX века. Киров, 2003. С. 9.
6. Богатырева О. Н. Губернская администрация и земское самоуправление. Вторая половина XIX – начало XX века // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 111.
7. Общее учреждение губернское // Свод законов Российской империи. Т. II. 1892. С. 2.
8. Лаптева А. Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века). М., 1998. С. 51.
9. О губернаторах // Свод законов Российской империи. Т. II. 1892. С. 23.
10. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 582. Оп. 138-оц. Д. 200/оц. Л. 1.
11. Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1906 год. С. 80.
12. О губернаторах // Свод законов Российской империи. Т. II. 1892. С. 24.
13. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Т. III. СПб., 1883. С. 232–235.
14. Эйхельман О. О. Указ. соч. С. 34.
15. Градовский А. Д. Указ. соч. СПб., 1883. С. 269.
16. ГАКО. Ф. 582. Оп. 66. Д. 10. Л. 1.
17. Вятские губернские ведомости. 1909. № 51. С. 2.
18. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1-оц. Д. 420-оц. Л. 44.
19. Сборник руководительных циркуляров вятского губернатора Анисина и исправляющего должность губернатора Ратькова-Рожнова относительно деятельности уездных съездов, земских начальников и волостных правлений. Вятка. 1894. С. 1.
20. Там же. С. 27.
21. ГАКО. Ф. 582. Оп. 40. Д. 55. Л. 146.
22. Там же. Оп. 138-оц. Д. 200/оц. Л. 310.
23. Вятские губернские ведомости. 1894. № 105. С. 3. Местный отдел.
24. Календарь и Памятная книжка Вятской губернии за 1906. С. 80.
25. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1-оц. Д. 420. Л. оц. Л. 44.
26. Вятский край. 1907. 13 янв. С. 2–3.
27. Там же.
28. Вятский край. 1907. 7 марта. С. 4.
29. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 220-оц. Л. 1, 14.
30. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1-оц. Д. 420-оц. Л. 38.

*Д. Н. Китаев***РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ
РАЗВЁРСТКИ НА ХЛЕБ 1919–1920 гг.
В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ**

В статье освещены различные стороны деятельности продовольственных органов по проведению продовольственной развёрстки в Вятской губернии в 1919–1920 гг. Показаны проблемы, с которыми столкнулись власти при проведении в жизнь развёрстки, а также способы их решения.

The article illustrates different aspects of food authorities' activity in implementation of food allotment in Vyatka region in 1919 – 1920. It is shown the problems of allotment which the local powers faced with, and the solutions found by them.

Ключевые слова: советская продовольственная политика, продразвёрстка, Гражданская война, хлебная монополия.

Keywords: Soviet food policy, food allotment, Civil War, corn monopoly.

Основным компонентом проводимой Советской властью продовольственной политики в 1919–1920 гг. являлась продразвёрстка, официально декретированная Совнаркомом РСФСР 11 января 1919 г. Но фактически переход к таковой как к методу практического осуществления хлебной монополии начался ещё до её декретирования. На Всероссийском совещании продработников в Москве 30 декабря заместитель наркома продовольствия Н. П. Брюханов говорил, что Наркомпрод начал применять в порядке опыта в местном масштабе хлебную развёрстку в ряде губерний (в том числе и в Вятской) с июня 1918 г., когда предъявлял местным властям и населению регионов требование поставить к установленному сроку государству определённое количество хлеба [1]. Впрочем, инициатива введения развёрстки могла исходить и от низовых руководителей. Так, летом 1918 г. Советом крестьянских депутатов Сарапульского уезда было принято решение разверстать по наиболее богатым волостям хлебные излишки, которые подлежали сдаче на ссыпные пункты. В результате при помощи небольшого вооруженного отряда намеченный объем заготовок был обеспечен в уезде на 80–85% [2].

Продразвёрстка являлась логическим продолжением той продовольственной политики, которая проводилась в 1918 г. Во вводной части узаконившего ее документа отмечалась преемственная связь с майско-июньскими декретами о продовольственной диктатуре [3]. Действительно, организация комитетов деревенской бедноты и

рабочих продовольственных отрядов – этих важнейших инструментов продовольственной диктатуры – создали необходимые условия для введения продразвёрстки, которая основывалась также на объявленной еще в марте 1917 г. предшественниками большевистского правительства государственной хлебной монополии и связанной с нею политике твердых цен. Что же нового содержала в себе идея продразвёрстки?

Новое заключалось в том, что излишки хлеба у крестьян определялись уже не их потребностью и фактическим наличием у них хлеба, а потребностью государства в хлебе и возможностями каждой губернии. Само понятие «излишек» стало обозначать то количество хлеба, которое село, волость, уезд, губерния должны были сдать государству. «Развёрстка, данная на волость, уже является сама по себе определением излишков» [4], – так разъяснялось в письме ЦК РКП(б) всем губкомам партии.

Е. Г. Гимпельсон справедливо замечает, что продразвёрсткой предусматривалось изъятие излишков хлеба без гарантированной компенсации издержек хлебодержателя промышленными товарами [5], что подтверждается данными, приводимыми М. И. Давыдовым: промышленность в целом по стране смогла дать товаров для оплаты стоимости лишь 50% заготовленного по продразвёрстке 1919 г. хлеба [6]. Вятский губернский продовольственный комиссар Изюмов отмечал в декабре 1919 г., что продовольственные органы имеют возможность уплатить за 1 руб., взятый с крестьянина, лишь 30 копеек промышленными товарами [7]. Таким образом, очевидно, что на одном товарообмене систему продовольственных заготовок построить было невозможно.

Введение продразвёрстки при частичном, ущербном товарообмене (который был всё-таки экономической мерой) окончательно закрепило переход к принудительным мерам заготовок. В условиях постоянного роста Красной армии (в декабре её численность достигла 1 млн чел.), а также упомянутых проблем с нехваткой промышленных товаров обращение к ним в высшей степени стимулировалось усиливавшимся в городах голодом. Но следует подчеркнуть, что продразвёрстка изначально вводилась как явление временное. Текст декрета начинался с акцентирования вынужденности принимаемой меры: «В целях срочной поставки хлеба для нужд Красной Армии и бесхлебных районов...» [8] Уже это говорит о чрезвычайном характере декрета. Статьи 6–9 декрета устанавливали сроки выполнения развёрстки применительно только к 1919 г. [9] Позже эти сроки были конкретизированы, о чём речь пойдёт ниже.

Декрет от 11 января вводил продовольственную развёрстку только на хлеб и фураж. На большин-

ство остальных продуктов питания она была распространена позже, в течение 1919–1920 гг., по мере нарастания голода в стране [10]. Постепенно уточнялась и практика ее реализации. Если в 1918 г. Наркомпрод, облагая развёрсткой Вятскую губернию, не руководствовался никакими статистическими данными, а развёрстка в 12 млн пудов хлеба была выполнена за счёт запасов прошлых лет, то новая декретированная развёрстка основывалась на официальных статистических показателях урожайности прошлых лет [11]. Продовольственная развёрстка на губернию была определена в размере 13,7 млн пудов хлеба. Она подлежала выполнению не сразу, а в 4 срока: к 15 ноября 1919 г. – 30%; к 15 января 1920 г. – 30%; к 15 апреля – 15%; к 15 мая – 25% [12].

С введением продразвёрстки изменился сам метод подсчёта хлебных излишков. Взамен подворного учёта применялся способ определения посевных площадей и средних урожаев по каждому селению. Губпродком совместно с губернским статистическим бюро получали от волостных и сельских исполкомов сведения о посевной площади сельскохозяйственных культур. Сводка и проверка полученных данных возлагались на особые уездные комиссии. Затем на основе данных губстатбюро о видах на урожай, пробных обмолах, данных об урожайности за прошлые годы определялось, сколько хлеба подлежит сдаче государству с каждого уезда. Доминантным основанием для определения размера развёрстки являлась производительность почвы и количество сенокосных угодий. При этом также учитывался размер потребления, т. е. количество едоков в семье и общее экономическое положение хозяйств, в том числе и степень их разорённости белогвардейцами [13]. Последний фактор подчас приобретал особую остроту. За время господства белогвардейцев в Кельчинской волости Сарапульского уезда там осталось всего 250 лошадей на 1727 домашних хозяйств. В Полозовской волости того же уезда осталось 40 лошадей на 890 дворов, а в Камской и вовсе 50 на 2000 дворов [14].

Согласно циркулярной телеграмме Наркомпрода местные продовольственные органы обязались в сжатые сроки, не позднее 31 января 1919 г. довести до сведения каждого крестьянина, облагаемого развёрсткой, количество продуктов, причитающееся с его хозяйства [15]. Губерния производила развёрстку по уездам (8 из 12 уездов были признаны производящими по хлебу и 9 – по фуражу) [16], уезды – по волостям, волости – по деревням, а деревни на основании произведённого учёта должны были произвести развёрстку по отдельным дворам. Объектом развёрстки являлась община, деревенский «мир», который становился ответственным в по-

рядке круговой поруки за выполнение продовольственной развёрстки каждым его членом [17]. Добавим к этому, что коллектив (селение, обложенное развёрсткой) выступал не только объектом натурального налогообложения, но и субъектом распределения среди своих членов промтоваров. Согласно инструкции к декрету от 5 августа 1919 г. «Об обязательном товарообмене», снабжение деревни товарами должно было вестись только на основе коллективного товарообмена, а не индивидуального [18]. Таким образом, промышленные товары не могли выдаваться в частные руки, так как это не привело бы к равномерному распределению товаров и могло вызвать спекуляцию этими дефицитными товарами.

Продовольственная развёрстка была принята властями Вятской губернии как тяжёлая, но необходимая мера. V губернский съезд Советов в ноябре 1919 г. своим большинством полностью одобрил продразвёрстку как оправданную сложившимися обстоятельствами разновидность продовольственной политики. При этом около половины делегатов съезда составляли беспартийные крестьяне [19].

Выполнение продразвёрстки осуществлялось на крайне неблагоприятном социально-экономическом фоне. Речь идёт об общей экономической разрухе, нехватке рабочих рук в губернии из-за мобилизации на фронт, военных действиях в пределах Вятской губернии и занятии на некоторое время наиболее плодородных южных уездов белогвардейцами.

Поэтому проведение её в жизнь постоянно требовало и нажима и помощи (местному руководству, партийным организациям) «сверху», особенно во время кампании 1919 г. по засеву озимых полей. Губернские власти получили на этот счёт из Наркомпрода подробные указания в категорической форме. В их числе требование кредитовать неимущих крестьян семенами под 12% годовых с возвратом государству натурой. Попытки нецелевого использования семян могли обернуться их конфискацией. Члены волостных и сельских Советов подлежали суду в случае ненадлежащего с их стороны контроля за исполнением этого требования [20]. Тем не менее недосевы полей имели место. Так, в Глазовском уезде недосев ржи по сравнению с 1918 г. составил 20% [21].

Следующей проблемой при реализации продразвёрстки было производство учёта у крестьян имеющихся продуктов, подлежащих развёрстке. Учёт нередко затягивался по разным причинам. Иногда в целой волости (например, в Агрызской Сарапульского уезда) не было мельниц, а хлеб учитывали только обмолоченный. По этой же причине в Нечкинской волости того же уезда встречались хлебные скирды, в которых хлеб уже

«сгнил совершенно» [22]. В Гольяновской волости Сарапульского уезда обмолот хлеба задерживался из-за трудовых повинностей, выполнявшихся местным населением на Воткинском заводе и железных дорогах [23]. По сведениям уполномоченного Наркомпрода в Вятской губернии учёт хлеба производился «наглядно – приблизительно» в пользу владельца хлеба [24].

Наконец, не один раз встречались случаи, когда посланные из уезда чиновники не допускались местным населением к учёту хлеба [25]. Помимо местных учётчиков, в уездах работали и присланные из центра. Так, в феврале в Сарапульский и Яранский уезды прибыли две группы специалистов по 90 и 60 человек соответственно. Ю. К. Стрижков свидетельствует о том, что прибывшие в Яранский уезд специалисты занимались не только учётом продуктов, но и разъяснением населению значения и необходимости развёрстки, контролировали её осуществление и вывоз хлеба на ссыпные пункты [26].

Необходимо отметить, что при организации учёта сельскохозяйственных продуктов у крестьянского населения было допущено немало ошибок. Так, в обзоре продовольственной работы в Слободском уезде за 1918–1919 гг. указывалось, что низшие органы в уезде (видимо, волисполкомы) поняли продразвёрстку как «общий принудительный сбор с каждого домохозяина» и возложили её на граждан, не считаясь с их имущественным и социальным положением [27]. В газете «Деревенский коммунист» крестьянин Лысков писал о том, что в его деревне Лысенской Слободского уезда неправильно произведён учёт хлеба. При одинаковом урожае овса у него и у его братьев их признали нуждающимися в овсе, а у него нашли излишек 10 пудов. В результате «братьям выдали из общественных запасов овса на три месяца, а с нас требуют “излишки”» [28]. Из-за многочисленных ошибок при учёте хлеба в некоторых волостях создавались специальные комиссии по проверке учёта хлеба [29].

Крестьянин Плеханов из Совинской волости Слободского уезда в том же номере газеты недоумевал по поводу того факта, что у бедняков, у которых собрано по 3 овина, «взяли чуть не всё», а у местного кулака Злобина, который собрал 30 овинов (овин – постройка для сушки снопов хлеба перед молотью. – Д. К.), при описи ничего не нашли. Автор задавался риторическим вопросом – «куда он всё дел?» [30]. Хлеб действительно умели ловко прятать от учёта. В той же газете содержались сообщения о том, что, например, в с. Красногорье Котельничского уезда было найдено 8 пудов ржаной муки, зарытой в снег, а в окрестностях селения Кошеевского – 20 пудов [31]. Подобных этим случаев описано в источниках достаточно много. Однако утаивание

продуктов питания было чревато серьезными последствиями для домохозяев. Так, крестьянин Н. Глухих в Медянской волости Вятского уезда в наказание за попытку спрятать бочонок с ячменём был подвергнут конфискации всего хлеба (оставили только на 1,5 месяца по норме). Остроту проблемы лишний раз подчёркивают хотя бы распространявшиеся в периодической печати характерные лозунги: «Кто укрывает хлеб, такой же предатель, как тот, кто укрывает дезертиров!», «Кто не сдал весь хлеб, тот не сдал ничего!» и пр. [32]

Однако даже если учёт был произведён правильно, развёрстка нередко оказывалась непосильной. Следует принять во внимание то обстоятельство, что продразвёрстка была объявлена позже сбора крестьянами урожая, и поэтому они не могли иметь её в виду в своих хозяйственных планах. В телеграмме продкомиссара Советского уезда в губпродком утверждалось, что если брать у населения только излишки, то не будет выполнено и 30% наряда. Комиссар просил губпродком дать указания, как вести дальнейшую работу по заготовке хлеба. Либо брать только те излишки, которые объявит население, или же брать всё, что требуется по наряду, в том числе и семенной хлеб, не считаясь с продовольственным положением населения. Опасаясь негативной реакции крестьян, упродкомиссар отмечал, что на применение последнего способа он решится, только если губпродком возьмёт на себя ответственность за все нежелательные последствия [33]. В ряде случаев ради выполнения наряда не оставляли даже хлеб, предназначенный для кормления телят, поэтому некоторым крестьянам приходилось уничтожать почти весь приплод скота [34].

Однако существенным упрощением ситуации выглядела бы попытка представить объём хлебозаготовок по развёрстке как исключительно непосильное бремя для крестьянских хозяйств. Во многих частных случаях, в том числе и в приведенных выше, это могло быть так. Но стоит прислушаться к руководителям губернии в те годы. Член коллегии губисполкома Коковихин утверждал в июне 1920 г.: «Разверстка не так тяжела для крестьян, ибо спекуляцией крестьянин даёт городу много больше хлебной развёрстки» [35]. Это суждение объективно подтверждалось колоссальной разницей между твёрдыми ценами на хлеб и ценами на него на «чёрном рынке». В конце мая 1920 г. «рыночная» цена за пуд хлеба достигала 6 тыс. рублей, при этом закупочная твёрдая цена по развёрстке составляла 40 рублей [36]. Опасаясь размаха спекуляции и мешочничества, власти на страницах периодической печати старались разъяснить крестьянам простую вещь: чем шире в каком-либо селении развито мешочниче-

ство, тем сложнее ему будет выполнить развёрстку, тем больше это селение от неё пострадает [37]. В деле борьбы со спекуляцией продовольственные власти предпочитали действовать на опережение. Нарком продовольствия А. Д. Цурюпа в телеграмме губпродкому подчеркивал, что чрезвычайно важно начинать выполнение развёрстки как можно быстрее после сбора урожая, пока он не начал уходить «на сторону» [38].

Уже в августе – сентябре 1919 г. начинал запускаться механизм по реализации продразвёрстки. Для этого местные продовольственные органы подвергались определённой перестройке. Непосредственное руководство хлебозаготовительной кампанией осуществляло специально созданное постановлением наркомата продовольствия осенью 1919 г. губернское продовольственное совещание. О чрезвычайной важности этого органа говорит его состав. В губернское продовольственное совещание входили председатель губернского исполкома П. П. Шиханов, губернский продовольственный комиссар А. Изюмов и уполномоченный по продовольствию в Вятской губернии, представитель ВЦИК, председатель губпродсовещания Н. Осинский [39].

Все уезды в продовольственном отношении были поделены на районы. В каждый район посылались инструкторы по продовольствию, которые осуществляли контроль за выполнением развёртки в волостях. В последние, в свою очередь, посылались волостные инструкторы, поддерживавшие связь с губернским продкомом [40]. В Вятском уезде, например, в период выполнения развёрстки действовал 1 райинструктор и 22 волынструктора, в Котельничском – 1 райинструктор и 29 волостных [41]. Помимо прочего, в задачи инструкторов и других продовольственных работников входила агитация за выполнение развёрстки. К этой работе подключались и местные партийные работники, которые должны были объяснять населению тяжесть переживаемого страной положения и значение развёрстки для государства [42]. Агитация среди крестьян подкреплялась практической помощью в уборке урожая. Для этого регулярно проводились мобилизации среди партработников [43]. Но едва ли они могли убедить большинство крестьян отказаться от своего экономического интереса, сделать их «сознательными» вопреки этому интересу.

В силу сказанного, методы проведения в жизнь продразвёрстки тяготели к системе исполнения боевых приказов, почему исполнение продразвёрстки было немислимо без привлечения вооружённых продовольственных отрядов, которые оказывали на крестьян соответствующее моральное, а на особо неговорящих – и прямое физическое воздействие. В одном только далеко не

самом хлебном Глазовском уезде за операционные 1919–1920 гг. работало 20 продовольственных отрядов [44]. Средняя численность отряда составляла 25–30 человек. В некоторых случаях отряды состояли не из рабочих, а из бедных крестьян. Такое явление было характерно для уездов с голодающими волостями [45]. В малоплодородных уездах, например в Вятском, собранный хлеб оставался внутри уезда на удовлетворение местных нужд.

Эффективность деятельности продотрядовцев зачастую зависела от степени их вооружённости. В конце ноября Осинскому пришла срочная телеграмма из Яранска с просьбой о высылке оружия продработникам «в интересах дела достижения психологического воздействия на население» [46]. Нолинский уездный продовольственный комиссар Хоробрых в мае 1920 г., подводя итоги по развёрстке на 1919–1920 гг., прямо указывал, что только после того как рабочие отряды были вооружены, заготовка хлеба пошла в гору [47].

Оружие в руках давало ощущение власти над людьми и являлось подчас искушением для продотрядовцев. Некоторые продотрядовцы не выдерживали этого искушения и, используя оружие, переходили грань дозволенного. Так, продотряд № 1014 во главе с комиссаром Миловановым 22 ноября в деревне Богородское Кумёнской волости Вятского уезда занимался вымогательством продуктов для собственного питания под угрозой расстрела и даже совершил кражу шубы [48]. На пленуме губисполкома в июне 1920 г., в связи с этим, с подачи члена коллегии, руководителя губЧК Г. М. Приворотского, даже рассматривался вопрос о том, чтобы формировать продовольственные отряды исключительно из «красноармейцев, стоящих на высоте положения» [49].

Причитающийся по развёрстке хлеб крестьяне ко всему прочему должны были самостоятельно доставить на ссыпной пункт. Между тем оборудованных ссыпных пунктов зачастую не хватало. Например, в немаленьком Орловском уезде их было всего два: на севере уезда в Верхошижемской волости и на юге уезда в Юрье. В соответствии с постановлением СНК республики от 29 июля 1919 г., за перевозку хлеба на расстояние менее 50 вёрст доплата к его цене не производилась. Если владелец не имел возможности доставить хлеб к месту назначения, то эта операция производилась продовольственными органами за счёт платы, следуемой хлебодержателю [50].

Однако первоначально концентрации хлебных грузов было мало, их ещё следовало доставить из ссыпных пунктов на станции и пристани (ссыпные пункты далеко не всегда совпадали с ними), а с этим также нередко возникали проблемы [51]. На объединённом заседании Вятских губернских

отделов сообщалось, что на 7 августа 1919 г. в ссыпных пунктах Вятской губернии находится 170 тысяч пудов хлеба, который «не представляется возможным вывезти ввиду отсутствия транспорта и мелководья, поэтому страшно трудно запас этот использовать [52]». Заведующий транспортно-материальным отделом при губсовнархозе Якимов, объехавший многие уезды, констатировал, что наряды на мобилизацию гужевых подвод населением выполняются на 25%. В конце концов, учитывая необходимость такого рода мобилизации крестьянских подвод для снабжения Вятки, было решено ввести натуральную плату подводчикам предметами первой необходимости. С другой стороны, согласно постановлению Вятского губисполкома от 28 октября 1919 г., граждане, отказавшиеся от доставки лошадей, необходимых для транспортировки хлеба, должны были привлекаться к ответственности за неисполнение распоряжений Советской власти [53].

Затрудняло выполнение заданий по продразвёрстке также и то обстоятельство, что хлеб должен был свозиться к ссыпным пунктам в обмолоченном виде. В связи с этим губпродком принял в октябре 1919 г. обязательное постановление о мобилизации всех губернских молотилок для срочного обмолота хлеба. Для выполнения соответствующих работ мобилизовывалось всё трудоспособное население в возрасте от 18 до 45 лет. Крестьянские лошади, занятые перевозкой хлеба, освобождались от всех прочих повинностей [54].

Обмолоченный хлеб свозился в ссыпные пункты, сотрудники которых вели учёт доставленных отдельными волостями и селениями грузов и представляли в уездные продовольственные комиссии отчёты по выполнению развёрстки три раза в месяц: 1, 10 и 20 числа соответственно. Зачётные квитанции не выдавались на руки, а посылались в сельсоветы [55]. В свою очередь, упродкомы суммировали данные, получаемые со ссыпных пунктов своего уезда, и доводили их до председателя губпродсовещания Н. Осинского [56].

Весьма важным представляется вопрос, какими же рычагами воздействия на крестьянское население губернии обладали продовольственные власти. Какие же меры могли быть применены к тому или иному селению, не выполнившему развёрстку? Как уже отмечалось ранее, в условиях Гражданской войны и экономической разрухи в деле заготовки продовольствия объективно на первое место выступал силовой рычаг воздействия, а ответственность за выполнение заданий развёрстки несла сельская община с круговой ответственностью ее членов. Селение, не выполняющее развёрстку, могло быть принуждено к выполнению решением ревтрибунала [57]. Для отдельных категорий крестьянского населения

существовала и личная ответственность. Речь идёт о членах волисполкомов, сельсоветах, коммунистических ячеек и прочих людях, обложенных властью. Они в качестве наказания могли быть отправлены на лесозаготовительные и другие виды принудительных работ [58]. Более того, депутаты волостных и уездных Советов обязывались ко второй годовщине Октябрьской революции сдать помимо 30% развёрстки ещё по 6 пудов хлеба каждый [59].

Кроме силового давления на деревню, задействовались и экономические стимулы; правда, в ограниченных масштабах, в связи с упоминавшейся выше проблемой нехватки промышленных товаров в стране. Но все же не следует недооценивать значение установленного местными властями правила, в соответствии с которым шансами на получение товаров обладали лишь те селения, которые выполнили более 5% развёрстки. Количество выданных товаров зависело от процента выполнения продовольственной развёрстки. Это правило было закреплено на V губернском Съезде Советов в ноябре 1919 г. [60] За своевременную и полную сдачу хлебных излишков по развёрстке отдельные селения и даже волости поощрялись дополнительными партиями промышленных товаров. Так, крестьянам Зыковской волости Яранского уезда была выдана двойная норма товаров за энтузиазм в деле выполнения развёрстки [61]. Товары для потребительских обществ отпускались только при предъявлении зачётных квитанций со ссыпных пунктов [62].

Кроме того, в тех волостях губернии, где плохо выполнялась развёрстка, Центр не разрешал переработку масла для нужд населения. Впоследствии компромисс всё же был найден. Центр разрешил переработку льняного семени для нужд населения по норме 35 фунтов на человека в месяц. За переработку крестьяне уплачивали натурой, т. е. с каждого пуда переработанного масла 10 фунтов шло государству [63].

С учетом приведенных выше примеров трудно согласиться (по крайней мере, применительно к Вятской губернии) с категоричностью утверждения Е. Г. Гимпельсона о том, что снабжение деревни промтоварами не зависело от количества сданного ею продовольствия [64]. Итоги кампании по проведению в жизнь продовольственной развёрстки на 1919–1920 гг. подводились по уездам на общегубернском продовольственном совещании в конце мая 1920 г. Приведём официально озвученные цифры по некоторым уездам. В Вятском уезде развёрстка на хлеб была выполнена на 80%, в Нолинском – на 90,9%, в Слободском – на 97,3%, в Глазовском – на 100%. По губернии в целом хлебная развёрстка была выполнена примерно на 97% [65].

Примечания

1. История Отечества: люди, идеи, решения М., 1991. С. 136
2. Филиппов И. Т. Продовольственная политика России в 1917–1923 гг. М., 1994. С. 127.
3. Декреты Советской власти. М., 1968 Т. 4 С. 292–293
4. Цит. по: Гимпельсон Е. Г. Военный коммунизм. Политика. Практика. Идеология. М., 1973. С. 59.
5. Там же. С. 60.
6. Давыдов М. И. Борьба за хлеб: продовольственная политика Коммунистической партии и Советского правительства. М., 1971. С. 135.
7. Деревенский коммунист. 1919. № 283. С. 3.
8. Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 292.
9. Там же. С. 293–294.
10. История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 93.
11. Вятская правда. 1920. № 31. 8 июня. С. 2.
12. ГАКО Ф. 875. Оп. 1 Д. 56. Л. 223.
13. Давыдов М. И. Указ. соч. С. 137; ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 56 Л. 223.
14. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 142. Л. 262.
15. Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу. Кн. 2. С. 324–328.
16. Деревенский коммунист. 1919. № 18. 1 февр. С. 3.
17. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1 Д. 11. Л. 161.
18. Там же. Л. 182об.
19. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 532 Л. 77.
20. ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 180. Л. 6.
21. Вятская правда. 1920. № 5. 6 мая. С. 2.
22. Деревенский коммунист. 1919. № 28. 13 февр. С. 3.
23. Там же. С. 3.
24. Зубарева Л. А. Хлеб Прикамья. Ижевск, 1967. С. 47.
25. Деревенский коммунист. 1919. № 29. 14 февр.; № 43. 2 марта.
26. Деревенский коммунист. 1919. № 36. 22 февр. С. 3; Стрижков Ю. К. Продотряды. М., 1973. С. 167–168.
27. ГАКО. Ф. 737 Оп. 1 Д. 1270 Л. 44.
28. Деревенский коммунист. 1919. № 34. 20 февр. С. 3.
29. Там же. № 262. 18 ноября С. 2.
30. Там же. С. 3.
31. Там же. № 45. 4 марта. С. 3.
32. Там же. № 265. С. 2; № 267. С. 2.
33. ГАКО. Ф. 893. Оп. 1. Д. 383 Л. 6.
34. Деревенский коммунист. 1919. № 53. 22 марта. С. 3.
35. Вятская правда. 1920. № 31 8 июня. С. 2.
36. Там же. № 25. 30 мая. С. 2.
37. Деревенский коммунист. 1919. № 283. 12 дек. С. 3.
38. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 795. Л. 61.
39. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 56. Л. 301.
40. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 829. Л. 26.
41. Вятская правда. 1920. № 24. 29 мая. С. 2–3.
42. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 793. Л. 47.
43. Деревенский коммунист. 1919. № 188. 21 авг. С. 2.
44. Вятская правда. 1920. № 24. 29 мая. С. 2.
45. Там же. С. 2–3.
46. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 532. Л. 57.
47. Вятская правда. 1920. № 24. 29 мая. С. 2.
48. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 532. Л. 86.
49. Вятская правда. 1920. № 1. 8 июня. С. 2.
50. Деревенский коммунист. 1919. № 188. 21 авг. С. 2.
51. ГАСПИ КО. Ф. 1 Оп. 1 Д. 142 Л. 262.
52. ГАКО. Ф. 897. Оп. 1. Д. 15. Л. 225.
53. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 532. Л. 97.
54. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 56. Л. 277.
55. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 874. Л. 2.
56. Там же. Д. 532. Л. 70.
57. Деревенский коммунист. 1919. № 283. 12 дек. С. 3.
58. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 532. Л. 124.
59. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 175.
60. Деревенский коммунист. 1919. № 283. 12 дек. С. 3; ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 532. Л. 77.
61. Деревенский коммунист. 1919. № 248. 31 окт. С. 2.
62. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 256. Л. 182об.
63. Вятское народное хозяйство. 1919. № 21–22. С. 13.
64. Гимпельсон Е. Г. Военный коммунизм. Политика. Практика. Идеология. М., 1973. С. 59.
65. Вятская правда. 1920. № 24. 29 мая. С. 2–3.

ПРАВО

УДК 349.3

А. А. Благодир

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ (АНАЛИЗ ФЕДЕРАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)

В статье на основе системного анализа исследуется социально-обеспечительное законодательство, закрепляющее предоставление нетрудоспособным гражданам преимуществ для их дополнительной социальной защиты. Меры социальной поддержки (ранее – льготы) – достаточно новое понятие в российском законодательстве. Рассматриваются категории граждан, виды предоставления таких мер как на федеральном, так и на региональном уровне.

On the basis of system analysis we study social support legislation which provides advantages of extra social security for incapacitated citizens. Social support measures (former – favors) is quite a new notion in Russian legislation. We consider categories of citizens, types of provision of these measures on the federal and regional levels.

Ключевые слова: меры социальной поддержки, категории получателей, критерии предоставления мер социальной поддержки, источники финансирования, федеральное и региональное законодательство.

Keywords: social protection measures, categories of beneficiaries, criteria for granting social support measures, sources of financing, federal and regional legislation.

Российская Федерация – социальное государство, а из этого следует, что оно должно реально создавать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека, то есть предоставлять определенные гарантии для реализации гражданами права на социальное обеспечение. При этом особой заботой с его стороны должны пользоваться те члены общества, которые в силу объективных жизненных обстоятельств еще не имеют или уже лишились возможности своим трудом зарабатывать себе средства к существованию (старость, инвалидность, безработица, бедность и др.), или этих средств стало недостаточно (рождение ребенка, смерть кормильца и др.). Как известно, реализация гражданами права на социальное обеспечение осуще-

ствляется на централизованном уровне посредством обязательного социального страхования, за счет бюджетных средств и смешанной формы социального обеспечения.

Составной частью системы социального обеспечения России является система мер социальной поддержки (ранее – льгот), закрепляющая предоставление нетрудоспособным нуждающимся гражданам преимуществ для их дополнительной социальной защиты.

«Меры социальной поддержки» – это достаточно новое понятие, которым было заменено понятие «льготы» в связи с внесенными в российское социально-обеспечительное законодательство изменениями.

«Меры» в обычном понимании – действия или совокупность действий, средств для осуществления, достижения чего-либо [1], «социальная (socius – общий, совместный) поддержка» – это то, что поддерживает, служит опорой чему-либо [2] со стороны общества.

Формулируя понятие «меры социальной поддержки» в праве социального обеспечения, следует отметить, что это действия или совокупность действий со стороны общества для поддержания и удовлетворения специфических потребностей членов общества, сохранения ими социальных, бытовых, медицинских и других отношений и связей с обществом.

Раскрывая правовое понятие «льготы» как средства дифференциации правового регулирования общественных отношений, Е. Г. Крылатых в конце 80-х гг. прошлого столетия выделила следующие их признаки: льгота – специальная норма, устанавливающая дополнительные права определенным категориям граждан; дополнительные права предоставляются либо лицам, располагающим (в силу различных причин объективного и субъективного характера) меньшими возможностями реализовывать общую и равную для всех правовую норму с целью достижения фактического равенства в их положении, либо лицам, имеющим особые заслуги перед обществом, с целью их поощрения [3]. Следовательно, законодатель, внося в социально-обеспечительное законодательство изменения (заменяя термин «льготы» на термин «меры социальной поддержки») [4], тем не менее, не меняет самой сути предоставления этих мер гражданам. Это означает, что такая социальная помощь со стороны

государства предоставляется не каждому члену общества, а только тем, кто определен в нормативных правовых актах. Таким образом, меры социальной поддержки предоставляются гражданам, нуждающимся в социальной защите или имеющим особые заслуги перед государством и обществом в целом.

В настоящее время механизм реализации мер социальной поддержки закреплён в федеральных законах и подзаконных нормативных правовых актах РФ: «О ветеранах» от 12 января 1995 г. (в ред. от 9 декабря 2010 г.) [5], «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. (в ред. 19 июля 2011 г.) [6], «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» от 15 мая 1991 г. (в ред. от 11 июля 2011 г.) [7], «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 г. на производственном объединении “Маяк” и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча» от 26 ноября 1998 г. (в ред. от 28 декабря 2010 г.) [8], «О социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне» от 10 января 2002 г. (в ред. от 27 декабря 2009 г.) [9]; в постановлении Правительства РФ: «Об утверждении правил обеспечения проведения ремонта индивидуальных жилых домов, принадлежащих членам семей военнослужащих, потерявшим кормильца» от 27 мая 2006 г. № 313 (в ред. от 2 июня 2008 г.) [10] и др.

В указанных актах определены категории граждан, которым государство гарантирует предоставление мер социальной поддержки независимо от их финансового положения и социального статуса. К таким гражданам относятся инвалиды, участники Великой Отечественной войны и приравненные к ним лица, ветераны боевых действий, а также члены их семей; военнослужащие, проходившие военную службу в воинских частях, не входивших в состав действующей армии, в период с 22 июня 1941 г. по 3 сентября 1945 г. не менее шести месяцев; лица, награжденные знаком «Жителю блокадного Ленинграда», и члены их семей; лица, работавшие на объектах противовоздушной обороны в тылу в период с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. не менее шести месяцев [11]; инвалиды всех групп и семьи с детьми-инвалидами [12]; инвалиды и ликвидаторы последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1986–1987 гг., на объекте «Укрытие» в 1988–1990 гг., лица, приравненные к ним [13]; члены семей военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения военной службы, в том числе при прохождении военной службы по призыву, а также члены семей граждан, проходивших

военную службу по контракту и погибших (умерших) после увольнения с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, общая продолжительность службы которых составляет 20 лет и более [14].

Анализируя законодательство, которое регламентирует предоставление указанным выше категориям граждан мер социальной поддержки, следует отметить, что такие меры могут быть предоставлены: во-первых, как в денежной, так и в «натуральной» форме, во-вторых, финансирование осуществляется за счет средств федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ.

Так, в денежной форме за счет средств федерального бюджета меры социальной поддержки предоставляются в виде ежемесячной денежной выплаты; компенсации в размере 50% расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг; при наличии печного отопления ежегодной денежной выплаты в размере 50% стоимости твердого топлива с учетом норм (нормативов), установленных для продажи населению и транспортных услуг на доставку твердого топлива; один раз в десять лет выделяются средства на проведение ремонта жилого дома [15].

В «натуральной» форме гарантировано обеспечение: протезами (кроме зубных протезов) и протезно-ортопедическими изделиями; жильем граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий; набором социальных услуг. В состав набора социальных услуг включено бесплатное обеспечение по рецептам врачей лекарственными препаратами и изделиями медицинского назначения, при наличии медицинских показаний предоставление путевки на санаторно-курортное лечение; бесплатный проезд на пригородном железнодорожном транспорте, а также на междугородном транспорте к месту лечения и обратно [16].

Предоставление гражданам мер социальной поддержки осуществляется в зависимости от вида поддержки различными органами. К таким органам относятся территориальные органы Пенсионного фонда РФ, органы социальной защиты населения, органы здравоохранения, жилищно-эксплуатационные организации, организации железнодорожного транспорта и др. Большое количество различных органов и организаций, оказывающих меры социальной поддержки, затрудняет для получателей возможность реализации своего права на такие меры.

Одним из нововведений Федерального закона № 122-ФЗ от 22 августа 2004 г. [17] является принципиальный пересмотр системы социального обеспечения граждан России. Во-первых, большинство социальных льгот, предоставляемых

в «натуральной» форме, были заменены денежной компенсацией. Во-вторых, на органы государственной власти субъектов федерации были возложены обязанности по финансированию предоставления мер социальной поддержки гражданам РФ, проживающим на территории соответствующего субъекта федерации.

Законодательная база в субъектах федерации по вопросам, касающимся как социального обеспечения в целом, так и предоставления гражданам мер социальной поддержки, предоставляемых за счет бюджетных средств, в настоящее время сложилась. Она развивает и дополняет федеральное законодательство. В субъектах РФ накоплен достаточно большой опыт законотворчества в сфере социального обеспечения.

К нормативным правовым актам, регулирующим отношения по поводу предоставления мер социальной поддержки, следует отнести законы Кировской области от 29 ноября 2006 г. «О ветеранах труда Кировской области», от 7 декабря 2004 г. «О мерах социальной поддержки ветеранов труда, тружеников тыла и жертв политических репрессий», от 3 ноября 2004 г. «О мерах социальной поддержки отдельных категорий специалистов, работающих, вышедших на пенсию и проживающих в сельских поселениях или поселках городского типа Кировской области»; Закон Нижегородской области от 2 августа 2007 г. № 90-З «О дополнительных мерах социальной поддержки граждан, награжденных нагрудным знаком «Почетный донор России» или нагрудным знаком «Почетный донор СССР» и сдавших кровь в годы Великой Отечественной войны» [18] и др.

Меры социальной поддержки за счет средств субъектов РФ в соответствии с федеральным законом «О ветеранах» от 12 января 1995 г. (в ред. от 9 декабря 2010 г.) [19] гарантированы членам семей погибших (умерших) инвалидов войны, участникам Великой Отечественной войны и ветеранам боевых действий; ветеранам труда.

На основании нормативных правовых актов субъектов РФ меры социальной поддержки могут быть оказаны труженикам тыла, ветеранам труда, необоснованно репрессированным и впоследствии реабилитированным гражданам [20]; многодетным малообеспеченным семьям [21]; участникам боевых действий и членам семей погибших (умерших), пропавших без вести участников боевых действий [22]; бывшим военным, получившим инвалидность вследствие военной травмы в период военной службы в условиях чрезвычайного положения в ходе вооруженных конфликтов [23]; отдельным категориям специалистов, вышедшим на пенсию и проживающим в сельской местности [24] и др.

На уровне субъекта РФ меры социальной поддержки предоставляются в виде денежных вып-

лат в соответствии с их целевым назначением. Это ежемесячные выплаты; социальные выплаты на приобретение жилых помещений; компенсация платы по договору купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд на строительство индивидуального жилого дома или на ремонт и реконструкцию индивидуального жилого дома; компенсация в размере от 30 до 50 процентов расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в зависимости от категории получателя; при наличии печного отопления ежегодная денежная выплата (в установленной сумме) твердого топлива с учетом норм (нормативов), установленных для продажи населению и транспортных услуг на доставку твердого топлива, компенсация расходов на установку телефона в размере 100% тарифа на предоставление доступа к сети местной телефонной станции, компенсация расходов на проезд по территории РФ один раз в год на железнодорожном транспорте в размере 100% стоимости проезда, при осуществлении поездки в районах, не имеющих железнодорожного сообщения, водным, воздушным или автомобильным транспортом в размере 50% стоимости проезда; частичная компенсация оплаты стоимости проезда на городском транспорте.

Следует констатировать, что на федеральном и региональном уровне законодательство, регулирующее отношения по поводу предоставления мер социальной поддержки отдельным категориям граждан, сформировалось. Очевидно, что такая система льгот и привилегий не соответствует принципу равенства и социальной справедливости.

Данный вывод основан на следующих аргументах. Во-первых, законодателем определен круг лиц, имеющих право на меры социальной поддержки. Это граждане, которые имеют те или иные заслуги перед Российской Федерацией; граждане, которые не способны быть полноценными членами общества по состоянию здоровья, а также многодетные малообеспеченные семьи. Во-вторых, в любое время данный круг лиц может быть как расширен, так и сужен. В-третьих, уровень мер социальной поддержки для указанных категорий получателей различен, он напрямую зависит от воли законодателя и наличия финансовых возможностей. В-четвертых, в законодательстве не определены четкие критерии, на основании которых могут предоставляться меры социальной поддержки.

Существующая система мер социальной поддержки не дает основания полагать, что государство проводит целенаправленную и эффективную политику в сфере указанных отношений, направленную на повышение уровня жизни большинства граждан пожилого возраста и инвалидов.

Примечания

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. РАН. Институт лингвистических исследований. СПб.: «Норинт», 2000. С. 533.
2. Там же. С. 533.
3. Крылатых Е. Г. Льготы в советском праве социального обеспечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. С. 10.
4. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: федеральный закон от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 35. Ст. 3607.
5. СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 168.
6. СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.
7. Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 21. Ст. 699.
8. СЗ РФ. 1998. № 48. Ст. 5850.
9. СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 128.
10. СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2505.
11. О ветеранах: федеральный закон РФ от 12 янв. 1995 г. № 5-ФЗ (в ред. от 9 дек. 2010 г.) // СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 168.
12. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (в ред. 6 ноября 2011 г.) // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.
13. О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС: закон РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-1 (в ред. от 11 июля 2011 г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 21. Ст. 699; О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча: федеральный закон РФ от 26 ноября 1998 г. № 175-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2010 г.) // СЗ РФ. 1998. № 48. Ст. 5850; О социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне: федеральный закон от 10 янв. 2002 г. № 2-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2009 г.) // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 128.
14. Об утверждении правил обеспечения проведения ремонта индивидуальных жилых домов, принадлежащих членам семей военнослужащих, потерявшим кормильца: постановление Правительства РФ от 27 мая 2006 г. № 313 (в ред. от 2 июня 2008 г.) // СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2505.
15. Об утверждении правил обеспечения проведения ремонта индивидуальных жилых домов, принад-

лежащих членам семей военнослужащих, потерявшим кормильца: постановление Правительства РФ от 27 мая 2006 г. № 313 (в ред. от 2 июня 2008 г.) // СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2505.

16. О государственной социальной помощи: федеральный закон от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ (в ред. от 01.07.2011) // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3699.

17. СЗ РФ. 2004. № 35. Ст. 3607.

18. Нижегородские новости. 2007. 11 авг.

19. СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 168. (Ст. 21, 22).

20. О ветеранах труда Кировской области: закон Кировской области от 29.11.2006 г. № 50-ЗО // Вятский край. 2006. 8 дек. (№ 225); О мерах социальной поддержки ветеранов труда, тружеников тыла и жертв политических репрессий: закон Кировской области от 07.12.2004 г. № 280-ЗО // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. 2005. № 1(59). Ч. 1.

21. О мерах социальной поддержки многодетных семей: закон Кировской области от 02.11.2007 г. № 188-ЗО (в ред. от 2 октября 2011 г.) // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. 2007. № 10 (79).

22. О социальной поддержке в Кировской области участников боевых действий и членов семей погибших (умерших) и пропавших без вести в ходе вооруженных конфликтов немеждународного характера, контртеррористических операций, в зонах чрезвычайного положения на территории Российской Федерации и территориях республик бывшего СССР: закон Кировской области от 14 февр. 2001 г. № 244-ЗО (в ред. от 2 дек. 2010 г.) // Вестник Кировской областной Думы и администрации области. 2001. 15 марта.

23. О мере социальной поддержки отдельных категорий граждан, проживающих на территории Кировской области: закон Кировской области от 17 апр. 2008 г. № 236-ЗО // Вятский край. 2008. 23 апр.

24. О мере социальной поддержки отдельных категорий специалистов, работающих, вышедших на пенсию и проживающих в сельских населенных пунктах или поселках городского типа Кировской области: закон Кировской области от 03 ноября 2004 г. № 267-ЗО // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. 2004. № 6(58); Об образовании в Кировской области: закон Кировской области от 11 февр. 2003 г. № 133-ЗО // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. 2003. № 2(47); О предоставлении меры социальной поддержки по оплате жилой площади с отоплением и электроснабжения работникам системы образования Кировской области, вышедшим на пенсию: постановление Правительства Кировской области от 20 мая 2010 г. № 52/244 (в ред. от 21 сент. 2011 г.) // Вести. Киров. 2010. 27 мая.

А. М. Розуван, Н. С. Артемьев

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье раскрывается актуальность, основные направления и организация административного надзора как одного из важных средств предупреждения рецидивной преступности. Авторы подчеркивают значимость работы участковых сотрудников полиции, от которых непосредственно зависит эффективность административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

The article reveals the relevance of the basic directions and organization of administrative oversight as one of the important recidivism warning facilities. The authors emphasize the importance of the police precincts, from whom depends the efficiency of the administrative supervision of persons released from prison.

Ключевые слова: административный надзор, рецидивная преступность.

Keywords: administrative supervision, recidivism.

В последние годы криминальная обстановка в стране остается напряженной, а раскрываемость преступлений – крайне низкой. Активно развивается наркобизнес. Расширение масштабов преступных проявлений имеет место во всех сферах экономики, особенно банковской, кредитно-финансовой, внешнеэкономической. Отмечается тенденция к росту рецидивной преступности. В общей структуре преступности она в 2010 г. достигла 37,1% (от числа зарегистрированных преступлений).

Общественная опасность рецидивной преступности обусловлена тем, что совершение лицом двух и более преступлений свидетельствует об упорном стремлении продолжать противоправное поведение, укреплении в сознании преступных навыков, стойких антиобщественных взглядов и убеждений. Кроме того, преступники-рецидивисты оказывают негативное влияние на неустойчивых лиц, особенно несовершеннолетних и молодежь, втягивают их в криминальную деятельность.

Рецидивная преступность концентрирует в себе наиболее опасные негативные явления: криминальный профессионализм, организованность, субкультуру преступного мира, наркобизнес. Названные и другие негативные явления – серьезная проблема правоохранительных органов, в том числе и для исправительных учреждений, где отбывает наказание наиболее криминальная часть преступников.

В целях предупреждения криминального рецидива в марте 2011 г. был принят Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Также вступил в силу закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»».

В законе об административном надзоре определяется понятие такого надзора, а также административного ограничения; задачи административного надзора, порядок его установления, продления и прекращения; лица, в отношении которых он применяется; ограничения, устанавливаемые при административном надзоре; права и обязанности поднадзорного лица; полномочия органов внутренних дел при осуществлении административного надзора.

Эффективность закона будет зависеть от квалифицированного его осуществления сотрудниками полиции и в первую очередь участковыми уполномоченными полиции, на территорию обслуживания которых будут прибывать лица после отбывания наказания в местах лишения свободы. Опыт лучших региональных управлений внутренних дел в 70–80-е гг. прошлого столетия (Кировской, Курской и некоторых других областей) свидетельствовал, что квалифицированное осуществление административного надзора оказывало непосредственное влияние на сокращение рецидивной преступности и укрепление правопорядка в целом.

При этом особое внимание должно быть обращено на своевременное установление надзора в отношении лиц, которые подпадают под его действие; организацию работы по его осуществлению; реализацию воспитательной функции надзора; контроль над образом жизни поднадзорных.

Для того чтобы закон стал эффективно работать, его следует изучить всем сотрудникам полиции и в первую очередь участковым уполномоченным, провести с ними кустовые (межрайонные) совещания-семинары и принять зачеты по знанию нормативного документа, а также подготовить необходимые учетные документы.

Установление административного надзора есть не самоцель, а лишь начальный этап непосредственной работы по перевоспитанию поднадзорных и контролю над ними. В конечном итоге, качество и практическая значимость надзора определяется числом ранее судимых, снятых с учета в связи с исправлением по истечении установленного срока или досрочно и не совершивших нового преступления. И наоборот, чем выше удельный вес и количество поднадзорных, при-

влеченных к уголовной ответственности по ст. 314 (1) УК РФ (уклонение от административного надзора), тем ниже уровень указанной работы. В свою очередь данные показатели находятся в прямой зависимости от фактического состояния предупредительной работы с каждым поднадзорным.

Контроль над поведением поднадзорных должен осуществляться с использованием общественности и конфидентов (доверенных лиц). Гласные проверки поведения поднадзорных лиц следует проводить как по месту жительства, так и по месту работы не реже одного раза в месяц.

Предупреждение преступлений со стороны поднадзорных, в конечном итоге, их перевоспитание требует комплексного подхода. Осуществление надзора является творческим процессом, основанным на постоянном применении норм педагогики и психологии с преобладанием методов убеждения, что не исключает при необходимости применение предусмотренных законом средств принуждения.

При этом должен действовать принцип строго индивидуального подхода к каждому поднадзорному. В зависимости от его поведения, глубины сложившихся антиобщественных установок, черт характера, особенностей совершения преступлений и других факторов применяется конкретный режим надзора. Он определяется объемом установленных ограничений, периодичностью осуществления контроля за их соблюдением и образом жизни поднадзорного в целом, интенсивностью мер воспитательного характера, наконец, кругом должностных лиц и общественности, исполняющих контрольные или воспитательные функции в отношении поднадзорного.

По общему правилу, любое административное ограничение не должно сужать права поднадзорного в удовлетворении его культурных запросов. В связи с этим какие-либо запрещения посещать культурно-просветительские учреждения явно не соответствует смыслу административного надзора и не подлежат применению.

Административные ограничения в посещении мест массового отдыха могут быть применены лишь в порядке исключения, когда имеются достоверные сведения о намерении поднадзорного использовать нахождение в них для преступной деятельности. Запрещение пребывания в торговых предприятиях и на предприятиях общественного питания, а также рынках не может носить массового характера и устанавливается при наличии реальных опасений об использовании поднадзорным посещения этих мест в антиобщественных целях. Другие виды ограничений также должны применяться дифференцированно в зависимости от образа жизни поднадзорного.

При установлении административного надзора начальник полиции или его заместитель проводит индивидуальную беседу с поднадзорным, на которую желательно пригласить также его родственников.

Последующая профилактическая работа с поднадзорным строится по принципу сочетания индивидуального и коллективного воздействия в зависимости от его поведения и образа жизни. При совершении поднадзорным правонарушения необходимо немедленное реагирование – рассмотрение обстоятельств и мотивов антиобщественного поведения с дальнейшим принятием соответствующих мер. Письменное объяснение поднадзорного вместе с другими материалами приобщается к делу учета.

Осуществляя надзор, сотрудники полиции в плане усиления индивидуально-практической работы обязаны систематически разъяснять сущность административного надзора как самому поднадзорному, так и его родственникам; привлекать для перевоспитания поднадзорного наиболее авторитетных для него родственников, знакомых и других лиц; оперативно применять предусмотренные законом меры воздействия; изучать организацию воспитательной работы с поднадзорными по месту их работы; оказывать поднадзорному необходимую помощь в трудоустройстве, решении семейно-бытовых и иных вопросов.

В общении с поднадзорными каждый сотрудник полиции обязан постоянно проявлять корректность, заинтересованность в их судьбе в сочетании с необходимой требовательностью при нарушении общественного порядка и совершении различных правонарушений.

Проверка соблюдения поднадзорным установленных правил и ограничений должна осуществляться в соответствии с графиком, который необходимо корректировать в зависимости от новых сведений о поднадзорных. В каждом конкретном случае сотрудник полиции обязан детально выяснить не только обстоятельства, но и мотив несоблюдения правил и ограничений надзора. По факту привлечения поднадзорного к административной ответственности следует немедленно принимать меры воспитательного характера.

Как подчеркнул на заседании Совета безопасности Российской Федерации в январе 2011 г. министр внутренних дел Р. Нургалиев, уже очевидно, что одного лишь закона об административном надзоре за бывшими заключенными явно недостаточно. Необходима продуманная, хорошо отлаженная система профилактики. Именно федеральный закон может и должен определить обязанности всем органам исполнительной власти по работе с бывшим

осужденными. Без консолидации усилий правоохранительных и иных органов государственной власти решить проблему рецидива преступности невозможно.

Речь должна идти не только о полицейском административном надзоре за лицами, отбывавшими наказание в местах лишения свободы. Им нужна медицинская, социальная, психологическая помощь. Поэтому целенаправленная социальная опека – одно из главных условий общей профилактики повторности преступности. При участии Федеральной службы исполнения наказаний созданы 199 центров социальной адаптации бывших осужденных.

По нашему мнению, для координации предупредительной работы в целом и осуществления квалифицированного административного надзора целесообразно в проект федерального закона, регламентирующего предупреждение преступности, включить создание службы профилактики; службу участковых уполномоченных полиции подчинить уголовному розыску, что значительно повысит эффективность не только административного надзора, но и позволит улучшить раскрываемость преступлений; вместо дел административного надзора предусмотреть ведение информационно-профилактических дел, в которых будет сосредоточена вся информация о лице, освобождаемом из мест лишения свободы.

УДК 34

А. Н. Петрунева

**ПРИЗНАНИЕ КРУПНОЙ СДЕЛКИ
НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ, СОВЕРШЕННОЙ
БЕЗ ОДОБРЕНИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ
УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА,
И ПРИМЕНЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ
НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ**

По общему правилу, для совершения крупной сделки обществом с ограниченной ответственностью требуется согласие общего собрания участников данного общества. В противном случае законодатель предусматривает возможность признания сделки недействительной и применения последствий ее недействительности путем обращения в арбитражный суд. Настоящая статья посвящена анализу отдельных процессуальных особенностей на примере указанной категории дел.

By general rule for the feasibility of large transaction the company limited liability is required consent of general collection of participants of this society. Otherwise a legislator foresees possibility of confession of transaction of invalid and application of consequences of its ineffectiveness by an appeal in an arbitration court. The real article is devoted the analysis of separate judicial features.

Ключевые слова: арбитражный суд, корпоративный спор, общество с ограниченной ответственностью, крупная сделка.

Keywords: arbitration court, corporate dispute, company limited liability, a large transaction.

Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий дел – актуальная в современных условиях область научных исследований. На применение норм процессуального права оказывает влияние материально-правовая природа конкретного дела. Нормы процессуального права кодифицированы. В сфере гражданского судопроизводства сегодня – это Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) [1]. Однако отдельные нормы материального права, направленные на регулирование конкретных правоотношений, зачастую содержат аспекты процессуального характера относительно состава лиц, участвующих в деле, обстоятельств, входящих в предмет доказывания, иных аспектов, образующих специфику по рассмотрению и разрешению дела. Многообразие норм материального права порождает формирование значительного количества различных категорий дел. Необходимость познания процессуальных особенностей конкретных категорий и умение применять таковые знания в рамках

участия в судебном разбирательстве – гарантия его успешности.

Предпримем попытку анализа отдельных процессуальных особенностей на примере одной из категорий дел в рамках корпоративных споров.

В силу п. 2 ч. 1 ст. 33 АПК РФ к специальной подсудности арбитражных судов отнесены дела по корпоративным спорам, понятие и примерный перечень которых содержится в ст. 225.1 АПК РФ.

Анализ судебной статистики позволяет сделать вывод, что весьма значительное количество рассматриваемых и разрешаемых арбитражными судами корпоративных споров касается деятельности обществ с ограниченной ответственностью (далее – ООО, Общество), очевидно в силу распространенности данной организационно-правовой формы.

Одной из категорий дел в рамках корпоративных споров, в том числе с участием обществ с ограниченной ответственностью, являются иски участников о признании сделок, совершенных Обществом с третьими лицами, недействительными. Еще более точным может звучать требование о признании недействительной крупной сделки, совершенной без одобрения общим собранием участников Общества, и применении последствий недействительности сделки.

В целом особенности доказывания по корпоративным спорам и анализ понятия крупных сделок, совершаемых обществами с ограниченной ответственностью, на основании ст. 46 Федерального закона от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) [2], возможно говорить одновременно об обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, то есть образующих предмет доказывания в зависимости от действительных обстоятельств дела и позиций обеих сторон – истца и ответчика:

1) наличие статуса участника Общества у истца. Очевидно, что интересы участника Общества могли быть нарушены сделкой лишь в случае, если он являлся таковым участником на момент совершения сделки, а не стал им впоследствии. Он же должен являться участником и на момент подачи соответствующего требования в арбитражный суд, иначе – «бывший участник» [3]. То есть необходимым фактом для возможности оспаривания крупной сделки является наличие у истца статуса участника Общества на момент совершения сделки. Так, лицо, ставшее участником после совершения оспариваемой сделки, не может ее оспорить, даже если при этом нарушены права самого Общества. Истец не был участником на момент совершения сделки, его права не могут быть нарушены. Данное правило, очевидно, распростра-

няется и на случаи, когда лицо было временно лишено прав участника. Однако право подачи иска имеет само Общество. Например, после смены руководства ООО выяснилось о факте, позволяющем заявить требование о признании сделки недействительной. В противном случае отсутствуют факты активной легитимации, что позволяет ответчику оспаривать надлежащий характер истца – крупная сделка, совершенная с нарушением предусмотренных ст. 46 Закона об ООО требований к ней может быть признана недействительной по иску Общества или его участника – п. 5 ст. 46 Закона об ООО;

2) факт совершения оспариваемой сделки. На основании ст. 153 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4] сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. А п. 1 ст. 46 Закона об ООО относит к таковым также заем, кредит, залог, поручительство, другие сделки, связанные с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения Обществом прямо или косвенно имущества. В п. 30 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 речь идет также об уступке права требования, переводе долга, внесении вклада в уставный капитал другого хозяйственного общества в счет оплаты акций (доли) и другие сделки, если в результате их заключения возникает возможность отчуждения имущества Общества [5]. В соответствии с п. 4 информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 сдача в аренду имущества также может относиться к сделкам, связанным с отчуждением имущества [6]. По вопросу признания мирового соглашения сделкой, связанной с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения имущества ООО, у судов нет единой позиции [7]. Доказательствами факта совершения крупной сделки или его опровержения будут являться, в том числе, соответственно соблюдение либо не соблюдение формы сделки;

3) основания для квалификации сделки в качестве крупной (одной или нескольких взаимосвязанных сделок, направленных на приобретение, отчуждение или возможность отчуждения Обществом прямо либо косвенно имущества, стоимость которого составляет 25 и более процентов стоимости имущества Общества, определенной на основании данных бухгалтерской отчетности за последний отчетный период, предшествующий дню принятия решения о совершении таких сделок, если уставом Общества не предусмотрен более высокий размер крупной сделки – п. 1 ст. 46 Закона об ООО). Пример взаимосвязанных договоров – заключение нескольких договоров купли-продажи недвижимости на отдельные объекты, если

такие договоры заключены в течение короткого периода времени и в результате таких сделок права на имущество переходят к одному лицу (Постановление Президиума ВАС РФ от 22.09.2009 № 6172/09). Судебная практика выработала и несколько критериев, по которым можно распознать крупную сделку в нескольких взаимосвязанных сделок между собой договорах. Факт взаимосвязанности сделок может быть установлен на основании следующих обстоятельств: однородность сделок по своей природе, заключение сделки с однородным имуществом, заключение сделок в ограниченный промежуток времени, однородность формы расчетов по сделкам, единый покупатель (Постановление ФАС Уральского округа от 27.10.2008 № Ф09-5390/06-С4) [8]. Прямое отчуждение имущества – это совершение сделки, по которой собственник заведомо передает свои полномочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом другому лицу, то есть сделки, прямо предполагающие переход имущества в собственность приобретателя при условии полной выплаты цены имущества или иного встречного предоставления – купля-продажа, мена и т. п. Косвенное отчуждение имущества может происходить в случаях, когда сама по себе сделка не направлена на отчуждение определенного объекта, но создает условия, при которых в силу закона или договора возможно отчуждение этого объекта – например, залог или аренда [9]. Либо сделки, не признаваемые крупными (сделки, совершаемые в процессе обычной хозяйственной деятельности Общества, а также сделки, совершение которых обязательно для Общества в соответствии с федеральными законами и (или) иными правовыми актами Российской Федерации и расчеты по которым производятся по ценам, определенным в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, или по ценам и тарифам, установленным уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти – п. 1 ст. 46 Закона об ООО);

4) стоимость отчуждаемого Обществом в результате крупной сделки имущества (определяется на основании данных бухгалтерского учета Общества – п. 2 ст. 46 Закона об ООО); стоимость приобретаемого Обществом имущества (определяется на основании цены предложения – п. 2 ст. 46 Закона об ООО). Либо уставом Общества предусмотрены другие виды и (или) размер сделок, на которые распространяется порядок одобрения крупных сделок – п. 7 ст. 46 Закона об ООО. При решении вопроса об отнесении сделки к категории крупной стоимость имущества, являющегося предметом сделки, следует сопоставлять с балансовой стоимостью имущества (активов) Общества, а не с размером его

уставного капитала. Помимо собственно имущества (основных средств, сырья, материалов, готовой продукции, денежных средств и т. п.), в состав активов также включаются дебиторская задолженность, затраты в незавершенном производстве, расходы будущих периодов и другие показатели. Под стоимостью чистых активов Общества понимается балансовая стоимость его имущества (всех его активов), уменьшенная на сумму обязательств этого Общества;

5) субъект одобрения крупной сделки (общее собрание участников Общества – п. 3 ст. 46 Закона об ООО). В решении об одобрении крупной сделки должны быть указаны лица, являющиеся сторонами, выгодоприобретателями в сделке, цена, предмет сделки и иные существенные условия сделки. В решении могут не указываться лица, являющиеся сторонами, выгодоприобретателями в сделке, если сделка подлежит заключению на торгах, а также в иных случаях, если стороны, выгодоприобретатели не могут быть определены к моменту одобрения крупной сделки – п. 3 ст. 46 Закона об ООО; субъект одобрения крупных сделок, связанных с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения Обществом прямо либо косвенно имущества, стоимость которого составляет от 25 до 50% стоимости имущества Общества, в случае образования в Обществе совета директоров (наблюдательного совета) Общества (может быть отнесено уставом Общества к компетенции совета директоров (наблюдательного совета) Общества – п. 4 ст. 46 Закона об ООО). Либо указание в уставе Общества условия о том, что для совершения крупных сделок не требуется решения общего собрания участников Общества и совета директоров (наблюдательного совета) Общества – п. 6 ст. 46 Закона об ООО; Общество состоит из одного участника, который одновременно осуществляет функции единоличного исполнительного органа данного Общества – подп. 1 п. 9 ст. 46 Закона об ООО; последующее одобрение крупной сделки, заключенной без предварительного одобрения – п. 5 ст. 46 Закона об ООО. Порядок одобрения крупных сделок не применяется к отношениям, возникающим при переходе к Обществу доли или части доли в его уставном капитале в случаях, предусмотренных законом, а также при переходе прав на имущество в процессе реорганизации Общества, в том числе договорам о слиянии и договорам о присоединении – подп. 2 и 3 п. 9 ст. 46 Закона об ООО;

6) нарушение прав и (или) законных интересов истца – обязательное условие для обращения за судебной защитой – бремя доказывания лежит на самом истце. Если в качестве истца выступает участник Общества, то речь идет о косвенном иске – нарушены права самого Общества, истец действует от собственного имени,

но в защиту прав и интересов Общества, имея при этом свой материальный и (или) процессуальный интерес в исходе дела. Если же истцом выступает само Общество в лице его органов управления, то все процессуальные действия совершаются от имени Общества, в защиту его прав и законных интересов. Арбитражный суд отказывает в удовлетворении требований о признании крупной сделки, совершенной с нарушением предусмотренных ст. 46 Закона об ООО требований к ней, недействительной при наличии одного из следующих обстоятельств – п. 5 ст. 46 Закона об ООО:

- голосование участника Общества, обратившегося с иском о признании крупной сделки, решение об одобрении которой принимается собранием участников Общества, недействительной, хотя бы он и принимал участие в голосовании по этому вопросу, не могло повлиять на результаты голосования;

- не доказано, что совершение данной сделки повлекло или может повлечь за собой причинение убытков Обществу или участнику Общества, обратившемуся с соответствующим иском, либо возникновение иных неблагоприятных последствий для них;

- к моменту рассмотрения дела в арбитражном суде представлены доказательства последующего одобрения данной сделки по правилам, предусмотренным Законом об ООО;

- при рассмотрении и разрешении дела в арбитражном суде доказано, что другая сторона по данной сделке не знала и не должна была знать о ее совершении с нарушением предусмотренных ст. 46 Закона об ООО требований к ней;

7) предъявление требований в рамках срока исковой давности. Срок исковой давности по требованию о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности составляет один год – п. 2 ст. 181 ГК РФ. Значит, общество с ограниченной ответственностью либо его участник вправе обратиться в арбитражный суд с иском о признании крупной сделки недействительной в течение одного года со дня, когда истец узнал или должен был узнать об обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной. Срок исковой давности по требованию о признании крупной сделки недействительной в случае его пропуска восстановлению не подлежит – п. 5 ст. 46 Закона об ООО.

Недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения – п. 1 ст. 167 ГК РФ.

Следовательно, при недействительности сделки каждая из сторон сделки обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае не-

возможности возвратить полученное в натуре (в том числе, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость в деньгах – если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом – п. 2 ст. 167 ГК РФ. Если имущество возвращается в натуре, следует учитывать его состояние. Кроме того, необходимо компенсировать ухудшения (повреждения) имущества с учетом нормальной амортизации, а также возместить произведенные улучшения имущества.

В настоящее время выражена позиция о возможности признания недействительности сделок и применении последствий их недействительности в рамках конкурсного процесса [10]. Определены и налоговые последствия недействительной крупной сделки [11].

Совершение крупной сделки без одобрения общего собрания участников Общества – оспоримая сделка, хотя бы потому, что впоследствии она может быть одобрена. Вообще признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности – один из способов защиты гражданских прав на основании ст. 12 ГК РФ. Применение указанного способа защиты направлено на восстановление нарушенного права и является условием соблюдения пределов осуществления гражданских прав. Судебная практика исходит из буквального толкования содержания данной нормы. Требование о признании оспоримой сделки недействительной может быть заявлено в совокупности с применением последствий ее недействительности. А если требование о применении последствий недействительности сделки участником Общества не заявлено, то в соответствии с ч. 2 ст. 167 ГК РФ не может быть применено судом по собственной инициативе. Действия истца по предъявлению иска о признании недействительной сделки рассматриваются судом как злоупотребление правом, что на основании ст. 10 ГК РФ является основанием к отказу в иске [12].

Следовательно, при заявлении требования о признании крупной сделки недействительной, совершенной без одобрения общего собрания участников Общества, следует учитывать позицию арбитражных судов и заявлять также требование о применении последствий недействительности таковой сделки, исходя из фактических обстоятельств дела, входящих в предмет доказывания.

Примечания

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2011) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

2. Федеральный закон РФ «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ

(ред. от 30.11.2011) // Собрание законодательства РФ. 1998. Ст. 785.

3. См., напр.: Постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.03.2008 № 09АП-1501/2008-ГК по делу № А40-22977/07-57-188; от 22.11.2007 № 09П-14597/2007-ГК по делу № А40-29978/07-81-233 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Загл. с экрана.

4. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 30.11.2011) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

5. Постановление Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об акционерных обществах”» от 18.11.2003 № 19 // Вестник ВАС РФ. 2004. № 1.

6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.

7. См.: Путеводитель по корпоративным спорам. Крупные сделки общества с ограниченной ответственностью [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Загл. с экрана.

8. Цит. по: Сальникова А. Ошибки при оформлении и заключении крупных сделок // Финансовая газета. 2011. № 36.

9. Тихомиров М. Ю. Совершение обществом с ограниченной ответственностью сделок с заинтересованностью и крупных сделок // Законодательство и экономика. 2010. № 9.

10. См., напр.: Кошкин В. Оспаривание сделок банкротства // Эж-Юрист. 2011. № 28.

11. См., напр.: Беляева Е. В. Крупная сделка признана недействительной: налоговые последствия // Российский налоговый курьер. 2010. № 23; Нефедова В., Кензеева И. Особенности крупной сделки // Финансовая газета. 2006. № 25.

12. Решение Арбитражного суда Кировской области по делу № А28-9017/06-443/9. Банк решений арбитражных судов URL: <http://kad.arbitr.ru/?id=d115bbf8-36be-4387-ae0d-16fa22c681f2>. Загл. с экрана.

УДК 614.251.2:340

А. В. Семенов, Т. Е. Сучкова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВРАЧЕЙ

В работе авторы рассматривают истоки формирования института юридической ответственности медицинских работников. Раскрывая тему работы, авторы анализируют нормы права, отражающие правовой статус врачей, содержащиеся в древних законодательных памятниках, с целью определения правовых оснований наступления юридической ответственности медицинских работников в соответствии с законодательством древних цивилизаций.

In article the authors considers sources of formation of institute of legal responsibility of medical personnel. Opening a work theme, the authors analyzes the norms of the right reflecting a legal status of doctors, containing in ancient legislative monuments, for the purpose of definition of legal grounds of approach of legal responsibility of medical personnel according to the legislation of ancient civilisations.

Ключевые слова: врачевание; свод законов; положение врача; неудачное лечение; ответственность врача; наказание.

Key words: doctoring; the code of laws; position of the doctor; unsuccessful treatment; responsibility of the doctor; punishment.

Проблема ответственности медицинских работников за ненадлежащее исполнение их профессиональных обязанностей возникла не сегодня, она существует уже на протяжении многих веков.

С самого своего зарождения, считая доверительностью основой отношений между врачом и пациентом, общество, тем не менее, стремилось установить жесткий контроль за деятельностью тех, кому доверялось не только здоровье, но очень часто и сама жизнь пациента.

При этом следует отметить, что на разных этапах истории меры ответственности врача за свои профессиональные действия весьма существенно различались.

На сегодняшний день институт юридической ответственности медицинских работников находится в стадии становления. Изучение и анализ норм ответственности медицинских работников, отраженных в законодательных актах на протяжении всей истории взаимоотношений врача и пациента, на наш взгляд, будут способствовать решению многих проблем, находящихся на пересечении медицины и юриспруденции, поскольку только «при знании законодательных тенденций истории появляется возможность системного анализа» [1].

© Семенов А. В., Сучкова Т. Е., 2012

На заре человечества лечение было занятием коллективным. Основываясь на собственных знаниях и жизненном опыте, «врачевателем» по необходимости становился любой член общины. Изначально первобытный человек, убежденный в истинности своих верований, самостоятельно выполнял лечебные мероприятия, необходимые магические манипуляции. Со временем же, не всегда получая нужный результат в процессе «самолечения», он стал обращаться к соплеменникам, которые «делали» это лучше. Постепенно всю достаточно сложную систему магических и лечебных мероприятий начинает осуществлять уже какой-то определенный знающий человек – самый мудрый человек в деревне. Так на заре культурной жизни человечества начинает выделяться класс первобытных врачей – вещуны, знахари, шаманы, колдуны.

Люди, занимавшиеся лечением, представляли собой особую социальную группу, окруженную мистической тайной. Но уже тогда неудачное «врачевание» могло повлечь за собой самые неблагоприятные последствия для того, кто решился дать больному настой из трав или изгнать из него злого духа. Наказание за ухудшение состояния больного или его смерть носило, как правило, личный характер: «...знахарь не смог вылечить единственного сына вождя племени берокка и был похоронен заживо вместе с телом мальчика» [2].

Одной из древнейших известных цивилизаций принято считать Шумерскую, появившуюся в Междуречье, или Месопотамии (по-гречески это как раз и есть Междуречье). Развитие врачевания здесь происходит по двум направлениям: «...эмпирического врачевания, основанного на практическом опыте народа, и культового (теургического), основанного на религиозных верованиях» [3].

Изначально существовало три группы жрецов, имеющих в той или иной степени отношение к лечению нуждающихся:

- *baru* – пророки, ставящие диагноз по приметам, в которых различали знаки свыше;
- *ashipu* – заклинатели, с помощью ритуалов изгоняющие злого духа из тела больного;
- *asu*.

В отличие от пророков и заклинателей, для которых это было лишь частью деятельности, *asu* – врачи в нашем понимании этого слова. Они занимались только больными и помимо знания магических ритуалов разбирались в лекарствах [4].

Позднее четко оформилось два направления врачевания: *asiputu* (заклинающие) и *asutu* («знающие воду»), то есть практикующие врачи [5].

Что касается наказания врача в случае неблагоприятного исхода лечения, бытовавший в те

времена в Междуречье принцип талиона (лат. *lex talionis*) – соответствия между причиненным ущербом и полагающимся за это наказанием – распространялся и на тех, кто брался лечить. Этот принцип «око за око» в 1700-е гг. до н. э. был закреплен на законодательном уровне в своде Законов шестого вавилонского царя первой династии Хаммурапи [6].

К примеру, ст. 215–225 Законов непосредственно касаются правовой стороны деятельности лекарей [7].

Так, в ст. 215–217, 221–223 Законов Хаммурапи закреплены основания оплаты услуг врача-лекаря. При этом размер вознаграждения зависел от общественного положения больного [8].

Статьи 218 и 219 Законов Хаммурапи непосредственно посвящены основаниям наказания врача:

– «Если врач сделает человеку тяжелый надрез бронзовым ножом и причинит смерть этому человеку или снимет бельмо человека бронзовым ножом и повредит глаз человека, то ему должно отрезать пальцы» (ст. 218).

– В ст. 219 говорится, что «если врач сделает тяжелый надрез бронзовым ножом раба мушкетера и причинит ему смерть, то он должен возместить раба за раба» [9].

Таким образом, можно сделать вывод, что под угрозой возможности применения столь суровых санкций за врачебные ошибки далеко не все, знающие магические ритуалы и заклинания, брались за лечение с помощью лекарств и ножа. Этим, по-видимому, и объясняется значительно меньшее количество врачевателей по сравнению с теми, кто в лечении больного целиком полагался на знаки свыше и на чудодейственность магических заклинаний.

В тесном взаимодействии с медициной Древней Месопотамии складывались традиции врачевания в Древнем Египте. Египтяне верили, что эффективность применения медикаментов напрямую связана с использованием магии. В школах при храмах, где обучали будущих лекарей, помимо медицины изучали также и тайны магических культов и обрядов [10].

Кроме того, каждый врач принадлежал к определенной группе жрецов и жил при храме. В случае необходимости больной обращался не к врачу напрямую, а в храм, который и направлял к врачу соответствующей специализации. Брать плату за лечение больного врач не имел права: гонорар полагался храму. В свою очередь храм полностью содержал «своего» врача [11].

Деятельность врача строго регламентировалась положениями, изложенными в Герметических книгах, в «Священной книге», других медицинских трактатах, таких, как «Книга сердца», «Книга глазных болезней» [12].

Врач, придерживающийся правил, даже в случае смерти больного освобождался от ответственности. Но отступление от обязательных требований, повлекшее за собой гибель пациента, каралось смертью [13].

Иными словами, сурово наказывался не факт «невывлечения», а факт неисполнения общеобязательных правил лечения или даже отступление от требований норм «Священной книги», при условии причинения смерти пациенту.

Следовательно, египтяне первыми стали вводить ответственность не за то, что наступил нежелательный итог лечения, а связывали наказание врача с отступлением от норм, правил или так называемых «стандартов».

Высокого уровня достигло развитие медицины в Древней Индии. В соответствии с кастовым делением общества сначала лечить могли только представители высшей касты – брамины, не имеющие права на вознаграждение. Позднее – представители особого сословия, принадлежащие к касте ведия, которые прошли обучение у особых браминов (гуру) и уже могли получать плату за свои труды. Разрешение на врачебную практику давал раджа, он же следил за соответствием врачебной деятельности общепризнанным правилам и нормам.

Основным источником сведений по медицине Древней Индии является Аюрведа – «Знание жизни» (IX–III вв. до н. э.), где уже были сформулированы тогдашние стандарты правомерного поведения врача:

«Хороший врач обязан часто посещать и пристально обследовать больных, не должен быть робким и нерешительным. Если врач легкомысленно берется вылечивать больных неизлечимыми болезнями, он рискует потерять репутацию, друзей и большие прибыли!» [14].

Позднее жизнь индийца подробно регламентировалась предписаниями, собранными в своде законов Ману (1000–500 лет до н. э.). Упорядочиванию подлежали многие аспекты деятельности врачей, например, вопросы оплаты труда медиков. Врачам запрещалось требовать вознаграждение за лечение от обездоленных, друзей врача и брахманов (служителей культа); и наоборот, если зажиточные люди отказывались от уплаты за лечение, врачу присуждалось все их имущество.

Кроме того, эта книга, написанная, по преданию, прародителем человеческого рода, помимо практических, фармацевтических советов, советов по гигиене содержит законодательно закрепленные наказания для врачей за неудачное лечение. К примеру, в соответствии с гл. IX ст. 284 «Штраф для всех лекарей, действующих неверно, [такой]: по отношению не к людям – первый, по отношению к людям – средний» [15].

Иными словами, согласно Законам Ману, за неправильное лечение животных врачеватель выплачивал низкий штраф, за неправильное лечение людей средних сословий – средний, а царских чиновников – высокий штраф.

Позднее в ведийский период путем сравнительной характеристики обрисовывается положение индусского врача в обществе. В веде гимнов и мифологических сюжетов – «Риг-Веде» – так говорится об этом: «Наши желания различны: возчик жаждет дров, врач – болезней, а жрец – жертвенных возлияний» [16].

В период развития зороастризма и зороастрийской догматики в Древнем Иране сформировалось и получило широчайшее распространение собрание священных книг – «Канон Авеста», или «Зенд-Авеста».

«Зенд-Авеста» («Живое слово») – сборник религиозных и юридических предписаний, молитвенных песнопений, гимнов зороастрийским божествам, составлявшийся в течение почти тысячелетия. Двадцатая книга этого канона «Видевдат» содержит некоторые данные о древнеиранской медицине.

Помимо погребальных ритуалов и запретов, требований особой заботы об огне и других стихиях, «Видевдат» содержит нормы о разрешении врачевать больных лекарям только тогда, когда последние достигают определенной степени искусства в этом роде деятельности [17].

Лечить больных могли только врачи, имеющие аттестат или свидетельство. Чтобы получить заветное свидетельство, претенденты должны были сдать ряд экзаменов не только по практической деятельности, но и на знание теории. Тот же, кто не мог сдать экзамен трижды, лишался практики навсегда.

Таким образом, законы Древнего Ирана, записанные в «Видевдат», содержат сведения о состоянии медицинского дела тех времен, закрепляют возможность практиковать только за врачом-профессионалом.

Кроме того, в Видевдате (VII, 42) приводится тариф оплаты услуг врача, который зависел от материального благосостояния больного [18].

Однако «Видевдат» не содержит каких-либо положений, так или иначе устанавливающих меры ответственности врачей в случае неправильного или неудачного лечения. Лишь только есть предупреждение врача от излишней самоуверенности: «Врачеватель, будь очень осторожным в диагностике, а особенно в прогнозе заболевания, поскольку возможные ошибки отрицательно отражаются на твоём авторитете» [19].

Высочайшего уровня развития достигла медицина в период античности – в Древней Греции. В сравнении с медициной стран Древнего Востока античная медицина в меньшей степени

зависела от религии и жрецов и в значительно большей степени носила светский характер. Поэтому и лечебные заведения существовали как при храмах, так и в виде ремесленных медицинских школ. Выпускником одной из таких школ считают великого Гиппократ, само имя которого стало нарицательным обозначением врача.

Упоминания о лечении и о врачах есть уже в «Илиаде» Гомера: во время Троянской войны вместе с греческими воинами под стенами Трои находились врачи, самый известный из которых – Махаон, «славной рати врач, Асклепия мудрого сын», проявлял своё искусство целителя прямо на поле боя:

«...Язвину врач осмотрел, нанесенную горькой стрелой;
Выжал кровь и, искусный, ее врачевствами осыпал...» [20]

Знаменитый древнегреческий врач Геродот писал о высоком положении врача в обществе и о глубоком уважении к врачебной профессии: по свидетельству Геродота, города Греции оспаривали друг у друга лучших врачей [21].

В богатых полисах для работы в гражданских больницах общественные врачи сдавали некое подобие экзамена, после которого должны были пройти процедуру избрания на народном собрании (впоследствии выдержавшему подобный «экзамен» будет выдаваться аттестат, подтверждающий квалификацию).

Избранный врач не только получал плату за труд от государства, за особые заслуги перед народом врачу полагались золотой венок и право гражданства. Эти великие почести были возданы жителями Афин Гиппократу, а впоследствии и его сыну Фессалу, продолжившему семейную профессию и сохранившему секреты врачебного искусства отца.

Однако, высоко ценя врачебное мастерство, греческие философы понимали «социальную опасность образованного человека, преследующего только свои интересы в ущерб интересам полиса» [22]. Поэтому и ответственность врача перед согражданами в греческом полисе была высока.

Например, Платон при рассмотрении вопроса об ответственности за отравление подробно останавливается на том, какое наказание применить к отравителю. При этом тяжесть наказания ставится в прямую зависимость от профессионального статуса субъекта преступления: «...если кто применяет отраву не с целью причинить смерть человеку или его домочадцам, но с целью нанести какой-то вред или даже смерть его стадам или роям пчел, то, если отравитель врач и будет уличен судом в отравлении, он будет наказан смертью. Если же это обычный человек, суд решит, какому наказанию или штрафу его подвергнуть» [23].

Вместе с тем эллины старались не допускать обвинения добросовестных врачей в смерти их безнадежных больных: «касается... всех врачей, если против их воли умрет больной; в этом случае, согласно закону, врач считается чистым» [24].

Если же уважаемая врачебная профессия оказывалась опороченной недобросовестными лекарями, против них применялось такое «оружие», как гласность и специальные государственные акты: «Народные собрания полисов оценивали заслуги своих добропорядочных врачей, и эти постановления, будучи обнародованы, служили официальными свидетельствами честной службы того или иного лекаря» [25]. Тем самым полис старался не допустить к профессиональной деятельности недобросовестных врачей.

Более того, для врачей в греческих полисах была разработана специальная форма наказания – адоксия (бесчестие). В условиях полиса эта санкция должна была быть достаточно эффективной, поскольку подвергшийся данной процедуре попадал в атмосферу «недоверия, отчужденности и презрения вокруг осужденного лекаря. А это означало, что он полностью лишался практики, так как всякий здравомыслящий больной избегал обращаться к обесславленному врачу» [26].

С другой стороны, можно говорить о некоем профилактическом значении данной нормы, так как «боязнь адоксии заставляла каждого рядового лекаря относиться к своей работе с большим чувством ответственности» [27].

Сложная, детализированная система этических положений, регулировавших деятельность врача в Древней Греции, безусловно, способствовала развитию греческой медицины. Но не менее, на наш взгляд, значение имеет тот факт, что греческое законодательство, во-первых, проводит разграничение между невиновным причинением вреда («добросовестный врач») и некачественным лечением вследствие непрофессионализма врача, а во-вторых, выделяет ответственность врачей за профессиональные проступки в отдельные нормы, создавая для врачей специальные виды наказаний. Наличие специальных норм юридической ответственности за ненадлежащее лечение также способствовало совершенствованию искусства врачевания в Древней Греции.

Позднее традиции древнегреческого искусства врачевания были восприняты Древним Римом.

До II в. до н. э. римляне не знали профессиональной медицины, при необходимости лечения им приходилось опираться только на собственные знания в применении домашних средств.

Первые свободные врачи – греки, появившись в столице Римской империи на рубеже III–II вв. до н. э., столкнулись с определенными трудностями.

С одной стороны, не всем в то время было по нраву усиление влияния греческой культуры. Например, знаменитый цензор Марк Порций Катон Старший писал сыну: «Греки – народ распущенный и упрямый. Моими устами вещает оракул, когда я говорю: каждый раз, когда этот народ приносит нам свои знания, он портит все; и будет еще хуже, если они пришлют нам своих врачей. Все они дали друг другу клятву уничтожить всех варваров при помощи медицины, и под именем варваров они подразумевают также и нас самих. Если они требуют вознаграждения за то, что лечат нас, то это лишь для того, чтобы втереться в наше доверие и тем вернее погубить нас. Я запрещаю тебе раз и навсегда обращаться к врачам» [28].

С другой стороны, низкий социальный статус, непрочное правовое положение иностранцев в Риме ни в коей мере не могли способствовать развитию врачевания как профессии.

По мере того как Рим из небольшого города превращался в столицу мира, возрастала потребность во врачебной помощи, что в свою очередь вынудило государство обратить внимание на шаткое общественное положение врачей.

Официальным признанием греческой медицины римлянами можно считать эдикт Юлия Цезаря, который был принят в 46 г. до н. э. В соответствии с этим указом местным жителям, обучившимся медицине, а также врачам – выходцам из Египта, Малой Азии или Греции – предоставлялось почетное право гражданства.

Более того, со временем статус врача стал приносить его обладателю дополнительные преимущества: «...врачи получили освобождение от тягостных обязательств в обществе и определённые льготы. Так, во время войны они и их сыновья освобождались от общей воинской повинности, налогов. Благодаря этому в Риме быть врачом было привлекательно не только для собственных граждан, но и для иностранцев» [29].

Уже в период империи император Константин в своем рескрипте в 337 г. н. э. установил: «Ремесленники, живущие в городах, освобождаются от всех повинностей, так как для изучения ремесла требуется досуг, тем более что они желают и сами совершенствоваться и обучать своих сыновей. Перечень таков: архитекторы, врачи, ветеринары, живописцы, скульпторы... (и еще 33 профессии)» [30].

Интересной особенностью положения врача в Древнем Риме было получение вознаграждения за труд в виде гонорара (лат. *honorarium*): в знак уважения к профессии врача римляне благодарили за лечение почетными дарами и подарками. В отличие от платы за физический – рабский – труд, гонорар являлся добровольным выражением признательности. О нем не догово-

ривались заранее, а значит, взыскать в судебном порядке такой подарок было невозможно. Только значительно позднее врачи стали получать гонорар и деньгами.

Важнейшим этапом в развитии древнеримской цивилизации было составление в 451–450 до н. э. свода законов, известных под названием Законов XII таблиц (*Leges XII tabularum*). «Законы были выставлены для обсуждения народом (по обычаю на деревянных выбеленных досках), утверждены народным собранием и приняты в качестве главного свода права» [31]. Став итогом борьбы плебейских масс и патрицианской аристократии, «законы XII т. пустили прочные корни в народной памяти; они циркулировали в списках и еще во время Цицерона заучивались детьми наизусть» [32].

Одним из основных видов деликтов в соответствии с римским правом было нанесение личной обиды, а самым тяжким видом обиды считалось членовредительство, в том числе и как неблагоприятный исход лечения.

Возможность возмещения ущерба вследствие неудачного лечения предусматривается в «Законах XII таблиц» в таблице VII.2: «Если причинить членовредительство и не помириться с потерпевшим, то пусть и ему самому будет причинено то же самое» [33]. При этом если изначально ответственность по данной норме наступала в соответствии с древним принципом талиона (лат. *lex talionis*), то впоследствии размеру «обидности» соответствовал точный денежный эквивалент в виде штрафа: «VII.3. Если рукой или палкой переломит кость свободному человеку, пусть заплатит штраф в 300 ассов, если рабу – 150 ассов» [34].

Во времена империи существовали специальные нормы, касающиеся медицинской практики: «Если пациент умирал от лекарственного средства, проданного римским врачом или фармацевтом, последние могли быть привлечены к уголовной ответственности в виде смертной казни» [35].

Поскольку любой аборт в Риме считался криминальным, за производство аборта также предусматривалось суровое наказание [36].

Формированию института ответственности врачей в Древнем Риме способствовало решение «о создании так называемых “врачей от государства”, существование которых в их развитом виде мы наблюдаем по сей день» [37].

Государственные власти стали учреждать оплачиваемые должности врачей – архиатров. Государство не только контролировало их деятельность, но и строго следило за их выборами и назначением. Проходивший процедуру выборов врач получал звание «врач, утвержденный государством». Помимо практической деятельности,

в обязанности главы городских архиатров входило преподавание медицины в специальных школах, где жалование преподавателям выплачивалось из государственных фондов.

Несмотря на то что положение врачей в Риме со временем стало достаточно прочным и даже почетным, помимо регламентации обязанностей врача, римским правом устанавливалась ответственность врача за профессиональные правонарушения. «Впервые к врачебной деятельности было применено понятие “ошибка” (закон Аквилы). К ошибкам относили и неопытность, и неосторожность, и неоказание медицинской помощи, причем закон достаточно четко разграничивал умышленные и неосторожные действия врачей» [38].

В 476 г. н. э. Римская империя прекратила свое существование, а вместе с ней закончилась эпоха древних цивилизаций.

В древнерусском государстве отношение к положению лекаря, а позднее врача, всегда носило неоднозначный характер.

Изначально «в Древней Руси основное место занимала языческая форма врачевания, связанная с мифологическими мотивами. Главными врачевателями являлись волхвы (жрецы). В рамках политеизма врачевание понималось как чудесный дар, ниспосланный человеку свыше» [39]. Однако за неудачное лечение такой лекарь отвечал как за умышленное преступление.

Первое упоминание о врачебной деятельности в законодательных актах Древней Руси относится к XI в.: Устав великого князя Владимира Святославовича устанавливает правовое положение лекаря. Позднее, в XII в., «Русская Правда» Ярослава Мудрого законодательно закрепляет право лекаря на вознаграждение за лечение ранений после побоев: «Или будет кровав или синь надъражен, то не искати ему видока человеку тому... оже ли себе не может мѣстити, то взятии ему за обиду 3 гривне, а летцю мѣзда» [40].

Что же касается ответственности лекаря при неудачном или неправильном лечении, «Русская Правда», отходя от принципа талиона, в качестве наказания вводит штрафные санкции: «Лечец, нанесший ущерб другому человеку, должен уплатить штраф в государеву казну и выдать пострадавшему деньги для поправки причиненного здоровью ущерба» [41].

К XV в. наряду с лекарями на Руси начинают практиковать профессиональные врачи-иностранцы. Свергнув татаро-монгольское иго, обретя долгожданную независимость, Московские князья получили возможность пользоваться услугами иноземных врачей. Но и тогда врачевание продолжало оставаться весьма опасной профессией: «Врачеватели на Руси не были защищены законодательной базой и целиком зависели от

пациента, в роли которого чаще всего выступала княжеская или боярская семья» [42].

Подтверждение этому содержится в различных исторических документах, например, «софийская летопись 1485 г. упоминает о “немце Онтоне”, который был зарезан под мостом “как овца” за неудачное лечение. В 1490 г. печальная участь постигла еврейского врача Леона, казненного за безуспешное лечение сына Ивана III» [43].

Со временем необходимость и результативность врачебной помощи стала настолько очевидной, что пользоваться услугами врача-профессионала стали все сословия Московского государства.

В начале XVII в. по царскому указу был образован Аптекарский приказ, основной обязанностью которого было лечение царской семьи.

Помимо этого в ведении приказа находилась не только организация медицинского дела в Российском государстве, но и определение содержания работы находящихся в штате приказа специалистов-медиков: докторов, лекарей, аптекарей. «Дохтур совет свой дает и приказывает, а сам тому не искусен, а лекарь прикладывает и лекарством лечит и сам не научен, а обтекар у них обоих повар» [44].

Иными словами, главное положение занимали доктора, обучавшиеся в Европе и имевшие степени докторов медицины. Вторыми по значению среди врачебного персонала были лекари. Если доктора занимались лечением внутренних болезней, то лекари лечили болезни наружные и занимались в основном хирургией.

На Аптекарский приказ была возложена проверка документов врачей об образовании и службе, проведение экзаменов врачам и аптекарям, желавшим получить врачебную или аптекарскую практику в России. «Врачей, не прошедших экзаменов, предписывалось “гнать” из России, но “без жадного озлобления”» [45].

Изменение отношения к врачам и врачебной деятельности нашло отражение в нормах законодательства, касающихся ответственности медиков за свою профессиональную деятельность: «...русское законодательство изменилось, и за смерть от неправильного лечения или “важный вред здоровью” виновный предавался церковному покаянию. Если подобных последствий не происходило, то врачам, допустившим ошибки, воспрещалась практика, “доколе они не выдержат нового испытания и не получат свидетельства в надлежащем знании своего дела”» [46].

В XVII в. в русской медицине произошли значительные изменения. Врачебная деятельность из презируемой, а иногда и смертельно опасной «превратилась в одну из самых престижных и почетных профессий того времени» [47].

Анализируя древнейшие из известных на сегодняшний день источники права, можно сделать вывод, что попытки регламентации медицинской деятельности делались везде, однако, как правило, нормы права затрагивали достаточно узкий круг медицинских проблем. Чаще всего врач в своей деятельности обязан был следовать этическим нормам.

При этом правила профессиональной этики «не работали» в случае наступления неблагоприятных последствий лечения, что в свою очередь вызвало потребность в законодательном закреплении отдельных аспектов медицинской деятельности, таких, как порядок доступа к медицинской практике, правовой статус врача, организация медицинской деятельности, а также ответственность врачей в случае неблагоприятного исхода лечения.

Таким образом, создание и законодательное закрепление норм, соблюдение которых могло бы гарантироваться не только нравственными принципами врача, но и силой государственного принуждения, заложило основы института правовой ответственности медицинских работников. А поскольку «анализ имевших место в прошлом юридических явлений и процессов позволяет выработать современные подходы с учетом богатейшего исторического опыта, имеющихся правовых традиций, культурно-правовых тенденций» [48], развитие института юридической ответственности медицинских работников продолжается параллельно с развитием медицины.

Примечания

1. Риффель А. В. Избранные вопросы медицинского права. URL: <http://www.rae.ru/monographs/24-656>
2. Лукас О., Пунш Е. Южно-американские индейцы отвечают на вопросы доктора Щеглова. URL: http://gondola.zamok.net/113/113indeos_1.html
3. Сорокина Т. С. История Медицины. М.: «Медицина», 2004. Т. 1. URL: <http://www.bibliotekar.ru/423/>
4. Бодунов И. Медицина Месопотамии // Астро-логическая газета «Кеметра». URL: <http://kemetra.com/ancient/shu/?id=261&page=>
5. Лукас О., Пунш Е. Указ. соч.
6. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учеб. пособие / сост. В. Н. Сади-ков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби: Изд-во Проспект, 2005. С. 27.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Бобров О. Е. Медицина (нравы, судьбы, бес-правие). Донецк: Изд-во «Регина-Донецк», 2004. С. 7–8.
11. Марченко Ю. Ф. Медицина в Древнем Египте // Твое здоровье. 1994. № 3. URL: <http://lechebnik.info/607/24.htm>
12. Там же.
13. Бобров О. Е. Указ. соч.

14. Марчукова С. М. Медицина в зеркале истории. М.: Европейский дом, 2003. 272 с. URL: <http://bibliotekar.ru/421/index.htm>.

15. Законы Ману / пер. С. Д. Эльмановича, прове-ренный и испр. Г. Ф. Ильиным. М.: Издательство во-сточной литературы, 1960. С. 210.

16. История медицины: учеб. пособие для студ. мед. вузов / сост. В. В. Козлов, А. В. Шульмин, Е. А. Аверченко и др. Красноярск: тип. КрасГМУ, 2010. С. 18.

17. Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране (Ис-торико-этнографический очерк). М.: Гл. редакция во-сточной литературы изд-ва «Наука», 1982. С. 88.

18. Авеста. Священная книга зороастрийского уче-ния. Тегеран, 1967. С. 47.

19. Там же.

20. Гюмер. Илиада / пер. с древнегреч. Н. Гнедича; примеч. М. Томашевской; худож. Д. Бисти. М.: Ху-дож. лит., 1987. С. 52.

21. Блаватская Т. В. Из истории греческой интел-лигенции эллинистического времени. М.: Изд-во «На-ука», 1983. С. 81.

22. Там же. С. 112.

23. Платон. Законы / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; авт. ст. в примеч. А. Ф. Лосев; примеч. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во «Мысль», 1999. С. 398.

24. Там же. С. 320.

25. Блаватская Т. В. Из истории греческой ин-телигенции эллинистического времени. М.: Наука, 1983. С. 135.

26. Там же. С. 161.

27. Там же. С. 162.

28. Гиро П. Частная и общественная жизнь рим-лян. СПб.: Алетейя, 1995. С. 206–207.

29. Риффель А. В. Указ. соч.

30. Утченко С. А. Хрестоматия по истории Древ-него Рима / под ред. С. А. Утченко. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 297.

31. Романовская В. Б., Курзенин Э. Б. Основы рим-ского частного права: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во ОПЦ «Право», 2000. С. 13.

32. Покровский И. А. История римского права / вступ. ст., пер. с лат., науч. ред. и коммент. А. Д. Ру-докваса. СПб.: Изд.-торг. дом «Летний сад», 1999. С. 120.

33. Черниловский З. М. Хрестоматия по общей истории государства и права. М.: Юрист, 1996. С. 22; Хрестоматия по истории Древнего Рима / под ред. С. А. Утченко. М., 1962. С. 68.

34. Там же.

35. Глашев А. А. Медицинское право: практиче-ское руководство для юристов и медиков. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 208.

36. Витер В. И. Экспертная и юридическая оценка неблагоприятных исходов при расследова-нии профессиональных правонарушений медицин-ских работников / В. И. Витер, А. Р. Поздеев, И. В. Гецманова; под ред. Г. А. Пашияна. Ижевск, 2007. С. 47.

37. Черниловский З. М. Указ. соч.

38. Бобров О. Е. Медицинские преступления: Прав-да и ложь: науч.-попул. изд. Петрозаводск: Изд-во «ИнтелТек», 2003. С. 200.

39. Риффель А. В. Указ. соч.

40. Титов Ю. П. Хрестоматия по истории госу-дарства и права России. М.: «Проспект», 1997. С. 6.

41. Бобров О. Е. Медицина и общество: от Древней Руси до октябрьского переворота. URL: <http://www.critical.ru>
42. Риффель А. В. Указ. соч.
43. Там же.
44. Марчукова С. М. Указ. соч.
45. Ионов А. Врач из Альбиона // Медицинский вестник. 2010. № 8(513).
46. Ковригина Г. Д. Правовое регулирование целительской деятельности в России: история вопроса и современные общеправовые начала // Медицинское право. 2008. № 4. С. 38.
47. Риффель А. В. Указ. соч.
48. Ковригина Г. Д. Указ. соч.

УДК 340.111.52

Е. С. Чиркова

«СУБЪЕКТ ПРАВА»: ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ

В статье обсуждается категория «субъект права». Субъект права рассматривается как целостная характеристика: разрозненные аспекты понимания «субъект права» объединяются в категорию «структура субъекта права».

In article are discussed the category of «subject of law». Legal entity is regarded as a complete response: separate aspects of the idea of «subject of law» categories are combined in the structure of an entity.

Ключевые слова: субъект права, субъект правоотношения, правосубъектность, функции субъекта права.

Keywords: subject of law, the legal personality, the functions of subject of law.

«Субъект права» как многоаспектное понятие постоянно рассматривается в учебной и научной литературе. В исследовании данного понятия весомую роль сыграла работа С. И. Архипова «Субъект права: теоретическое исследование» [1]. Автор приводит в своей работе семь аспектов понимания субъекта права: как лицо — юридическая внешность; как правовая воля; как совокупность правовых отношений, правовых связей; как правовое сознание; как правовой деятель; в качестве социально-правовой ценности; как правоспособность (правосубъектность). В работе признается допустимым выделение и иных аспектов понимания субъекта права.

При исследовании любого понятия всегда существуют две стороны: структура и содержание (иногда говорят о внутренней и внешней сторонах), часто в науке уделяется большое внимание только содержательной стороне, а внешняя форма (структура) зачастую не берется во внимание, что для науки непозволительно. Одной из задач на-

уки должно быть стремление к единообразной структуре рассмотрения понятий, но совместно с плюрализмом понимания, в частности понятия «субъект права».

Что понимается под содержательной стороной — не вызывает вопросов, а вот структурная сторона в исследовании субъекта права выражается в подходах понимания. Что это означает?

Ответим на этот вопрос, абстрагируясь от понятия «субъект права». Любое понятие, которое необходимо исследовать, например «право» (как наиболее широкое понятие ко всем другим правовым явлениям, и, следовательно, наиболее показательное), имеет подходы к его пониманию: **генетический** (содержательная сторона включает происхождение права, предпосылки возникновения права, закономерности возникновения права и т. п.); **сущностный** (содержательная сторона включает объект права, сущность права, социальное назначение права и т. п.); **системный** (содержательная сторона включает предмет правового регулирования, методы правового регулирования, систему права и т. п.); **функциональный** (содержательная сторона включает функции права, правоотношения, юридические факты, реализация права, применение права и т. п.); **формальный** (содержательная сторона включает нормативно-правовой акт, правовой прецедент, правовую доктрину и т. п.).

Названные подходы универсальны, так как представляют собой «лекало» для любого анализируемого понятия. В нашем случае это понятие «субъект права», при раскрытии которого будут использоваться только четыре из пяти (формальный подход здесь не применяется) названных подходов: генетический, сущностный, системный, функциональный. Подходы к пониманию субъекта права представлены на рис. 1.

Итак, применив названную структуру, кратко проанализируем понятие «субъект права», обозначив ключевые аспекты.

1. Как любое понятие, «субъект права» необходимо начинать рассматривать с генетического подхода. При этом подходе необходимо ответить на вопросы: «Когда? Как?» В компетенцию данного подхода входит анализ происхождения, становления и развития понятия.

Не будем глубоко вдаваться в историю возникновения исследуемого понятия, так как это подразумевает под собой большой объем исторического исследования и не является целью данной работы.

2. Сущностный подход отвечает на вопрос: «Что есть субъект права по своей природе? В чём выражается сущность данного явления, его идея?» С точки зрения данного подхода изучается само понятие «субъект права».

Говоря о субъекте права, необходимо обозначить отличие между двумя понятиями: «субъект права» и «субъект правоотношения».

На этот счет в литературе обнаруживается большое разнообразие мнений.

А. А. Морозова отмечает, что «в юридической литературе правоотношения определяются как общественные отношения, урегулированные нормами права» [2]. Субъекты права являются участниками правоотношений. В этом случае субъект права одновременно становится и субъектом правоотношения, здесь можно говорить о совпадении роли субъекта права и субъекта правоотношения. Например, в соответствии с Конституцией РФ [3] и Трудовым Кодексом РФ [4] лицо имеет право вступать в трудовые отношения, то есть лицо является «субъектом права», а когда оно воспользовалось этим правом, то оно стало и «субъектом правоотношения». В результате на базовое понятие «субъект права» накладывается понятие «субъект правоотношения».

Приведем точки зрения и других авторов по вопросу соотношения указанных понятий. Например, М. М. Рассолов пишет: «Любой субъект правоотношения – всегда субъект права, но не всякий субъект права – участник того или иного конкретного правоотношения» [5]. А. М. Абрамов: «Субъект правоотношений – уже реальный участник правовых отношений, то есть конкретное лицо, которое не в состоянии быть одновременно участником всех правовых отношений» [6].

Так как в сущностном подходе исследуется само понятие «субъекта права», то сделаем обзор юридической литературы по этому понятию, разбив понимание субъекта права на несколько групп.

Первая группа выражает понимание субъекта права в отождествлении с субъектом правоотношения, здесь обычно субъект права понимается как участник правоотношения. Например, А. М. Аб-

рамов: «Субъект права – это лицо, которое способно быть участником правоотношений» [7].

Вторая группа понимает субъекта права как носителя прав и обязанностей. Например, М. Н. Марченко: «...под субъектом права понимается лицо или организация, за которыми государство признает способность быть носителями субъективных прав и юридических обязанностей» [8].

Третья группа авторов, на наш взгляд, наиболее правильно понимает субъект права как абстрактное лицо, имеющее субъективное право. Например, Т. Н. Радько: «Субъект права – все адресаты прав, все те кто находится под действием права, признается им в качестве абстрактного правового лица, возможного носителя прав и обязанностей, – свободные индивиды, хозяйственные, образования, общественные и религиозные организации, отдельные государственные органы и государство в целом» [9].

Таким образом, «субъект права» и «субъект правоотношения» нетождественные понятия: понятие «субъект права» шире, чем «субъект правоотношения» (рис. 2).

В научной и учебной литературе «субъект права» редко выделяется, он рассматривается только в контексте «субъект правоотношения» или «состав правоотношений», что не совсем правильно. Однако, представляется, недопустимо сводить субъект права лишь к участнику правоотношений. В юридической литературе должно четко проходить разделение этих понятий, выделяться понятие «субъект права» в отдельную главу учебников по теории государства и права.

3. Системный подход дает ответ на вопрос: «Что включает в себя субъект права?» Например, С. С. Алексеев говорит о совпадении по основному содержанию таких категорий, как «субъект права» и «правосубъектность». Так, он выделяет два основных признака, характерных для субъек-

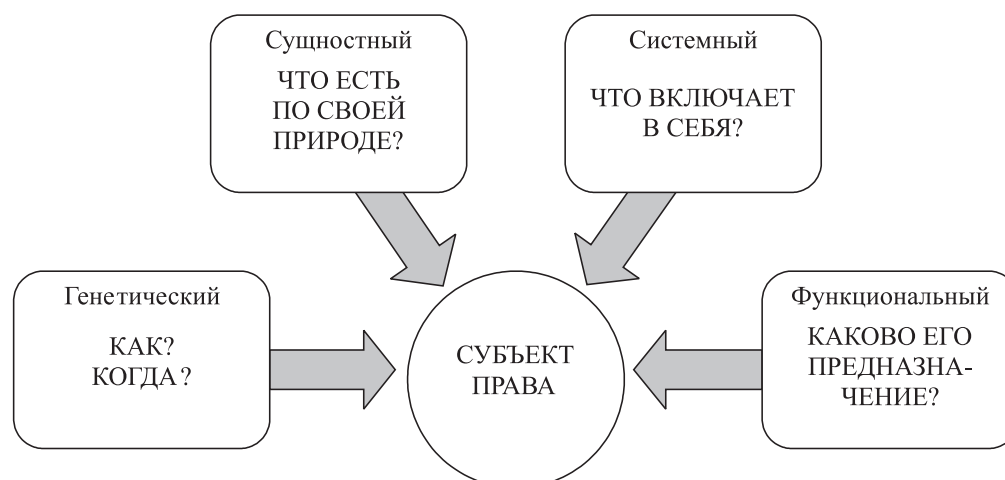

Рис. 1. Подходы к пониманию субъекта права

та права: «Во-первых, это лицо, участник общественных отношений (индивиды, организации), которое по своим особенностям фактически может быть носителем субъективных юридических прав и обязанностей. Для этого оно должно обладать определенными качествами, которые связаны со свободой воли человека, коллектива людей и к числу которых относятся: а) внешняя особенность; б) персонификация (выступление вовне в виде единого лица – персоны); в) способность выбирать, выражать и осуществлять персонифицированную волю. Во-вторых, это лицо, которое реально способно участвовать в правоотношениях, приобрело свойства субъекта права в силу юридических норм. Иными словами, юридические нормы образуют обязательную основу выступления индивидов, организаций, общественных образований как субъектов права» [10].

Итак, субъект права с точки зрения системного подхода раскрывается через правосубъектность (правоспособность, дееспособность, деликтоспособность). Дадим краткую характеристику составляющих правосубъектности.

Само понятие *правоспособности* как способности лица иметь права и нести обязанности в литературе устоялось.

Правоспособность может быть трёх видов – общая, отраслевая, специальная.

Общая правоспособность – способность любого лица или организации быть субъектом права

как такового вообще. Она возникает с момента рождения гражданина, а у юридического лица – с момента его создания. Будем придерживаться точки зрения, что моментом рождения человека считается первый крик новорожденного.

Отраслевая правоспособность – юридическая способность лица или организации быть субъектом той или иной отрасли права.

Специальная правоспособность – способность быть участником правоотношений, возникающих в связи с занятием определенных должностей (президент, судья, член парламента) или принадлежностью лица к определенным категориям субъектов права (работники ряда транспортных средств, правоохранительных органов и др.). Сравним требования на должность Президента в разных государствах, таких, как Российская Федерация (РФ), Федеративная Республика Германия (ФРГ), Соединенные Штаты Америки (США), Итальянская Республика (см. таблицу). Согласно ч. 2 ст. 81 Конституции РФ, «Президентом Российской Федерации может быть избран гражданин Российской Федерации не моложе 35 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации не менее 10 лет» [11]. В соответствии со ст. 54 Основного закона Федеративной Республики Германия, «избираемым может быть каждый немец, обладающий избирательным правом в Бундестаге и достигший сорока лет» [12]. Конституция США в ст. II раздела 1 требует достижения

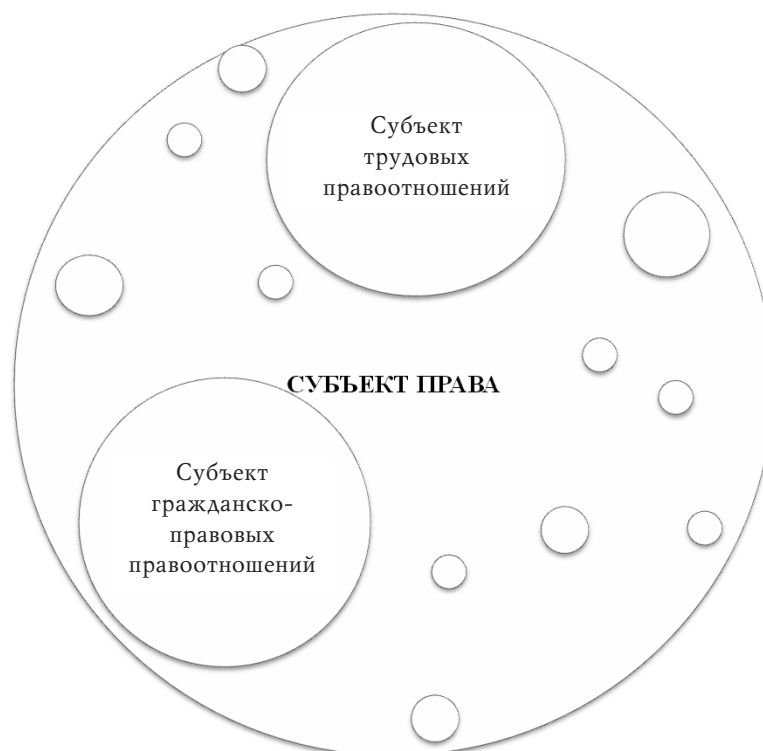

Рис. 2. Соотношение понятий «субъект права» и «субъект правоотношения»

35-летнего возраста и постоянного проживания на территории США не менее 14 лет [13]. В соответствии со ст. 83 Конституции Итальянской Республики, «Президентом Республики может быть избран любой гражданин, которому исполнилось пятьдесят лет и который пользуется гражданскими и политическими правами» [14].

Второй элемент правосубъектности – *дееспособность*. Вопросов по определению данного понятия, так же как и с правоспособностью, не возникает. Дееспособность – это способность своими действиями осуществлять права и выполнять обязанности. Обозначим разновидности и виды дееспособности, не раскрывая их. Виды дееспособности: полная, частичная, ограниченная, полная недееспособность. Разновидности: трансдееспособность, сделкоспособность.

Деликтоспособность – третий элемент правосубъектности – в литературе определяется как способность лица нести юридическую ответственность за совершенное правонарушение. По уголовному законодательству большинства зарубежных стран устанавливается более низкий возраст уголовной ответственности, чем в Российской Федерации. Напомним, что в ч. 1 ст. 20 Уголовного Кодекса РФ установлен возраст, с которого наступает уголовная ответственность: «Уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста» [15]. Данный возраст может быть снижен до 14 лет по отдельным преступлениям. Что касается других стран, то, например, французское уголовное законодательство в ст. 122-8 Уголовного кодекса Франции устанавливает, что «этот закон определяет такие условия, при которых могут назначаться наказания несовершеннолетним старше тринадцати лет» [16]. В Англии нижняя возрастная граница уголовной ответственности – 10 лет [17].

Итак, рассмотрев субъект права в системном подходе, мы раскрыли понятия правосубъектности и её составляющих. Нам осталось рассмот-

реть последний подход к пониманию субъекта права.

4. Функциональный подход. Отвечает на вопрос: «Каково предназначение субъекта права?» Здесь следует рассмотреть функции субъекта права. Для этого, прежде всего, необходимо определить понятие функции как юридической категории. В правовой науке функции чаще всего обозначаются как направления (основные направления) воздействия исследуемого явления на общественные отношения, обусловленные его назначением. Б. А. Булаевский: «Если представить, что функции субъекта права есть его правовые свойства, то окажется, что его функции – это элементы правосубъектности (правоспособность и дееспособность), свойства, присущие субъектам права и необходимые им для разнообразных форм участия в правоотношениях. Но функции субъекта состоят не в этих свойствах и не в том, чтобы субъект обладал ими (хотя иногда бывает достаточно и одного их наличия, для того чтобы определенные правовые механизмы были запущены), функции – это должным образом сориентированные возможные формы приложения свойств (возможные формы проявления его правосубъектности)» [18]. Такое понимание функциональной характеристики субъекта права имеет практическую ценность: оно позволит не только дать ответ на вопрос о том, какими права, свободами и обязанностями должны наделяться субъекты права, но и своевременно совершенствовать установленный законодательством их круг, ибо уровень и проявления человеческой энергии весьма динамичны.

В статье было рассмотрено четыре подхода к пониманию субъекта права: генетический, сущностный, системный и функциональный. Применение таких подходов позволяет выстроить четкую и понятную структурную сторону исследуемого правового понятия, не затрагивая плюрализм содержательной стороны, что является неоспоримым достоинством.

Специальная правоспособность на должность президента в разных странах

Страна	Требования к кандидатам на должность президента			Срок избрания
	Достигший возраста	ПМЖ не менее	Гражданство соответствующего государства	
Российская Федерация	35 лет	10 лет	+	6 лет
Федеративная Республика Германия	40 лет	—	+	5 лет
США	35 лет	14 лет	по рождению	4 года
Итальянская Республика	50 лет	—	+	7 лет
Французская Республика	23 лет	—	+	5 лет

Примечания

1. *Архипов С. И.* Субъекты права : теоретическое исследование. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 469 с.
2. *Морозова Л. А.* Теория государства и права: учеб. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Эксмо, 2007. С. 295.
3. Ст. 37 Конституции РФ от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство».
4. Ст. 20 Трудового Кодекса РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2010) (с изм. и доп., вступающими в силу с 07.01.2011) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство».
5. *Рассолов М. М.* Актуальные проблемы теории государства и права : учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М. М. Рассолов, В. П. Малахов, А. А. Иванов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2010. С. 247.
6. *Абрамов А. М.* Понятие субъекта права в сфере социально-экономических отношений [Электронный ресурс] // История государства и права. 2007. № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Комментарии законодательства».
7. Там же.
8. *Марченко М. Н.* Проблемы общей теории государства и права: учеб. : в 2 т. Т. 2. Право. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби: Изд-во «Проспект», 2010. С. 607.
9. *Радько Т. Н.* Теория государства и права: учеб. 2-е изд. М.: Проспект, 2009. С. 468.
10. *Алексеев С. С.* Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 379.
11. Ч. 2 ст. 81 Конституции РФ от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство».
12. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, Япония, Бразилия: учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков]. 7-е изд., перераб. и доп. М.: ВолтерсКлувер, 2010. С. 189.
13. Там же. С. 344.
14. Там же. С. 287.
15. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996) (ред. от 07.12.2011, с изм. и доп., вступающими в силу с 19.12.2011) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство».
16. *Коновалова И. А.* Опыт борьбы с преступностью несовершеннолетних в Европе и США [Электронный ресурс] // Адвокат. 2007. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Комментарии законодательства».
17. *Борбат А. В., Завидов Б. Д., Ендольцева А. В., Милевский А. И.* Состав преступления как основание уголовной ответственности [Электронный ресурс]. Подготовлен для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство», 2005.
18. *Булаевский Б. А.* Функции правовых презумпций [Электронный ресурс] // Журнал российского права. 2011. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Комментарии законодательства».

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1:801.633

О. И. Федотов

ЖАНРОВЫЕ АМПУА И ЭМФАТИЧЕСКИЕ ОРЕОЛЫ 6-СТОПНОГО ЯМБА В ЛИРИКЕ ВЛАДИСЛАВА ХОДАСЕВИЧА

Публикуемая статья представляет собой часть предпринятого автором комплексного обследования стихотворной поэтики Владислава Ходасевича на усредненном материале сборника Большой серии библиотеки поэта [1] с целью выявления содержательных приращений основных ее составляющих: метрики, ритмики, строфики и звуковой организации текста.

This article is a part of Vladislav Hodasevichan's poetry integrated survey undertaken by the author on averaged material of poet's Large library collection for the purpose of identification of informal increments of its basic components: metrics, rhythmic, strophics and sound organization of the text.

Ключевые слова: 6-стопный ямб, лирика Ходасевича, александрийский стих, архаика, торжественность, травестирование.

Keywords: 6-foot iambic, Khodasevich lyrics, Alexandrine, archaic, solemn, travesty.

Современная стиховедческая наука – один из самых преуспевающих и престижных разделов литературоведения, лингвистики, культурологии, даже, в известном смысле, и математики, в их интегрированном плодотворном синтезе. К числу ее наиболее разработанных проблем принадлежат: 1) проблема специфики стихотворной речи, ее соотношения с прозой и промежуточными стихопрозаическими формами; 2) проблема происхождения и исторической эволюции национальных и региональных версификаций, выявления их специфики в зависимости от просодии языка и культурного взаимодействия; 3) проблема типологии основных систем стихосложения; 4) описание метрики, ритмики, строфики и звуковой организации; 5) составление метрических и строфических справочников, словарей рифм и поэтической лексики. Вместе с тем продолжает оставаться не до конца проясненным, может быть, самый актуальный вопрос о содержательности соответствующих формант как в стихопоэтике вообще, так и в индивидуальных версифи-

кационных системах разных поэтов, в частности. Автором предлагаемой статьи предпринят опыт описания индивидуальной стихопоэтики Владимира Набокова в монографии, посвященной его поэзии [2], и Владислава Ходасевича в серии статей [3] путем комплексного обследования по возможности всех произведений, представляющих тот или иной размер, ту или иную строфу. С учетом их интертекстуальных взаимодействий выявляются эмфатические ореолы, содержательные приращения соответствующих формант и индивидуальные пристрастия автора. В данной статье рассматриваются жанровые и эмфатические предпочтения 6-стопного ямба поэта на материале шести его стихотворений.

* * *

Репутацию одного из самых стабильных и определенных по своему жанровому ампуа и эмфатическим свойствам размеров имеет 6-стопный ямб с цезурой после третьей стопы (александрийский стих). В избранном сборнике он представлен шестью стихотворениями: 1. «Парки» («О, неподвижны вы, недремлющие сестры...»), 22 февраля 1907 г.; 2. «Пять лет уже прошло, как я живу с мышами...», 1917 г.; 3. «Путем зерна» («Проходит сеятель по ровным бороздам...»), 23 декабря 1917 г.; 4. «Не только в древности неслышные слова...», 10 июля 1921 г.; 5. «Апполиназм» («На Лая лаем лай! На Лая лаем лаял...»); 6. «Памяти кота Мурра» («В забавах был так мудр и в мудрости забавен...»), <1934>. В целом во всех шести случаях Ходасевич придерживается традиционных коннотаций, свойственных 6-стопному ямбу, несущему с собой ощутимую модальность архаичности, тяжеловесной торжественности, величавости и, соответственно, поддерживает свойственную ему склонность к травестированию.

1. В первом стихотворении возрождается трагический сам по себе образ трех римских богинь, вершительниц судеб парок, родственных греческим мойрам. О том, что они, в принципе, синонимичны, свидетельствует мотив «нити», которую прядут «недремлющие сестры». Лирический герой обращается к ним в связи с грустными раздумьями об обреченной любви (не иначе Ходасевич опирался на собственный горький опыт при расставании с первой женой):

О, неподвижны вы, недремлющие сестры.
Лишь, развиваясь, нить туманится, как дым...
А мы вознесены на кряж томлений острый
И вот, – скользя в крови, любви обряд вершим...

На миг мы преданы размеренному стуку,
И ритм сердец в движенья верно влит, –
Но на последний вздох Тоска наложит руку,
И холод Вечности тела обледенит. (223)

Второй стих второго катрена, впрочем, состоит не из шести, а из пяти сплошь акцентированных стоп, в полном соответствии с необходимостью передать учащенный ритм встревоженных сердец. Общему тону повышенной серьезности и фатальной предрешенности судьбы вторят образные, лексические и стилистические компоненты текста.

2. В 1917 г., т. е. десять лет спустя, Ходасевич обращается к 6-стопному ямбу дважды. В стихотворении «Пять лет уже прошло, как я живу с мышами...» он использовал его в откровенно трагической функции: торжественно-тяжеловесным александрийским стихом описывается тихая мышиная жизнь, приблизительно так же, как гекзаметрами в «Батрахомиомахии» («Войне мышей и лягушек») Гесиода пародийно излагаются перипетии троянских баталий. На этот раз образно-речевые средства не аккомпанируют врожденным эмфатическим ореолам почтенного размера, а, напротив, решительно противостоят им, провоцируя тем самым искомую комическую несурязицу. Как известно, интерес к «мышинной теме» Ходасевич сохранял на протяжении едва ли не всей своей творческой жизни. Конечно, мыши интересовали его не сами по себе, а как емкий жизненно достоверный символ тихого, неприятельного образа жизни, о котором некогда писал Пушкин: «Мой идеал теперь – хозяйка, / Да щей горшок, да сам большой». Есть в тексте и еще одна пародирующая пушкинская аллюзия, о которой сигнализирует рифма «...Я этим *не грешу*: / Они себе шуршат, а я себе *пишу*» (279), напоминающая о пуанте ХХІХ строфы 1-й главы «Онегина»: «Я это потому пишу, / Что уж давно я *не грешу*». Но если Пушкин шутливо одергивает себя, вспоминая о балах и горячке любовных приключений разгульной молодости, то Ходасевич практически цитирует его применительно к идиллическому общежитию с мышами: «Приязнь великая наладилась меж нами. / Да что и ссориться? Я этим не грешу...» и т. д. Таким образом, сводятся в едином фокусе «Война мышей и лягушек» и... «Евгений Онегин», да еще в сопровождении дидактической интонации, характерной для александрийского стиха: «А все, что говорят худое про мышей, / По чести – клевета, не доверяйте ей. / Нередко слышу я, что мыши,

дескать, воры... / Учитесь презирать такие разговоры» (279).

3. В том же 1917 году 6-стопным ямбом было написано одно из самых концептуальных стихотворений Ходасевича, давшее название целой книге его стихов, – «Путем зерна», 23 декабря 1917 г.:

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.

Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет – и оживет она.

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, –

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна. (94)

Сплошь мужские цезурованные шестистопники скомпонованы попарно в четкие графически выделенные двуступишия. Зафиксированные за одним исключением точкой, они приобретают отчетливую модальность афоризмов, запечатленных на скрижалях. И – недаром; стихотворение построено как поэтический эквивалент знаменитой цитаты из Евангелия от Иоанна: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин., 12, 24). Поэт развивает этот удивительный парадокс, размышляя о судьбах своей несчастной родины. Сбывается мрачное предсказание юного Лермонтова: «Настанет год, России черный год, / Когда царей корона упадет» [4]. Роковым образом речь шла об истекающем 1917 г., которому еще предстояло приобрести репутацию «черного года» в отечественной истории. Ходасевич, скорее всего, не исключал грядущего возрождения после октябрьской катастрофы и, в отличие от Лермонтова, был склонен даже смерть трактовать как условие для воскресения-оживления, способного «принести много плода». Как образно и очень точно отметил Геннадий Евграфов, оказавшись за пределами родины, Ходасевич прочувствовал себя «зерном, брошенным в другую почву. Зерно проросло, но росток не прижился» [5].

Ритмические модуляции в стихотворении обеспечиваются, в основном, соотношением мужских и дактилических цезур (8:4), возмущающими пиррихиями в двух из четырех полустиший

4-й строфы (ПЯЯ/ЯЯЯ//ЯЯЯ/ПЯЯ) и твердой поступью исключительно редкой полноударной формы (ЯЯЯЯЯ). Отмеченные на фоне ямбической доминанты дактилические окончания перед цезурой выдвигают наиболее важные по смыслу слова: *сеятель* как главный субъект символического сева, *золотом* и *черную* – как контрастные эпитеты, характеризующие драгоценную животворящую сущность зерна и траурный мрак уготованной ему могилы, а также (*всему*) *живущему* в резюмирующем значении универсального субъекта жизни в финальном пуанте. Пропуск ударений в начальных стопах первого и четвертого полустихий в переломной 4-й строфе («Так и душа моя идет путем зерна: / Сойдя во мрак, умрет – и оживет она») подчеркивает переход от субъекта сравнения к его предикату, от всеобщей закономерности бытия к личной судьбе. Речь, конечно, идет не о физической смерти и оживлении бессмертной души, но о кризисном, временном ее омертвлении и возрождении. Наконец, два случая полноударного ямба («Отец его и дед по тем же шли путям...» и «И ты, моя страна, и ты, ее народ») волевой интонацией выдвигают и самые многозначительные применительно к идейному пафосу произведения стихи: путем зерна идет все человечество, из поколения в поколение, лично лирический герой и с ними вместе его народ и родная страна.

4. Заслуживает упоминания и одиночное четверостишие эпиграммы: «Не только в древности неслышны слова / Природа темная певцам вещала славным: / И ныне с Оцупом беседует, как с равным, / На доме Зингера пустая голова», 10 июля 1921 г. (259) Речь идет о знаменитом историческом здании на Невском проспекте (дом № 28) на пересечении с каналом Грибоедова, угловую башню которого венчает стеклянный глобус диаметром 2,8 м. Он служил рекламой фирмы «Зингер», изнутри освещался электричеством, а снаружи был обвит надписью «Зингер и К°». В 1919–1920 гг. в Доме книги была сосредоточена почти вся книжная торговля Петрогосиздата. Здесь часто бывали Алексей Толстой, Ольга Форш, Константин Федин, Самуил Маршак, Даниил Хармс и, надо думать, Николай Оцуп. На верхних этажах здания располагались редакции издательств «Искусство», «Художественная литература», «Агропромиздат», издательство «Лендетгиз», организованное С. Я. Маршаком и выпускавшее знаменитые журналы «Чиж» и «Ёж». «На доме Зингера пустая голова» (подсвеченный стеклянный глобус), таким образом, «на равных» делит свою пустоту с головой участника Цеха поэтов как раз накануне его эмиграции, последовавшей после расстрела Гумилева. Заметим, что все четыре 6-стоп-

ных ямба в этой эпиграмме имеют дактилическое предцезурное окончание. Можно сказать и иначе: регулярный по вертикали пиррихий на третьей стопе порождает ритмическую волну логэдического типа, наделяющую повышенной смысловой и эмоциональной энергией ключевые слова: *в древности, темная, с Оцупом, Зингера*, наряду с рифмочленами: *слова, славным, с равным и голова*.

5. Экспериментальный этюд с загадочным заголовком «Аполлиназм» традиционно рассматривается в рубрике шуточных стихотворений, подвергающих сомнению и насмешке эксперименты à la Андрей Белый. Есть даже мнение, что «Аполлиназм» – своеобразная пародия на автора вышедшей в 1922 г. «Глоссолалии». Как полагает блоггер под ником atenedo, перед нами «пародия на Белого, написанная “со злости” после очередного спора. Аполлиназм – “ученое” название “оракула”, адресованного Белому-“Демодокку”: “подли, помедли лить” – не увлекайся, не пиши и не призывай писать такой бред. “Маем Майи маял, Маем Майи млел” явно относится к самому Белому. В целом это карикатура на новые стихи Белого, смысл из которых, при всей “смыслопорождающей фонетике”, извлечь крайне сложно, а звучат они совершенно ужасно. В сочетании с “жреческой патетикой” так совсем смешно» [6]. Механика звуко-смысловой игры такого рода очевидна: мифический герой с каламбурным для русского уха именем, конечно же, должен или лаять сам или подвергаться лаю. Предпочтение получил второй вариант с тавтологическим усилением в первом стихе: «На Лая лаем лай! На Лая лаем лаял...». Во втором стихе возник источник лая: «То пес, то лютый пес!..» Его действия, с переходом на авторский их комментарий, помимо облаивания несчастного Лая, складываются в тройную каламбурную рифму: «Поспел, посмел! То спел...» Мифический Лай закономерно ассоциируется далее с мифическим же певцом Демодокком из гомеровской «Одиссеи», пусть он ничего общего с отцом Эдипа и не имел: «Нам Демодок», имя которого, в свою очередь, чревато медом: «...медок в устах тая». Де-причастие «тая» выводит Демодока к последующим не столько логически, сколько фонетически обусловленным манипуляциям: «И таял, / И Маем Майи маял, Маем Майи млел». Через межстрофическую паузу возобновляется каламбурная расшифровка имени феакийского певца, в котором многие видят автопортрет самого Гомера; оно исходит традиционный мед поэзии: «Ты, Демодок, медок (медовый ток) замедли! / Медовый ток лия – подли, помедли лить!» Здесь, скорее всего, «глоссолалия» Белого синтезируется с античными мотивами О. Мандельштама: «Золотистого меда струя из бутылки текла / Так

текуче и долго, что молвить хозяйка успела: / – Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла, / Мы совсем не скучаем, – и через плечо поглядела». В следующем катрене закономерно появляются собаки, конечно, воспринимаемые на слух: «Сторожа и собаки, – идешь, *никого не заметишь*» (но услышишь!), и к концу стихотворения «в каменистой Тавриде» дает о себе знать «наука Эллады» и удивительно точные ассоциативные воспоминания, связанные с «медовым» Демодоксом: «Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, – / Не Елена – другая, – как долго она вышивала? // Золотое руно, где же ты, золотое руно? / Всю дорогу шумели морские тяжелые волны, / И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно, / Одиссей возвратился, пространством и временем полный» [7]. Возможно, и другое античное стихотворение Мандельштама, датированное 1920 г., откликнулось в связи с «медовым током», который олицетворяет работу поэта, напоминающую работу пчелы: «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы. / Медуницы и осы тяжелую розу сосут. / Человек умирает. Песок остывает согретый, / И вчерашнее солнце на черных носилках несут» [8].

Концовка стихотворения однозначно разоблачает провокацию, настаивая на бездуховности подобных творческих экзерсисов: «Сей страстный, сладкий бред душе, душе не вред ли? / Душе, вдыхая вздох, – паря, не воспарить?» (262). Кроме каламбурного взаимодействия близких по звучанию, но далековатых по значению суперкоротких слов, этот экспериментальный текст отличается интенсивная полнотворность: практически все восемь стихов, кроме заключительного, обходятся без пиррихий. В последнем же случае пиррихий на пятой стопе по контрасту парадоксальным образом притягивает к себе внимание, разводя разные по смыслу и стилистике однокоренные слова: «паря, не воспарить».

6. Последнее стихотворение Ходасевича, выполненное 6-стопным ямбом, «Памяти кота Мурра», <1934>, носит амбивалентно игровой и в высшей степени серьезный характер. Открывается оно афористической сентенцией: «В забавах был так *мудр* и в мудрости *забавен* – / Друг утешительный и вдохновитель мой!», вполне пригодной для эпитафии, но ее продолжение обманывает наши ожидания. Надгробное изречение весьма плавно и пластично преобразуется в эпически-элегический нарратив на излюбленную Ходасевичем тему потустороннего бытия: «Теперь он в тех садах, за огненной рекой, / Где с воробьем Катулла и с ласточкой Державин». Имеются в виду хрестоматийные стихи Катулла из цикла «К Лесбии» («Плачь, Венера, и вы, Утехи, плачьте...») и не менее знаменитая «Ласточка», 1792, 1794 гг., Державина. Они не просто пере-

кликаются с «Котом Мурром» тематически или сигнализируют о своей катализирующей роли, но и вступают с ним в интенсивную интертекстуальную игру. С одной стороны, сообщается, что любимый кот поэта, о котором незадолго до стихотворения он пишет в автобиографическом очерке «Младенчество» как о существе исключительно разумном [9], пребывает «в тех садах, за огненной рекой», Флегетоном, в компании «с воробьем Катулла» и «ласточкой Державина» (а грамматически и с их создателями!). Но, с другой стороны, отношение к этому факту у Ходасевича совершенно иное. Если Катулла больше волнует печаль его Лесбии по поводу утраты ее любимца («Бедный птенчик погиб моей подружки. / Бедный птенчик, любовь моей подружки. / Милых глаз ее был он ей дороже. / Сладше меда он был и знал хозяйку, / Как родимую мать дочурка знает») и он проклинает мрачный Аид, похитивший «чудного воробушка» («А теперь он идет тропой туманной / В край ужасный, откуда нет возврата, / Будь же проклята, ты, обитель ночи, / Орк, прекрасное все губящий жадно!» [10]), то Ходасевич заглядывает за «огненную реку» без неприязни, наоборот, с надеждой обрести там гармоническое умиротворение; поэтому здесь не «обитель ночи», а скорее Дантов «уголок поэтов» в Лимбе: «О, хороши сады за огненной рекой, / Где черни подлой нет, где в благодатной лени / Вкушают вечности заслуженный покой / Поэтов и зверей возлюбленные тени!» (255) Еще интересное интертекстуальное сопоставление «Кота Мурра» с двумя стихотворениями Державина, оплакивающего кончину своей Пленеры. В обоих активно задействован символический образ ласточки. В первом «На смерть Катерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившуюся» этот образ сначала включен в отрицательное сравнение в зачине стихотворения:

Уж не ласточка сладкогласная,
Домовитая со застрехи,
Ах, моя милая, прекрасная
Прочь отлетела, – с ней утехи.

А затем, в рефренном обращении временная отлучка сизокрылой пичуги прямо противопоставляется вечной разлуке с любимой женой:

О ты, ласточка сизокрылая!
Ты возвратишься в дом мой весной;
Но ты, моя супруга милая,
Не увидишься век уж со мной. [11]

Во втором стихотворении «Ласточка», начатом в 1792 г. и завершеном в год смерти Катерины Яковлевны, «милосизая птичка» сопоставляется уже с душой самого лирического героя,

замирающей и возрождающейся к вечной жизни. Предвосхищая сюжет знаменитой сказки Андерсена «Дюймовочка» и очень косвенно и отдаленно вспоминая миф об Орфее и Эвридике, Державин заставляет свою «пернату» героиню зазимовать в анабиозе под снегом («И прячешься в бездны подземны, / Хладея зимою, как лед»), чтобы с наступлением весны возродиться к жизни. Такую же метаморфозу по аналогии он прочит своей душе:

Во мраке лежишь бездыханна, –
Но только лишь пръдет весна
И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна...
<...>
Душа моя! гостя ты мира:
Не ты ли перната сия?
Воспой же бессмертие, лира!
Восстану, восстану и я, –
Восстану, – и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира? [12]

Лирический герой Ходасевича не помышляет о воскресении [13], не подгоняет время; стоически переживая отведенное ему судьбой «земное лихолетье», он спокойно готовится к тому, что называется вечной жизнью: «Когда ж и я туда? Ускорить не хочу / Мой срок, положенный земному лихолетью, / Но к тем, кто выловлен таинственной сетью, / Все чаще я мечтой приверженной лечу» (255). Таким образом, казалось бы, шутливая эпитафия, посвященная коту с гофмановским именем Мурр, на наших глазах претерпела решительную жанровую метаморфозу, обернувшись глубоким философски-элегическим раздумьем о жизни и смерти с неоднозначно трактуемыми литературными реминисценциями.

Ощутимые смысловые нюансы в развертывании лирической темы стихотворения связаны с его концентрической архитектоникой на уровне рифмовки: AbbA+cDcD+eFFe. В равновесном центре системы оказывается интонационно открытый перекрестный катрен, в котором воздастся должное не подвластной времени жизни, райским садам «за огненной рекой» Флегетоном. Его обрамляют, не нарушая правила альтернанса мужских и женских клаузул, замкнутые как внутри себя, так и вовне, охватные катрены с разноименной, однако, каталектикой. Будучи, створками общей рамочной композиции стихотворения, они замечательным образом и сами по себе членятся ровнехонько пополам. Первые два стиха начального катрена контрастно соплагаются с последней парой стихов, по крайней мере в трех аспектах: жанрово-стилистическом (надгробная надпись с элементом дифирамба ↔ констатация, описание, повествование событийного плана:

«Теперь он в тех садах...»), временном (тогда ↔ теперь) и персонажном (кот Мурр ↔ воробей Катулла и ласточка Державина). Примерно так же разнятся две пары стихов в заключительном катрене: жанрово-стилистический разнотакт (риторический вопрос и поверхностный, в первом приближении ответ на него ↔ уточнение, а на самом деле опровержение сказанного), локализация по времени (былое ↔ будущее) и по месту действия (земное лихолетье ↔ блаженство в райских кущах). В свою очередь, триада искусно скомпонованных, со-противо-поставленных по рисунку рифмовки и каталектики катренов, подчиняясь универсальному диалектическому закону отрицания отрицания, адекватно передает основную идею произведения – все живое идет «путем зерна»: от земной юдоли к заслуженному покою вечности.

Шесть раз обращался Ходасевич к 6-стопному ямбу, неоднородной, однако, строфической конфигурации: четверостишия охватной (AbbA, aBbA) и перекрестной рифмовки (AbAb) в чистом и смешанном виде (AbbA+bCbC+dEEed), а также двестишия, графически выделенные (aa) и не выделенные (AAbbCCdd...), с чередованием мужских и женских клаузул и с цезурой после 3-й стопы. Все шесть произведений, рассмотренных нами, подтверждают наше предположение о приверженности поэта к традиционному амплуа этого классического размера. Трижды он используется для воплощения более чем серьезной философской проблематики, сопрягаясь с вопросами, касающимися жизни и смерти, а также готовности каждого человека к неизбежному преодолению разделяющей их грани (таковы: «Парки», «Путем зерна» и «Памяти кота Мурра»). Трижды благородный торжественный размер выступает в травестийной функции: с его помощью описывается «эпическая» жизнь дружественных лирическому герою мышей («Пять лет уже прошло, как я живу с мышами...»), вышучивается самоценная, художественно неоправданная звукомысловая игра в поэтическом творчестве («Аполлиназм») и осуществляется собственно сатирический дискурс в эпиграмме («Не только в древности неслышные слова...»).

Примечания

1. Ходасевич В. Стихотворения. БСП / Изд. третье. Л., 1989. Далее все стихотворные тексты цитируются по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

2. Федотов О. Поэзия Владимира Набокова-Сирин. Ставрополь, 2010. С. 98–269.

3. Федотов О. И. Шестипалые «дактили» Владислава Ходасевича // Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: материалы Второй Междунар. конф. 16–17 ноября 2006. М., 2006. С. 228–234; Он же. Метрика и ритмика Владислава Ходасевича. 1. Имитация античной метрики и

силлабики // Уч. записки Казанского гос. ун-та. Т. 149. Сер. «Гуманитарные науки». Кн. 2. Казань, 2007. С. 180–190; *Он же*. Духовный диалог с самим собой: (Сонетный миницикл В. Ходасевича Про себя) // *Literaturarosyjska XVIII–XXI w. Dyalogidei i poetyk* / Лódź, 2008. С. 255–262; *Он же*. Логаэды в метрике Владислава Ходасевича // *Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: материалы Третьей Междунар. науч. конф. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 4–5 декабря 2008. М., 2008. С. 281–285; Он же*. Жанрообразующее значение личностного начала в «Балладе» Владислава Ходасевича // *Личность в межкультурном пространстве: материалы IV Междунар. конф., посвящённой 50-летию Рос. ун-та дружбы народов: в 2 ч. Ч. 1. М., 2009. С. 449–456; Он же*. Поэтика сонетов Ходасевича // *Метапоэтика: сб. ст. науч.-метод. семинара «Textus»: в 2 ч. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Вып. 2. Ч. 1. С. 238–257; см. также: Он же*. Сонет. М., 2011. С. 299–326; *Он же*. Содержательные приоритеты анапестов у Ходасевича // *Отечественное стиховедение. 100-летние итоги и перспективы развития: материалы Междунар. науч. конф. 25–27 ноября 2010 г. СПб., 2010. С. 138–148; Он же*. Раритетные размеры хорея в лирике В. Ходасевича и их содержательные приоритеты // *Polilog. Studia Neofilologiczne* nr 1. Slupsk, 2011. С. 55–65; *Он же*. О содержательных аллюзиях трехстопного ямба у В. Ходасевича // *Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Сер. «Філологічні науки»*. Дніпропетровськ: Видавництво Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля, 2011. № 2 (2). С. 125–130; *Он же*. Об эмфатических ореолах дактиля у Вл. Ходасевича // *Функциональная семантика. К 80-летию академика МАН ВШ профессора Льва Алексеевича Новикова. М.: РУДН, 2011. С. 507–517.*

4. *Лермонтов М. Ю.* Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 59.

5. *Геннадий Евзрафов*. Путем зерна. URL: http://exlibris.ng.ru/kafedra/2007-10-25/5_zerno.html. 2007-10-25

6. URL: <http://zelchenko.livejournal.com/14372.html> / 5 ноября 2005.

7. *Мандельштам О.* Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 116.

8. Там же. С. 126.

9. «Кошки не любят снисходить до проявлений мелкой сообразительности. Они не тем заняты. Они не умны, они *мудры*, что совсем не одно и то же. <...> Кот решительно не желает сторожить ваш дом, потому что он вам не слуга. Но он любит быть вашим собеседником – молчаливым, мурлыкающим или мяукающим – всегда по-разному. Он любит спорт и хочет, чтобы вы разделяли это увлечение. Покойный Мурр являлся ко мне в любой час дня или ночи и до тех пор кричал (несколько в нос): «Сыграем! Сыграем!», покуда я не соглашался сыграть с ним в прятки. Он носился по комнатам, прячась за мебель и за портьеры и заставляя меня его отыскивать, и готов был длить *забаву* до бесконечности, хотя у меня уже ноги подкашивались от утомления. Зато и нет ничего более трогательного, чем кошащая *дружба*» (*Ходасевич В.* Некрополь. М., 2006. С. 171–172). Обратим внимание на то, что кот попал в книгу с характерным названием «Некрополь» наравне с людьми и что выделенные нами ключевые слова в очерке и стихотворении почти буквально совпадают.

10. *Катулл В.* Плачь, Венера, и вы, Утехи, плачьте!.. / пер. А. Пиотровского // *Античная лирика. М., 1968. С. 357.*

11. *Державин Г.Р.* На смерть Катерины Яковлевны... // *Русская поэзия XVIII века. М., 1972. С. 602.*

12. Там же. С. 603, 604.

13. В отличие, скажем, от Владимира Набокова, который преклонялся перед поэтическим даром Ходасевича, но мог вступать и довольно-таки часто вступал с ним в творческую полемику. Помимо лейтмотивной для него темы пасхального торжества жизни над смертью, допускавшего возможность гамлетовского общения здравствующего сына со злодейски убитым отцом, Набоков, в отличие от Ходасевича, вместе со своим лирическим героем не только отказывается от небесных кущ, но и стремится по пути дезертировать в ностальгически переживаемый земной рай утраченной навсегда отчизны. Подробнее см.: *Федотов О.* Поэзия Владимира Набокова-Сирина. С. 28–37, 48–71, 147–151, 237–249; а также: *Федотов О.* Пасха в поэтическом мире Владимира Набокова-Сирина // *Festkultur in der russischen Literatur (18. bis 21. Jahrhundert)* / Alexander Graf (Hrsg.). Herbert Utz Verlag. München, 2010. С. 201–211.

УДК 81'373.21

И. А. Кондакова

ТОПОНИМ В СОСТАВЕ ОБРАЗНОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СРАВНЕНИЯ

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности образных фразеологических сравнений с топонимическим наполнением, место и роль топонима в их составе. Выявлено, что в составе ФЕ употребляются преимущественно местные топонимы, как правило, британские. Единичный топоним выступает как символ, в сочетании с именем нарицательным топоним служит интенсификатором качества. Исследованию подверглись и особенности употребления сравнений в речи (в англоязычной художественной литературе и в устной коммуникации).

The article deals with structural-semantic peculiarities of phraseological units with place-names, with the role that a place-name plays in them. It is found out that phraseological units mostly include local place-names, mostly British. A place-name serves as a symbol, and in combination with a common noun a place-name often serves as an intensifier of a certain quality. The use of similes with place-names in speech, both in literature and actual communication, is also considered.

Ключевые слова: топоним, сравнение, агент, референт, основание, фразеологическая единица.

Keywords: place-name, simile, vehicle, topic, ground, phraseological unit.

В статье рассматриваются функционально-семантические особенности топонима в составе англоязычных фразеологических сравнений (ФС). 107 образных предметных сравнений составили около 10% от общего списка (1057) рассмотрен-

© Кондакова И. А., 2012

ных образных фразеологических единиц (ФЕ) с топонимическим наполнением. В составе ФС эксплицированы агент и основание образа – место референта вакантно.

Топоним является либо агентом, либо входит в состав агента образного сравнения. Тесная референтная отнесенность не позволяет топониму самостоятельно выступать в качестве основания образа [1]. Примеров с топонимом в составе основания, выраженного словосочетанием или предложением, в исследованном материале не представлено.

Наибольший интерес представляют ФС с топонимом-агентом, они составили 37 ФС (около 35%). Преимущественно, это сравнения со структурой *as Adj as N_{top}* или *prepositional phrase like N_{top}*.

В качестве агента сравнения выступают названия внутригородских объектов (улиц, зданий) (12 ФС) и природных объектов: названия водных объектов (7 ФС) и особенностей рельефа (7 ФС). Преимущественно эти сравнения относятся к британскому варианту английского языка, а входящий в их состав топоним обозначает британский объект.

Основание сравнения наиболее часто выражено прилагательными и предложными словосочетаниями со значением «старый»: *old/ancient* (8 ФС), «извилистый, кривой»: *crooked, in and out* (7 ФС) и «односторонний» *all on one side* (4 ФС).

Символами древности служат пересечения дорог: *'old as Charing Cross'* (в центральном Лондоне), *'hard/old as Knock Cross'* (в Ирландии), сооружения, например, Aldgate – городские ворота между лондонским Сити и Уайтчейпел (здесь важную роль также играет внутренняя форма названия): *'old as Aldgate'*, собор Святого Павла – *'old as St. Paul's'* и др.

Запутанность, извилистость (*crooked; in and out*) символизируют протяженные в длину водные объекты: ручьи: *'crooked as Crawley Brook'* (извилистый ручей, впадающий в еще более извилистую реку Уз [*the Ouse*]), а также населенные объекты – улицы: *'crooked as George West Street'*, населенные пункты с извилистыми улицами: *'in and out like Bellesdon'*.

Односторонность символизируют названия улиц с соответствующим расположением домов, например: *'all on one side, like Parksgate'* (с одной стороны улицы Парксгейт – ряд домов, входящих на р. Ди, с другой – дамба).

Нередко образ основывается на многозначности прилагательного, представляющего основание сравнения и выражающего одновременно два значения: физическую характеристику топонимического объекта и характеристику человека. Например: *'deep [cunning, wily] as Dolcoath'* – «хитрый, коварный, 'с подтекстом' – прилагательное *deep*

одновременно выражает прямое значение 'глубокий' (*Dolcoath* – название глубокой заброшенной шахты в Корнуолле) и переносное значение 'хитрый', которое выносится в качестве перевода да сравнения.

Оставшиеся 63% ФС составили структуры с составным агентом, содержащим топоним.

Особую группу (29 ФС около 27%) составили сравнения со структурой *as Adj as N_{top} N / NprepN_{top}*, агент которых выражен субстантивным словосочетанием с топонимом-определением, это словосочетание называет реалию, характерную для определенной местности (как правило, местного жителя, животное или блюдо). Данные ФС обозначают человеческие качества: 1) черты характера (как правило, отрицательную) – *'close as Kentish oyster'* 'замкнутый, скрытный'; 2) внешность (комплексия, рост) – *'thin as Banbury cheese'* 'об очень худом человеке'; 3) уровень благосостояния – *'poor as Salford child'* 'очень беден'. Топонимическое определение в сочетании с именем нарицательным интенсифицирует признак, указанный в основании, ибо сочетание топонима и имени нарицательного называет объект, который является эталонным носителем этого качества для представителей данной языковой общности.

Сравнения с аналогичной структурой, но с союзом *like*, менее типичны (7 ФС – 6,5%), в них основание выражено не прилагательным, а либо наречием, либо субстантивной фразой с предлогом, обозначающей ситуацию, либо страдательным причастием, и они основаны не на сходстве признака, а на сходстве условий: *'always late like Mobberley clock'*; *'always in trouble like a Drury Lane whore'* 'о человеке, который постоянно жалуется на свою жизнь, жалеет сам себя'; *'sold like a bullock in Smithfield'* 'о жестоко обманутом, облопошенном человеке'.

Преимущественно в состав сравнений входят «местные» топонимы, следовательно, агентами сравнений являются названия местных реалий. В целом, структура сравнения более характерна для фразеологизмов, относящихся к британскому варианту английского языка, и, соответственно, большинство ФС содержат британские топонимы. Например: *'true as Coventry blue'* (произведенные в Ковентри нити и ткани славились стойкостью синего красителя); *'as long in coming as Cotswold barley'* 'поздний, как котсуолдский ячмень, долгожданный' (на холмах Котсуолда собирали хороший урожай ячменя, но из-за тени этот урожай был довольно поздним) и др.

Основание сравнения с агентом, выраженным словосочетанием, также может реализовывать прямое и переносное значения одновременно, что способствует расширению сферы референции фразеологизма: *'stubborn as Muirkirk iron'* 'проч-

ный, нестигаемый' (по названию городка в Эйршире, славившегося прочностью изготавливаемой там стали *Muirkirk iron*) (речь может идти как о предмете, так и о характере).

В рамках сравнения возможна ирония, выражающаяся в антонимическом контрасте словарного и контекстуального значений прилагательного, составляющего основание сравнения, например: *'bare as the bishop of Chester'* – 'a sarcastic reference to his wealth' [2], 'беден, как честерский епископ, очень богат' (Честерский приход – один из богатейших).

ФС с глагольным основанием *V like N_{top} N / N prep N_{top}* относительно низкочастотны (13 ФС – 12%), семантика глагольных оснований чрезвычайно разнообразна, агент глагольных сравнений преимущественно обозначает лицо (5 ФС) или животное (4 ФС) и выражен именем нарицательным в сочетании с топонимом. Глагольные ФС ближе по значению к ситуативным, так как в их семантике представлены деятель (агент) и действие (основание).

Выявлено 7 ФС (6,5%), основание которых выражено предикативной конструкцией, место подлежащего в которой занимает личное местоимение *'you'* с безличным значением, либо место подлежащего вакантно, и подразумевается, что в речи оно заполняется референтом. Например: *'like the dog of Durraget, dow [dare] not bark unless you have your arse at char'd'* 'о расчётливом, корыстном человеке' – основание выражено предложением со сказуемым в повелительном наклонении, которое сочетается с придаточным обстоятельственным; очевидно, что глагол *'bark'* употреблен метафорически, символизируя любое действие в пользу другого лица.

Отмечены единичные примеры имплицитных сравнений (3 ФС – 2,8%), признак, лежащий в основании которых, обусловлен значением агента. Например, значение ФС *'like Byzantine politics'* 'сложный, запутанный' обусловлено коннотациями оттопонимического прилагательного *'Byzantine'* – 'The term *Byzantine* denotes something regarded as typifying the politics and bureaucratic structure of Byzantine Empire, in particular, (of a system or situation) excessively complicated and typically involving a great deal of administrative detail; characterized by deviousness or underhand procedure' [3].

Выявлены три компаративные конструкции (2,8%), в которых присутствуют как агент, так и референт. Например: *'passionate men, like Yorkshire hounds, are apt to overrun the scent'* – по значению данная конструкция представляет собой не сравнение, а сентенцию, провозглашающую некую истину.

Структура ситуативного сравнения, то есть сравнения, агент которого выражен предикатив-

ной конструкцией, нетипична для ФС, содержащих топоним (2 ФС – 1,8%): *'true as the devil's in London'* 'неизбежное плохое в хорошем'.

Особую группу (6 ФС – 5,6%) составляют сравнения с агентом, содержащим придаточное определительное, присоединяемое к агентивному одушевленному существительному с помощью относительного местоимения (*like N of N_{top} who/which/that...*). Представляется, что подобные сравнения с формальной точки зрения являются структурным вариантом предметных сравнений, с той лишь разницей, что определение, с которым сочетается собственно агент сравнения, выражено придаточным предложением. Однако к разряду образных сравнений можно отнести лишь компаративные обороты с агентом «животное», в то время как компаративные обороты с агентом «человек» не являются образными сравнениями, ибо потенциальным референтом в них также является человек.

Сложная структура сравнений (с агентом или референтом, содержащим придаточное предложение) характерна для британского варианта и полностью отсутствует в других вариантах английского языка. При этом подобные обороты отмечены только в аутентичных лексикографических источниках, они отсутствуют в англо-русских словарях и не были отмечены в литературном контексте. Толкование данных единиц носит характер обобщения, словарная статья нередко содержит пояснения к той или иной агентивной ситуации. Например: *'like the mayor of Calenich who walks two miles to ride one'* (because his horse was pastured two miles from home) 'Of one who takes undue trouble to save their dignity' [о тех, кто чрезмерно старается поддержать высокое общественное мнение о себе] [4]. В составе агента подобного образного сравнения топоним реализует адресное значение. При этом агент сравнения представляет собой свернутую историю, притчу о некоем человеке, который, якобы, прославился тем или иным поступком.

Наличие в составе сравнения топонима придает ситуации правдоподобности, топоним привносит местный колорит и делает образ более наглядным, связывает его с жизнью, причем подобные ФС, преимущественно, содержат названия небольших объектов: городков, деревушек, сельских округов, конкретная локализация делает описываемую ситуацию еще более убедительной. Например, *'simple [fond, foolish] like the men of Bolton who banged a sheep for stealing a man'* – в сравнении представлена притча-анекдот о чересчур доверчивых, бестолковых простаках, повесивших овцу за то, что она украла человека. Эмоциональное воздействие и юмористический эффект усиливаются за счет наличия топонима, создающего иллюзию достоверности

абсурдной ситуации. В. И. Карасик и Е. А. Ярмахова отмечают своеобразную тягу, стремление англичан к абсурду, нонсенсу, часто наблюдаемую в английском фольклоре: «Английский нонсенс органически вытекает из английского видения мира, он является попыткой по-детски открытого отношения к действительности, протестом против взрослого Порядка, в котором нет смысла, и средством спастись от безумия» [5].

Была предпринята попытка рассмотреть уровень частотности употребления ФС в англоязычной художественной литературе. При анализе англоязычных художественных текстов выявлены употребления лишь 9 ФС (8,5% от общего числа сравнений). Наиболее употребимо ФС *'grin like a Cheshire cat'* (отмечено 12 упоминаний Чеширского кота в структуре сравнения), оно задействовано у авторов как XIX (У. М. Теккерей), так и XX в. (А. Мёрдок, Дж. Б. Пристли, Б. Т. Брэдфорд и др.). Единичные употребления отдельных сравнений отмечены в художественных текстах XIX – начала XX в. (*'fight like Kilkeny cats'* – Г. Р. Хаггард, Дж. Голсуорси, *'mad as Bedlam'* – Ч. Диккенс, *'fixes as Cheviot'* – В. Скотт, *'better than all the tea in China'* – В. Скотт, *'dark as Egypt'* – М. Твен, Л. М. Алькотт, *'as John O'Groat's is from Jericho'* – У. Коллинз, *'as if Bedlam had broken loose'* – Дж. Лондон).

По окончании исследования языкового материала был проведен опрос носителя британского варианта английского языка на предмет узнаваемости данных ФС и их употребляемости в устной разговорной речи. Выявлено, что в современной речи употребляется лишь одно из вышеназванных сравнений: *grin like a Cheshire cat*, которое, как отмечено выше, наиболее частотно и в художественных текстах. Сравнение *'better than all the tea in China'* отмечено как элемент речи старшего поколения. Многие сравнения не были узнаны информантом, а отдельные сравнения были восприняты как архаизмы и анахронизмы, свидетельствующие о претенциозности и напыщенности стиля и не имеющие ни малейшего отношения к повседневной речи. Наибольшее недоумение вызвали именно «сравнения-притчи» и сопоставления с придаточным определительным, о существовании которых, равно как и о коннотациях, закрепленных за топонимами, входящими в их состав, а порой и о самих географических названиях, по свидетельству носителя языка, в настоящее время мало кто подозревает.

Однако, несмотря на низкий уровень употребляемости образных сравнений с топонимическим наполнением как в художественных текстах, так и в устной речи, не вызывает сомнения тот факт, что данные языковые единицы нуждаются в учете и лексикографировании. Подобные сравнения можно назвать «языковыми памятниками»,

ибо они аккумулируют ценную информацию как лингвистического, так и историко-географического характера.

Примечания

1. Кондакова И. А. Образные средства, содержащие топонимы, в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2004. С. 5.
2. Wilkinson P. R. Thesaurus of English Metaphors. 2nd ed. Routledge; N. Y., 2002. P. 256.
3. Oxford Dictionary of Phrase and Fable. 2nd ed. / ed. Knowles E. Oxford University Press, 2006. P. 113.
4. Wilkinson P. R. Thesaurus of English Metaphors. 2nd ed. 2002. Routledge. N. Y. P. 253.
5. Карасик В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006. С. 90.

УДК 82

Н. А. Панишева

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО КИТАЯ В ЛИРИКЕ А. НЕСМЕЛОВА

Статья посвящена анализу художественного пространства Китая в лирике А. Несмелова. Рассматриваются образы романтического и реального Китая, а также образ Китая как мистического пространства, разделяющего мир живых и мир мертвых. Через анализ пространственно-временной организации текста автор статьи выявляет особенности творчества писателя, связанные со спецификой эмигрантского мировосприятия.

The article is devoted to the analysis of art space of China in A. Nesmelov's lyric. Images of romantic and real China, and also an image of China as the mystical space, dividing the world live and the world of the dead, are considered here. Through the analysis of the time and space organization of the text the author of article reveals features of creativity of the writer, connected with specificity of emigrant attitude.

Ключевые слова: А. Несмелов, дальневосточная эмиграция, Китай, художественное пространство, категория границы.

Keywords: A. Nesmelov, far east emigration, China, art space, border category.

Вопрос о взаимодействии русской и китайской культур уже освещался некоторыми исследователями. В предисловии к антологии Русской поэзии Китая В. Крейд, давая обзор русской дальневосточной эмиграции, обращает особое внимание на китайские мотивы в поэзии русской эмиграции: «Сопки Маньчжурии, жёлтая Сунгари, лица, виды, уличные сценки, китайские виньетки, музыка, праздники, заклинания, тайфуны, драконы, храмы, рикши и даосские боги – всё это густо, цветисто, одушевленно впервые пропитало ткань русского стиха. Каждый поэт открывал свой заветный уголок “второй родины”»

© Панишева Н. А., 2012

[1]. В нашей статье мы обратимся к анализу китайских мотивов в лирике одного из самых значительных поэтов русского дальневосточного зарубежья – Арсения Несмелова.

Китай появляется в стихах Несмелова как далекая, неизведанная и призрачная страна. В стихотворении «Я живу в обветшалом доме...» волшебный, сказочно-красивый, близкий, но в то же время недостижимый Китай противопоставлен бедному быту поэта-изгнанника:

Я живу в обветшалом доме
У залива. Залив замерз.
А за ним, в голубой истоме,
Снеговой лиловатый торс.
Та вершина уже в Китае,
До неё восемнадцать миль.
Золотящаяся, золотая
Рассыпающаяся пыль! [2]

Гора, высящаяся на китайском берегу, становится символом «огромной, живой страны, манящей непонятным бытом, красочными традициями, незнакомой культурой» [3].

В некоторых произведениях Несмелов эстетизирует Китай, создает образ страны-сказки. Такой взгляд на «вторую родину» был свойственен многим представителям эмиграции. Китайская исследовательница Ли Инань (Пекин) связывает эту тенденцию с традициями «серебряного века», влияние которого в той или иной мере испытывали все поэты-дальневосточники [4].

В стихотворении «Легенда о драконе», опубликованном в 1927 г., мы встречаем описание волшебной страны, в которой живы древние предания и возможны любые чудеса. Неспешное начало повествования напоминает сказочный зачин:

Уже давно утрачено название,
Уже никто не вспоминает год, –
Вверх по Янцзе (так говорит предание)
Шел первый океанский пароход. (С. 212)

Казалось бы, в век технического прогресса хрупкий мир древнего государства должен быть разрушен: плывущий по Янцзи английский лайнер предвещает Китаю печальную участь европеизации, а значит и утрату древней и богатой культуры. Однако Китай хранит легенды, а легенды хранят Китай – у реки Янцзи есть защитник – «сказочно могучий тысячекрылый огненный дракон», спускающийся на землю с черных грозных туч.

И, стерегущий реку неизменно,
Разбив стекло за вечеревших вод,
Он, пасть раскрывший, проглотил мгновенно
Гудком гремевший вражий пароход. (С. 212)

Традиционная антиномия Азия – Европа в этом стихотворении превращается в противопоставление древней культуры техническому прогрессу, живых природных сил – бездушной машин. Природа Китая кажется Несмелову одушевленной, она наполнена осмысленными звуками: вода победно поет, ветер лепечет о грозе и живые голоса природы противопоставлены напряженному молчанию «вахты на английской канонерке».

Для создания экзотичных и сказочных китайских пейзажей обычно скупой на эпитеты Несмелов использует множество цветообозначений. Над багрово-синим Янцзе склоняется в аспид туч медно-красное солнце, небосвод наливается пурпуром (с. 212), облака играют янтарем (с. 140), горные вершины окрашены всеми цветами и оттенками, от холодных голубого и лилового до теплых золотистого, алого и розового цветов (с. 207).

Такое богатство палитры обусловлено влиянием на творчество Несмелова китайской поэтической традиции. Одной из главных тем восточной литературы является природа. Несмелов, вслед за восточными поэтами, обращается к созерцанию природы, наблюдению за ее состоянием в разное время года и суток, описывает традиционные китайские пейзажи. Несмелов не только использует богатую цветовую палитру, но и прибегает к необычным сочетаниям разных цветов и оттенков.

Узкие окна. Фонарика
Продолговатый лимон...

...

Звезд лиловатые ирисы,
Синее марево мглы. (С. 239)

Свет фонарика и мерцание лиловых звезд звучны, теплый свет человеческого жилья не соперничает с глубокими цветами ночи, а оттеняет их. Китай видится Несмелову страной вечной и незыблемой гармонии человека и природы: над крышами пагод простирается огромное ночное небо, являющее собой храм, украшенный «Буддами медленных облаков».

Ряд пейзажных зарисовок «с натуры» представляет собой и стихотворение «Из китайского альбома». Несмелов описывает непривычный для европейца быт «глухого, средневекового» китайского постоялого двора, акцентируя внимание на звуках, окружающих человеческое жилье: чавкают по грязи подковы, лает собака, с протяжным скрипом закрываются ворота, затем звуки обрываются. Во внезапно наступившей тишине особенно жутким кажется открывающийся перед нами пейзаж:

...За ним – поля. Кумирня, кукуруза...
А в стороне от глинобитных стен,
На тонкой жерди, точно для антенн, –
Отрубленная голова хунхуза. (С. 242)

Подобная картина не однажды встречается в стихах Несмелова. В стихотворении «Хунхуз», опубликованном в сборнике «Полустанок», мы можем наблюдать подобный пейзаж.

И на длинной жерди голова
Не жива была и не мертва,
И над ней кружилось воронье:
Птицы ссорились из-за нее. (С. 140)

Атмосфера страха пронизывает все стихотворения «Из китайского альбома»: ночью героя мучает тревожная бессонница, днем он видит на дороге труп – зловещее предвестие надвигающейся холеры. Несмелов возвращается к цветописю, однако теперь он использует черный, синий, серый и желтый цвета и создает страшный и отталкивающий портрет смертельной болезни:

Кожа черная с синевой.
Лоб и щеки до глянца сухи.
На открытых глазах его
Копошились желтые мухи... (С. 242)

Лирика Несмелова, как правило, отличается сюжетностью, однако в стихах о Китае Несмелов намеренно уходит от привычной динамичности. Несмелов создает детальные изображения, подобные стилизованным китайским картинкам. Статичность стихов «Из китайского альбома» может восприниматься как символ жизни древней страны. Мир, который описывает Несмелов в стихотворениях «Из китайского альбома», неподвижен и нем. На постоялом дворе не звучат человеческие голоса, не ходят люди. Жизнь, почти незаметная чужому глазу, согласно вековому укладу идет медленно и размеренно. Таким образом, отсутствие динамики позволяет поэту запечатлеть китайский пейзаж, наполненный глубоким философским смыслом.

В стихах Несмелова мы можем найти немало экзотических «китайских» картинок (как изящных, так и пугающих), но образ реального Китая преобладает над Китаем «романтическим». В лирике Несмелова мы наблюдаем, как поэзия, по выражению Ли Инань, «спускается со ступеней дворцов и храмов в узкие грязные улочки... на пыльные деревенские дороги».

В своем творчестве Несмелов неоднократно обращается к образу простого жителя Китая. Ли Инань замечает в статье, что русским авторам чужда «надменность в отношении рас» (Несмелов?), что объясняется традиционным в русской

литературе сочувственным отношением к «маленькому человеку», простому труженику. «У авторов чаще проявляется... сочувствие, сострадание, добрая усмешка, любованье молодостью и физической красотой, уважение к нелегкому труду» [5]. Описывая погонщика или земледельца, Несмелов, прежде всего, обращает внимание на загорелую кожу раздетого по пояс человека:

А за ним ускоряет шаг
И погонщик, по пояс наг.
От загара его плечо
Так коричнево горячо. (С. 140)

Китаец, до пояса голый,
Из бронзы загара литой... (С. 249)

Ну, бронзовый мой китаец,
Юли же, юли-юли!.. (С. 254)

Создавая портрет китаец, Несмелов использует сухую метафору «бронзовый загар» и развивает её. Китаец, будто бы литой из бронзы загара, кажется нам воплощением сил солнца и земли, естественным человеком. Стройная и сильная фигура загорелого крестьянина напоминает китайскую бронзовую статуэтку, потемневшую от старины. Таким образом, бронзовый цвет кожи одновременно символизирует силу простого человека, его связь с природой и с многовековой историей, культурой древней страны. С помощью бронзового цвета Несмелов указывает и на привычки, характер земледельца – он сдержан, вынослив и невозмутим. Китайский крестьянин сосредоточен на своей работе и не нарушает ее размеренный и установленный веками ход пустыми разговорами.

Не дружит с усмешкой веселой,
Не любит беседы пустой.
Уронит гортанное слово
И вновь молчалив и согбен... (С. 249)

«Каторжный» ежедневный труд воспринимается китаец как священная обязанность, которую на протяжении многих лет исполняли его предки. Такое отношение к труду сближает китайских крестьян с русскими. Герой стихотворения «Лодочник» – русский солдат, оказавшийся в чужой стране, – берется за тяжелый физический труд, привычность которого помогает отринуть от тяжелых дум и заглушить тоску по родине.

Мужика спасет работа,
Сын степного мужика.
Эти руки, эта лодка,
Трудовые пятаки,

Марширующие четко
Волны Сунгари-реки. (С. 134)

Изменчивая и вечно движущаяся река подчеркивает ограниченность и однообразие эмигрантского существования. Русский солдат, работающий паромщиком на Сунгари, ежедневно пересекает реку в своей лодке, однако его путешествия не имеют отношения к реальному движению.

Ни движения, ни забвенья,
Только памяти набат:
Неразрывны с прошлым звенья,
Бедный лодочник-солдат! (С. 135)

Идиллическому сельскому Китаю Несмелов противопоставляет китайские города. Антиномия «город – деревня» параллельна антиномии «Европа – Азия». В лирике Несмелова китайский крестьянин является воплощением всех лучших качеств китайского народа: трудолюбия, упорства, честности. Китайская деревня хранит вековой уклад и не нарушает установленный порядок. Китайский город, напротив, подвергается европеизации и наполняется суетой, шумом и грязью. В стихотворениях «Пустой начинаю строчкой...» (с. 251), «Вниз уводят восемь ступеней» (с. 255), «Призраки» (с. 264) Несмелов воссоздает гнетущую атмосферу китайского города, погрязшего в пороках. Как и в пейзажных зарисовках, посвященных китайским деревням, Несмелов создает наполненные восточным колоритом картины.

Китайский город. Ночь. Звезда.
Тайфун крупинками дождя
По глянцевиным лужам бросил. (С. 266)

А небо очень зеленым
Становится от зари.
И светят в глаза драконам
Бумажные фонари. (С. 253)

Городские улицы озарены мертвенным зеленым светом, драконы, украшающие входы в притоны, олицетворяют равнодушие, с которым город смотрит на своих жертв. В лирике Несмелова городской китайский пейзаж лишен той красочности, которая присуща картинам сельской жизни. Немногочисленные яркие цвета кажутся в городском пейзаже болезненными, пугающими и неестественными.

И первые искры зноя –
Рассвета алая нить –
Ужасны, как все земное,
Когда невозможно жить. (С. 253)

Героя угнетают мрачные дома с проржавевшими крышами, узкие грязные улицы, теснота и тьма.

Дома приземисты и злы,
В них люди сумрачны и строги. (С. 265)

... Дома –
Как тысячелистые тома.
Как на полках книги дремлют в ряд,
Четырехэтажные стоят. (С. 255)

Каждый дом хранит множество грязных тайн и душераздирающих историй. Город кажется насторожившимся: даже в поздний час он не спит, а только дремлет. Кажется, что сама ночь прислушивается к шорохам, скрипам и скрежету дверей. Ночной город озарен неверным светом рыжего месяца.

Никнет месяц. Месяц явно рыж
От железа этих ржавых крыш.
Ночь прислушивается. (С. 255)

Ржавые крыши – символ разрушения, которому подвергается город. Пороки разъедают человеческие ум и совесть, как ржавчина – железные крыши домов. Месяц окрашен Несмеловым в рыжий цвет, который традиционно воспринимается как негативный, опасный. Интересно, что месяц как бы совсем не излучает света и не помогает герою ориентироваться в городе. Свет фонарей так же неверен, как и свет луны, он появляется и исчезает, скорее запутывая героя, чем освещая ему путь.

Как разбежалась фонарей
Испуганная волчья стая! (С. 264)

На цепи – качай его, звонарь! –
Колокол отчаянья – фонарь.
Влево, вправо вылинявший свет,
Точно маятника да и нет... (С. 255)

Скудный искусственный свет не делает ночные улицы привлекательнее, напротив – в неровном свете фонарей они кажутся еще более зловещими. Кроме того, китайский город почти полностью лишен и солнечных лучей. Поэт называет проникающий в комнату утренний свет «тощим», сравнивает светлеющее небо с побелевшими седыми висками стареющего человека. В предрассветных сумерках тени становятся контрастнее и резче, кажется, что оживают портреты на стенах и обретают плоть кошмары лирических героев.

Высокий, худой, как мощи,
В военный одет сюртук,

Он в свете рассвета тощем
Шевелится, как паук. (С. 253)

Примечательно то, что, описывая китайский город, Несмелов чаще всего говорит о ночном времени, или рассвете. В творчестве Несмелова ночь предстает временем тоски (с. 242) и ужаса (с. 280). В ночное время герой изолирован от окружающего мира, чувствует себя в ловушке. Как правило, ночь приобретает пространственное значение и ассоциируется с ограниченным, замкнутым пространством. Казалось бы, рассвет, представляющий собой границу между ночным и дневным временем, должен вселять надежду на лучшее и восприниматься автором как спасительное время. Однако в стихах, посвященных китайскому городу, рассветное небо не является символом надежды и не вызывает положительных эмоций у лирических героев. За наполненными кошмарами ночами следуют безрадостные, одинаковые дни, загроможенные «линялыми узлами тоски» (с. 265). Какой бы страшной ни была ночь, день в городе кажется еще более тягостным. Дневной свет напоминает жителям «дна города» о глубине их падения и заставляет каждый раз заново переживать случившуюся трагедию, вспоминать о страшных событиях.

И вот, провожая гостя,
Который спешит удрать,
Бледнеющая от злости,
Откинется на кровать.
— Уйти бы в могилу, наземь!
О, этот рассвет в окне! (С. 252)

Рассвет оказывается ложной границей, переход через которую лишь усугубляет тяжелое положение героев и обостряет ощущение тоски и печали. Ночь оказывается предпочтительнее дня, и лирический герой стремится вернуться в ночную тьму, которая скрывает от него неприглядную правду жизни и оттого кажется спасительной.

Застегну до ворота пальто,
Брошусь в пробегающий авто.
И, шофера отстраняя прочь,
Догоню спасительницу-ночь. (С. 255)

Желание автора оставаться в одиночестве и не интегрировать себя в пространство китайского города воплотилось в стихотворении «Слепец». Образ слепца близок традиционному в китайской поэзии образу отшельника, стремящегося к постижению смысла бытия. Слепец прерывает связи с обществом и противопоставляет себя пространству цивилизации. Улицы наполнены суетой и шумом: сигналият авто, гудит толпа прохо-

жих, а слепца окружает шорох шелка и мелодичный звон гонга.

И шелестом безмолвия и мрака
Шуршит одежды обветшалый шелк.
Слепца ведет ушастая собака —
В облезлой шерсти, настоящий волк...
Она рычит, ее торопит гонг:
Дзинь-донг, дзинь-донг! (С. 283)

Особую роль в этом стихотворении играет звукопись. Обилие шипящих звуков позволяет поэту передать шелест шелка, который создает особую атмосферу тайны, а звукоподражание «дзинь-донг», завершающее каждую строфу стихотворения, становится особым звуковым акцентом, играет роль границы между слепцом и враждебным ему городом. Звук медного гонга почти неслышим для жителей многолюдного города, он теряется в грохоте и гомоне толпы, но при этом он определяет ритм жизни слепца, играет важную роль в его жизни. Шелест одежды и шуршание шагов, в сочетании с рычанием пса и звуками медного гонга, создают гармоничную мелодию, противопоставленную городскому шуму. Эта своеобразная «музыка» защищает слепца от влияния внешнего мира, в совокупности со слепотой она становится залогом его отрешения от общества и цивилизации. В публичном одиночестве слепой китаец обретает свободу и счастье: он слышит Конфуция и видит в «бледном небе» то, что недоступно глазам простых смертных.

В лирике Несмелова кроме романтического и реального Китая можно выделить образ Китая мистического. Несмелову свойственно было воспринимать эмиграцию как инобытие, существование на границе между жизнью и смертью, и Китай в стихах Несмелова часто выступал в роли берега Стикса, на котором герой ожидает Харона. Если описания реального Китая поражают нас живописностью и богатством палитры, то в описаниях Китая как последнего пристанища эмигрантов Несмелов скуп на краски и эпитеты. Берег, на котором «старейшие россияне» ожидают печальной участи, представляет собой пустынную песчаную отмель, мимо которой плывут в холодной воде льдины уходящих лет (с. 288). Семантика пустоты и холода создает атмосферу предсмертного оцепенения. От холода замедляются все движения, в том числе и движение времени, изменения которого свидетельствуют о приближении смерти.

Но враждебна к нам судьба-злодейка, —
Нет фрегата!.. К берегам пустым
Лишь подходит черная ладейка
За тобой, за мною, за другим... (С. 288)

Покинуть китайский берег русские эмигранты могут лишь на ладье Харона, которая предстает то похожей на гроб лодкой (с. 105), то черным пароходом (с. 349).

Образ Харона и ситуация последней переправы наиболее ярко были воплощены в стихотворении «Прикосновения», опубликованном в сборнике «Без России» (Харбин, 1931). Несмелов описывает ночную переправу через реку, дополняя бытовую ситуацию множеством деталей, создающих атмосферу ирреального, потустороннего мира.

Была похожа на тяжелый гроб
Большая лодка, и китаец грёб,
И весла мерно погружались в воду...
И ночь висела, и была она,
Беззвездная, безвыходно черна
И обещала дождь и непогоду. (С. 105)

Река, по которой лирический герой плывет в похожей на гроб лодке, кажется нам бурной и беспокойной, стихотворение насыщено глаголами движения: «крутились волны и неслась река», «китаец грёб и весла мерно погружались в воду», однако ничто не нарушает ночной тишины. Над рекой так тихо, что герой слышит как мчатся облака и поскрипывает днище лодки. Ночная темнота тоже оказывается абсолютной: против нее бессилён «дрожащий свет слепого фонаря», расположенного на корме лодки. Река, названная «шаткой водяной межой», оказывается границей между мирами и ассоциируется со Стиксом, а китаец-паромщик играет роль Харона.

Таким образом, Китай, являющийся в лирике Несмелова пограничным пространством, не принадлежащим ни реальному, ни ирреальному миру, тесно связывается с образом реки, играющей роль границы между мирами. В стихотворении «Эпитафия» Несмелов описывает жизнь русских эмигрантов, обитающих в дачных домиках на берегу Сунгари.

Но хищно желтоводная река
Кусает берег, дни жестоко числит,
И горестно мы наблюдаем, как
Строения подмытые повисли.
И через сколько-то летящих лет
Ни россиян, ни дач, ни храма – нет. (С. 184)

Желтая река в этом стихотворении одновременно выступает и как пейзажная реальность (вода в реке Сунгари, на которой стоит Харбин, имеет желтоватый цвет от перенасыщения лессовой взвесью), и как метафора многолюдного Китая, постепенно растворяющегося в себе многочисленных русских эмигрантов. Река может рассматриваться и как временной образ: течение воды связывается с неумолимым ходом времени, бег

которого незаметен для жителей многовекового Китая, но губителен для пришлых.

В заключение мы можем сказать, что образ Китая в лирике Несмелова подвергался многочисленным трансформациям. В раннем творчестве Несмелова Китай предстает страной-сказкой, миром незыблемой гармонии и древней культуры. Однако образ романтического Китая вскоре отходит на второй план, уступая место реальному Китаю: в лирику Несмелова входят образы китайских крестьян. Идиллическая китайская деревня противопоставляется городу – гнезду пороков и преступлений, от которого автор стремится абстрагироваться. Особое место в стихах Несмелова занимал образ мистического Китая, пространства между миром живых и миром мертвых.

Примечания

1. Крейд В. П. Все звёзды повидав чужие: предисл. // Русская поэзия Китая: антология / сост. В. П. Крейд, О. М. Бакич. М.: Время, 2001. С. 24.

2. Несмелов А. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. Владивосток, 2006. С. 207. Далее все ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием страниц.

3. Ли Инань. Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русская литература XX века: итоги и перспективы изучения: сб. науч. тр., посвященный 60-летию проф. Агеносова. М., 2002.

4. Там же.

5. Там же.

УДК 821.161.1-14

К. С. Лицарева

РАЗВИТИЕ ТЕМЫ «ARS POETICA» В ЛИРИКЕ Ю. Д. ЛЕВИТАНСКОГО

И слово мое – тело мое на кресте.
Ю. Д. Левитанский

В статье рассматривается одна из наиболее важных тем в творчестве Ю. Д. Левитанского – «ars poetica», дается представление о поэтической судьбе одного из самых выдающихся художников слова отечественной литературы второй половины XX в.; затрагиваются некоторые особенности художественного мира и поэтической манеры Левитанского.

The article deals with one of the most important themes in Y. D. Levitanskiy's art – «ars poetica». It represents the poetic life of this outstanding Russian poet in the second half of the XX century and touches some aspects of Levitanskiy's poetic manner.

Ключевые слова: классическое наследие, ars poetica, белый стих, прозаизация поэтической речи, лексический строй, исповедальный.

Keywords: classical heritage, ars poetica, blank verse, prosaisation of poetic speech, lexical system, confessional.

© Лицарева К. С., 2012

Имя Юрия Давидовича Левитанского (1922–1996) хорошо известно истинным ценителям отечественной словесности, многие литературоведы (М. Гаспаров, Вл. Новиков, С. Чупринин и другие) неоднократно отмечали индивидуальную поэтическую манеру Левитанского, его весомый вклад в развитие русской поэзии. Однако до сих пор, по ряду причин, Ю. Д. Левитанский не принадлежит к числу известных поэтов, чье творчество хорошо знакомо широкой читательской аудитории и глубоко изучено историками и теоретиками литературы. К сожалению, подробное знакомство с основными критическими и литературоведческими работами о Ю. Д. Левитанском дает основание полагать, что среди кажущегося обилия литературно-критических статей лишь в единичных делалась попытка всестороннего научного анализа творчества поэта и осуществлялся собственно литературоведческий подход к изучению его творческого наследия. Вышедшая к 90-летию со дня рождения поэта книга «Иронический человек Юрий Левитанский: штрихи к портрету» только подтверждает вышесказанное. Творчество Левитанского требует серьезного осмысления.

Поэзия Левитанского отличается большим духовным накалом, говоря словами Б. Пастернака, «той бездонной одухотворенностью, без которой не бывает оригинальности, той бесконечностью, открывающейся с любой точки жизни в любом направлении, без которой поэзия – одно недоразумение, временно нерасчлененное» [1].

Человек и время, идеал и действительность, поэтическое искусство и смысл бытия – доминирующие мотивы лирики поэта.

Сочетание этического-философских, эстетических и романтических начал придают стихам Левитанского исповедально-элегическую неповторимость. Левитанский – поэт-традиционалист, бережно относящийся к наследию русской классической поэзии и ориентирующийся на ее лучшие образцы. Он подчеркнуто избегает элитарной эффектности, неканонических жанровых и метрических форм, усложненных метафор и экспериментальных стихотворных приемов. Кажется, его поэзия традиционна и по форме, и по содержанию. В одном из своих интервью Левитанский прямо указывал на свою тягу к предельной ясности и простоте стиха, на настойчивое стремление обрести ту естественность и «неслыханную простоту», которые, по мнению Пастернака, подсказаны «опытом больших поэтов». Тем больше недоумения вызывает мысль, высказанная В. Шохиной в статье «Черно-белое кино»: «Однако при явной необычности стихотворной интонации Левитанского его словарь подчеркнуто традиционен. В этом стремлении пользоваться “обычным” поэтическим языком мне видится

еще одно проявление философско-исторического импульса – быть как все, такое может себе позволить только очень сильная индивидуальность. Левитанский может» [2]. Это противоречит не только истинному смыслу, вкладываемому Пастернаком в понимание «естественности» и «неслыханной простоты», не только однобоко и неглубоко расшифровывает настоящую причину «больших поэтов» в стремлении к поэтической ясности, но и подчеркивает несостоятельность самого высказывания В. Шохиной, которое строится на семантически взаимоисключающих понятиях: «быть как все» и «очень сильная индивидуальность». Задача поэта – всегда авангардна. Он – всегда новатор, всегда самобытен и неповторим. Левитанский использует общедоступность и предельную «демократичность» «обычного» поэтического языка не для того, чтобы, следуя «философско-историческому импульсу быть как все», а для того, чтобы строго следовать формуле Пастернака – полной жизненного опыта, здравого смысла и понимания высших критериев художественности:

Поэзия, когда под краном
Пустой, как цинк ведра, трюизм,
То и тогда струя сохранна,
Тетрадь подставлена, – струись! [3]

Однако эта «неслыханная простота» далась Левитанскому нелегко.

Ю. Д. Левитанский родился 22 января 1922 г. в городе Козельце Черниговской области в Украине. С 1939 г. учился в знаменитом ИФЛИ – Московском институте философии, литературы и истории, который в те годы оставался одним из немногих высших учебных заведений, сумевших сохранить демократический, доверительный дух общения и преподавания. Левитанский, как и многие ифлийцы (М. Кульчицкий, П. Коган, С. Наровчатов, Б. Слуцкий, М. Луконин, С. Гудзенко и другие), писал стихи. С третьего курса ушел на фронт. «Начав войну добровольцем в июне 41-го, я закончил ее в Чехословакии, а потом попал в Китай, где участвовал в той короткой войне с японцами», [4] – писал о своей жизни поэт. Воевал в составе Северо-Западного и 2-го Украинского фронта, прошел с боями Румынию, Венгрию: «За четыре года войны прошел я от Москвы до Праги. Крайние точки этого пути я мог бы назвать так: “Снег сорок первого года” – “Сирень сорок пятого года”» [5]. После войны он служил в Восточно-Сибирском военном округе, объездил почти всю Восточную Сибирь. Только в 1955 г. Левитанский приехал в Москву, с тем чтобы вернуться к прерванному войной и полностью посвятить себя литературной деятельности. В 1957 г. окончил Высшие литературные

курсы при Союзе писателей СССР. Награжден Орденом Красной Звезды и Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией», «За победу над Японией», двумя медалями Монголии.

Поэт начал печатать стихи со школьных лет. Первое его стихотворение «Вечер» («За окном вечерний говор человеческий...») было опубликовано в 1937 г. в газете «Комсомолец Донбасса». С 1943 года Левитанский сотрудничает во фронтовых газетах «За Родину» и «Фронтовая правда». В 1948 г. опубликовал сборник стихов «Солдатская дорога», а затем сборники «Встреча с Москвой» (1949), «Самое дорогое» (1951), «Наши дни» (1952), «Утро нового года» (1952), «Секретная фамилия» (1954), «Листья летят» (1956). Но по-настоящему привлечь к своим произведениям внимание поэту долгие годы не удавалось. Творчество Левитанского можно условно разделить на два периода: первый период начался еще в военные годы и завершился в конце 50-х гг.; второй период охватывает 60–90-е гг. Это разграничение поэтического творчества не случайно. Не случайно и то, что, начиная с 1956 г., Левитанский не опубликует ни одного стихотворения, за исключением нескольких, написанных до середины 50-х гг., словно перечеркнет все предыдущее творчество, откажется от достигнутого успешного и уютного существования в печатной литературе и признается в собственной «запоздалости», замедленном становлении поэтических открытий и нравственных прозрений:

Вот и живу теперь – поздний,
Лист раскрывается – поздний,
Свет разгорается – поздний,
Снег осыпается – поздний. [6]

Трудно и поздно обрел Левитанский признание своих поэтических исканий.

Первые поэтические сборники Левитанского отличались искренностью чувств, наличием личного достоверного жизненного опыта, страстной публицистичностью и разнообразием эффектных поэтических фигур, но в поэзии Левитанского тех лет явственно ощутимы некоторые стереотипы, сложившиеся в литературе сталинской эпохи. Не выделяется из общего ряда поэтической продукции середины XX в., ощутившей воздействие «теории бесконфликтности», и большинство произведений художника 50-х гг. Но Левитанский, бесспорно наделенный редким даром истинного художника чувствовать, насколько «позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех», смог освободиться от всего того, что мешало раскрыться его поэтической индивидуальности, обрести оригинальную неподдельную ле-

витанскую строку и создать в 1970 г. одну из самых гармоничных и цельных в русской поэзии книгу стихов «Кинематограф».

Стихи Левитанского начинают обретать задушевность, музыкальность. В них появляется светло-грустная, элегическая интонация мудрого, много пережившего человека, хорошо знающего цену добру и злу, радости и скорби, жизни и смерти, не идеализирующего действительность, но умеющего различать в ней прекрасное и утверждать стремление к гармонии как норме и смыслу бытия. Левитанский не отказывается от прежних мотивов своего творчества (хотя в его стихи входит и немало новых), но переосмысливает их на более высоком витке поэтической спирали, раздвигая пространственно-временные рамки произведений, стремится в частном выявить общее, в конкретно-сиюминутном – вечное, непреходящее.

Один за другим выходят новые сборники: «Воспоминания о красном снеге» (1975), состоящий из стихотворений сборников «Стороны света» и «Земное небо» и из книги стихов «Кинематограф», «День такой-то» (1976); «Сюжет с вариантами» (1978); «Два времени» (1980), куда вошли поэтические книги «Кинематограф» и «День такой-то»; «Письма Катерине, или Прогулка с Фаустом» (1981), «Избранное» (1982); «Попытка оправдания» (1985), «Годы» (1987), «Белые стихи» (1991).

Духовные и нравственные сокровища – необходимейшая, по представлениям Левитанского, предпосылка для высокого интеллектуального и нравственного уровня развития личности. Классическое наследие для автора – не собрание музейных экспонатов, а вечно живая, вечно современная духовная ценность, составляющая неотъемлемую часть внутреннего мира лирического героя его произведений. Левитанский ощущает свою связь с поэтами-предшественниками. Традиция в его понимании – не трафарет для копирования, а стимул и импульс творчества, и необходимый для создания своего поэтического мира.

Наиболее близок Левитанскому Чехов: близок своей непримиримостью к бессмысленно растраченной жизни, высокой человечностью, истинной интеллигентностью, совестливостью, деликатностью. Именно эти качества ценит прежде всего в человеке Левитанский. Несомненную аналогию можно проследить между художественной манерой Чехова и грустно-ироническим, многозначно-философским почерком Левитанского. Поэт считает остроактуальной ту борьбу, которую вел Чехов с потребительством, стяжательством, бездуховностью. В стихотворении «В Москве меня не прописывали» как своеобразную прививку против конформистско-потребитель-

ских тенденций наших дней предлагает рассказ Чехова «Крыжовник»:

Книжку выну. Не книжку чеховую,
а хорошую книжку Чехова.
Чехов – мой любимый писатель.
Он веселый очень писатель.
Я «Крыжовник» перечитаю.
Его многим предпочитаю. [7]

Поэт иронизирует над теми, кто за комическими характерами и ситуациями чеховских произведений не различает глубоких душевных переживаний писателя за людей, даже не осознающих, что растрачивают жизнь напрасно, что они в мыслях и действиях своих жалки и отвратительны.

На стихотворениях «Ялтинский домик», «Элегия», «Иронический человек», «Мои доктора» лежит отсвет чеховской прозы и драматургии.

Тема связи с классическим наследием тесно переплетается у Левитанского с темой творчества, с темой «ars poetica». Поэт видит в художественном творчестве явление колоссальной общественной значимости. Настоящий художник всегда пророк, мудрец, обладающий высоким уровнем познания мира и человеческой природы, воин, каждый день ведущий борьбу за высшую меру всех измерений – человека.

Творцу дано многое, но непомерно велика его ответственность перед людьми.

Да, дело мое – это слово мое на листе,
И слово мое – это тело мое на кресте.
Свяжи мои руки, замкни мне навечно уста –
Но я ведь и сам не хочу, чтобы сняли с креста. [8]

Пишет ли поэт о любви или о быстротечности времени, вспоминает ли прошедшие годы или делится житейским опытом – всегда ощутимы взаимосвязь и взаимозависимость поэзии и жизни (стихотворения «Кровать и стол», «Были смерти, рожденья, разлады...», «О свободном стихе», «Когда в душе разлад», «Попытка оправдания» и многие другие).

«Бессонно горящая душа» художника призвана искать свою заветную строку, свое «свечение» и подавать благие вести в самые трудные периоды исторического развития человечества (стихотворение «Я был приглашен в один дом»). Медленно и сосредоточенно готовится поэт к самому процессу написания стиха. Он напоминает себе волшебника, в помощь которому до конца его дней выделены «сообщество и содружество карандаша и бумаги». В этот миг ничто не может отвлечь его:

Он исполнен сейчас решимости и отваги,
Ни о чем таком разговаривать он не будет.

Вот его карандаш коснулся уже бумаги,
Что-то будет сегодня ночью. О, что-то будет! [9]

Это волнение и сосредоточенность поэта вызваны осознанием всей меры ответственности за каждую написанную строчку. Ведь «содружество карандаша и бумаги» может стать причиной и «дьявольских наваждений», и «человеческих озарений», и заблуждений. Поэт ставит перед собой задачу сделать человека лучше, совершеннее, а мир – гармоничнее и прекраснее. Очень важно, чтобы не эффектно-экстравагантные слова привлекали автора, а «слова, исполненные доброго доверья».

Левитанский изображает поэта тружеником, земледельцем, вспахивающим огромное поле вдохновения и собирающим урожай своих трудов. «Старый стол» перерастает в метафору, а затем становится символом упорного поэтического поиска:

Мой старый стол, мое распаханное поле,
Моя страда, моя поденная работа,
Моя неспешно колосющаяся нива. [10]

Творчество, по определению Левитанского, – это и «горький рай», и «сладчайшая Голгофа», это удачи, поражения, муки и радости обретения. Творчество – самое значительное, что может быть даровано человеку. Ведь оно способно создавать непреходящие духовные ценности и, пройдя через «сладчайшую Голгофу», создатель-художник, вторя словам булгаковского Мастера «О, как я угадал!», может воскликнуть:

Ну конечно – так оно и было,
Только так и было, только так! [11]

Тревожное чувство повторяемости, похожести, вторичности неоднократно возникает в поэзии Левитанского. Конечно, он сторонник теории цикличности, он не отрицает наличие общечеловеческих черт, присущих каждому человеку, но одинаковость и похожест в самых бытовых ситуациях и в самых возвышенных деяниях – претит Левитанскому как поэту и как личности. Он утверждает индивидуальность и неповторимость в явлении каждого человека, каждой судьбы и жизненного опыта, отстаивает возможность свободно проявлять свои способности и душевные качества в поэзии:

Пусть останутся при мне
Эта мука и томленье,
Это странное стремленье
Быть всегда самим собой. [12]

Стихи поэта называли «модерновыми», «чещур современными». Но это касается скорее

стихотворной интонации, а в остальном Левитанский, как и многие поэты военного поколения, развивает основные принципы русского стихосложения, актуализированные М. Лермонтовым в XIX в., т. е. концентрация внимания «на усилении выразительной энергии стиха, на придаче поэзии эмоционально-личностного характера, на развитии поэтического красноречия», на том, чтобы «поэзия приняла форму лирического монолога, стих явился заново мотивированным – как выражение душевной и умственной взволнованности, как естественное выразительное средство» [13].

Изначально Левитанский-поэт находится между двумя противоборствующими полярными пристрастиями: с одной стороны, силлабо-тонической, классической, высокой поэзией с использованием богатой точной рифмы; с другой – белыми стихами, с их тенденцией к прозаизации, разговорной интонации, «стиранию» рифм. Оказывается, поэту иногда очень трудно достичь «гармонии в стихе» при помощи ямба и хорея, «когда в душе разлад», только белый стих может помочь, ведь «музыке разлада в нем дышится легко» (стихотворение «Когда в душе разлад»).

Художник умеет подняться над условностями и не боится показаться банальным. И когда рифмует «любовь и кровь», «розы и морозы» – показывает, что эти неоднократно употреблявшиеся рифмы оказываются единственно верными применительно к стихотворному контексту, в котором использованы свежо, не избито (стихотворение «Освобождаюсь от рифмы»). Поэт пытается найти компромиссное решение в выборе поэтической нормы, обыгрывая и углубляя семантику понятия «свободный стих», утверждая, что в конечном счете главное не форма (хотя она имеет немаловажное значение), а «степень свободы», которой достиг поэт в стихе (стихотворение «О свободном стихе»).

Прозаизация поэтической речи Левитанского создает ощущение доверительной, деликатной беседы-монолога, беседы-исповеди. И не случайно, что эта тенденция в творчестве поэта появилась в начале 70-х гг. XX в., как бы в противовес официальной, пышной, помпезной, но зачастую пустой фразе.

Тесный контакт высокого лексического пласта с малоассоциативными разговорно-просторечными средствами передает специфические экспрессивно-стилистические возможности стихам поэта. Но практически никогда не встретить в

поэзии Левитанского резко заниженной, жаргонной, грубовато-просторечной лексики. Разговорность, исповедальность стихам поэта придает не лексический строй поэтической речи, а скорее характер использованных строевых единиц (синтаксический параллелизм, диалогизация речи, сегментированные построения, парцелированные конструкции, лексический и семантический повтор, номинативные конструкции).

Продолжая следовать лучшим традициям русской поэзии, Левитанский внес в литературу второй половины XX в. свою лирическую интонацию, свое особое поэтическое видение мира, углубил и расширил представление о возможности использования белого стиха, разработал новые строфические и интонационные формы. Левитанскому принадлежит открытие в современном русском стихосложении: слияние 5-сложия в дольниковый ритм.

Как заметила в своих воспоминаниях «Поэзия – это извлечение драгоценного из ничтожного» прозаик и поэтесса Олеся Николаева, стихи Левитанского «совершенно не устарели. Он как был новатором, так и остался – его стихи и сейчас звучат новаторски. И его интонации... Это он впустил свободную интонацию в стихотворение... До сих пор у него можно учиться, до сих пор можно любоваться вольной и очень напряженной интонацией, которая создает рисунок стиха, но растет изнутри» [14].

Примечания

1. Пастернак Б. А. Стихотворения и поэмы. Л., 1965. С. 53.
2. Шахина В. Черно-белое кино // Октябрь. 1988. № 8. С. 204–206.
3. Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. Л., 1965. С. 99.
4. «Вот и живу теперь – поздний»: Беседа Т. Бек с Ю. Левитанским // ВЛ. 1982. № 6. С. 172.
5. «Я не участвую в войне» // ЛГ. 1995. 12 апр.
6. Левитанский Ю. Воспоминания о красном снеге. М.: Худож. лит., 1975. С. 51.
7. Там же. С. 76.
8. Левитанский Ю. Годы. М.: Сов. писатель, 1986. С. 122.
9. Левитанский Ю. Воспоминания о красном снеге. С. 69.
10. Левитанский Ю. Избранное. М., 1982. С. 325.
11. Левитанский Ю. Течение лет. Иркутск: Восточно-Сибир. кн. изд-во, 1969. С. 168.
12. Левитанский Ю. Годы. С. 221.
13. Эйхенбаум Б. О литературе. М.: Сов. писатель, 1987. С. 147–148.
14. Иронический человек. Юрий Левитанский: штрихи к портрету / сост. А. Гомберг, при участии И. Машковской. М.: Время, 2012.

А. Е. Ануфриев

**УТОПИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ
КАК ЗНАКОВОЕ ЯВЛЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА
В РОССИИ в 20-х гг. XX в.**

В статье рассмотрено отражение утопического сознания в манифестах, декларациях, программных заявлениях, поэтических выступлениях футуристов, пролеткультовцев, биокосмистов и литераторов других групп и течений. Особое внимание уделено тенденциям, которые определили развитие жанра утопии в прозе А. Чаянова, В. Хлебникова, А. Платонова, Я. Окунева, В. Итина и других писателей. В их произведениях представлены прогностические модели будущего, освоены новые приемы фантастической интерпретации действительности.

The article analyzes reflection of utopic mentality in proclamations, declarations, program applications and poetic performance of futurists, proletculturists, biocosmetists and literature experts of other groups and tendencies. Particular attention is paid to the tendencies that determined the development of the utopic genre in the prose of A. Chayanov, V. Khlebnikov, A. Platonov, Ya. Okunev, V. Itin and other authors. Their prose represented prognostic models of the future and new techniques of fantasy interpretations of reality.

Ключевые слова: утопическое мышление, жанр литературной утопии, модель будущего, структура жанра утопии, хронотоп утопии, формы повествования, модификация жанра.

Keywords: utopic mentality, genre of literature utopia, model of the future, structure of utopia genre, chronotop of utopia.

Февральская и Октябрьская революции в России, воплотившие мечты многих поколений радикально настроенных интеллигентов, несли огромный заряд утопического сознания и дали импульс к его развитию и распространению во многих сферах действительности.

Для революционного сознания было характерно восприятие бытия как объекта силового давления, ломки, уничтожения, переделки на новых началах. Революция в России мыслилась и руководителями большевизма, и рядовыми участниками как пролог «мирового пожара». Ленин, обращаясь в одном из воззваний 1918 г. к рабочим и солдатам, писал: «Идём в последний, решительный бой! Советская республика окружена врагами. Но она победит и внешних, и внутренних врагов. Виден уже подъем среди рабочей массы, обеспечивающий победу. Видно уже, как участились искры и взрывы мирового революционного пожара, дающие нам уверенность в недалёкой победе...» [1]

В лозунгах, призывах, плакатах, обращениях того времени, словно в фокусе, были сосредоточены социальные эмоции многих людей, готовых преодолеть любые испытания, даже умереть, ради революционного изменения мира. Воспоминания О. Литовского (он стал позднее прототипом Латунского в романе Булгакова «Мастер и Маргарита»), пришедшего в 1918 г. на работу в одну из газет, позволяют почувствовать характер мироощущения людей, задумавших социальное переустройство общества: «Удивительное, замечательное было время! Ведь, казалось бы, что можно сделать среди хаоса, разрухи и голода! О чём же думали сотни, тысячи, десятки тысяч исхудавших людей, которые за день, наполненный самоотверженным трудом, съедали осьмушку хлеба с соломой, мякиной, выпивали несколько стаканов кипятка, настоящего на сушеной моркови? О чём думали люди, которые не знали, что они принесут своей семье после работы, после собрания или митинга? Люди думали о победе и мировой революции. Они отдавали свои силы, свой хлеб для победы, в которую несокрушимо верили» [2].

В таком же духе выдержаны свидетельства Ю. Лебединского, тогдашнего сотрудника одного из политотделов: «В непосредственной близости мировой революции мы все были тогда уверены. Если нас, политработников, спрашивали красноармейцы, когда произойдет международная социалистическая революция, мы с полной уверенностью отвечали: в любой день, может быть, завтра» [3].

Истоки подобных настроений можно видеть в том, что утопические лозунги партийных вождей становились повседневной реальностью и руководством к действию для рядовых участников революции.

Доминантной чертой революционного мировоззрения тех лет было и то, что утопия навязывалась и воплощалась как некое массовое и театральное действие. Его участники – одновременно и актёры, и зрители, а реальный мир воспринимался ими как сценическая площадка. В таком представлении «привычная повседневность исчезает и становится иллюзорной, её вытесняет массовая эйфория, радостное возбуждение, неотличимое от отчаяния, воля человека парализуется и снимается социальный контроль. Над всем властвует насилие» [4].

Проводились «огнедышащие» митинги, демонстрации, массовые представления, создавались новые ритуалы, основанные на революционных экзистенциалах. Не только в Москве и Петербурге, но и в провинциальных городах устраивались инсценировки с участием тысяч исполнителей: «Взятие Зимнего дворца», «К Мировой Коммуне», «Мистерия Освобождённого Труда», «Действо о III Интернационале» и др.

Исходя из опыта таких спектаклей, один из участников Пролеткульта Б. Арватов писал: «Грядущий пролетарский театр станет трибуной творческих форм реальной действительности, он будет строить образцы быта и модели людей, он превратится в сплошную лабораторию новой общности, и материалом его станет любое отправление социальных функций» [5]. В этой формуле тоже виден один из признаков утопического сознания – взаимопроникновение воображаемого и реального. Революция не только разрушала привычный быт и традиционные устои человека из народа, но и через самостоятельные театры, кружки, студии делала принадлежностью его внутреннего мира такие абстрактные понятия, как «мировая революция», «классовый враг», «буржуазные пережитки», «мировой капитал», «коммунизм».

Многие формы самостоятельности не были просто видами досуга, а воспринимались как способы преобразования жизни. Эту особенность отметил один из постановщиков массовых инсценировок 20-х гг. А. Пиотровский: «Рабочие и красноармейцы в наших театральных кружках остаются рабочими и красноармейцами. Они ищут театрализованного действия, не изменяющего, а преобразующего их классовое лицо, действия, в развитии которого московско-заставские рабочие становятся мировыми героями, а новобранцы царскосельских лагерей – победоносными воинами Революции» [6].

Своеобразным воплощением утопических представлений были в 20-е гг. инсценировки судов, пользовавшиеся огромным успехом у населения. «Суд был театрализованной разновидностью классовой борьбы, сам по себе театр, подчинённый режиссёру... Строгость и ритуальность суда подчёркивали неотвратимость народного возмездия даже тогда, когда обвиняемый условен» [7].

Сами названия инсценировок («Суд над Врангелем», «Суд над мировым капиталом», «Суд над Пуанкаре и Вильсоном», «Суд над кулаком», «Суд над саботажником») свидетельствовали о том, что организаторы подобных мероприятий прекрасно сознавали их стимулирующую роль в распространении политических мифов и утопических иллюзий среди масс.

Утопические тенденции в полной мере дали о себе знать и в литературе послереволюционного периода, в тех откликах на события «перелома», в которых ощущение грандиозности и необычности заслоняло трезвое понимание трагедийности и гибельности происходящих явлений.

Утопическим максимализмом были проникнуты многие публицистические выступления Горького, в которых он воспевал пафос освобождения «от пут старого мира». «Русский народ об-

венчался со Свободой, – писал он. – Будем верить, что от этого союза в нашей стране, измученной и физически, и духовно, родятся новые сильные люди» [8]. Обращаясь к тем, кто колебался в выборе пути, он страстно призывал: «Идите с нами к новой жизни, ради создания которой мы работаем, не щадя ни себя, никого и ничего, ошибаясь и страдая, с великой радостью труда и пламенной надеждой на успех, отдавая все деяния наши честному суду истории будущего. Идите с нами на борьбу против старого порядка, на работу создания нового строя жизни» [9].

Если для Бунина, Гиппиус, Мережковского, Ремизова, Розанова, Шмелёва, Зайцева и многих других революция несла в себе «смуту, распад морали, разврат, размывающий границы, отделяющие грязь и грохот улицы от чистоты и тишины очага», то для Брюсова, Хлебникова, Белого, Клюева она олицетворяла путь «к золотому веку», к раю для всех угнетённых и униженных [10].

Брюсов в обращении к собратьям по литературному цеху, отказывавшимся видеть романтику в происходящем хаосе, восклицал:

Из круга жизни, из мира прозы
Мы вброшены в невероятность. [11]

В стихотворении «Серп и Молот» он рассказывал о том, как революционное созидание новых форм жизни приобрело космические масштабы:

Вселенский серп, сев истин жни,
Толщъ тайн дроби, вселенский молот! [12]

А. Блок, надеясь на полное преобразование жизни, на пробуждение скрытых в человеке сил, писал в статье «Интеллигенция и революция»: «Переделать всё. Устроить так, чтобы всё стало новым, чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная жизнь стала справедливой, чистой, весёлой и прекрасной жизнью» [13].

Начало революционных событий казалось А. Белому «религиозным возрождением», а Россия – страной-мессией. В поэме «Христос воскрес» он уповал на то, что

в эти дни и часы –
совершается
Мировая
Мистерия... [14]

Н. Клюеву грезилось, что революция открывала крестьянству путь к «золотому царству» и вместе с землёй и волей она должна принести небывалую духовную свободу. В его поэзии тех лет своеобразно «уживались» религиозно-этические и громогласно-агитационные мотивы. Его лирический герой извещал мир о наступлении

прекрасного грядущего, в котором народы угодятся Христу:

То колокол наш – непомерный язык,
Из рек бечеву свил Архангелов лик.
На каменный зык отзовутся миры,
И демоны выйдут из адской норы,
В пожар отольются металлов пласты,
Чтоб солнце вкушали народы-Христы [15].

В маленьких поэмах Есенина «Преображение», «Иорданская голубица», «Инония», «Небесный барабанщик» отразилось восприятие революции как воплощения крестьянских чаяний об утопической стране радости и довольства, богатства и красоты. Поэт создаёт образ града Инонии, уходящего своими корнями в устно-поэтические предания старины:

В синих отражаюсь затонах
Далёких моих озёр.
Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор [16].

Утопизмом были проникнуты и манифесты, декларации, программы многих литературных течений и группировок начала 20-х гг.

Представителям футуризма, а затем Лефа казалось, что только их творчество способно приблизить будущее. «В работе над укреплением завоеваний Октябрьской революции, укрепляя левое искусство, Леф будет агитировать искусство идеями коммуны, открывая искусству дорогу в завтра», – утверждалось в программном заявлении этой группы [17].

В творчестве Маяковского как наиболее яркого и талантливого представителя лефовцев устремлённость в будущее, «к солнечному краю непечатому» приобрела характер лейтмотива. В поэме «Пятый интернационал» им создана утопическая картина Земли в XXI в. Её природа преобразована человеком: покорена водная стихия, побеждены пески пустынь. Земля напоминает цветущий сад:

Реальнейшая
подо мною
вот она –
жизнь,
мечтаемая от дней Фурье,
Роберта Оуэна и Сен-Симона [18].

Но главное достижение землян, с точки зрения поэта, – это превращение всех стран в единую мировую коммуны:

Небылицей покажется кое-кому,
А я,
в середине XXI века,

на Земле,
среди федерации коммун –
гражданин ЗЕФЕКА [19].

Место действия пьесы Маяковского «Мистерия-буфф» – уже вся вселенная, и библейский сюжет о Всемирном потопе, Ноевом ковчеге, поисках семью парами «нечистых» «земли обетованной» подчёркивал планетарный характер революции.

Пафосом коллективизма, изображением масс как творцов грядущего мира отмечена и поэма «150000000». Движение её сюжета определяется развитием аллегорического образа Ивана, олицетворяющего вздыбленную социальным переворотом и устремлённую в будущее страну. Гипербола расширяет пространственные пределы, подчёркивая грандиозность происходящего:

Идёт Иван, сиянием брезжит.
Шагает Иван,
прибоями брызжет.
Бежит живое.
Бежит, побережит.
Вулканом мир хорохорится рыже.
Этого вулкана нет на
составленной старыми географами карте [20].

В конце 20-х гг. в сатирических пьесах «Клоп» и «Баня» Маяковский поставил настоящее и будущее лицом к лицу, надеясь на то, что новые поколения будут опираться на иные жизненные ценности, чем их предшественники. Устами «фосфорической женщины» он сформулировал кодекс норм поведения для тех, кто «нужен коммунизму»: «Будущее примет всех, у кого найдётся хотя бы одна черта, роднящая с коллективом коммуны, – радость работать, жажда жертвовать, неутомимость изобретать, выгода отдавать, гордость человечностью» [21].

В статьях, заявлениях, стихах пролеткультовцев давало себя знать нигилистическое стремление отказаться от культурных завоеваний прошлого, создать новое искусство, проникнутое идеей переустройства мира, коллективистским сознанием, безудержным воспеванием мощи машин. Один из теоретиков пролеткульта, В. Фриче, обильно цитируя стихи единомышленников, с уверенностью утверждал: «В лице пролетариата в мир вступила новая раса, созданная железом, отлитая из стали. В ней “сила паров” и “мощь динамита”. Она “породнилась с металлом”, “душой с машинами слита”. Железной поступью идёт она в обетованную страну будущего. Что ей старый мир с его богами и идолами! Перед ней – страна ещё неведомых чудес. Вся во власти “мятежного сладкого хмеля”, она не остановится ни перед чем... Пусть старый мир бросает ей в лицо

имя “вандала”, палача красоты и “хама”, – что ей жалкий лепет умирающего мира» [22].

Ему вторил А. Гастев, проектировавший модель грядущего мира как совершенный механизм и видевший в человеке некое передаточное звено. Его социально-техническая утопия несла угрозу уничтожения самобытного личностного сознания. В статье «О тенденциях пролетарской культуры» он писал: «Проявления механизированного коллективизма настолько чужды персональности, настолько анонимны, что движение этих коллективов-комплексов к движению вещей, в которых уже нет человеческого индивидуального лица, а есть равные нормализованные шаги, есть лица без экспрессии, душа, лишённая лирики, эмоция, измеряемая не криком, не смехом, а монометром и таксометром» [23].

В стихи пролетарских поэтов властно врываются образы-символы, выражавшие их восхищение силой рабочего класса, изменяющего не только социальные отношения, но и облик земли. И. Филиппенко, например, воспевал радостный, свободный труд и сильные рабочие руки Хозяина всей планеты:

Слава взлётам твоих вдохновенных надежд!
Силе рук, Шар Земной для которых забава!
Слава чёрным, космическим, грубым рукам...
Ими ты начертил мировые орбиты... [24]

В. Кириллов в стихотворении «Пловец» создал образ обетованной страны, к берегам которой устремилось освобождённое человечество:

Смелей расправь полотно-крылья,
Он близок, остров золотой.
Ещё, ещё одно усилие,
И рай чудесный будет твой [25].

У В. Александровского в стихотворении «Я выпил сотню солнц» будничное существование пролетария переводится в космический план и весь строй произведения наполняется радостной патетикой:

Снега, и пыль, и терпкий запах гари...
Звонят шаги. Я дерзок и упрям.
Я – всеобъемлющий, чьё имя Пролетарий,
Идущий к новым солнцам и мирам [26].

Рассматривая пролетарскую поэзию как сложное и противоречивое явление, важно иметь в виду, что один её полюс «был обращён к эмпирической реальности, а другой, уходя своими линиями в глубину этой реальности, был обращён к планетарности и космизму, к высоким идеалам будущего» [27].

Если у пролеткультовцев планетарно-утопические темы и мотивы занимали равноправное место с другими, то у биокосмистов они вышли на первый план. Представители этой группы (П. Иваницкий, А. Святогор), выступившие с утопической программой, выдвинули три основных задачи. Первая из них определялась как «реализация личного бессмертия», т. е. во главу угла ставилась победа над смертью. Вторая задача была тесно связана с первой и имела в виду воскрешение мёртвых «во всей полноте их духовных и физических сил». Третья задача включала «победу над пространством». Это понятие подразумевало не только возможность полётов в космос, но и превращение земли «в управляемый умудрённой волей» космический корабль. В соответствии с этой задачей человеку отводилась роль творца вселенной, активно включённого в космологический процесс. «Нас слишком шокирует то, что земля, точно коза на привязи у пастуха-солнца, извечно каруселит свою орбиту. Пора иной путь предписать земле. Да и в пути других планет нелишне вмешаться. Нельзя же оставаться только зрителем, а не активным участником космической жизни», – громогласно заявлял А. Святогор [28].

Биокосмисты, в частности А. Святогор, пытались обосновать и свою эстетическую платформу, названную телеологической. Она тоже содержала фантастико-утопические элементы: создание особого биокосмического языка, общего для всей земли, и произведений – «живых организмов», сочетание разнообразных «словесных рядов», под которым понималось «преображение и воскрешение слов», обращение к новому синтаксису, новым ритмам. «Поэт, – писал А. Святогор, – это борец и певец в таборе составших против смерти и против диктатуры пространства. О бессмертии и космическом полёте, о воскрешении мёртвых творит свои живые организмы поэт-биокосмист» [29].

Биокосмисты не были едины в своих взглядах на мир, их установки отличались противоречивостью, оторванностью от реальной действительности. По меткому замечанию С. Семёновой, «манифесты, призывы и стихи биокосмистов являлись иллюстрацией этакого авантюристически-лихого наскока на будущее, дерзкой попытки одним волевым усилием и горением нетерпеливого сердца преобразить людей и мир» [30].

В первые послереволюционные, а затем и в 20-е гг. утопическое сознание с особой силой сказалось в развитии поэзы. В этот период широкое распространение получили фантастические романы, повести и рассказы, в которых описание идеального государства или общественного устройства занимало важное место. Авторы утопий отталкивались от разных концепций, идей,

эстетических взглядов, ставили различные задачи. Их произведения отличались по глубине воплощения социально-философских проблем, по стилю, жанрам, читательскому адресату. Но всех их объединяло одно – стремление показать или предугадать будущее, создать его целостную модель или обрисовать ее контуры.

А. Чаянов создал фантастическую повесть «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920), в которой идея социального прогресса реализуется через образцовый крестьянский строй. Особенностью его произведения является то, что идеальное государство показано как сообщество, в котором решены и аграрно-экономические, и просветительские задачи, а личность не только участвует в созидательном труде на земле, но и приобщена к богатствам всей мировой культуры.

Если Чаянов в создании утопии исходил из реальных предпосылок и традиций крестьянской жизни, то В. Хлебников в своих космологических построениях, собранных позднее в цикл под названием «Кол из будущего» (1915–1922), изобразил загадочный, неведомый мир. В этом мире человек не только овладел новыми видами энергии, создал чудеса техники, покорил пространство и время, научился управлять климатом, но и пересоздал себя на новых началах. Он стал творцом, соединившим физический и интеллектуальный труд в единое целое, объединился с другими людьми в «творческие общины», освоил язык животных, птиц, растений.

Картины будущего воссозданы в таких научно-фантастических романах и повестях, как «Аэлита» А. Толстого (1924), «Аргонавты вселенной» А. Ярославского (1926), «Психо-машина» (1924) и «Межпланетный путешественник» (1924) В. Гончарова, «Вечный хлеб» (1928), «Город победителя» (1930), «Зелёная симфония» (1930) А. Беляева, «Истребитель 17У» С. Беляева (1928), «Планета Ким» (1930) А. Палеева и многих других.

Фрагменты социально-политических утопий входили в авантюрно-фантастические и приключенческие произведения. Среди них «Универсальные лучи» (1926) И. Келлера, «Борьба в эфире» (1928) А. Беляева, «Месс-Менд» (1926) М. Шагинян, «Гибель Британии» С. Григорьева (1926), «Крушение республики Итль» Б. Лавренёва (1926), «Я жгу Париж» (1927) Б. Ясенского, «Бесцеремонный роман» В. Гришгорна (1928).

В 20-е гг. свою лепту в создание утопических жанров внесли писатели, следовавшие традициям А. Богданова и показывавшие общественный строй будущего как высокоорганизованную коммунистическую систему. В повестях и романах В. Итина «Страна Гонгури» (1922), Я. Окунева «Грядущий мир» (1923), «Завтрашний день» (1924),

В. Никольского «Через тысячу лет» (1928), Э. Зеликовича «Следующий мир» (1930), Я. Ларри «Страна счастливых» (1931) повествование строилось на социальной заострённости мотивов и образов. Идеальный мир представлялся этим писателям как экстраполяция в будущее социалистических идей и постулатов, господствовавших в советском обществе в 20-е гг. В их произведениях, за исключением повести В. Итина «Страна Гонгури», преобладали плакатно-агитационные и публицистические средства изображения, а характеры героев нередко «растворялись» в безымянном «интеграле» коллективных действий. Вместе с тем опыт этих писателей интересен как отражение одного из этапов сложного и противоречивого развития русской советской утопии 20-х гг.

Своеобразное преломление тема будущего приобрела в научно-фантастических рассказах и повестях А. Платонова первой половины 20-х гг., таких, как «Маркун», «Потомки солнца», «Лунная бомба», «Эфирный тракт». Герои писателя пытаются переделать мир, приобщаясь к научным открытиям и изобретениям, нередко забывая о «веществе живой жизни» – любви, сострадании, милосердии. Авторское сознание движется между двумя полюсами – разоблачением технократических утопий, которыми одержимы герои, и воплощением собственных идей, основанных на преодолении смерти, забвения, сиротства.

Во второй половине 20-х гг. поиски писателем смысла существования были продолжены в сатирических повестях и рассказах «Город Градов», «Усомнившийся Макар», «Государственный житель», в романе «Чевенгур», повести «Котлован», написанных по горячим следам событий, когда утопии насильно внедрялись в жизнь.

Несмотря на то что в 20-е гг. к произведениям утопического жанра обращались писатели разных мировоззрений, эстетических взглядов, художественных дарований, стилевых манер, можно выделить некоторые общие тенденции его развития.

1. В утопиях писателей 20-х гг. по сравнению с произведениями их предшественников в 1900–1915 гг. усиливается философское видение мира, обнаруживается нацеленность на отражение общих закономерностей бытия, мирообъемлющая целеустремлённость, понимание роли созидательного фактора в формировании личности и общества, прогнозирование будущего, построенного на началах справедливости и гармонии.

Социальные и исторические события представляли в этих произведениях не только в их непосредственном, первичном осмыслении, но и в категориях мировоззренческих.

Неотъемлемым качеством многих утопических произведений стала опора на гуманистические

духовно-нравственные ценности, вера в необыкновенную силу коллективного разума.

Самой расстановкой сюжетных событий, активным внедрением авторского «я» писатели создавали ценностную атмосферу, показывающую их позиции.

2. Многим утопиям 20-х гг. свойственна диалогичность – стремление пригласить читателя участвовать в дискуссии о таких глобальных категориях человеческого существования, как война и мир, власть и мораль, роль личности и масс в истории, законы социальной борьбы и требования нравственности.

Ощутимы были изменения и в концепции личности. «Маленькому человеку» литературы XIX в., жертве социальной несправедливости, противопоставлялся духовно возрождённый герой, способный изменять окружающий мир.

3. Общность отношения к человеку как к вершинному порождению природы, понимание естественного всеединства человека, человечества и Вселенной, стремление передать пафос переделки «земных неурядиц» (А. Платонов), освоение иных миров способствовали созданию такого художественного феномена, как утопии «космизма».

Именно в этот период они получили широкое распространение и нашли отражение в творческой практике В. Хлебникова, А. Платонова, А. Толстого, В. Итина, В. Гончарова, А. Ярославского, В. Зеликовича и др.

Для многих писателей выход человека в космос не означал только реальное освоение космического пространства. Они стремились претворить идеи преодоления человечеством своего сиротства, переделки физического облика человека на духовных началах, единения людей на основах гармоничного сосуществования со всем природным миром.

4. Для передачи космического мышления писатели обращались к достижениям научно-фантастических жанров. Сближение собственно утопического «ядра» с элементами научной фантастики помогало писателям преодолеть «жёсткие» жанровые схемы, освобождало их произведения от одномерного видения событий, от повествовательных штампов, придавало произведениям занимательность и остроту.

В художественно значимых произведениях 20-х гг. научно-фантастические элементы использовались не как самодовлеющие приёмы, а как средства познания духовных возможностей человека (рассказы и повести Платонова, Итина, «проекты» Хлебникова).

5. Стремительные изменения в общественной жизни послереволюционной России вызывали у некоторых создателей утопических произведений надежды на скорое изменение морально-психо-

логических качеств человека, сферы его чувств. В силу этого межличностные отношения, нравственные конфликты переводились в **социально-политический** план, становились знаками определённых, **чаще всего социалистических**, установок. Это относится к повестям и романам А. Беляева, В. Никольского, В. Гончарова, А. Ярославского, Я. Ларри, Э. Зеликовича.

6. Авторы утопий 20-х гг. **отказались от трактатной формы** с её нацеленностью на объективность, последовательность и строгость изложения, с архаичной диалогической структурой, которая предполагает ответы «жителя» или «проводника» в утопическом мире на вопросы «путешественника-наблюдателя». Исключение составляет беллетризованный трактат А. Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», но и в нем значительную роль играют занимательные сюжетные перипетии, связанные с пребыванием героя в новом и непонятном для него мире.

7. Существенной чертой утопий указанного периода является **отказ от ограниченного пространства**. Их действие не ограничивается пределами какого-либо одного места, а свободно перемещается по оси пространственных координат: переносится из города в деревню, из страны в страну, на другие планеты.

Подводя итоги, надо отметить, что жанр утопии играл важную роль в литературном процессе 20-х гг. Он не только запечатлел пафос эпохи коренных преобразований, отразил её общественные закономерности, но и сохранил за собой возможности философского обобщения проблем бытия, прогностического видения мира, осваивал новые приёмы фантастической интерпретации действительности.

Утопические жанры этого периода в лучших своих образцах выполняли плодотворную эстетическую функцию, прививая литературе иммунитет против бескрылой, натуралистической описательности, позитивистской констатации фактов, против социально-биологической детерминированности в объяснении характеров и поступков героев.

Примечания

1. Ленин В. Уверенность в победе // Правда. 1918. 17 февр. (4 февр.).
2. Литовский О. Так и было. М., 1958. С. 18.
3. Лебединский Ю. Современники. Воспоминания. М., 1958. С. 12.
4. Батыгин П. Е. Метаморфозы утопического сознания // Батыгин П. Е. Квинтэссенция. М., 1999. С. 276.
5. Арватов Б. Театр как производство // Арватов Б. О театре. Тверь, 1922. С. 115.
6. Пиотровский А. И. За советский театр. Л., 1925. С. 26.
7. Батыгин П. Е. Указ. соч. С. 281.

8. Грѣкий М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре (1917–1918 гг.). М., 1990. С. 101.
9. Там же. С. 91.
10. Чалмаев В. Твой брат, Петрополь, умирает... (О России, революции, культуре – с последней прямой) // Под созвездием топора. Петроград 1917 года – знакомый и незнакомый. М., 1991. С. 21.
11. Брюсов В. Я. Собр. соч.: в 8 т. М., 1973. Т. 3. С. 53.
12. Там же. С. 58.
13. Блок А. А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1971. Т. 5. С. 399.
14. Белый А. Стихотворения. Саратов, 1989. С. 160.
15. Клюев Н. Песенослов. Стихотворения и поэмы. Петрозаводск, 1990. С. 124.
16. Есенин С. А. Собр. соч.: в 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 68.
17. Литературные манифесты. От символизма до «Октября». М., 2001. С. 193.
18. Маяковский В. В. Собр. соч.: в 6 т. М., 1973. Т. 1. С. 282.
19. Там же. С. 282.
20. Там же. Т. 2. С. 148.
21. Там же. Т. 6. С. 285.
22. Фриче В. Поэзия железной расы // Вестник жизни. 1918. № 2. С. 28.
23. Листев А. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9–10. С. 44.
24. Филиппенко И. Пролетарские поэты первых лет советской эпохи // Пролетарские поэты первых лет советской эпохи. Л., 1959. С. 117.
25. Кириллов В. Пловец // Пролетарские поэты первых лет советской эпохи. Л., 1959. С. 194.
26. Александровский В. Я выпил сотню солнц // Пролетарские поэты первых лет советской эпохи. Л., 1959. С. 111.
27. Пьяных М. Пафос преобразования мира и человека // Советская литература. История и современность: кн. для учителя. М., 1984. С. 67.
28. Святогор А. Биокосмическая поэтика // Литературные манифесты. От символизма до «Октября». М., 2001. С. 276.
29. Там же. С. 281.
30. Семёнова С. Г. Русский космизм // Русский космизм. Антология философской мысли. 1993. С. 31.

УДК 811.161.1'282.2(470:342+470.316)

В. Г. Долгушев

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА СРЕДНЕРУССКИХ И СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯРОСЛАВСКИХ И ВЯТСКИХ ГОВОРОВ)

В статье характеризуются лексические параллели, обнаруживающиеся в ярославских и вятских говорах в области глагольной и субстантивной лексики. Автор полагает, что изучение лексических параллелей в данных говорах позволило бы дать более точное представление о широте направления ростово-суздальской колонизации бассейна средней Вятки.

In the article the lexical parallels which are finding in Yaroslavl and Vyatka dialects in the field of verbal and substantive lexicon are characterized. The author believes that studying of lexical parallels in these dialects would allow to give more exact idea of the width of the direction of the Rostov-Suzdal' colonization of the basin of average Vyatka.

Ключевые слова: ярославско-вятские говоры, лексические параллели, глагольные и субстантивные лексемы.

Keywords: Yaroslavl and Vyatka dialects, lexical parallels, verbal and substantive lexemes.

В ярославских и вятских говорах, несмотря на то что они относятся к разным группам говоров: ярославские – к Владимиро-Поволжской группе среднерусских говоров, а вятские – к восточной группе северного наречия, много общего. Эта общность проявляется на разных языковых уровнях – фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом.

Цель настоящей статьи – показать лексические параллели вятских и ярославских говоров.

В древнерусском языке имела лексема *голчать* со значением «громко говорить, кричать». В ярославских говорах имеются глагольные лексемы *голчать* (*голчеть*), *голчить* со значениями 1) «говорить, громко разговаривать»; 2) «кричать, звать, созывать»; 3) «лаять». Примеры из ярославских говоров приведены по «Ярославскому областному словарю», Ярославль, 1981–1991: 1–10, а из вятских – по «Областному словарю вятских говоров» (ОСВГ, 1996–2006: 1–4). В вятских говорах глагол *голчать* имеет лишь одно значение – «говорить». Плохо, неопрятно одетая женщина в ярославских говорах называется *кулёмой*. Есть и выражение *одеться кумелькой* – «быть неопрятно одетой (о женщине)». В вятских говорах лексема *кулёма* употребляется в значении «человек, очень много надевший

на себя одежды». Она употребительна и по отношению к мужчине, и по отношению к женщине. Вятское *ходить кулёмой* или *ходить как кулёма* означает «ходить, надев на себя много различной одежды, небрежно одетым». Бытует в вятских говорах и выражение *катиться кумельгой*, т. е. кубарем.

И в ярославских, и в вятских говорах имеются субстантивные лексемы *вековуха* (*векоуха*), *вековушка*, *домаха*, *домовуха*, *перестарок* со значением «незамужняя девушка, женщина». В вятских говорах, кроме того, употребляются с данным значением лексемы *домак*, *домовушка* (ОСВГ 3: 157, 160). Лексема *кумуха* (*кумаха*, *кумоха*, *кумуха*) в ярославских и вятских говорах употребляется в двух значениях: 1) «лихорадка»; 2) «непоседа».

По данным Н. С. Ганцовой и «Словаря русских народных говоров», слово известно в западных костромских говорах, а также нижегородских, владимирских, тверских, вологодских, архангельских, уральских и сибирских [1]. Эпицентром распространения данной лексемы исследователь считает именно ярославские говоры. Хотя ареал её распространения достаточно широк – это севернорусские и среднерусские говоры. Это эвфемизм. Исходное значение – «кума, кумушка». И в вятских, и в ярославских говорах известны следующие названия рукавиц – *вачеги*, *вареги*; лексема *бахилы* со значением «большие сапоги».

Очень много параллелей имеется в метеорологической лексике. Т. К. Ховрина приводит такие названия ненастной погоды в ярославских говорах: *беспогодица*, *непогодь*, *беспогодьё*, *распогодьё* [2]. В вятских говорах имеются следующие лексемы с данным значением: *невзгода*, *безведрие*, *морок*, *погода*, *погодье*, *непогодь*, *непогодица*, *непогодь*, *беспогодица*, *беспогодьё* [3]. Таким образом, лексемы *беспогодица*, *непогодь*, *беспогодьё* являются общими для ярославских и вятских говоров. Глагольная лексема *распогодиться* употребляется в ярославских говорах со значением «стать ненастной». В вятских же она имеет противоположное значение – «стать ясной, солнечной». Здесь мы сталкиваемся с явлением диалектной энантиосемии, ср. *погода* – «хорошая погода», «плохая погода».

И в ярославских, и в вятских говорах имеются лексемы *дождица*, *дождевица* со значением «дождевая вода». В ярославских говорах есть ещё лексема *дожденица*, ср. вят. *дожденица*. И в ярославских, и в вятских говорах со значением «дождливый» распространены лексемы *дождивый*, *дождевой*, *дождяной*, *замочливый*. Ср. пример из материалов XIX в. по Вятской губернии: «Я слышал от старых людей, щтё весной ежеле из муравишшов переж красные муравьи выхуо-

дят, – будёт лето красное, а коля чёрные переж, – лето будёт чёрное, замуочливо» [4].

Однако в вятских говорах отсутствует лексема *дождивый*. И в ярославских, и в вятских говорах есть лексема *дождевиться* со значением «идти» (о дожде). В вятских говорах есть ещё глаголы *дождивить*, *дождивиться* с тем же значением. Значение «проливной» (дождь) имеют в ярославских говорах лексемы *заливный*, *заливный*, *сленный*, *сливный*, *долгий* [5]. Ср. вят. *заливной*, *сливной*. Значение «моросающий дождь» в ярославских говорах имеют лексемы *ситник*, *ситоша*. Кроме данных лексем, которые есть и в вятских говорах, в них употребляются также лексемы со значением «моросающий дождь» – *моросль* (*морост*), *изморось*, *моросилко*, *сумморось* (*сумморось*), *хмарь*, *хмурь*, *бус*, *бусенец*, *бусун*, *буса*, *морох* (*морок*), *морось* (*морос*). И в ярославских, и в вятских говорах употребляется лексема *ситить* со значением «моросить».

Лексема *сумерничать*, которая в ярославских говорах имеет значение «ужинать», в вятских имеет и иное – «сидеть в потёмках, разговаривая».

Несомненная общность лексического состава очевидна. В подтверждение данного положения можно привести слова, общие для вятских и ярославских говоров и зафиксированные в «Ярославском областном словаре» и «Областном словаре вятских говоров» лишь на одну букву – «М»: *магазин*, *магазин*, *мадежи*, *малежи*, *малёнка*, *мало-мало*, *манежничать*, *манежно*, *манко*, *марить* – «парить», *маркитан* (*маркитант*), *масленик*, *маслёныш* – «маслёнок», *масленка* – «масленица», *мастрячить* – «мастерить», *мась-мась* – «подзывные слова для овец, ягнят», *матёрый* – «большой», *матерь*, *мати* – «мать», *матка* – «матица», *межмолоки*, *меледа* – «кедровые орехи», *мерекать*, *мерековать* – «думать, размышлять», *метелёк* – «мотылёк», *мизгирь* – «паук», *мнука* – «внучка», *могута* – «здоровье, сила», *могутный* – «физически крепкий, сильный, выносливый», *моделый* – «худой, болезненный», *молодуха* – «1. Молодая замужняя женщина; 2. Невеста», *молонья* – «молния», *молосное* – «молочные продукты», *молотило* – «цепь», *морква*, *моркошка* – «морковь», *моргливый* – «брезгливый», *морговать* – «брезговать», *морной* – «худой, болезненный», *морок* – «1. Туман; 2. Темнота, сумерки», *мост* – «сени», *мостолыга* – «рука нога», *моторный* – «подвижный, быстрый», *мура* – «кушанье из хлеба или ржанных сухарей, воды или кваса, лука, конопляного масла», *мшафа* – «болото, поросшее мхом».

Значительная общность владими́ро-поволжских и вятских говоров имеется и в лексике народного календаря (примеры по владими́ро-по-

волжским говорам приводятся из статьи [6]. Ср. вят. *Ксенья-полузимница* – яросл. *Аксинья-полулехбница*, вят., яросл. *Василий-капельник*, вят. *Евдокия-Плющиха*, яросл. *Авдотья-Плющиха*, вят. *Ирина-рассадица*, яросл. *Арина-рассадица*, вят. *Ольга-сеногойка*, яросл. *Самсон-сеногой*, вят. *солноворот*, яросл. *Спиридон-поворот*.

Данные наблюдения над лексическими параллелями в ярославских и вятских говорах не претендуют на полноту и глубину, однако они не случайны и свидетельствуют как о контактах среднерусских владими́ро-поволжских говоров с вятскими, так и о наличии в ранний период колонизации русскими бассейна реки Вятки нескольких миграционных потоков, один из которых шёл, очевидно, из Ростово-Суздальской земли: «Население Ростово-Суздальской земли, под влиянием разорительных для него татарских набегов, начинает уходить от татар подальше к северу, на Волгу. Здесь с рек Шексны и Костромы пришельцы передвигались на р. Сухону и, следуя по её течению, выходили на Северную Двину. Встретив здесь для дальнейшего движения на севере преграду в виде новгородской колонизации, ростово-суздальские колонисты направляются на р. Юг, отсюда перебираются на р. Молому и таким образом добираются до среднего течения р. Вятки – до районов, заселённых удмуртами, где и поселяются» [7]. Изучение лексических параллелей в ярославских и вятских говорах позволило бы дать более точное представление о широте направления ростово-суздальской колонизации бассейна средней Вятки. Следует также иметь в виду замечание профессора Г. Г. Мельниченко о том, что лексический состав той или иной группы говоров с течением времени меняется, он не остаётся в статичном состоянии, о чём свидетельствуют данные, собранные диалектологами при работе над «Диалектологическим атласом русского языка» в сопоставлении с данными, собранными для «Опыта диалектологической карты восточнославянских языков в Европе» (Н. Н. Дурнов, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова): «Со времени издания

диалектологической карты 1915 г. произошли значительные изменения в судьбе наиболее характерных дифференцирующих признаков Владимиро-Поволжской и Вологодско-Кировской групп. Одни из них исчезают... под воздействием литературного языка... Некоторые признаки говоров Владимиро-Поволжской группы распространились по левую сторону Волги: *плеть* (изгородь), *жало* (у косы), *запон* (фартук); и, наоборот, слова, характерные для говоров Вологодско-Кировской группы, появились по правую сторону Волги: *пестерь* (корзина), *молотило* (цеп), *баса* (краса), *баской* (красивый), *баско* (красиво), *зимусь* (прошедшей зимой) и некот. др.» [8]

Примечания

1. Ганцовская Н. С. Слова кумуха, кумаха, кумоха, кумуха, кума в «Ярославском областном словаре (замечки о значении и форме)» // Лексика ярославских говоров: тез. выступлений на межвуз. конф. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 1994. С. 32.
2. Ховрина Т. К. Словообразовательные особенности наименований природных явлений в ярославских говорах // Проблемы региональной лингвистики: тез. докл. и сообщ. межвуз. науч. конф., посв. памяти проф. Г. Г. Мельниченко (Ярославль, 26–27 октября 1995 г. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 1995. С. 32.
3. Долгушев В. Г. Лексика вятских говоров в ареальном и ономастическом аспектах. М.: Изд-во МПГУ, 2006. С. 355.
4. Мельниченко Г. Г. Региональная лексикология и лексикография. Избранные работы. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. С. 73.
5. Ховрина Т. К. Указ. соч. С. 34.
6. Кондратенко М. М. Лексика народной метеорологии во владимирских и брянских говорах // Севернорусские говоры: межвуз. сб. Вып. 5. Л., 1989. С. 12–21.
7. Луптов П. Н. Исторический очерк Вятского края // Вятский край. Вятка, 1929. С. 278.
8. Сб. ОРЯС АН. Т. 95. № 1. Пг., 1920. С. 196.

Условные сокращения

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Вып. 1–7. 1996–2012.

ЯОС – Ярославский областной словарь. Вып. 1–10 / под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2:81'22

Н. О. Осипова

«КУКОЛЬНЫЙ ТЕКСТ» СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: МИФОСЕМИОТИКА МОТИВА

В статье рассматриваются некоторые аспекты трансформации и функционирования мифоритуальной традиции «кукольного кода» в пространстве современной художественной культуры (литература, кинематограф, сфера повседневности). Обращение к произведениям О. Тепцова («Господин оформитель»), А. Королёва («Голова Гоголя»), Т. Ландольфи («Жена Гоголя») и другим демонстрирует связь «кукольного текста» с историко-философскими и социокультурными проблемами эпохи.

The paper examines some aspects in transformation of mythological and ritual tradition of the «puppet code» in contemporary art (literature, cinema, the sphere of everyday culture). Appeal to the works of O. Tepstov («Gospodin oformitel»), A. Korolev («The Gogol's head»), and T. Landolfi («The Gogol's Wife»), etc. shows the «puppet text» connection with the historical, philosophical and cultural problems.

Ключевые слова: «кукольный текст»; мифологическая семиотика, постмодернистский дискурс; современный кинематограф; современная литература.

Keywords: «puppet text»; mythological semiotics, post-modern discourse, contemporary cinema, contemporary literature.

В числе образов-мотивов, пронизывающих мировую культуру по вертикали, одно из ведущих мест принадлежит кукле (во множестве её разновидностей). Это один из знаков, сформировавшихся в определённый исторический период и «обслуживающих» все сферы культурного сознания (индивидуального, религиозного, художественного, повседневного). Названное явление обусловлено множеством причин, которые достаточно обстоятельно проанализированы в научной литературе последних лет [1] и обусловлены, прежде всего, высоким семиотическим статусом куклы, располагающей в пространстве между миром вещей и миром знаков, постоянно находящейся в стадии ремифологизации, перенося свои признаки «на широкий круг социальных фактов, моделью которых... становится» [2]. Кукла на протяжении всей истории человечества балансировала

между миром живых и миром мертвых, что обусловило степень её сложных трансформаций применительно к разным текстам культуры.

С одной стороны, многообразие её знаковых характеристик располагалось в зоне повышенной философичности модели «люди-куклы» (восходящей к Платону), с другой – в зоне игровых моделей культуры (как театрализованной, так и повседневной), сохраняя при этом принадлежность к сфере жизни и смерти, реальности и иллюзии. Сакральное отношение человека к кукле формируется в момент осознания человеком смерти. Кукла – это своего рода реакция на смерть. Не случайно психологи констатируют сегодня в качестве фобий *гленофобию* (боязнь взгляда куклы) или *педифобию* (боязнь игрушек) в качестве атавистического проявления древних верований.

На определенных этапах развития культуры мы наблюдаем синтез всех трех моделей, формирующих портрет социума и картины мира (романтизм, символизм, постмодернизм), в котором образ «кукольного театра» представляется метафорой времени, его зеркальным двойником. Об этом, в частности, говорит и К. Исупов, отмечая «особую феноменологию «кукольного», обнимающую значительные горизонты человеческой деятельности» [3].

Не случайно «кукольная тема» была одной из ведущих в попытке эстетического освоения жизни – своеобразным перекрестком архаического и современного мышления. Сакрализованный статус куклы, позволяющий ей свободно балансировать на грани реальности и мистики, магии и абсолютно открытой натуралистичности, определил её место в самых различных практиках современности как символического посредника и замещающего знака. Двойственная природа куклы позволяет ей участвовать в многочисленных превращениях (человека в куклу и наоборот) либо фиксировать саму стадию этого перехода, как это происходит в феномене марионетки. Справедливо интересное наблюдение И. Антанасиевич о том, что в этой своей зеркальной двойственности «кукла повторяет близнецовый миф, являясь подобием человека (внешним, и внутренним)» [4]. А в условиях тотальной дегуманизации общества, формирования «симулятивной» эстетики «кукольный текст» в искусстве приобретает социальный и онтологический смысл («Три толстяка» Ю. Олеши, «Золотой ключик» А. Толстого и др.).

Кукольный «бум» последних лет, охватывающий не только производство кукол, но и «включение» куклы во все сферы современного искусства и жизни человека, свидетельствует о расширении семиотического поля концепта *кукла*, включенного в одну из парадигм постмодернистского сознания с её клипово-контекстуальными и ассоциативно-пародийными законами, интертекстуальными переключками, свободой смещений, приводящей, с одной стороны, к утрате реальности, с другой – к гипертрофии этой реальности.

Искусство постмодерна перешло, по выражению Ортеги-и-Гассета, «от изображения предметов... к изображению идей» (для постмодернизма – симулякров [5]). В то же время для постмодернизма характерно и другое: стремление предельно увеличить предмет до такой степени, пока он не растворится, превращаясь в элемент коллажа, ризому, виртуальность. Не случайно эти тенденции отразились даже в производстве кукол: в стремлении к предельному абстрагированию и пустоте «тела» куклы и подчеркнутом натурализме в её воспроизведении, вплоть до *expression dolls* и кукольных секс-игрушек.

Взаимопроникновение мира иллюзий и мира реальности в кукольном тексте демонстрирует, в частности, феномен «ростовой куклы», которая сегодня обслуживает в основном сферу рекламы и массовых зрелищ. С технической стороны ростовая кукла – это костюм, надевающийся на человека. Это различные животные, фантастические герои, всевозможные предметы, повторяющие упаковку или форму товара и работающие на узнаваемость бренда или торговой марки.

В последние годы использование ростовых кукол проникает и в частную жизнь: их заказывают на день рождения для вручения подарков, свадебные церемонии и т. д. Популярными становятся сейчас и «портретные» куклы, изображающие конкретного человека. Такие куклы востребованы в крупных компаниях, ибо подарить такую куклу-копию, например, руководителю, считается хорошим тоном.

Очень показателен этот «двойной стандарт» и в куклах-манекенах, которые, обслуживая торговую-потребительскую сферу, располагаются в промежутке между классической куклой и стилизованным фантомом. С одной стороны, манекен приближен к облику человека с использованием специальных пластических материалов, тщательной проработкой деталей, поз (часто с использованием кинетических практик), с другой – в нем наблюдается предельное размывание формы (через использование прозрачных поверхностей, искажение пропорций, стирание черт лица вплоть до полного их отсутствия). Образ «пустого тела» куклы одновременно соседствует с фрагментами, живущими своей самостоятельной жизнью (бю-

сты, головы, ноги, фигурирующие отдельными фрагментами в качестве манекенов). Последнее также может быть отнесено к архаической традиции разрывания жертвы на куски, символизирующей связь между телом человека и различными зонами пространства, когда каждому элементу соответствовал какой-либо космический элемент.

Таким образом, в сфере постмодернистского дискурса повседневности мы имеем дело с любопытным парадоксом: имитационная эстетика постмодерна, сопровождающаяся процессом ремифологизации (и неомифологизации), порождает все новые и новые вариации семантики куклы, их свободное соединение и цитирование, превращение в фантом, иногда более яркий и привлекательно соблазнительный, чем оригинал. Таким образом практическая сфера отзывается на бум телесности, когда тело куклы (=человека) становится продуктом культурного потребления. Об этом свидетельствует «кукольная» составляющая кинематографа и телевидения.

Актуализация «кукольного дискурса» (а именно в таком качестве могут выступать сегодня кукольные мотивы и образы) в сфере художественной культуры во многом обусловлена стремительным развитием киноискусства и влиянием психоанализа и теории архетипов на формирование киноэстетики и киноязыка. Психоанализ «снимает» условную грань между реальным миром и глубинами подсознания, формируя новую художественную условность на материале архетипов. И в этом кинотексте магическая и мистическая природа куклы как раз и играет роль мистического материализованного двойника человека. Не случайно в жанровом отношении подобные фильмы располагаются в пространстве мистических или философских триллеров.

Следует заметить, что при всем различии режиссеров-создателей подобных фильмов они имеют типологическую общность, обусловленную использованием общей архетипической схемы (оживление куклы или статуи – двойника человека), включенной в мотив «месть куклы» [6].

Так, в фильме ужасов «Детская игра» (*Child's Play*, 1988) Т. Холланда дух убийцы Чарльза Рэя, поклоняющегося магии вуду, переносится в тело куклы «Хороший парень» (*Good Guy Doll*), модного бренда американской кукольной индустрии. Попавшая в качестве подарка мальчику Энди, кукла (по имени Чаки) устанавливает с ним связь и руководит всеми его поступками, провоцируя на преступление.

Когда душа убийцы вселяется в невинно выглядящую куклу, никто, кроме маленького Энди, не осознает, что Чаки виновен в захлестнувшей город волне страшных убийств. Но настоящий ужас наступает тогда, когда дух злодея вознамеривается переселиться из куклы в живого человека.

На подобном же сюжете построен и другой хоррор – «Мёртвая тишина» (реж. Д. Ван, 2007), в котором мстительный дух чревоушительницы переходит в куклу, отнимая у людей голоса (отсюда название фильма).

В фильме корейского режиссера Йонг-ки Чжонга «Кукольник» (2005) кукольный триллер облачен в утонченно-одухотворенную форму эстетики Востока. Действие разворачивается в странном особняке, принадлежащем кукольному мастеру (точнее, мастерице) и ее брату. Туда – в лучших традициях Агаты Кристи и/или Стивена Кинга – съезжается несколько приглашенных персон, которые все оказываются уроженцами либо потомками уроженцев некоего близлежащего городка, в свое время разрушенного демоническим духом куклы, отомстившей за убийство своего творца.

В то же время месть куклы (ставшая уже кинематографическим клише) – не самое главное в фильме. Фантазмагорическая канва фильма является только материалом для подлинного трагизма судьбы брошенных кукол: их плач, мимика, движения, в которых проглядывают уже не куклы, а люди, передают скорбь человеческого бытия. Все это выводит фильм за грань традиционной кинематографии ужасов, превращая его, по мнению кинокритиков, в «неординарную феерию, постановщик которой смог безболезненно и бесшовно соединить миф, триллер и ностальгическую элгию» [7]. С точки зрения киноэстетики «Кукольник» близок и к отечественному фильму «Господин оформитель» (реж. О. Тепцов, 1988). Тонкая изысканность Серебряного века с его тягой к игре, кукольности и мистике сформировала особую ауру фильма. Преуспевающий «господин оформитель» Платон Андреевич творит куклу-манекен, перенеся облик умирающей Анны в куклу и создав шедевр манекенного искусства. Встретив через несколько лет Марию, жену своего клиента, Платон обнаруживает в ней свою ожившую куклу, только холодную, расчетливую и бездушную, обладающую, кроме всего прочего, мистической властью над всеми, кто её окружает. Кажется, в этом фильме соединились все нити кукольного дискурса мировой культуры: античная мифология (не случайно главного героя зовут Платоном), мотив «каменного гостя», опыт литературного модернизма, театральные концепции Вс. Мейерхольда и Г. Крэга, символистская теургия. Соперничество с Богом («он сделает, а я доделываю», но «этот с нимбом все время меня обыгрывает») кончается проигрышем героя (на фоне карточного везения): ожившая кукла Анна-Мария всего-навсего олицетворяет механическую красоту, которая не спасает, а разрушает мир.

Тема художника и его творения приобретает в фильме О. Тепцова оксюморонный смысл, об-

наруживая «двойную реальность», гениально озвученную психоделической музыкой С. Курёхина. Названный в свое время кинокритикой «первым российским триллером» (что в своё время помешало истинному пониманию картины), фильм, конечно же, не вписывается в рамки этого жанра прежде всего своей эстетикой, богатством интертекстуальных переключек, операторской работой, актёрской игрой.

В контексте литературного творчества заслуживает внимания небольшой рассказ итальянского писателя Т. Ландольфи «Жена Гоголя» [8]. В ряду многочисленных литературных проявлений кукольного знакового комплекса это произведение занимает совершенно особое место – странный, сюрреалистичный, достаточно тёмный в символическом отношении, что в определенной степени связано с феноменом Гоголя и его творчества, высоко ценимого итальянским писателем.

В центре рассказа – отношения Гоголя с куклой, предельно натуралистично изображающей женщину, которую писатель называет «женой».

Рассказ встраивается в общекультурный кукольный мотив, распространённый в фантастических текстах романтизма, в частности встречается у любимого Гоголем Гофмана («Песочный человек»). Кроме того, различные сюжеты об искусственных, состоящих из множества частей телах встречались в западноевропейской литературе в многочисленных литературных сказках, сатирических гравюрах.

Постмодернизм, балансируя на грани *естественное – искусственное, целое – часть*, утверждает видение реальности как искусственного конструкта, поэтому искусственная кукла здесь видится живой и реальной. Акт сожжения куклы в рассказе в контексте «поэтики удвоения» (Ю. Лотман) превращается в ритуальный акт, символизируя сожжение рукописи, ритуальное убийство собственного же творения (а кукла здесь представлена как символ творения, так как Гоголь мог придавать ей различную форму и комплекцию) и собственного «детища». «Как всякий русский, – комментирует автор-повествователь, – Гоголь любил бросать в огонь ценные вещи» [9].

Во многом мы видим здесь и следы другой идеи, наиболее последовательно воплощенной в статье А. Блока «Дитя Гоголя» (1909), вошедшей в сборник «Россия и революция» (1919). Метафора «Россия-жена» приобретает у Ландольфи еще одно звено – «Россия-жена-кукла», «опрокинутое» в карнавальную ситуацию, травестию, сниженное выворачивание гоголевских сентенций: «Шли годы. Озлобленность и отвращение Николая Васильевича к жене (читай: родине. – Н. О.) росли, хотя любил он ее, похоже, не меньше прежнего. <...> В его мятущейся душе рождались

самые дикие причуды, сопровождающиеся кошмарными видениями» [10].

Кроме того, Ландольфи включает в постмодернистскую игру и психоаналитические теории, в категориях которых описано творчество Гоголя. Прекрасный знаток, переводчик Гоголя и литературы о нем, он не мог пройти мимо целого ряда исследований фрейдистского плана, в частности замечаний по поводу «кастрационного комплекса» гоголевского творчества или бессознательного влечения к «бездне». Например, параллель Хома – панночка – ведьма отражается в параллели Гоголь – жена – кукла – ведьма. Подобно тому как Хома бьет ведьму-панночку, испытывая одновременно «странное волнение и робость», в «Жене Гоголя» уничтожение куклы сопровождается мучениями и волнением: «Привязанность и ненависть так неистово боролись в его душе, что Гоголь выходил из этих сражений разбитым, едва ль не сломленным» [11].

Архаическая функция куклы-двойника человека носит характер реализованной метафоры: умерщвление плоти куклы есть одновременно умерщвление собственной плоти. Игра превращается в смерть. Через ритуальное убийство куклы реализовались сентенции и идеологемы, устойчивые в гоголеведении, например известная мысль о том, что «Гоголь-проповедник убил Гоголя-художника». Кроме того, в рамках постмодернистской неомифологизации ритуальное убийство куклы-женщины-двойника апеллирует и к архаической модели разрывания «изначальной жертвы» – центральной идее космогоний всех культур.

Наконец, в «кукольном» пространстве рассказа обыгрывается розановская мысль о «гоголевской некрофилии». Женские образы – покойницы, умерщвленные авторской волей, – проецируются на акт «убийства» куклы. Кукла – это грань между живым и мертвым (как в «Панночке»), между реальным и ирреальным. Она наполовину живая, наполовину мертвая. И подобно тому как панночка в финале повести «Вий» утрачивает пол, превращаясь в «мертвеца» (по отношению к которому и появляется слово «он»), точно так же у Ландольфи происходит «резекция» пола в процессе деформации, деструкции живого (и одновременно кукольного) тела. Справедливой в этом контексте представляется мысль современного исследователя о том, что «сексуальность в постмодернизме – это не столько торжество “природного” секса, сколько торжество ментальности над сексом» [12]. Роль такой ментальности в гоголевских произведениях отводится проповедничеству и духовно-религиозному компоненту.

Семиотика «куклы-симулякра» находится и в центре романа А. Королева «Голова Гоголя» [13]. В результате перверсии реальные отрубленные

головы восстанавливают свой статус, соединяясь с телом – но уже в искусственности и «новой эстетике» восковых кукол – персонажей Великой французской революции, выполненных Мари Гроссхольц (в будущем мадам Тюссо), которые и есть образцы «пустого», «диссоциативного» (деструктивного, по М. Фуко) тела. Наложившись на политические и исторические параллели, они приобретают некоторую социальную дидактичность и прямолинейность, что характерно для соц-артовской линии русского постмодернизма.

Подводя итоги, отметим, что обращение к разным по типу мышления, национальности, эстетической практике, жанровой ориентации и философскому мировидению артефактам позволяет не только говорить об универсальности «кукольного текста», но и увидеть в нем человеческий, исторический и художественный опыт конца прошлого и начала нынешнего столетия.

Примечания

1. См.: Лотман, Ю. М. Куклы в системе культуры // Лотман Ю. М. Избр. ст.: в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1; Морозов И. А. Феномен куклы и проблема двойничества (в контексте идеологии антропоморфизма) // Живая кукла: сб. ст. М., 2009; Василькова А. Душа и тело куклы. М., 2003; Голубева Ю. О. Кукла в координатах индивидуально-психологического и социокультурного бытия: дис. ... канд. филос. наук. М., 2000; Юрлик Линоф. Полая женщина: Мир Барби изнутри и снаружи. М., 2005; Карпова Т. Е. Феномен куклы в русской культуре: историко-культурологические аспекты: дис. ... канд. культурологии. СПб., 1999; Мишина М. А. О знаковой природе и семиотическом статусе традиционной куклы // Общество – Среда – Развитие. 2010. № 1; Погоняйло В. В. Философия заводной игрушки, или Апология механизма. СПб., 1997; и др.
2. Лотман. Ю. М. Указ. соч. С. 377.
3. Исупов К. Г. Мифологические и культурные архетипы преемства в исторической тяжбе поколений // Поколение в социокультурном контексте XX века / отв. ред. П. А. Хренов. М., 2005. С. 154.
4. Антанасиевич И. Символические посредники: авангард и фольклор // Toronto Slavic Quarterly Annual 2003: электронный журнал. URL: <http://localhost/C:/Users/admin/Desktop/Toronto%20Slavic%20Quarterly>
5. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 247.
6. Яковсон Р. Статуя в поэтической мифологии // Яковсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987. С. 145–180.
7. Кукольник. URL: <http://www.chel.kinoafisha.info/reviews/222740/>
8. Ландольфи Т. Жена Гоголя и другие истории. Избранное. М., 1999.
9. Там же. С. 352.
10. Там же. С. 348–349.
11. Там же. С. 348.
12. Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М., 2000. С. 26.
13. Королёв А. Голова Гоголя: роман; Дама пик. Носы: коллажи. М., 2000.

УДК 659.145:659.1.012.12

М. В. Соболева

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АУДИОРЕКЛАМЫ: ОТ КРИКОВ АНТИЧНЫХ ЗАЗЫВАЛ ДО МУЗЫКИ В СМАРТФОНАХ

Статья раскрывает коммуникативный потенциал аудиорекламы, анализирует ее истоки, широкие возможности, многообразие форм; рассматривает понятие аудиорекламы на современном уровне.

The article opens communicative potential of audioadvertising, analyzes its sources, ample opportunities, variety of forms; considers concept of audioadvertising at modern level.

Ключевые слова: реклама, аудиореклама, коммуникация, звук, голос, музыка, символ, образ.

Keywords: advertising, audioadvertising, communication, sound, voice, music, symbol, image.

Реклама уже давно завоевала признание как вид коммуникации между производителем и потребителем. Преимущественно краткая форма сообщения, большое разнообразие средств передачи, информативная и образная насыщенность позволяют рекламодателю не просто извещать аудиторию о своих продуктах, но и создавать образ товара и фирмы, воздействовать не только на сознание, но и на подсознание.

Реклама способна воздействовать на разные каналы восприятия и для этого использует как вербальные, так и невербальные средства. И те и другие способны передавать звук, который не только информирует в словесной форме, но и погружает воспринимающего в особый мир, привлекает внимание, создает настроение, стимулирует желаемый отклик, заставляет вживаться в передаваемую ситуацию, испытывать те или иные чувства. Коммуникативная функция звука в рекламе является одной из основных, поэтому его выбор должен быть тщательно продуман и обоснован.

В зависимости от выбора вида рекламы из всего многообразия форм, звук может иметь первостепенное или второстепенное значение, однако в любом случае силу его воздействия нельзя недооценивать. Насыщение общества информацией в XXI в. сделало потребителей искушенными в выборе источников знаний, заставило их быть избирательными. Перед рекламодателями и рекламопроизводителями встала непростая задача – найти такие способы донесения информации, которые будут услышаны адресатами, смогут эффективно воздействовать на них и по-

могут достичь цели заказчиков. Это приводит к постоянному поиску новых, нередко инновационных, форм рекламы.

Обращаясь к теме коммуникативных возможностей звука в аудиорекламе, нам представляется важным не просто раскрыть само понятие аудиорекламы, но и показать его широту и значимость для современного рекламного процесса, определить его основные признаки.

Отметим, что проблемой звукового оформления рекламы занимались многие исследователи. Так, В. В. Ученкова, Н. В. Старых, Ю. А. Шестаков, А. Г. Березовая и другие сходятся во мнении, что звуковая реклама берет начало в античности, когда уличные зазывалы, торговцы, ремесленники звучно информировали горожан на улицах и рынках городов о предлагаемых товарах, оказываемых услугах, важных событиях и мероприятиях. Полисные глашатаи стали первыми профессионалами рекламного дела. Так называть их дают нам право предъявляемые к ним особые требования и критерии оценки профессионализма: громкий звонкий голос, его тембровая яркость, особая мелодичность, ритмичность. Глашатаи были не лишены чувства юмора, а их воззвания нередко сопровождалась шутками и даже клятвами. Именно уличный крик был единственной формой рекламы до появления книгопечатания, других форм рекламной коммуникации в то время не существовало. Он и положил начало рекламной деятельности как таковой [1].

Стоит сказать, что в то время активно использовалась и звуковая идентификация товара. Например, звук колокольчика предшествовал оповещению о проведении аукционов, а рог – объявлению законодательных предложений и официальных торжеств. Таким образом, звуковое оформление уже в то время выполняло сигнальную и знаковую роль, т. е. функцию маркировки объектов рекламной деятельности.

В период развитого Средневековья значение публичного информирования ещё более возросло и стало востребовано такими слоями общества, как духовенство, рыцарство, бюргерство. Королевские и рыцарские глашатаи – герольды – оповещали об административных распоряжениях, на турнирах перед появлением своих господ, воспевали их подвиги [2].

В это время звук на мероприятиях нес и знаковую функцию, связанную с идентификацией социального статуса личности, т. е. рыцаря. Меч и рог были не просто воинской атрибутикой, они одухотворялись, им давали имена. Звук рога каждого рыцаря был уникальным и неповторимым, а его характеристики идентифицировались с героическими подвигами самого рыцаря [3].

Стоит сказать и о таком явлении, как ярмарочный фольклор, или «крики улиц». Они вы-

полняли функции информирования и привлечения внимания к товару. Ярмарочный фольклор, характерный для русской культуры, расходился по торговым заведениям и впитывался в бытовой обиход. Это позволяет говорить, что «крики улиц» были не только средством коммуникации, но и формировали городскую культуру.

Особое значение слово имело и в зрелищных балаганах, появившихся на пересечении скомо-рошых традиций, лубка и раешника. Представление начиналось с рекламы предстоящего спектакля у дверей балагана и помимо зрелища сопровождалось музыкой и текстом.

Если рассматривать музыку как элемент рекламы, то остановим свое внимание на некоторых примерах из истории России. В период Нового времени были распространены маскарадные празднества, где музыка участвовала в создании особой атмосферы. Как известно, в XIX в. закладываются основы индустрии развлечений. Именно в это время особую роль начинают играть увеселительные сады и рестораны, которые рекламировались с помощью печатной рекламы. Однако все эти объявления содержали ссылку на музыкальную часть развлекательной процедуры, что добавляло им особой привлекательности и силы воздействия на массовую аудиторию.

При оценке ретроспективы использования звуковой рекламы становится понятным, что она имела различные формы, выполняла множество функций и играла важную роль в развитии торговли и рыночных отношений, а следовательно, и росте городов в целом. Так, М. Бахтин отмечает, что «роль звука, роль громкого слова в бытовой и культурной жизни эпохи была громадной, — она была несравненно большей, чем даже теперь — в эпоху радио» [4].

Именно радиорекламе посвящены основные исследования. Причиной тому является, прежде всего, высокая распространенность радио, его повсеместность, доступность, массовость. И несмотря на такие его недостатки, как отсутствие зрительных образов, фоновое прослушивание и мимолетность сообщений, радио считается одним из самых эффективных каналов распространения рекламы. Это доказано уже более чем двадцатилетней практикой, т. е. с момента появления коммерческого радиовещания в России, которое стало средством коммуникации между рекламодателем и потребителем. Приведем примеры некоторых работ на эту тему.

Заслуживают внимания исследования Ю. С. Бернадской [5], которая уделяет внимание не только вопросам радиорекламы, но и рассматривает отдельно музыку, шумы и голос как ее структурные элементы, а также психологическое обоснование выбора вариантов звука для оформления видео- и аудиорекламы. Интересно, что

Бернадская разделяет рекламную музыку на три большие группы: сопутствующая рекламная музыка, музыка собственно рекламы и корпоративная (фирменная) музыка, — и исследует отдельно такие понятия, как аудиобренд, фирменный аудиостиль, гимн и др. Отдельного внимания заслужила музыка, используемая в различных средствах рекламы: Интернет, транзитная реклама, прямая почтовая рассылка и др.

Теме звука в рекламе посвящены исследования А. В. Крыловой [6], которая достаточно подробно рассматривает функции звука в контексте рекламной стратегии, анализируя аудиоряд как символ, придавая звуку важную роль в брендинге. Особое внимание культуролог и искусствовед уделяет музыке как моделирующей системе коммуникативных знаков, символов, а также восприятию звуковых образов. Говоря об использовании звука в разных видах рекламно-маркетинговой деятельности, А. В. Крылова приводит несколько примеров «звукового декора» в разных видах современной рекламы и отмечает, что звук не только привлекает внимание, но и активно участвует в создании рекламного образа.

Краткий обзор исследований по темам, близким к нашей, показал, что звуковому оформлению рекламы отводится значительная роль, и говорить о нем можно не только сквозь призму радиорекламы. Его коммуникативная функция гораздо шире, и ряд исследователей указывают на его богатые возможности для различных способов рекламирования, связанных не только с радио. Этому же мнению придерживаются практики, которые активно используют термин «аудиореклама» и даже делают попытки самостоятельно дать ему определение, при этом делая акцент на специфике своей деятельности.

Услуги по производству и размещению аудиорекламы уже давно предлагаются различными рекламными агентствами («Брэнд Медиа», «Art House», «Аудио-Арт» и др.) и звукозаписывающими компаниями («Компас», «СаундСервис», «Саундфон» и др.). Они предлагают изготовление аудиороликов, звуковой рекламы в торговых центрах, транспорте, метро, озвучивание презентаций, автоответчика и др.

Московская независимая звукозаписывающая компания «СаундСервис» существует на рынке с 1999 г. и к настоящему времени предоставляет полный спектр услуг в области звукозаписи. Как заявляет сама компания, «мы повышаем уровень услуг студии звукозаписи на российском рынке и разрабатываем технологии для мировой звукозаписывающей индустрии» [7]. Она дает следующее определение аудиорекламы: «Это рекламные радиоролики, транслирующиеся по радио или посредством системы оповещения посетителей в

крупных торговых центрах, кинотеатрах и на транспорте, а также распространяемые на медианосителях и через Интернет» – и отмечает, что аудиореклама живее прессы, литературнее «наружки», дешевле видеороликов и способна с наименьшими затратами и с наибольшим эффектом привлечь клиентов [8].

Практики из «Broadway promo Group» идентифицируют понятия «аудиореклама» и «звуковая реклама» и пишут, что это «уникальный высокоэффективный вид рекламы, которая распространяется посредством звуковых волн и обладает мощнейшим эмоциональным воздействием на потенциального клиента. Места звучания звуковой рекламы могут быть самыми разнообразными – это радио, телевидение, метро или другой общественный транспорт, торговые центры, кинотеатры и т. д. Звуковая реклама – это очень тонкий и сложный процесс продвижения, состоящий из множества важных элементов, таких, как голос диктора или вокалиста, темп звучания, музыкальное сопровождение или звуковые эффекты» [9].

Столичное рекламное агентство полного цикла «Трастлайн» необоснованно сужает понятие аудиорекламы, существенно ограничивая ее область применения: «Это особый вид рекламы, основным средством распространения которой являются средства оповещения покупателей в крупных супермаркетах» [10].

Стремление практиков дать определение аудиорекламе самостоятельно вполне объяснимо. Являясь рекламопроизводителями, они заинтересованы в привлечении рекламодателей, поэтому стремятся сделать информацию о своей деятельности предельно понятной и доступной. Однако с научной точки зрения их данные можно считать субъективными, узкоспециализированными, не раскрывающими коммуникативных возможностей аудиорекламы, хотя не учитывать их мнения в нашей работе было бы несправедливо.

Отметим, что в научных источниках четкого определения понятия «аудиореклама», отражающего полноту ее коммуникативных возможностей, нет. Но учитывая историю ее возникновения и становления и современный практический опыт, под аудиорекламой мы понимаем рекламный текст, распространяемый с помощью звуковых устройств (динамиков, электронного чипа, аудиосистемы) и воздействующий с помощью звука.

Это доказывают и конкретные примеры из практического опыта, которые показывают, что ограничивать аудиорекламу только радио на современном этапе развития рекламной коммуникации невозможно, а развитие средств массовой коммуникации обусловило новые возможности для размещения рекламы.

В крупных торговых центрах и супермаркетах внутреннее радио способно управлять потоками покупателей, влиять на скорость их движения по торговому залу и даже воздействовать на психологию потребителя во время выбора товаров. Этот носитель активно используется и для размещения рекламной информации. Она может зачитываться диктором, голос которого в таком случае становится элементом фирменного стиля торгового центра, или представлять собой трансляцию заранее записанных аудиороликов.

Инновационные технологии позволяют доносить рекламное сообщение индивидуально, т. е. точно, не беспокоя всех посетителей супермаркета через громкоговоритель. Audio Spotlight, устройство для распространения узких звуковых лучей, наподобие световых, было разработано американской Holosonic Research Labs Inc. Оно позволяет направлять рекламную информацию точно целевой аудитории, которая находится в определенном месте торгового центра: у кассы, около конкретного прилавка или товара [11]. Такие сообщения таргетированы (воздействуют на четко обозначенную целевую аудиторию) и распространяются очень быстро.

Ряд сложностей при использовании этой технологии связан не только с покупкой и установкой специальных устройств, но и с психологической неподготовленностью покупателей к такому виду рекламы. Так, кабельный канал Court TV установил аудиоустройство в книжных магазинах, рекламируя новое криминальное телешоу. Покупатели, оказавшиеся в секции детективных романов, могли слышать голос, шепчущий «Эй, ты, слышишь меня? Задумывался ли ты когда-нибудь об убийстве?» [12]. Тем не менее для рекламодателей такие новые технологии – это эффективный способ прямого потребительского маркетинга.

Отдельно стоит сказать о звуковой рекламе в транспорте. К сожалению, с 1 июля 2006 г. закон «О рекламе» запретил ее использование в пассажирском транспорте, хотя ее можно рассматривать и как дополнительный сервис для пассажиров, и как эффективное средство достижения целей рекламодателя, и как таргетированную рекламу (сообщение может содержать информацию о торговых точках, которые расположены по конкретному маршруту транспорта). Действие запрета распространяется и на видеоролики, сопровождаемые звуком, и на рекламные объявления, транслируемые через динамики.

Например, в Оренбурге организовано несколько десятков объектов звучания на остановочных павильонах [13]. На каждой остановке ролик звучит не менее 70 раз за день с 8 до 21 ч. Рекламодатели отмечают, что такая реклама привлекает

внимание, формирует имидж компаний, повышает продажи. Отметим, что выбирая такое средство распространения информации, особое внимание следует уделить звуковому оформлению ролика и тексту, чтобы он не вызывал раздражение и отрицательные ассоциации, связанные с продолжительным ожиданием транспорта.

Самым активно развивающимся средством распространения рекламы на сегодняшний день является Интернет в целом и социальные сети в частности. Среди интересных примеров назовем практику с аудиорекламой социальной сети MySpace. Так, подразделение MySpace Music транслирует 30-секундные рекламные ролики для пользователей, желающих бесплатно слушать выбранную музыку в потоковом режиме. Ограниченное тестирование данной возможности MySpace начала еще в декабре 2009 г. Рекламная система организована таким образом, что ролики транслируются всем пользователям, слушающим те или иные записи через встроенный веб-плеер. Пропустить рекламный ролик невозможно, так как, в отличие от записи, он транслируется в фоновом режиме, и старт записи возможен только после завершения рекламы. Кроме того, если у пользователя есть уже ранее созданные плейлисты, то через каждые 10–12 песен воспроизведение будет прерываться на рекламную паузу. MySpace Music называют такую аудиорекламу новым способом взаимодействия потребителя и рекламодателя, открывающим хорошие возможности для увеличения прибыли [14].

Ещё один способ донесения информации с помощью звуковых носителей – это автоответчик. Технология широко распространена среди крупных компаний, имеющих многоканальный телефон. Время ожидания ответа может быть заполнено заранее записанной рекламной информацией, эффективно формирующей имидж фирмы или имеющей коммерческие цели – продажу конкретных товаров и услуг.

Приведем примеры и нестандартных средств, которые показывают широкие возможности использования звука в рекламных целях. Первый из них – это выпуск рекламных сборников музыкальных хитов под эгидой ФИФА (Международной федерации футбольных ассоциаций): один – с участием суперзвезд поп-музыки, другой – с участием инди-звезд. Их целью было привлечение таких потребительских групп, как мейнстрим и молодёжь [15].

Автор второго примера – петербургская компания «БС», производитель медицинских товаров. Она первой в России разместила аудиорекламу своей продукции – презервативов Vizit – внутри писсуаров в мужских общественных туалетах. Рекламная акция прошла в 20 кинотеатрах и торговых центрах Москвы. Для воплоще-

ния идеи были установлены устройства Interactiv Urinal Communicator, которые реагировали на тень посетителя и включали аудиоролик, рекламирующий товар в игровой форме. По заверениям гендиректора «БС» Игоря Бойкова, реклама в туалетах способна увеличить продажи более чем на 30% [16].

Мы привели лишь несколько примеров, показывающих широкие возможности использования звука в рекламных целях. Все их объединяет отсутствие визуального ряда и воздействие на потребителя только с помощью звукового ряда. Однако, синтезируя звук и визуальные образы, это воздействие можно усилить.

Примерами такой рекламы могут служить, прежде всего, видеоролики, размещаемые на телевидении, в кинотеатрах, Интернете. Есть примеры и звуковой рекламы в газетах и журналах. Воспроизводится она с помощью встроенного электронного чипа в тот момент, когда читающий открывает страницу с напечатанным объявлением. Так, немецкий концерн Volkswagen, один из крупнейших производителей автомобилей мира, встроил в одну из индийских газет свою звуковую рекламу. Многие читатели по достоинству оценили креативность рекламодателя [17].

Таким образом, звук в рекламе может выполнять разные функции: либо нести основную коммуникативную нагрузку, либо сопровождать визуальный ряд, усиливая воздействие на потребителя. Если рекламные сообщения распространяются только с помощью звуковых устройств (динамики, электронный чип, аудиосистема), то их текст складывается из трех составляющих: голоса, музыки и шумов. Эти три элемента аудиорекламы создают образы, являются символами и кодами, формируют рекламную коммуникацию.

Примечания

1. Шестаков Ю. А. История рекламы: курс лекций. Шахты, 2010. С. 8.
2. Ученюва В. В., Старых Н. В. История рекламы: детство и отрочество. М., 1994. С. 24.
3. Хейзинга И. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988.
4. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле. М., 1965. С. 201.
5. Бернадская Ю. С. Звук в рекламе: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по специальности 032401 (350700) «Реклама». М., 2007.
6. Крылова А. В. Звук в рекламе: учеб. пособие. М., 2008.
7. Независимая звукозаписывающая компания «СаундСервис». URL: <http://www.sound-service.ru/>
8. Там же. URL: <http://www.sound-service.ru/science/articles/proizvodstvo-audioreklamy.html>
9. «Broadway promo Group». URL: <http://broadwaypromo.ru/>
10. Рекламное агентство TRUSTLINE. URL: <http://trustline.ru/index.php?page=audioreklama>

11. Аудиореклама точно в уши. URL: http://www.dv-reclama.ru/kaleidoskop/detail.php?ELEMENT_ID=3586

12. Реклама нацелилась на уши потребителей. URL: <http://www.adme.ru/research/reklama-nacelilas-na-ushi-potrebiteldej-17490/>

13. Аудиореклама на остановках – ИТ, Интернет, связь. URL: <http://orenburg.freeadsin.ru/ru-i-offer-i-id-i-198732-i-audioreklama-na-ostanovkah20100422-073600.html>

14. MySpace экспериментирует с аудиорекламой. URL: <http://www.cybersecurity.ru/net/87199.html>

15. Аудиореклама и футбол. URL: <http://www.oblikmedia.ru/audioreklama-i-futbol>

16. Российские туалеты заговорили. В уборных комнатах Питера Vizit предлагает заняться сексом. URL: <http://www.adme.ru/adnews/rossijskie-tualety-zagovorili-v-ubornyh-komnatah-pitera-vizit-predlagaet-zanyatsya-seksom-primedia-14948/>

17. Аудиореклама в газете. URL: <http://mikkilan.ru/obzoryi/audioreklama-v-gazete/>

УДК 82-2

Я. И. Пахомова

ПЬЕСЫ М. МАК-ДОНАХА В ПОСТАНОВКАХ ПЕРМСКОГО ТЕАТРА «У МОСТА». ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОЧТЕНИЯ

Статья посвящена анализу линэнской трилогии современного ирландского драматурга М. Мак-Донаха в пермском театре «У Моста». Анализ спектаклей основан на использовании феноменологического и герменевтического подходов к изучению театрального искусства как текста культуры и выражения культурного сознания.

The article is dedicated to the analysis of Leenan's trilogy of modern Irish dramatist M. McDonagh at the Perm theatre "By the Bridge". The analysis at the performances is based on the use of phenomenological and hermeneutical approach to the theatrical art studies as the text of culture and expression of cultural consciousness.

Ключевые слова: М. Мак-Донах, театр «У Моста», спектакли.

Keywords: Martin McDonagh, theater "By the Bridge", spectacle.

Особенности современного театрального процесса ярко воплощаются в постановках пьес драматургов эпохи постмодерна. Каждая историческая эпоха меняет приоритеты, ценности, стереотипы. Меняется мир. Создается новая реальность. Новая реальность создает новый тип культуры, открывающий новые способы и правила научного познания, интеллектуальной деятельности.

Особое место в культурологии занимают феноменологические и герменевтические методы

анализа историко-культурного процесса в целом и отдельных явлений в частности. Родоначальники, обобщившие герменевтику и феноменологию в самостоятельный философский анализ, – Г.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер, В. Дильтей, Ф. Шлейермахер, Э. Гуссерль, П. Рикер. Феноменолого-герменевтическая методология применяется для анализа произведений искусства. Цель феноменолого-герменевтического анализа – это «реконструкция целостных операций, с помощью которых произведение берет начало в смутных глубинах жизни, действия, страдания людей и автор которого имеет целью передать свое творение читателю, который воспримет его и благодаря этому изменит свою деятельность» [1].

Метод анализа художественного творчества был предложен П. Рикером, он «справедливо апеллирует к деятельности как основе искусства и – шире – мира человеческой культуры» [2], для него художественная культура выступает «особой сферой общественной деятельности по созданию, сохранению и трансляции человеческих ценностей» [3], а искусство становится важнейшим фактором формирования личности.

В нашей статье мы рассмотрим применение феноменолого-герменевтической методологии к театральному искусству, точнее, к анализу спектаклей пермского театра «У Моста». Наш анализ построен на процессе восприятия театрального действия, посредством постепенного разгадывания кодов и интерпретаций.

Творчество театра «У Моста» является новаторским. Именно в прочтении драматургии М. Мак-Донаха театр лучше и полнее всего раскрывает свои возможности и самобытность. Не случайно спектакли театра «У Моста» по пьесам и произведениям этого драматурга удостоились высшей театральной награды – театральной премии «Золотая Маска» в 2010 г. за постановку пьесы М. Мак-Донаха «Калека с Инишмана».

М. Мак-Донах – один из самых востребованных современных драматургов Европы. Его пьесы покорили как зрителей, так и театральных критиков. У него множество поклонников во всем мире. На сегодняшний день по его пьесам поставлено больше 200 спектаклей в нашей стране. М. Мак-Донах называют «театральной сенсацией, театральным светилом XXI в., истинным наследником великой национальной традиции от драматургов «Ирландского возрождения» до Беккета» [4], «чудом современного театра» [5]. Эти мнения не преувеличены. В 1996 г. пьеса «Красавица из Линэна» принесла автору премию английской газеты «Ивнинг стандарт» в номинации «самый многообещающий драматург» и самую престижную театральную премию США – «Тони». Эта пьеса стала театральным событием в Англии, Ирландии, США. Ни одна из последу-

ющих пьес М. Мак-Донаха не была обделена вниманием театрального мира.

Для России драматурга открыл пермский режиссер, заслуженный артист России Сергей Павлович Федотов. После того как он поставил линэнскую трилогию, многие театры нашей страны обратились к творчеству этого драматурга. В театральной критике сложилось устойчивое мнение, что только пермский театр «У Моста» «смог найти ключ к творчеству ирландского драматурга» [6]. Это связано с бережным отношением С. Федотова к авторскому миру пьес. Он передает авторскую линию через парадоксальность героев, их детскость и в то же время наивность. Мистическая атмосфера театра заложена в самих героях и выходит наружу через их поступки.

Обратимся к важным параметрам, присущим художественному «миру» М. Мак-Донаха (отражение природы современного человека) и параметрам, важным для эстетики театра «У Моста» (воплощение в спектаклях посюстороннего и потустороннего миров) и рассмотрим, как они реализуются в спектаклях театра, используя категории театрального искусства и феноменологию-герменевтическую методологию.

Все усилия организации театрального хронотопа подчинены главной задаче М. Мак-Донаха и С. Федотова – открыто, максимально откровенно сказать о природе современного человека: о неумении слышать, чувствовать, давать, о неспособностях сочувствовать. Пространство в спектаклях является замкнутым – герои существуют в закрытом пространстве. Таким образом, визуализируется системообразующая для режиссерского замысла сценическая метафора тесноты. Это теснота психологическая, знак неумения человека раздвинуть границы своего внутреннего мира. Герои не могут преодолеть свои пределы, в результате чего возникает раздражительность по отношению друг к другу. Герои не могут решить простые проблемы. Они друг друга ненавидят, с неприятием относятся к окружающей их действительности. Замкнутое пространство создает единство места. Действие спектакля и пьес разворачивается в кухне-гостиной. Выйти из этого тупикового места можно только на кладбище («Череп из Коннемары») или к озеру («Сиротливый Запад»).

Пространство спектаклей имеет важные координаты. По горизонтали складывается связь на уровне человека с человеком. В вертикальном измерении налаживается связь с бытийным, историческим. Над героями висит лампа, установлено радио – вещные знаки, олицетворяющие связь с другим миром, далеким и становящимся, но в то же время близким.

Лампа привносит в атмосферу спектаклей свет, способствующий раскрытию истины замысла ре-

жиссера и драматурга. Авторский взгляд окрашивает действие, атмосферу бликами, становится то ярче, то тусклее, отражая эмоциональное состояние героев.

Световая среда проявляет по контрасту отношения между героями, накал чувств и эмоций.

В пересечении пространства расположено распятие, делящее мир на ад и рай. Так, в «Сиротливом Западе» справа – рай, а слева – ад. На это указывает контрастность знаковой семантики в вещном оформлении спектакля – слева расположены орудия преступления: в «Красавице из Линэна» – черная кочерга, в «Черепе» из Коннемары – старые фермерские инструменты, в «Сиротливом Западе» – двуствольное ружье.

Пространство и время в своей совокупности передают режиссерское видение спектакля и авторский замысел. Хронотоп в спектакле формирует некую психологическую герметичность внутреннего мира героев. Не констатируя точную принадлежность к определенному временному промежутку, автор и режиссер делают события актуальными для зрителя. А замкнутость пространства глубоко погружает в действие спектакля.

С. Федотов в линэнской трилогии выстраивает все композиционные уровни сценографии, а именно: архитектуру спектакля, пластику, свет в соответствии с замыслом драматурга. В театре «У Моста» учитывается и организовывается общее театральное пространство, актерский ансамбль. Не забыта пластика спектакля. Экцентрическая актерская игра взаимодействует с гротесковостью условного пространства и контрастно оттеняет драматизм сценической судьбы каждого участника спектакля. Именно актерская игра создает смысловое напряжение спектакля, причем не только реплики, но и все действия актера на сцене способствуют выявлению глубокого подтекста пьесы, организуют целостный строй сочиненного театром художественного мира.

Тщательная работа со светом – неотъемлемая часть спектаклей С. Федотова. В своей изменчивости, становясь то ярче, насыщеннее, то темнее, мрачнее, свет привносит и олицетворяет собой эмоциональные состояния героев, целостную композицию спектаклей.

Во всех трех пьесах действие разворачивается в кухнях-гостиных. Все они отличаются достаточно бедным убранством, отсутствием роскоши. Интерьер в кухнях-гостиных выполнен в спартанском стиле. Все вещи достаточно практичны, в них отсутствует понятие удобства и эстетической красоты. Декорации и бутафория не заостряют внимание зрителей на каком-то конкретном персонаже. Они не несут личностной окраски, а подчеркивают типичные черты природы современного человека. Его черствость, жесто-

кость по отношению к своим родственникам, неспособность понять и прочувствовать близкого и родного человека, отчуждение от целого мира, атомарность его личностного состава.

Музыкальное сопровождение используется С. Федотовым в спектаклях по пьесам М. Мак-Донаха как внутрисценическое. Музыка является в спектаклях эмоциональным фоном, она подчеркивает и выделяет чувства, внутренние переживания героев. Например, в «Черепе из Коннемары», когда Мик узнает, что будет производить эксгумацию жены, – звучит тоскливая, трагическая, наполненная печалью и грустью музыка. Музыкальное сопровождение отражает атмосферу самого спектакля, доносит авторский замысел, идею спектакля. Например, в «Красавице из Линэна» в последней сцене, когда Морин покачивается в кресле матери Мэг, звучит песня Фрэнка Синатры (у М. Мак-Донаха «Веретено» в исполнении Дейлы Мэрфи) – наполненная грустью, печалью, безысходностью. Морин противостояла матери, боролась со старыми устоями и порядками. Но в ходе жизненных перипетий «старый» мир со своими правилами «входит, проникает» в ее собственную сущность. Она становится такой, какой была ее мать Мэг.

Особый интерес представляет тип героя, открытый драматургом и мастерски воплощенный театром. У М. Мак-Донаха нет положительных и отрицательных героев, они где-то посередине. Эта структура характера персонажа у Мак-Донаха порождает двойное восприятие героев, их сущностей и внутреннего мира.

М. Мак-Донах представляет природу человека в ее внутренних противоречиях и тупиках. Это помогает читателям и зрителям разглядеть в персонажах самих себя, понять, какими мы иногда бываем жестокими, безжалостными, грубыми и порочными, насколько мы далеки от идеала. По произведениям М. Мак-Донаха режиссер С. Федотов создает характерные образы, как внешне, так и внутренне. Герои темпераментны, внутри них кипят страсти, эмоции, переживания. Этот накал не всегда прорывается наружу. Герои спектакля – это некие собирательные, человеческие типы. Хотя это взрослые люди, они поражают своей незрелостью, наивностью и инфантилизмом.

На примере спектакля «Красавица из Линэна» рассмотрим воплощение характеров персонажей М. Мак-Донаха в театре «У Моста». Морин Фолан – несчастна, одинока, влачит жалкое, безрадостное существование в Линэне вместе с матерью. Морин, с одной стороны, несчастна, с другой – она безжалостна и жестока по отношению к матери. Ответственность и обвинения за свою неудавшуюся жизнь Морин адресует матери. В ней Морин видит причину своих неудач и несчастий. В свою очередь, старая Мэг

привязана к Морин, по-своему ее любит и не хочет отпускать. В этом ее, в некотором смысле, вина перед Морин. Дочь не понимает свою мать Мэг. Результатом становится чувство ненависти к близкому человеку. Мэг Фолан олицетворяет собой «старый» мир с его устоями. Она уже достигла того возраста, когда необходима помощь и забота близких людей. Люди, достигшие пожилого возраста, требуют внимания и заботы, как маленькие дети. Они в чем-то капризны, эгоистичны, упрямы, требовательны, сварливы. У Мэг, как и у многих людей, проживших более полвека, появляется страх одиночества, покинутости и забытости.

Актеры создают в этой трилогии образы, типичные и свойственные жителям постмодернистского общества. В XX–XXI вв. произошла переориентация ценностей. Пермский театр, вслед за ирландским драматургом, акцентирует эту скрытую аналогию, вскрывая ментальную общность персонажа и современного человека. Это, как справедливо отмечает современный культуролог Н. Гашева, «свидетельствует о том, что чисто индивидуальные антропологические характеристики могут становиться и характеристиками культурно-антропологическими» [7]. Духовные ценности больше не являются доминирующими. Они сходят на нет. А приоритет отдается материальным ценностям. В погоне за получением материальных благ люди все больше и больше отдаляются друг от друга. Живут под одной крышей совершенно чужие друг другу люди. Образы, создаваемые актерами, режиссером, являются иллюстрацией картины современного мира, отражают взаимоотношения между людьми, упадок всеобщей культуры и нравственных ценностей.

Взаимопроникновение посюстороннего и потустороннего измерений сценического пространства привносит, в то же время, в мир, создаваемый на сцене, мистическую окраску. Посюсторонний мир – это воплощение атмосферы и быта Ирландии. А потусторонний мир выражен самими героями пьес, мистика находится «в них самих».

Время в пьесе и спектакле четко не указано, но, как отмечалось выше, действие разворачивается в конце восьмидесятых годов XX в. Автор сознательно не указывает время, для того чтобы зритель не задумывался о событиях того времени, а легко мог проанализировать и спроецировать взаимоотношения, поведение героев, их моральные устои и идеалы на свою современность, сравнить их со своими, увидеть себя, как в зеркале, и скорректировать свое отношение к ближним, понять свои ошибки. Время в спектаклях не «стоит» на месте, а «летит» с невероятной скоростью. Сценическое время не соответствует ре-

альному. Спектакли и их герои живут в другой реальности, где время изменяется совсем по-иному. В спектаклях «Красавица из Линэна», «Череп из Коннемары» и «Сиротливый Запад» время – летучее, за несколько часов сменяются не одни сутки.

В спектакле задействованы свет, цвет, звук, эффекты тумана, дым. Туманы и дым – медленно ползут, заполняя сценическое пространство. Они отображают замысел режиссера – передать своеобразный смысл, заложенный драматургом, и «работают» на спектакль. Свето-цветовое оформление отражает глубину происходящего. Так, использование в спектаклях глубокого красного света свидетельствует о накале, взрыве чувств и страстей. Свет усиливает эффект происходящего на сцене действия. Эффекты дыма и тумана – это некий выход в другой, потусторонний мир.

Декорации и бутафория в спектаклях – это, с одной стороны, – предметы быта, а с другой – своеобразные знаки, в них заложен потаенный смысл. Рассмотрим семантику декораций спектаклей на примере «Красавицы из Линэна». Действие разворачивается в кухне-гостиной сельского коттеджа. Слева от входной двери расположен камин, справа – кресло-качалка, у задней стены – коробка с торфом, новая плита. У правой стены – раковина и несколько шкафов. Над раковиной окно с видом на поле, по центру кухонный стол с двумя стульями, левее, на тумбочке, – маленький телевизор. На одном из шкафов чайник и радиоприемник. Над коробкой с торфом распятие и заключенная в рамку фотография Элвиса Пресли (по М. Мак-Донаху – Роберта Кеннеди). Рядом с коробкой большая черная кочерга, на стене подарочного вида полотенце с надписью: «Перед смертью не надышишься». Посюсторонний мир воплощают камин – всегда связан с огнем, теплом, домашним уютом (в спектакле олицетворяет взаимосвязь семейных отношений); плита – символ родного дома, матери; раковина – символ чистоты; круглый стол – символ единства и бесконечности, олицетворяет движение по кругу, создает внутреннюю замкнутость этого мира и населяющих его людей. Потусторонний мир воплощают окно – символ солнца, это проем для чужих глаз и злых сил; дверь – объединяет и разделяет два мира – по-

сусторонний и потусторонний; крест – знак солнца, символизирует жизнь, бессмертие, плодородие, мужское начало, олицетворяет идею центра и основных направлений, ведущих от него; телевизор и радиоприемник – осуществляют связь с другим миром; шкафы – хранилища тайн.

Драматург и режиссер не заостряют внимание, не подчеркивают эстетическую ценность вещи. Главное – это их знаковая природа. В каждой пьесе присутствует распятие, организующее житейское пространство и, одновременно, акцентирующее вертикальный вектор человеческого горизонта. Но веру в Бога, в Божественную предопределенность герои пьес забыли. Для них распятие – всего лишь дощечка. Распятие на стене «не препятствует» замыслу преступлений, совершаемых героями. Бог покинул этих людей и их дома. Таков обобщающий смысл метафоры «Сиротливого Запада». В сердцах героев не осталось ничего ценного и святого. В каждой пьесе над распятием – орудия убийства, которыми были совершены преступления. В «Красавице из Линэна» – кочерга. В «Черепе из Коннемары» – фермерские инструменты (топор). В «Сиротливом Западе» – ружье.

Это свидетельствует о переориентации ценностей, о моральном упадке. Для людей нет ничего святого. Распятие (крест) – не помеха для совершения преступлений.

В нашей статье мы попытались реализовать феноменолого-герменевтический подход к анализу произведений искусства на примере спектаклей пермского театра «У Моста».

Примечания

1. Вдовина И. С. Феноменолого-герменевтическая методология анализа произведения искусства // Феноменология искусства. М., 1996. С. 150.
2. Там же. С. 156.
3. Там же.
4. Ряполова В. Я – рассказчик // Современная драматургия. 2000. № 4. С. 124–125.
5. Рябова Е. Возвращение в Линейн // Современная драматургия. 2005. № 3. С. 108–109.
6. Коньшина Т. Театр «У Моста» подобрал ключ к Мак-Донаху // Сотрудничество. Пермский край. 2008. № 2. С. 44.
7. Гашева Н. Н. Николай Гумилев и Поль Гюген: житнетворческий и эстетический синтез // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2011. № 1(87). С. 49–57.

УДК 659.131.1

Д. Я. Сухотерин

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЕ РЫНКА ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Статья посвящена влиянию процесса демократизации культуры на становление рынка печатной рекламы в России конца XIX – начала XX в.

Article is devoted to an influence of process of democratization of culture on formation of the market of a print advertizing in Russia of the end XIX – beginnings XX centuries.

Ключевые слова: реклама, культура, демократизация, массовая культура, журналы.

Keywords: advertising, culture, democratization, mass culture, magazines.

На рубеже XIX–XX вв. в России произошли радикальные перемены, коснувшиеся всех сторон жизни – социально-экономической, политической, культурной. Они способствовали зарождению массовой культуры, определив ее особое место в системе культуры пореформенной России. Исчезло «праздное сословие», сформировался социум работников с достаточно четким разделением сфер труда и досуга и рано осознанными требованиями к культуре как средству снятия стресса и обеспечения релаксации.

Массовая культура – сила не созидаящая, не креативная, а компенсаторная и терапевтическая, возникла весьма своевременно в одну из сложнейших эпох истории страны, когда рядовому человеку часто предъявлялись непосильные для его адаптации темпы жизни. Ее выход на историческую арену хронологически совпал с падением общественной активности, ветшанием идеалов прошлых десятилетий и усилением социальной апатии. В уставшем от обилия и скорости перемен обществе нарастало желание «просто жить», совпавшее с появлением индустриальных возможностей для первой в истории страны потребительской революции [1].

Исследователь массовой культуры Х. Ортега-и-Гассет в своей работе «Восстание масс» писал, что достижения промышленности, науки, сельского хозяйства в сочетании с изменением мировых политических систем в сторону демократизации имели ряд следствий. В частности, подъем качества жизни привел к значительному росту населения, а значит и вторжения в культурное пространство массы людей, требующих «своей доли» в культуре. При этом «вновь при-

бывшие» уже вышли из культуры народной, но не стремились к культуре элитарной.

Постепенно с появлением новых средств массовой коммуникации и распространением новых форм развлекательной культуры расширялось общее коммуникационное пространство. Через массовое приобщение к беллетристике и цирку, театру и кафешантану, кинематографу и массовому спорту формировалась новая система социализации индустриальной эры, объединяющей людей в Большое общество из локальных структур [2].

Демократизация культурных процессов, проходившая на рубеже XIX–XX вв., неизбежным следствием имела легитимацию «третьего» культурного пласта. Под «третьим» культурным пластом понимается городская массовая культура, не являющаяся ни народной, ни элитарной, поэтому в работах исследователей и обозначавшаяся как «третья». Массовая культура несла в себе яркий отпечаток повседневности и не претендовала на интеллектуальное или духовное первенство, однако выполняла свою важную задачу: утверждение адаптационных стратегий.

По мнению А. Костиной, человеческое сознание нуждается в опоре, и на фоне секуляризации культуры мир идеального воссоздается в мифологических конструктах масскультуры [3]. По убеждению К. Разлогова, секуляризация стала проявлением естественной динамики культуры. Этот процесс, значительно раньше произошедший в культуре элиты, способствовал высоким темпам ее развития и гигантскому отрыву от культуры масс. Во второй половине девятнадцатого века он охватил Западную Европу, Америку, Россию. Вследствие этого процесса возникли новые виды искусства, отвечающие потребностям большинства. «Искусство образованных» превратилось в одну из множества субкультур в обществе со свободой выбора, развитыми средствами массовой коммуникации и правом на свое автономное культурное развитие. Более того, в новых условиях массовая культура вынуждена была взять на себя (как это ни парадоксально звучит!) функции религии, «в первую очередь, определяющую функцию гармонизации психической деятельности» [4].

Развитие массовых коммуникаций в России, в частности, характерной для рубежа веков периодической печати, послужило одной из необходимых основ развития массовой культуры. На рубеже веков средства массовой информации (газеты и журналы) являлись источником информации о подлинной реальности, выступая средством единения людей, способом расширения пространства и времени. Сама этимология этих понятий дает нам ясное тому свидетельство. Действительно, сложно представить возможность

существования массовой культуры без массовой аудитории, самой массы. Но наличия большого количества людей явно недостаточно. Необходимым условием развития массовой культуры является единое культурное поле, которое невозможно сформировать без массового распространения информации. А поскольку человеку в мире секуляризованной культуры требуется рекреационный и адаптационный потенциал культуры массовой, он с неизбежностью учится, «как пользоваться прессой, радиовещанием и всеми остальными средствами для господства над душами людей, которое предоставило ему демократическое общество» [5].

В России с ее огромными территориями, редкими оазисами культуры, при отсутствии хороших путей сообщения и ограниченном количестве книг именно журнал становится единственным поставщиком и художественной литературы, и разнообразных сведений о злободневных событиях, и сообщений о достижениях науки [6]. А по свидетельству одного из современников, к концу XIX в. газеты заняли господствующее положение в печати, а литература – почти исчезла [7].

Таким образом, генезис массовой культуры связан с началом в России подлинной эры печатного станка. Столь радикально изменившийся характер коммуникации в XIX в. стал определяющим в жизни этого феномена. Станок породил массу печатных текстов, а почтовая реформа привела к их эскалации. «Печатная коммуникация вызвала к жизни космополитические субкультуры, нейтрализуя конфессиональные, национальные, сословные и другие факторы. Это привело к повышению статуса профессионального искусства и развитию в России наднациональных художественных стилей и одновременно к генезису массовой культуры» [8].

На рубеже веков совпали во времени два процесса: с одной стороны, формировалась массовая аудитория культуры со специфическим эстетическим запросом, а с другой – литература и искусство превращались в отрасль промышленного производства и один из важных сегментов рыночной экономики. Неразвитый вкус получил признание как законный и значимый для рыночного успеха [9]. В связи с этим представляется логичным тот факт, что многие исследователи справедливо указывают на связь рекламы и массовой культуры. Так, В. Ученлова в своей работе «Реклама и массовая культура: служанка или госпожа?» выносит вопрос о качестве этой связи в заглавие [10]. Исследователь А. Ильин в своей работе «Субъект в массовой культуре современного общества потребления» также задается вопросом: «А как вообще связаны между собой эти понятия (реклама и мода. – С. Д.) и массовая культура?» [11] Для ответа на этот вопрос автор

ссылается на целую плеяду работ. Так, Н. Филичева говорит о влиянии стиля арт-деко на массовую культуру, а именно, на дизайн, рекламу, моду и архитектуру [12]. А. Аврамов вообще называет рекламу институтом массовой культуры [13]. А. Трушина именует рекламу необходимым компонентом массовой культуры [14]. По мнению В. Шестакова, реклама и массовая культура постоянно обращаются друг к другу за помощью; реклама использует средства масскульты – популярные песенки, мифологические образы мультфильмов и комиксов, а массовая культура прибегает к механизмам рекламы – связь с массовым потребителем, повторяемость, грубоватость, апелляция к мнимым потребностям, связь с законами рынка [15]. Далее А. Ильин приходит к выводу: «В общем, мы видим правомерность помещения моды и рекламы в контекст массы и массовой культуры и изучения их внутри данных явлений» [16].

Демократизация культуры не могла не оказывать влияние на формирование рынка печатной рекламы, который формировался в то же время, что и массовая культура – в пореформенный период. Так, в 1863 г. была отменена государственная монополия на печатание объявлений, а в 1865 г. были утверждены «Временные правила о печати», действовавшие с поправками до ноября 1905 г. [17]. Эти два законодательных фактора сделали развитие рекламного рынка принципиально возможным.

Рассмотрим теперь конкретные примеры влияния культурных процессов рубежного времени на рекламу, обратившись к некоторым рекламным объявлениям из журнала «Нива». «Нива» – один из наиболее распространенных журналов дореволюционной эпохи, по нему можно составить картину её быта, нравов и традиций. Журнал позиционировался как иллюстрированное издание для семейного чтения и был ориентирован, главным образом, на буржуазного и мещанского читателя, что делало журнал популярным среди широких масс читателей, а следовательно, – мечтой рекламодателей всех мастей.

Анализ рекламных объявлений в период с 1871 (год основания журнала) по 1914 г. свидетельствует, что с началом Первой мировой войны количество рекламы резко сокращается, рынок стагнирует и теряет нормальный ход своего развития [18].

Одним из следствий демократизации культуры становится формирование рынка товаров и услуг, предназначенных для творческой самореализации. Так, в 1914 г. журнал «Искусство для всех» публикует объявление под заголовком «Попробуйте нарисовать это!» [19]. Рядом с забавным изображением улыбающегося мужчины расположен следующий текст: «Пришлите нам

Ваш рисунок и Ваш адрес. Вы сами, быть может, не знаете, как велики Ваши способности к рисованию. Мы будем судить о них по Вашему рисунку и укажем вам путь, как развить ваше дарование и применить его к делу. Если ваш рисунок окажется в числе лучших десяти, мы безвозмездно будем руководить Вашими занятиями рисованием и живописью и будем высылать бесплатно все необходимые пособия». Данная реклама не содержит призывов к немедленной подписке, но вовлекает читателя в некий конкурс, обещающий признание его способностей.

В научной литературе является признанным тот факт, что человек массовой культуры ограничен в своих творческих силах, он довольствуется вместо многообразия и вариативности набором клише, стереотипов и установок, благодаря которым его картина мира получает ясность и завершенность [20]. Однако следует понимать, что удаленное обучение как раз соответствует признакам стереотипизации и клише – читатели по всей России получали одинаковые материалы, при этом, конечно же, не ставилась задача воспитания новых Васнецовых и Суриковых. Наоборот, данное предложение соответствовало текущей тенденции – коммерциализации искусства и удовлетворения массового спроса на доступную и понятную культуру. Само название издания – «Искусство для всех» – служит, возможно, лучшим свидетельством массовизации культуры на рубеже веков.

Еще одну тенденцию отлично иллюстрирует смена названия журналом «Нувеллист». Журнал издавался с 1839 г. (эта дата указывается в рекламных текстах журнала, хотя в словаре Брокгауза и Евфрона указывается 1840 г.). Слово «нувеллист» означает «автор новел». Изначально «самый старый, распространенный и всегда популярный журнал нот для фортепьяно и пения» [21] содержал в себе только музыкальные пьесы, или новеллы. Видимо, исходя из этого слово «нувеллист» и было выбрано в качестве названия для издания. Судя по всему, уже тогда это слово было понятно далеко не всей потенциальной аудитории журнала – ведь если бы журнал действительно оставался «всегда популярным», то смены названия и не потребовалось бы. В 1912 г. журнал получил новое название – «Музыка для всех». Данное название не только свидетельствует о массовизации культуры, но и указывает на другой немаловажный факт – упрощение языка коммуникации. Элитарное название «Нувеллист», конечно же, требует определенной подготовки для понимания, а «Музыка для всех» – это, действительно, «для всех».

В 1909 г. в рекламе душа «Нептун» [22] появляется изображение женщины. Обнаженная женская фигура не скромно, а скорее иллюзорно,

прикрыта струями работающего душа, демонстрируя товар в действии. Вплоть до этого момента души «Нептун» представлял мужчина, стыдливо повернутый к зрителю спиной. В том же номере журнала обнаруживаются реклама книги «В вихре наслаждений (записки массажистки)» [23] и «дышащая искренностью» автобиография Ванды Захер-Мазох «Исповедь моей жизни». «Исповедь жены писателя-мазохиста полна захватывающего интереса», – сообщалось в тексте объявления. В том же году появляется реклама журнала «Натурщица» [24], издававшегося «для художников и ценителей красоты». В тексте объявления сообщается, что «по примеру специальных французских журналов, посвященных красоте тела, журнал “НАТУРЩИЦА” издается на меловой бумаге. Каждый номер выходит в свет в закрытом конверте». Думается, содержание журнала вполне очевидно. Наконец, в 1914 г. появляется реклама пудры и мыла «Казими», в которой без всяких, даже «иллюзорных», прикрытий и, в общем, без особого повода (пудра и мыло предназначались для лица, о чем свидетельствует надпись «Гигиена лица») используется изображение обнаженной женской натуры. Прекрасная девушка с распущенными волосами восседает на горе упаковок мыла и пудры, объявление заканчивается извечным призывом «Требуйте везде!». Также в начале века получают распространение реклама открыток фривольного содержания, средств предохранения, средств для увеличения бюста, средств для «мужского здоровья» и т. д. Всё это свидетельство начала того процесса, который приведет к той ситуации, которую метко охарактеризует Жан Бодрийяр: «Тело – самый прекрасный объект потребления» [25].

Перечисленные факты являются отражением двух тенденций.

Во-первых, вульгаризации культуры, распространения низкопробных и ориентированных на физиологию культурных артефактов – книг, журналов, открыток. Если такие журналы, как «Музыка для всех», «Искусство для всех» и ряд других, адаптировали искусство для массового потребителя, упрощая, «демократизируя» его, то издания типа «Натурщицы» возводили в ранг искусства ранее запретное.

Таким образом, рекламный рынок (да и массовая культура в целом) расширялся за счет коммерциализации искусства в двух направлениях: упрощение высокого и возвышение низкого.

Во-вторых, эротизм проникает и в рекламу повседневных товаров, то есть туда, где он не является товаром сам по себе (как, например, в книге «Записки массажистки»), он начинает являться «бесплатным приложением (в рекламе душа, мыла). Конечно, душ и мыло можно связать с обнаженной натурой, но тенденция была

такова, что эротизм ускользал все дальше от «самого себя» – сначала в смежные сферы, а потом проникал и в весьма отдаленные. Сегодня шины Pirelli известны и тем, что фирма выпускает ежегодные календари с обнаженными моделями.

В контексте обсуждаемой темы можно обнаружить два типа связи между процессом демократизации культуры и становлением рынка рекламы. Первый тип связан с отражением в рекламе зарождающихся элементов массовой культуры. Его характеризуют:

1. Упрощение высокой культуры до уровня массового потребителя, возникновение соответствующего рынка товаров и услуг и их рекламы.

2. Возвышение до уровня искусства эротической тематики, возникновение соответствующего рынка товаров и услуг и их рекламы.

Второй тип – это непосредственное влияние массовой культуры на характер и язык рекламы. К этому типу связи относятся упрощение языка коммуникации рекламодателя с потребителем; проникновение эротизма в коммуникацию.

Подводя итог вышесказанному, следует констатировать очевидное: демократизация культуры оказывала заметное воздействие на становление рынка печатной рекламы. Каким образом? Во-первых, проникая в коммуникацию и, тем самым, видоизменяя саму рекламу. Во-вторых, расширяя рекламный рынок за счет возникновения новых потребностей. И здесь массовая культура и реклама работали в связке: первая служила прародительницей новых потребностей, а вторая являлась орудием их пропаганды. Иными словами, массовая культура не только питала рекламный рынок, но и сама получала от него заметную отдачу. В итоге – одно явление заметно усиливало другое.

Примечания

1. Лебедева В. Г. Судьбы массовой культуры России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 317–324. URL: http://ec-dejavu.ru/m-2/Mass_culture-2.html

2. Там же.

3. Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. Изд. 5-е. М.: Изд-во АКИ, 2011. С. 26.

4. Разлогов К. Э. Коммерция или творчество: враги или союзники? М., 1992. С. 161, 163, 209.

5. Манхейм К. Человек и общество в век преобразования. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. С. 60.

6. Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2002. С. 122.

7. Розанов В. В. Соч. Л.: Васильевский остров, 1990. С. 252.

8. Хренов Н. А., Соколов К. Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, менталитет). М., 2001. С. 18.

9. Лебедева В. Г. Указ. соч.

10. Ученова В. В. Реклама и массовая культура: служанка или госпожа? М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.

11. Ильин А. Н. Субъект в массовой культуре современного общества потребления (на материале китч-культуры). Омск: «Амфора», 2010. 376 с. URL: http://ec-dejavu.ru/m-2/Mass_culture-3.html

12. Филичева Н. В. Арт Деко – стиль времени // Российская массовая культура конца XX века: материалы круглого стола. 4 дек. 2001 г. – СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2001. С. 177–186.

13. См.: Аврамов А. В. Смена научных парадигм в концептуализации феномена «массовая культура»: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Великий Новгород, 2007. 21 с.

14. Трушина А. Е. Генетический код рекламы // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: материалы междунар. науч. конф. 18 мая 2001 г., Санкт-Петербург. Сер. «Symposium». Вып. 12. СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2001. С. 319–322.

15. Шестаков В. Мифология XX века: критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». М.: Искусство, 1988. С. 122.

16. Ильин А. Н. Указ. соч.

17. Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати в 60–70-е гг. XIX в. Л., 1989. С. 67.

18. Верхняя граница хронологических рамок определяется не законодательно (декрет о введении государственной монополии на рекламу был принят в 1918 г.).

19. Нива. 1914. № 7. С. 4.

20. Костина А. В. Указ. соч. С. 40.

21. Нива. 1912. № 2. С. 2.

22. Нива. 1909. № 24. С. 440б.

23. Там же. С. 440г.

24. Там же. № 46. С. 808г.

25. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Рес-публика, 2006. С. 89.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.01:165

В. Ф. Юлов

ОБУЧЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ ПРОБЛЕМНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

В статье обсуждаются формы проблемного обучения, способные формировать у студентов творческое мышление.

In this article the author discusses forms of problem learning, which are able to generate students' creative thinking.

Ключевые слова: пайдейя, философия, вера, сомнение, знание, вопрос, операционализм, проблемное мышление, проблемное обучение, учебная задача, тест.

Keywords: Paideia, philosophy, faith, doubt, knowledge, question, operationalism, problematic thinking, problem teaching, learning task, test.

Обучение является феноменом, присущим всему живому. Оно состоит в том, что любой организм способен усваивать те знания, которые стали достоянием некоторого сообщества.

Если обучение в традиционном обществе имеет дело со стандартным опытом, то в цивилизации целью обучения выступает проблемное мышление. История человечества началась с появления общества, которое являло собой революционное изменение образа жизни по сравнению с жизнедеятельностью животных: орудийная практика, словесный язык, духовный разум (миф, мораль, искусство и т. п.). И всё же ныне оно оценивается как традиционное общество, где главные усилия были сосредоточены на сохранении ранее полученных знаний и ценностей. Обучение здесь сводилось к усвоению сложившихся приёмов действий, неизменно приносящих полезный эффект. Первой цивилизацией, выдвинувшей инновации на первое место, стала античная Греция, создавшая культуру «осевого времени» (К. Ясперс). Её дух новизны представили следующие ценности: личностное начало, состязательность во всём, демократия, рыночные отношения и многое другое. Всё это потребовало принципиально иного обучения, и оно появилось.

Возникновение проблемного обучения в пайдейе. В недрах античной культуры сложилась

особая система образования и воспитания – пайдейя. Благодаря усилиям софистов образование в античных полисах к IV в. до н. э. стало профессиональным и ориентированным на формирование высокой культуры личности. Возникли два основных типа пайдейи: воспитание воина (Спарта) и воспитание гражданина (Афины и др.). Последнее было важно для демократических полисов, где от каждой свободной личности требовалось участвовать в обсуждениях публичных вопросов и принимать самостоятельные решения. На первое место в гражданской жизни выдвинулась культура разъяснения и убеждения. Если для старого и традиционного воспитания было достаточно практического опыта и искусства (поэзия, трагедия), то для нового мировоззрения потребовался высокий разум в виде философии.

Из многообразия философских школ выделились две основные – софисты и Сократ с его последователями. Первые предложили стратегию юридической и риторической технологии, где учат уметь говорить и спорить, чтобы выиграло твое личное мнение. Сократ разработал иной проект рациональной пайдейи: следует учить мыслить самостоятельно и искать истину для добродетельной жизни. Здесь обеспечивается единство обучения и воспитания, ибо интеллект совершенствуется для нравственного саморазвития личности. Платон нашел свой вариант сократовского пути: развивать союз научного знания и философской мудрости ради справедливой власти [1].

Сократ заложил основы проблемного обучения. «Знаю, что ничего не знаю» – эта формула выражает начало данной методики и, хотя она известна многим, ее понимание совсем не тривиально. Прежде всего, она построена в виде классического парадокса, где знанию противостоит незнание. Знание сводится только к пониманию того, что личность лишена всяких знаний. Незнание здесь бесконечно, а знание ничтожно. Налицо явный иронический прием, игнорирующий реальное положение дел. Нарочитое подчеркивание господства незнания потребовалось Сократу для того, чтобы вывести своих учеников из состояния веры, которое обречено на бездумность. Все вопросы учителя подчинены той же цели – заменить веру сомнением. Любой ответ ученика Сократ приводит к общему знаменателю заблуждения. То, что считалось знанием, оказалось пустышкой, ложным мнением. В итоге

ученики попадают в состояние сомнения, в котором только и может начаться познавательный поиск. Примечательно, что Сократ сравнивал себя с оводом, жалящим ленивую лошадь и тем самым приводящим ее в движение. И если позднее его питомцы стали выдающимися философами (Платон) и великими полководцами (Алкивиад), то высокая педагогическая компетентность Сократа очевидна.

Компетентность – это особая избирательность. Во времена Сократа объем наличных знаний был относительно невелик. Философия и наука были еще «в пеленках», опыт сводился к простому быту и труду, мировоззренческие образы ограничивались местной религией и некоторыми видами искусства. В настоящее время человечество переживает «информационный взрыв»: научные знания удваиваются за 7–10 лет, и этот прогресс нарастает. На всех уровнях школьного обучения программы явно перегружены. Если бы студенты читали все, что им настоятельно рекомендуют учебные программы, то машиностроитель учился бы 63 года, геолог – 81 год, журналист – 132 года. И поскольку эти расчеты относятся к 1988 г., данные цифры к 2012 г. явно выросли на порядок. Что же делать в такой ситуации? Отвечая на этот вопрос, профессор Ю. Магаршак написал статью с примечательным названием «О пользе незнания». Он отмечает, что нужно переоценить старое убеждение, что «знание – сила» (Ф. Бэкон) и всякое знание полезно. В информационном потоке все больше встречается пустой ерунды, псевдознаний и опасных советов. В сети Интернет существует много ненужных и «балластных» сведений. Вывод автора таков: излишнее знание мешает любому творчеству и главным в обучении становится не восприятие информации, а ее отбор и фильтрация [2].

С позицией Ю. Магаршака остаётся лишь согласиться, действительно, одни знания дают силу, а другие ослабляют личность. В пустыне незнания должны быть лишь редкие оазисы знания, и личности нужен оптимальный баланс узнавания и забывания. Но здесь без ответа остаются главные вопросы – в чем состоит культура когнитивного выбора? И как ее формировать?

Можно ли свести компетентность к операционализму? В книге «Школа для XXI века. Приоритеты реформирования образования» американский педагог Ф. С. Шлехти, ссылаясь на опрос многих бизнесменов, работодателей и школьных функционеров, подчеркнул, что на вопрос «Что вы хотите от школы?» он получал один и тот же ответ: «Нам нужны люди, которые умеют учиться самостоятельно». Это и понятно, если выпускник школы способен искать и находить нужную информацию, умеет ею распорядиться

для достижения целей, следовательно, он успешно будет повышать профессиональный уровень и может легко переквалифицироваться. Формулу «научить учиться» можно перевести и так: «научить мыслить».

Большинство специалистов – психологов, педагогов, философов – осознали существенные различия между знаниями и мышлением. Всем ясно, что без знаний нет мысли, но сами по себе они недостаточны как для мышления, так и для успешного действия. Ясно и другое: только мышление способно органично вписываться во все виды человеческой деятельности, придавая ей должную эффективность. Не является здесь исключением и обучение. Вполне правомерно считать, что все формы знания представляют собой готовые и статичные результаты. Чтобы перейти от них к мышлению, необходимо придать им динамику деятельности, т. е. соединить знания с разнообразными умственными операциями. Глобальный операциональный подход господствует ныне в отечественной и зарубежной педагогике, разнятся лишь варианты системы процедур.

Педагоги США пришли к выводу о том, что обучение исключительно специальным предметам не дает должного эффекта по отношению к мышлению. Они пошли по пути организации особых учебных курсов по формированию общей культуры мысли. Так, научный консультант отдела образования штата Мэриленд А. Воршам критикует школу за игнорирование темы общего мышления. Тестирование показывает, что американские школьники встают в тупик перед простыми задачами по математике, требующими мыслительных операций типа сравнения, аналогии, группировки, обобщения и т. п. Такое положение есть следствие ложного представления, что формирование мыслительных действий уже заложено в программах и учебниках и не требует дополнительных усилий. Автор разработала модель обучения операциональным компетенциям, эффективность которой подтверждена во многих школах штата Мэриленд [3].

В конце двадцатого столетия во многих штатах США широкое распространение получил учебный курс «критическое мышление». Он нацелен на выработку умений использовать основные правила логических рассуждений, на тренинг построения умозаключений, на критический анализ тезиса оппонента. Типичным примером может служить модель обучения, разработанная К. Чуска. Здесь выделены четыре условия критического мышления: 1) наличие предмета для размышлений; 2) наличие материала, над которым можно думать; 3) знакомство с основными операциями мышления (сравнение, оценка, классификация, предвидение и т. п.); 4) овладение ведущим приемом проблемного мышления (раз-

решений противоречий, нахождение лучшего решения и т. п.) [4].

Проект специальных курсов по обучению мышлению можно только приветствовать и попробовать оценить его на предмет переноса на отечественную почву. В качестве интегрального и междисциплинарного курса он целесообразен как в средней, так и в высшей школах. Но здесь надо обязательно учитывать позитивный советский опыт проблемного обучения, в котором много перспективных достоинств. Кроме того, надо учитывать и то обстоятельство, что американские модели учебного мышления содержат определенную однобокость. Все они «страдают флюсом» операционализма. Методологическая концепция сведения научного мышления к операциям, которую предложил американский ученый и философ П. У. Бриджмен (1882–1961), была подвергнута убедительной критике. Операциональные приемы – это далеко не все мышление и даже не его основная часть.

Технология проблемного мышления может быть построена на системе ценностных и инструментальных компетенций. В американской традиции сложилась прагматистская концепция проблемного мышления и проблемного обучения. Наибольшими достоинствами обладают взгляды Дж. Дьюи. Но если взять его схему полного мышления, то она представлена исключительно в декларативном описании, где нет нужной технологичности. И действительно, как проблемную ситуацию превратить в проблему? Как выдвинуть гипотезу? Ответов в книгах Дьюи мы не найдем. Говоря языком педагогики, модель есть, а методика ее реализации отсутствует. Напряженные размышления в данном направлении привели автора к созданию технологической концепции интеллекта.

Всякая деятельность человека строится на композиции: средство → предмет = результат. Предмет здесь берется в роли пассивного сырья, из которого преобразуется результат в ходе активного воздействия средства на предмет. Интеллект функционирует по такой же схеме, используя в качестве содержания чувственные впечатления и знания. Чтобы реализовать мышление, интеллект должен сформировать предмет в виде проблемы (над чем думать) и организовать средство в виде метода (как думать). Только такое структурирование способно творить результаты в виде нового знания. И здесь ясно, что на первое место выдвигается избирательная активность – из всего многообразия знаний требуется выделить определенные элементы в качестве предмета и в роли метода. Такой выбор осуществляется в ходе познавательного оценивания. Оно осуществляется также по триадной схеме: метод оценивания → предмет оценки = оцен-

ка-результат. В практической деятельности она относительно проста, ибо предметом оценки выступает репертуар благ, а методом оценивания становится образ желаемой цели. Намного сложнее обстоят дела в науке и мировоззрении. В первой предметом оценивания являются наличные научные знания, а средством выступают идеалы знания – когнитивная связность, непротиворечивость, связь теории с фактами и т. п. Если ученый обнаруживает в массиве дисциплинарных сведений любые отклонения от этих идеалов, такие фрагменты оцениваются в качестве проблем. Стало быть, схема акта научной проблематизации такова: идеалы знания → знания = проблема.

Самым творческим процессом признается формирование метода решения проблемы. Он сложен в производственной практике и весьма затруднителен в науке. Полная структура научного метода сводится к трем уровням: 1) теория (идея, принципы, общее знание); 2) правила; 3) интеллектуальные операции. Все это надо найти в наличных когнитивных ресурсах науки. И поскольку этикеток на знаниях нет, мобилизация нужных элементов метода становится творческой процедурой. Она имеет ценностный характер, здесь руководствуются идеалами-образцами методов, но в их действии много места для догадки и воображения. Ученые предпочитают здесь говорить о свободном гипотезировании. Мобилизация здесь сопряжена с инструментальным действием побочного характера, если что-то найдено на роль ключа, его применяют для открывания замка (проблемы). Но даже когда получен результат, сохраняется неопределенность – является ли он искомым решением? Последний акт мышления сводится к оценке гипотетического продукта на истинность. Здесь к идеалам знания как результатам добавляются образцы обоснования, доказательства и проверки фактами [5].

Обучать компетенциям проблемного мышления и профессионального опыта. Итак, следует признать, что каждому акту мышления соответствует своя компетенция как способность его исполнять. Чтобы поставить проблему, нужно обладать компетенцией проблематизации. Как в средней, так и в высшей школе такого обучения явно не хватает. В лучшем случае учащимся и студентам предлагают уже готовые задачи, которые нужно решить. Но именно с культуры проблематизации, где ведущими являются идеалы результата (практического проекта, эмпирического факта, теоретического обобщения и т. п.), начинается любое профессиональное мышление. На специальных занятиях можно отрабатывать все элементы акта проблематизации с использованием учебных образцов. Далее следует компе-

тенция формирования метода, и здесь будущему специалисту необходимо дать общую схему метода (теория – правила – операции) и доводить ее до операциональных навыков на должных учебных образцах. Данные умения сопряжены со становлением компетенции инструментального действия метода. Операциональная структура реализуется только в процедурах действия теории и правил на проблемное знание. Меньше всего забот с компетенцией обоснования, ее становление не только относительно просто, но и традиционно для школы.

Но компетенции общего и специального мышления – это еще не все. Нельзя забывать о том, что мышление дополняется эмпирическим опытом с такими формами, как ощущение, восприятие, представление. Своеобразие опыта заключается в его непроблемности и быстроте действия: на чувственно данный предмет интеллект сразу накладывает некое рациональное значение. Такое функционирование опытного знания оценивается понятием «интуиция». Эта способность существенно дополняет мышление в актах мобилизации метода и его применения. Исследования показывают, что по мере профессионального роста интуиция работника развивается. Вот почему для высшей школы важно искать методики становления интуитивного опыта и обретения соответствующей компетенции.

Современное тестирование в вузах нужно развивать в проблемном стиле. В последние годы в российских вузах сложилась особая практика тестирования. По каждой учебной дисциплине преподаватели составляют несколько десятков блоков, в каждом из которых имеется вопрос и

три или четыре ответа. Лишь один ответ или два являются правильными на фоне остальных ошибочных решений. Такое тестирование весьма удобно в техническом плане, но его эффективность крайне мала. Данные тесты проверяют лишь то, какие знания в результатной форме помнят студенты. Здесь невозможен ни один существенный акт мышления: постановка учебной задачи, формирование метода и его воздействие на условия задачи, оценка и обоснование ответа. Крайне упрощенное тестирование не проверяет готовность будущих специалистов к профессиональной деятельности. Если высшая школа должна учить учиться посредством компетенций культуры проблемного мышления, то и тесты должны быть относительно сложными учебными задачами, которые надо уметь ставить и решать. Только такое тестирование отвечает требованиям полноценной компетентностной парадигмы.

Итак, компетентностный подход актуален для российской высшей школы на основе проблемного обучения, методически воспроизводящего базисные приёмы научного мышления, исследовательского и практического опыта.

Примечания

1. Шувалова М. К. Шифр пайдеи в культуре и образовании // Вопросы культурологи. 2007. № 2. С. 38–49.
2. Магаршак Ю. О пользе незнания // Знание – сила. 2007. № 3. С. 34–40.
3. Worsham A. A. Modell for Teaching Thinking Skills. Bloomington, 1986. 246 p.
4. Chuska K. Teaching the Process of Thinking. K-12. Bloomington, 1986. 324 p.
5. Юлов В. Ф. Мышление в контексте сознания. М., 2005. 496 с.

УДК 37(091)(470.342)

В. Б. Помелов

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. И. ГЕРЦЕНА
ПО РАЗВИТИЮ ПРОСВЕЩЕНИЯ
И КУЛЬТУРЫ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ:
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

Статья посвящена раскрытию деятельности А. И. Герцена по развитию просвещения и культуры в Вятской губернии, главным образом во время его вятской ссылки в 1835–1837 гг. Значительное внимание уделяется раскрытию его связей с вятчанами в различные периоды его жизни.

The article characterizes the activities of A. I. Hertsen for the development of education and culture in the Vyatka region mainly in the period of his exile in Vyatka in 1835–1837. Much attention is paid to the description of his ties with the local inhabitants in the different periods of his life.

Ключевые слова: писатель и просветитель А. И. Герцен, вятский учитель А. Е. Скворцов, Вятская мужская гимназия, И. П. Ворожцов, Н. Н. Пестерев, А. А. Красовский.

Keywords: the writer and enlightener A. I. Hertsen, the teacher from Vyatka A. E. Skvortsov, Vyatka gymnasium for boys, I. P. Vorozhtsov, N. N. Pesterev, A. A. Krasovsky.

Значительное влияние на развитие просвещения и культуры в Вятской губернии оказал прогрессивный общественный деятель Александр Иванович Герцен (1812–1870), отбывавший в Вятке ссылку в 1835–1837 гг.

Благотворное влияние этого видного мыслителя проявлялось, главным образом, по следующим направлениям: в процессе непосредственной практической деятельности и общения с вятчанами, в форме переписки с ними и через воздействие его творчества.

Сносные условия существования, благоприятный климат, относительная близость культурных центров, снисходительное отношение к ссыльным со стороны губернского начальства, привлекавшего А. И. Герцена к канцелярским работам, благожелательность местных жителей, наличие возможности заниматься литературной работой и самообразованием, достаточное время для культурного досуга, – все это стало для него толчком к серьезным занятиям писательской деятельностью, обогатило запасом творческих и жизненных впечатлений, которые в дальнейшем получили свое творческое воплощение.

«В этом захолустье вятской ссылки, – писал Герцен в мемуарах “Былое и думы”, – в этой грязной среде чиновников, в этой печальной дали, без защиты отданный во власть губернатора, я

провел много чудных, светлых минут, встретил много горячих сердец и дружеских рук» [1]. В те годы в губерниях ссыльных – представителей интеллигенции – не чурались, «вольтерьянство» составляло едва ли не одну из примечательных сторон духовной жизни местной культурной элиты. Сосланные в Вятку, и Герцен в том числе, пользовались свободой в общении, приглашались на балы, театральные вечера, становились заметной составной частью провинциальной культурной жизни. А. И. Герцен часто появлялся в обществе директора Вятской мужской гимназии М. В. Полиновского, встречался с другим ссыльным – учителем И. А. Верниковским, оказавшимся в Вятке за «обнаруженное нерасположение и неблагонамеренность к России и к правительству в написанных им стихах» [2]. Близким другом Герцена в этот период был А. Л. Витберг, оставивший в Вятке впечатляющие следы своего архитектурного творчества.

Центром культурной и педагогической жизни Вятки в тот период была мужская гимназия, являвшаяся в 1811–1858 гг. единственным средним учебным заведением губернии. Именно преподаватели гимназии составляли по большей части цвет тогдашней вятской интеллигенции. У них были достаточно тесные отношения с политическими ссыльными. Неудивительно, что Герцен сблизился с вятскими учителями – социальной прослойкой, особенно близко стоявшей к нему по уровню образования и общественно-просветительским взглядам. Находясь в Вятке и в последующие периоды своей жизни, он неоднократно пытался помочь «вятским подснежным друзьям». Покажем это на примере его взаимоотношений с Андреем Ефимовичем Скворцовым.

После окончания Казанского университета по словесному отделению с 1834 г. Скворцов преподавал в Вятской гимназии логику и русскую словесность, состоял секретарем педагогического совета. Директором гимназии ему было поручено приведение в порядок библиотеки гимназии, в то время, по существу, одной из двух библиотек в губернии. Скворцов стремился к занятиям наукой, насколько это было возможно в условиях вятской провинции. В 1838 г. он выступил в гимназии с актовой речью «О возможности эстетики как науки», а через год представил в Казанский университет «Историческое и географическое описание Вятской губернии». В пришедшей из Казани рецензии на его сочинение отмечались «занимательные подробности и довольно хороший слог» и было предложено для поощрения автора напечатать некоторые разделы его работы. Последняя фактически была продолжением «Статистической монографии Вятской губернии» А. И. Герцена, из которой в «Вятских губернских ведомостях» в 1838 г. был опубли-

кован лишь небольшой раздел под названием «Вотяки и черемисы», а остальная часть рукописи была утеряна. В дальнейшем, после 1841 г., Скворцов служил в Вятской палате государственных имуществ. Семейные обстоятельства не оставляли времени для продолжения научной работы. И все-таки он по мере возможности занимался этнографическими исследованиями. Умер А. Е. Скворцов в г. Вятке в начале 1850-х гг.

«От природы очень умный человек, — писал о нем А. И. Герцен в своем письме к кузине, невесте и будущей жене Н. А. Захарьиной, — он прозябал в провинциальной жизни, мелкой, пустой, сведенной на материальные требования. Я бросил мысль и чувство в его душу — и она ответила. Я воротил его к ученым занятиям, и он как бы из благодарности привязался всем сердцем ко мне, влюбился в меня» [3].

Спустя 16 лет после отъезда из Вятки А. И. Герцен вспомнил о Скворцове в своих мемуарах «Былое и думы». Во второй части книги («Тюрьма и ссылка») он пишет, что у него осталось несколько писем того времени, которые ему особенно дороги и которые он любит перечитывать. В одном из них «несколько растерявшийся» после отъезда Герцена из Вятки Скворцов обращался к нему с горячим призывом о помощи: «Я хочу учиться, назначь мне книги, назначь что хочешь, я употреблю все силы, дай мне ход... На тебе будет грех, если ты оттолкнешь меня» (с. 289). Стремясь помочь Скворцову, А. И. Герцен в одном из писем к своим друзьям Н. И. и Т. А. Астраковым, относящемся уже к периоду владимирской ссылки, последовавшей непосредственно за вятской, просит их помочь получить работу в Москве учителю Вятской гимназии А. Е. Скворцову. Это, — писал Герцен, — «превосходный человек и ученый насколько нужно. А человек он такой, о котором стоит позаботиться» [4].

Однако Скворцову не удалось переезд в Москву в связи с женитьбой на дочери местного чиновника Полине Троппетер и рождением дочери Фелиции. Давая характеристику А. Е. Скворцову, А. И. Герцен выделяет главную черту его личности, черту, которую он особенно высоко ценил в лучших представителях российской интеллигенции, — жажду знаний. «Это человек прекрасный, — отмечал писатель, — благородный и образованный, лучший из всех жителей Вятки» [5]. Он замечает, что вспоминает Скворцова «не из суетного чувства» и удовлетворен тем, что в «юношеских призывах» и «юношеской любви» этого провинциального учителя видит «возбужденную» в вятской молодежи «тоску», и это привлекает его с «девятимесячной тюрьмой» и трехлетней жизнью в Вятке (с. 290).

Уже из владимирской ссылки, последовавшей сразу после вятской, он писал Н. А. Захарьи-

ной: «Из Вятки получаю много писем, там целая толпа энтузиастов к твоему Александру» [6].

Участие А. И. Герцена в культурном развитии вятчан через содействие в открытии первой Вятской губернской публичной библиотеки, с марта 1917 г. носящей его имя «как основателя библиотеки и борца за свободу» [7] и ставшей одной из крупнейших в России, было едва ли не наиболее существенной стороной его просветительской деятельности в период вятской ссылки. Первая публичная библиотека на Вятской земле появилась в уездном городе Сарапуле в 1835 г. «невероятными усилиями, жертвами и огромной настойчивостью» выпускника Московского университета врача Христофора Ивановича Чудновского. В ходе работы по подготовке к открытию Вятской губернской публичной библиотеки А. И. Герцен посетил библиотеку в Сарапуле и нашел ее «прекрасно составленной» (с. 35–36). Библиотека получала «все новые книги и журналы», а известный издатель А. Смирдин на льготных условиях присылал в Сарапул свои новые издания [8]. В Вятке же вопрос с открытием библиотеки длительное время никак не решался. Фактически дело тормозилось тем, что не было энтузиаста, который бы взялся за проведение всей предварительной работы. Наконец, 9 апреля 1836 г. вятским губернатором К. Я. Тютчевым было составлено предписание, согласно которому «наблюдение за библиотекой», которую еще предстояло создать, поручалось титулярному советнику Титову, а сотрудником назначался «охотно принимающий сию обязанность» титулярный советник Герцен, которому поручалось выполнение необходимых подготовительных мероприятий [9].

А. И. Герцен изучал опыт организации подобных учреждений, списывался со «значительными людьми» на предмет оказания помощи библиотеке средствами или книгами. Всего на его призывы откликнулись более трехсот человек. Из них 16 человек прислали книги, а остальные, в основном купцы и чиновники, жертвовали деньги — по сто и более рублей. Наибольший вклад внес купец, комиссионер яранских питейных откупов Кузьма Васильевич Беляев, с которым Герцен познакомился в городе Яранске Вятской губернии. Беляев поддержал Герцена в его планах — внес 1000 рублей и 70 книг — и оставался в дальнейшем постоянным «пожертвователем» вплоть до своей смерти в 1857 г. Ко дню открытия библиотеки в ее фонде насчитывалось 1313 томов 645 наименований, в том числе 502 тома художественной литературы, историческая и географическая литература (153), литература по естественным наукам и медицине (47) [10]. Уже в первый год библиотека получала 17 наименований центральных журналов и газет. В течение года ее

посещали примерно 350 «канцеляристов» и чиновников, около четырехсот горожан и купцов, более трехсот учащихся и т. д. [11]

Назначение книги, ее образовательно-воспитательную ценность с особой яркостью А. И. Герцен выразил в речи при открытии публичной библиотеки в Вятке 6 (18) декабря 1837 г., состоявшемся в помещении «благородного собрания». В своей речи он высказал мысль о том, что в развитии человечества большое значение имеет духовная преемственность поколений; каждое новое поколение прибавляет к опыту предыдущего то, что оно само приобрело: «Книга – это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить... Вся жизнь человечества последовательно оседала в книге: племена, люди, государства исчезали, а книга оставалась... В нее записана та огромная исповедь бурной жизни человечества, та огромная аутография, которая называется всемирной историей...» [12]. Его мысль о значении приобщения молодого поколения к опыту прошлого путем чтения спустя годы была развита им в определении сущности воспитания, как «привития родовой жизни лицу». Однако книга не только «документ о прошлом», но и «программа будущего», «...поэтому, – восклицал Герцен, – будем уважать книгу!» [13].

В дальнейшем к вопросу о значении чтения А. И. Герцен неоднократно возвращался в своих работах [14]. Вдохновенный гимн книге составлял вторую часть речи писателя. О первой же части своей речи он вспоминал со стыдом и сожалением спустя многие годы. Спустя четверть века история с этой речью получила неожиданное продолжение. «Вятские губернские ведомости» (1862. 21 апр. С. 119–120), а вслед за ней и санкт-петербургская «Северная пчела» (1862. 9 мая) опубликовали полный текст речи, причем вторая из названных газет, по-видимому, с целью его компрометации в глазах либеральной интеллигенции. Редактор неофициальной части «Вятских губернских ведомостей» прогрессивный общественный и педагогический деятель Николай Иванович Золотницкий объяснял в примечании к тексту речи Герцена ее опубликование следующим образом: «Местная газета считает обязанностью перепечатать речь г. Герцена, как для ознакомления общества со взглядом человека, принимавшего в свое время участие в устройстве библиотеки, на назначение этого “храма мысли”, так и для сохранения на своих страницах материала для истории библиотеки».

Публикация стоила редактору увольнения с поста редактора и ссылки в слободу Кукарка [15]. Узнав об опубликовании своей давней речи, А. И. Герцен писал в заметке под названием «Личное объяснение», помещенной в «Колоколе»:

«Двадцать пять лет тому назад я произнес плохую речь, исполненную уступок, и очень дурно сделал...» [16]. Далее писатель пояснил, что вятский губернатор А. А. Корнилов (кстати, старший брат известного русского адмирала В. А. Корнилова, прославившегося в Крымскую войну 1854–1855 гг.) внес в черновой текст речи несколько своих фраз, дважды ее исправлял, в результате чего в речи зазвучало одобрение просветительской деятельности правительства. (Имеется в виду, прежде всего, следующая фраза: «И вот наш великий царь предупреждает потребность народную заведением публичных библиотек в губернских городах...») Опасаясь отсрочки выезда из Вятки и продления ссылки, А. И. Герцен был принужден согласиться с исправлениями губернатора. «Через двадцать пять лет, – с горечью отмечал писатель, – пожелтевшие корректурные листы моей речи поднимаются, как тень Банко, жужжат на пчелиных крыльях, упрекают и зовут меня к ответу» [17].

Речь А. И. Герцена, объемом в шесть листов, печаталась в Вятской губернской типографии под личным наблюдением ее директора Казимира Варфоломеевича Шапалинского, который ранее, в 1820–1826 гг., состоял старшим профессором, а также в 1826–1827 гг. директором Нежинского лицея («гимназии высших наук»), как раз в те годы, когда там учился Н. В. Гоголь. Защита «вольнодумного» профессора этого лицея Н. Г. Белоусова обернулась для К. В. Шапалинского запретом преподавательской и научной деятельности и бессрочной ссылкой в Вятку, где он и проживал до самой смерти в одном доме с выдающимся просветителем Вятского края – первым и единственным директором Вятского главного народного училища (1776–1811) и первым директором первой в Вятской губернии мужской гимназии (1811–1812) Тимофеем Титовичем Рапиновым (1758–1848) [18].

Существенный вклад внес А. И. Герцен в работу по изучению природных богатств Вятского края. С 13 апреля 1837 г. он принимал активное участие в подготовке и проведении первой в истории края выставки «естественных и искусственных произведений Вятской губернии», на которой были представлены около тысячи экспонатов. К их сбору, описанию и оформлению привлекались, прежде всего, учителя; для некоторых из них работа в комиссии по организации выставки стала важным стимулом к занятию наукой. 18 мая 1837 г. выставку посетили будущий император Александр II, сопровождавший его в поездке по России поэт В. А. Жуковский, историк и географ, автор учебника географии К. И. Арсеньев. А. И. Герцен давал пояснения высокопоставленным гостям. Его прекрасные манеры, высокий уровень культуры произвели на них благоприятное впечатление.

чатление. Ободренный похвалой в свой адрес, Герцен «дерзнул» поднять вопрос о его переводе для продолжения отбывания ссылки в какой-нибудь более близкий к столице город. Этот вопрос был благополучно решен к концу 1837 г., причем новый вятский губернатор А. А. Корнилов, просвещенный и умный человек, назначивший Герцена «производителем дел по статистическому комитету», хотя и сожалел по поводу этого перевода, но не препятствовал ему. Значительная часть экспонатов выставки была сохранена и использовалась в дальнейшем для проведения аналогичных выставок, часть которых организовывалась отбывавшим ссылку в Вятке в 1848–1855 гг. М. Е. Салтыковым-Щедриным, а также послужили основой при организации Вятского «музеума».

А. И. Герцен был первым редактором и одним из основных авторов неофициальной части «Вятских губернских ведомостей». Он вспоминал, как во Владимире губернатор поручил ему заведовать аналогичной газетой. Герцен с охотой взялся за выполнение этого поручения, поскольку, как он пишет, «дело это было мне знакомое: я уже в Вятке поставил на ноги неофициальную часть “Ведомостей”» (с. 295). В первых номерах «Вятских губернских ведомостей» была помещена его статья «Вотяки и черемисы» (1838. № 1, 3), которая проникнута призывом к общественности о необходимости бережного отношения к истории малочисленных народов, уважения их обычаев и самобытной культуры. «Описание их быта чрезвычайно важно, – писал Герцен, – ибо это последний документ их истории. У них нет преданий, можно только по настоящему быту догадаться об их прошедшем». В том, что А. И. Герцен считал чрезвычайно важным сохранить все, что касалось истории и культуры удмуртов и марийцев, проявился его демократизм, широта взглядов на проблему национальных взаимоотношений, которые шли вразрез с политикой самодержавия в этом вопросе. Для подготовки неофициальной части «Вятских губернских ведомостей» он использовал материалы, полученные в 1836–1837 гг. статистическим комитетом из уездов. Подготовленные Герценом, эти статьи выходили уже после его отъезда из Вятки в 1838–1842 гг. В некоторых из них авторское начало Герцена настолько явственно выражено, что, например, историк П. Н. Луппов считал анонимную статью «Русские крестьяне Вятской губернии» (Вятские губернские ведомости. 1838. № 4) по стилю изложения и содержанию материала именно герценовской.

К периоду вятской ссылки относятся первые размышления А. И. Герцена о сущности развития личности, о возрастных периодах этого развития и его движущих силах, которыми он делился с близкими ему учителями, а также в пись-

мах к Н. А. Захарьиной. В одном из них он сообщает ей план своей первой повести и, среди прочего, пытается дать возрастную периодизацию человека, выделяя следующие этапы: ребячество, юность, годы учебы, годы странствований, эпоха любви [19].

Исследователь В. А. Путинцев считает, что упомянутая повесть и опубликованные в журнале «Отечественные записки» в 1840–1841 гг. «Записки одного молодого человека», ярко рисующие нравы и быт г. Малинова (Вятки), есть две различные редакции одного произведения [20]. В нем Герцен называет «здоровый умственный быт» одним из главных источников развития личности, а важнейшей характеристикой такого быта считает выработанную с детства любовь к книге, привычку к систематическому осмыслению самостоятельного чтения.

С уважением относясь к лучшим представителям педагогической профессии и оказывая им на протяжении многих лет посильное содействие в интеллектуальном и общественно-политическом развитии, А. И. Герцен в своих произведениях давал характеристики различных типов учителей. В «Записках одного молодого человека» он в саркастических тонах рисует фигуру учителя вятской гимназии: «Какая-то бледная семинарская фигура с тем видом решительного идиотизма, который мы преимущественно находим у так называемых “ученых”» [21]. Это еще достаточно схематический «эскиз» местного «деятеля просвещения». В романе «Кто виноват?» он дает уже более яркую и разностороннюю характеристику провинциального учительства: «Учителя гимназии были, как это бывало в старину в наших школах, люди большей частью обленившиеся, огрубевшие в провинциальной жизни, отданные тяжелым материальным привычкам и усыпившие всякое желание знать что-нибудь» [22].

Нам представляется, что эти характеристики, основанные на впечатлениях, полученных А. И. Герценом от общения с некоторыми учителями вятской гимназии, не были в полной мере объективными, так как не совсем учитывали, скорее, совсем не учитывали, невысокое материальное и социальное положение учителей. Да и сам Герцен в дальнейшем неоднократно тепло вспоминал «подснежных друзей своих» – вятских учителей – и отмечал стремление к знаниям как одну из наиболее характерных черт их личности.

В то же время А. И. Герцен справедливо указывал на то, что главная причина невысокого уровня образованности значительной части местного учительства заключается в тяжелых социальных условиях, общей культурной отсталости, особенно явственно проявляющейся в отдаленных от столицы российских губерниях. Провинциальную жизнь он называл «обителью душев-

ной дремоты», в которой молодые учителя не находили достойного стимула к развитию своих духовных интеллектуальных интересов. Вятская гимназия, по свидетельству Герцена, в годы его ссылки не приобретала книг, которые могли бы заинтересовать учащихся, да и на их покупку не хватало средств. Эта жизнь оказывалась губительной, прежде всего, для начинающего учителя, которому, по его мнению, особенно необходимы «внешние раздражения; ему нужна газета, которая бы всякий день приводила его в соприкосновение со всем миром, ему нужен журнал, который бы передавал каждое движение современной мысли, ему нужна беседа, нужен театр, — разумеется, от всего этого можно отвыкнуть, покажется, будто все это и не нужно, потом делается в самом деле совершенно не нужно, то есть в то время, как сам человек уже сделался совершенно не нужен» [23].

В ранних произведениях молодого А. И. Герцена (1830–1840-е гг.) прослеживается ироничное, и даже отчасти сатирическое, отношение к педагогам. Однако позднее, переосмысливая свои вятские впечатления, он писал: «Учителя лицеев, гимназий, школ были одинокими стражами, безвестными пионерами великой гуманистической пропаганды, которая не доставляла ни славы, ни известности. Борясь с бедностью, отданные во власть грубой администрации, они нередко поступались своим личным достоинством, но, тем не менее, продолжали проповедовать идею независимости и ненависти к произволу. После литературы преподавательская среда также была представителем пробуждающегося сознания» (с. 191). Как видно из приведенной цитаты, отношение к педагогам А. И. Герцена с течением лет значительно изменилось. В 1860-е гг. он увидел в них даже целую «преподавательскую корпорацию» (А. П. Щапов, И. А. Худяков) и оценил ее нравственную силу в освободительном движении [24].

Определенный вклад в приобщение вятчан к культуре и просвещению А. И. Герцен внес своим участием в театральной жизни Вятки. Спектакли, активным участником которых он был, обычно носили благотворительный характер; вырученные средства передавались в пользу готовившейся к открытию публичной библиотеки. В своих воспоминаниях А. И. Герцен рассказывал о том, как он «выступал перед всем городом», слышал «аплодирование», радовался ему и «был в душе актером». Примечательно, что, находясь в вятской ссылке, А. И. Герцен не только учил других, но и стремился углубить свои знания. В одном из писем невесте он, в частности, сообщал, что решил научиться «писать по-немецки, как по-русски», для чего стал брать уроки у медика Карла Беттигера [25].

После отъезда из Вятки А. И. Герцен длительное время поддерживал связь с вятчанами, в том числе с учителями. Эта связь осуществлялась путем пересылки ему местных книг и журналов для последующей перепечатки наиболее интересных публикаций из них в герценовских изданиях. Так, в декабре 1865 г. в «Колоколе» была перепечатана смелая заметка из неофициального отдела «Вятских губернских ведомостей» (1865. 15 окт.), в которой сообщалось о том, как некий волостной писарь в Елабужском уезде вел следствие таким образом, что допрашиваемый несчастный крестьянин умер прямо в арестантской. «Волосы становятся дыбом! — негодовал А. И. Герцен. — Ну, господа, когда-нибудь вы заплатите за эти злодеяния!» После этой публикации редактор неофициального отдела К. А. Ген, кстати, ссыльный и уже находившийся под надзором полиции, был уволен по прямому указанию министра внутренних дел [26]. Само слово «Вятка» неоднократно употреблялось Герценом в значении синонима слова «ссылка».

Издания А. И. Герцена были хорошо известны в Вятке. Здесь их распространением занимались чиновник П. С. Сунцов, инспектор Вятской врачебной управы Н. И. Розов [27]. В 1862–1870 гг. в Вятке служил переведенный из Казани чиновник К. П. Перцов, советник губернского правления, один из корреспондентов «Колокола». Он состоял также и цензором «Вятских губернских ведомостей»; в дальнейшем был переведен в Пензу [28]. Налаженные связи с корреспондентами в России, в том числе и с проживавшими в Вятской губернии, позволяли А. И. Герцену и Н. П. Огареву оперативно получать подробную информацию о положении в России и местную прессу. В течение десяти – двенадцати дней издания «Вольной русской типографии» прибывали в Россию. Так, в Нижнем Новгороде английские служащие получали корреспонденцию из Англии (и в том числе «Колокол», который они раздавали знакомым) «в то же самое число», в которое они высылались из Лондона, то есть через 12 дней, учитывая разницу между старым и новым стилями [29].

Одним из распространителей герценовских изданий в Вятской губернии был купец из г. Слободского Вятской губернии Иван Прокофьевич Ворожцов, сочувствовавший взглядам «лондонского изгнанника» и специально ездивший в Англию для встречи с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. В 1861–1863 гг. он привозил с Нижегородской ярмарки номера «Колокола», повесть «Кто виноват?», «Рассказы о былом» (то есть «Былое и думы». — В. П.) и «какие-то еще мелкие брошюры». В 1863 г. в Нижнем Новгороде Ворожцов познакомился с иркутским купцом Н. Н. Пестеревым. Весной 1864 г. Пестерев ез-

дил в Англию, встречался там с Герценом и рассказал об этой встрече Ворожцову. В начале 1865 г. с этой же целью поехал в Лондон и Ворожцов. Однако Герцена в Лондоне не оказалось, состоялась только встреча с Николаем Платоновичем Огаревым. Эта встреча послужила основанием для привлечения слобожанина к ответственности. В «Ведомости лиц, находящихся под надзором полиции в Вятской губернии в 1867–1868 гг.» под № 27 числится купец 2-й гильдии И. П. Ворожцов. Указано, что он находится под надзором полиции с 4 декабря 1867 г. «по подозрению в сношении с проживающими за границей изгнанниками Огаревым, Герценом и Утиным с целью вывоза из-за границы и продажи запрещенных книг и газет». Действительно, домой купец привез книгу Герцена «С того берега», свежие номера журналов «Колокол» и «Полярная звезда». 13 октября 1866 г. при обыске в квартире Ворожцова было найдено письмо Огарева, хотя его принадлежность Огареву Ворожцов отрицал и говорил, что письмо – от Пестерева.

Вот выдержки из этого письма: «Итак, мои хлопоты о вашей встрече, Иван Прокофьевич, кажется, были порожними, и я вам, пожалуй, только попусту помешал продолжать путь... Простите мне это за искреннее желание устроить встречу, которую я считал далеко не бесполезною. В том, что это время для нас идет не так, как нам бы его повернуть хотелось, не мы виноваты. Личная жизнь так пришиблена случайными обстоятельствами, что лишь бы пройти это время, спасая все, что можно спасти... и опять стать на ноги!.. Пора, кроме литературного дела, которое вертится в крошечном кружке и наиболее указывает на идеалы, даже не всегда ясно выработанные, пора приняться за практический труд, который близко ли, далеко ли ставит свой идеал, но развивает случающиеся обстоятельства, без развития которых ни шагу нельзя шагнуть. Но вы это сами хорошо понимаете и, может, спросите, зачем я это пишу? Затем, чтобы протянуть вам руку сочувствия, которая поддержала бы ваше убеждение, если встретятся люди, даже и хорошие, но смотрящие на дело с иной стороны. Кончу тем, что скажу вам: да, я страшно рад, что встретился с вами; почувствовал растущую силу практического направления. Жму руку вам и А. (видимо, переводчику Лапре. – В. П.)... Ваш Н. О.».

На следствии было установлено, что Ворожцов из Лондона привез в Россию печатный станок с шрифтом и оставил его в столице. Ворожцов утверждал, что станок ему нужен якобы для печатания этикеток к спичечным коробкам, а свою поездку в Англию объяснял необходимостью приобретения там фосфора для своей спичечной фабрики. Свое участие в доставке нелегальных

изданий он отрицал, однако его переписка с братом и племянником указывает на то, что он распространял их в Слободском, Казани и других городах и искал людей для сбыта привезенной из Англии литературы, причем в переписке в целях «конспирации» «Колокол» был назван «звоном» [30].

В Вятской губернии наиболее последовательным сторонником просветительских и революционно-демократических взглядов А. И. Герцена был А. А. Красовский, владелец первой в губернии частной библиотеки, в которой были представлены сочинения В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова [31]. Под прикрытием библиотеки фактически работал нелегальный революционно-демократический кружок. О деятельности этого кружка было хорошо известно Герцену и Добролюбову. Последний, в частности, отмечал: «Теперь начинают и в Вятке, как, конечно, и в других захолустьях России, узнавать о заграничной деятельности Искандера» [32]. (Искандер – один из псевдонимов Герцена.)

Деятельность А. И. Герцена оставила заметный след в общественно-политической и культурной жизни Вятки. Открытие публичной библиотеки, газеты, театра, выставки кустарных промыслов далеко не случайно совпало по времени с достаточно кратким по продолжительности пребыванием А. И. Герцена в этом городе. Видный писатель и общественный деятель в значительной степени лично способствовал успешному осуществлению этих начинаний, так необходимых для культурного развития местных жителей. Ценностное значение практической деятельности А. И. Герцена, направленной на преодоление невежества, отсталости и реакции, тормозивших распространение просвещения в российской провинции, состояло в том, что она внесла существенный позитивный вклад в культурное развитие жителей Вятского края, послужила стимулом к повышению своего образования для передовой части местной молодежи. Велико было обаяние его личности на умы тогдашней молодежи, в особенности учительства, как наиболее подготовленной к восприятию его взглядов части населения типичной российской провинции.

Примечания

1. Герцен А. И. Былое и думы // Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 289. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием страницы.
2. Петряев Е. Д. Литературные находки. Киров, 1981. С. 33.
3. Герцен А. И. Письмо Н. А. Захарьиной. 24.11.1836 г. // Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1961. Т. 21. С. 120.
4. Герцен А. И. Письмо Н. И. и Т. А. Астраковым. Октябрь 1838 г. // Там же. С. 393.

5. Герцен А. И. Письмо Н. А. Захарьиной. 21.3.1837 г. // Там же. С. 151.
6. Там же. С. 276.
7. Войханская К. М. Сбылась мечта // Кировская правда. 1962. 6 апр.
8. ГАКО. Ф. 528. Оп. 81. Д. 577.
9. ГАКО. Ф. 562. Оп. 81. Д. 1341. Л. 288.
10. ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 525. Л. 111об.
11. Памятники истории и культуры г. Кирова / сост. М. Н. Бойчук. Горький, 1986. С. 65.
12. Герцен А. И. Речь, сказанная при открытии публичной библиотеки для чтения в г. Вятке // Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1954. Т. 1. С. 367.
13. Там же. С. 368.
14. Шиллегодский С. П. А. И. Герцен о чтении детей и юношества // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 196. Л., 1959.
15. ГАКО. Ф. 582. Оп. 126. Д. 17. Л. 8.
16. Герцен А. И. Личное объяснение // Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 119.
17. Там же. С. 120.
18. Помелова Е. В. Вятский ссыльный профессор К. В. Шапалинский // Проблемы вузовской и школьной педагогики: тез. докл. регион. науч.-практ. конф. «Четвертые Есиповские Чтения» / отв. ред. Л. А. Штыкова. Глазов, 2001. С. 20–22.
19. Герцен А. И. Письмо Н. А. Захарьиной. 29.6.1836 г. // Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1961. Т. 21. С. 85–86.
20. Путинцев В. А. Герцен-писатель. М., 1952. С. 35.
21. Герцен А. И. Записки одного молодого человека // Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1954. Т. 1. С. 289.
22. Герцен А. И. Кто виноват? // Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1954. Т. 4. С. 157.
23. Там же. С. 158.
24. Зейлигер-Рубинштейн Е. И. Педагогические взгляды А. И. Герцена. М., 1958. С. 81.
25. Петряев Е. Д. Вятский наставник Герцена // Кировская правда. 1970. 7 авг.
26. ГАКО. Ф. 582. Оп. 130а. Д. 11.
27. Вульфсон Г. Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань, 1974. С. 146.
28. Петряев Е. Д. Люди. Рукописи. Книги. Киров, 1970.
29. Эйдельман Н. Я. Корреспонденты вольной печати Герцена и Огарева в период назревания первой революционной ситуации в России: дис. ... канд. ист. наук. М., 1963. С. 392.
30. Пленков В. Г. Из Вятки в Лондон, к Герцену // Кировская правда. 1962. 6 апр.
31. Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР. М., 1970. С. 62–63; Сергеев В. Д. А. А. Красовский. Киров, 1977. С. 45.
32. Добролюбов Н. А. Дневник 1856 г. // Собр. соч.: в 9 т. М., 1962. Т. 3. С. 492.

УДК 378+316.42

А. Б. Тимшин

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЁРСТВА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

В данной статье автор сравнивает подходы к проблеме социального партнёрства, сформировавшиеся в различных науках. В статье также рассматриваются различные точки зрения на проблему социального партнёрства как педагогического феномена. Анализируя различные подходы к проблеме, автор формулирует теоретические основы социального партнёрства в профессиональном образовании, выделяет его специфику.

In the paper of A. B. Timshin it is compared approaches to the problems of social partnership formed in different sciences. It is also given different points of view on the problem of social partnership as a pedagogical phenomenon. After analyzing of different approaches to the problem the author formulates the theoretical fundamentals of social partnership in vocational education and detects its specificity.

Ключевые слова: профессиональное образование, профессиональная компетентность, социальное партнёрство.

Keywords: vocational training, professional competence, social partnership.

Образование во все времена считалось непреходящей ценностью, ибо оно является основой экономического развития общества, одним из факторов социальной стабильности, источником роста интеллектуального ресурса и духовно-нравственного потенциала населения. Однако в современных условиях требуется эффективная модель функционирования учреждений профессионального образования, модель гармоничного баланса требований и объединения усилий субъекта образовательного процесса и потребителей его результатов. Социально-экономическая реальность требует от системы профессионального образования подготовки специалистов качественно нового типа: конкурентоспособных, инициативных, компетентных, предприимчивых, высококвалифицированных, коммуникабельных, имеющих навыки делового общения, легко адаптирующихся к изменениям, способных к анализу сложных ситуаций и принятию ответственных решений, постоянно повышающих уровень образования и квалификацию. В настоящее время возникает необходимость, осуществлять подготовку специалистов в «опережающем режиме», т. е. содержательно и процессуально опережать профессиональное образование человека относительно уровня развития производства. Институт социального партнерства позволяет на практике реализовать эту цель. Переход

на двухуровневую систему образования и внедрение федеральных государственных образовательных стандартов, основанных на компетентностном подходе, требуют от образовательных учреждений высшего профессионального образования поиска новых, более эффективных форм взаимодействия и сотрудничества с потенциальными работодателями. Такое взаимодействие должно обеспечивать обим сторонам возможность формирования четко определенного профессионального портрета выпускника на основе компетентностного подхода.

В связи с внедрением новых образовательных стандартов появляется возможность применять различные формы партнёрства между высшим учебным заведением и работодателем. К сожалению, на данный момент профессиональное образование является той сферой, где социальное партнёрство недостаточно широко применяется.

Несмотря на то что социальное партнёрство – явление довольно новое (его становление и утверждение относится к началу 50-х гг. XX в.), его сущность раскрывают как отечественные, так и зарубежные исследования. Понятие «социальное партнёрство» используется в темах более семи-десяти кандидатских диссертаций в области философии, социологии, экономики, политологии, правоведения, истории.

В диссертационном исследовании Е. К. Кашленко представлены результаты изучения социального партнёрства как междисциплинарного феномена. В социально-трудовых отношениях социальное партнёрство (А. В. Ветров, Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, В. А. Михеев, Л. Н. Коновалова, В. Н. Якимец) раскрывается как построение конструктивного взаимодействия между тремя силами: государственными организациями и учреждениями, коммерческими предприятиями и некоммерческими организациями. Социальное партнёрство в контексте социально-трудовых отношений рассматривается как механизм регулирования общественных отношений, как упреждающая стратегия, основанная не на конфликте, а на социальном компромиссе.

В экономических трудах социальное партнёрство понимается как юридическая форма организации совместной экономической деятельности физических и юридических лиц на основе договора о регулировании участия в общих расходах, распределении прибыли. То есть, исходя из данной точки зрения, социальное партнёрство – это форма сотрудничества (Л. Ш. Лозовский, Б. А. Райзберг, Е. Б. Стародубцева).

В менеджменте социальное партнёрство понимается как сотрудничество, взаимопонимание и внимание руководства к значимым компонентам кооперации (О. С. Виханский, А. И. Наумов, К. Э. Дэвис, Ю. Д. Красовский) [1].

Таким образом, в научной литературе сложились различные подходы к пониманию данной проблемы. Первый подход характеризует социальное партнёрство как специфический тип общественных отношений между профессиональными социальными группами, слоями, классами и властными структурами [2]. Исходя из второго подхода, социальное партнёрство – это конкретный тип социально-трудовых отношений между органами государственной власти, работодателем и трудовым коллективом [3]. В рамках третьего подхода социальное партнёрство рассматривается как мировоззренческая основа согласования и защиты интересов различных социальных групп, слоев, общественных объединений бизнеса и органов власти [4].

Один из представленных выше фундаментальных подходов закреплён в Трудовом кодексе Российской Федерации, согласно которому социальное партнёрство – это система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений [5].

Широкая трактовка понятия «социальное партнёрство» в социальных науках привела к его неоднозначному толкованию в педагогике. В научной педагогической литературе существуют три основные точки зрения на проблему социального партнёрства, исходя из которых социальное партнёрство понимается:

- как разновидность социального взаимодействия и форма отношений (А. В. Боронов, В. Ю. Выборнов, Л. Н. Глебова, Н. С. Игнатьев и др.);
- система взаимодействий и взаимоотношений (Ю. В. Медова, Е. Г. Сафонова);
- управленческая деятельность (Е. К. Кашленко).

Мы согласны с точкой зрения Ю. В. Медовой и Е. Г. Сафоновой на проблему социального партнёрства. Социальное партнёрство в профессиональном образовании помимо компетентностного необходимо рассматривать также с позиции системного подхода. Все субъекты социального партнёрства в профессиональном образовании являются взаимозависимыми и, более того, взаимодополняющими элементами единой системы.

На наш взгляд, формулируя теоретические основы социального партнёрства в профессиональном образовании, целесообразно рассматривать следующие его составляющие: уровни, цель, субъекты, принципы, формы, результат, потенциал.

На наш взгляд, наиболее удачно структура социального партнёрства в образовании представлена в работе А. А. Рыбиной:

– партнерство внутри системы образования между социальными группами данной профессиональной общности;

– партнерство, которое инициирует система образования как особая сфера социальной жизни, делающая вклад в становление гражданского общества;

– партнерство, в которое вступают работники системы образования, контактируя с представителями разных сфер общественного воспроизводства [6].

Данный подход позволяет рассматривать социальное партнёрство не только с точки зрения традиционного подхода, где основными субъектами партнёрских отношений являются три силы общества – государство, работодатели, профсоюзы. В. Ю. Выборнов считает, что наряду с традиционными социальными партнёрами могут быть и дополнительные (родители учащихся, муниципальные органы власти и управления, общественные организации, научные и методические органы, образовательные учреждения) [7]. А. В. Борилов к субъектам социального партнёрства в профессиональном образовании относит учащихся [8].

Некоторые авторы подразделяют субъектов социального партнёрства в профессиональном образовании на внутренних и внешних (Н. С. Игнатьев, И. Н. Маршалова). К внешним субъектам относятся образовательное сообщество (учреждения профессионального образования), профессиональное сообщество (предприятия, коммерческие организации, научно-исследовательские институты, проектные бюро и т. д.), государственно-управленческое сообщество (региональные и муниципальные органы власти, учреждения занятости, СМИ), общественное сообщество (общественные советы, благотворительные фонды, ассоциации выпускников, попечительские советы, молодежные объединения).

Внутренние социальные партнёры профессионального учебного заведения – это субъекты образовательного процесса, непосредственно участвующие в процессе профессиональной подготовки (администрация учебного заведения, преподаватели, технический и обслуживающий персонал, студенты) [9].

Анализируя представленные подходы, на наш взгляд, целесообразно разделять субъектов социального партнёрства в профессиональном образовании на два уровня: личностный и организационный. На личностном уровне к субъектам социального партнёрства в профессиональном образовании относятся обучающиеся, преподаватели, руководители практик.

На организационном уровне к субъектам социального партнёрства относятся образовательные учреждения, органы управления образованием, органы труда и занятости, организации-ра-

ботодатели, бизнес-сообщества. На личностном уровне партнёрские отношения имеют менее формальную структуру. Л. Олсен в книге «Partnership For Social Welfare» рассматривает категорию «партнёрство» в различных ракурсах. По его мнению, в современных партнёрских отношениях не обязательна строгая регламентация, партнёрские отношения могут быть основаны только на взаимном приложении усилий [10].

В научной литературе весьма неоднозначно рассматривается цель социального партнёрства в профессиональном образовании. Н. С. Игнатьев считает, что цели социального партнёрства в профессиональном образовании у различных субъектов различаются [11]. Противоположная точка зрения представлена в исследовании А. Н. Глебовой. По её мнению, субъекты социального партнёрства имеют общие или близкие цели, решают общие проблемы [12]. На наш взгляд, вторая точка зрения наиболее приемлема для социального партнёрства именно в профессиональном образовании. Исходя из того что главный предмет партнёрских отношений в профессиональном образовании – повышение его качества, целью социального партнёрства в профессиональном образовании является совершенствование процесса профессиональной подготовки.

Сущность феномена социального партнёрства в профессиональном образовании просматривается также через характеристику принципов, на которых строится это взаимодействие. Основными принципами социального партнёрства в образовании являются следующие:

- заинтересованность сторон в участии в договорных отношениях;
- уважение и учёт интересов сторон;
- конструктивное сотрудничество партнёров в разрешении спорных вопросов;
- взаимосогласованный контроль;
- добровольность в принятии обязательств;
- обязанность исполнения достигнутых договоренностей;
- ответственность сторон за невыполнение принятых обязательств.

Опираясь на представленные принципы, мы разработали механизм социального партнёрства, реализуемый через следующие формы:

1. Участие работодателей в образовательном процессе:

- создание модели востребованного молодого специалиста;
- организация различных встреч со студентами;
- организация экскурсий студентов на предприятия;
- участие в проведении учебно-ознакомительной, производственной и преддипломной практик;
- участие в формировании тематики курсовых и дипломных проектов;

– участие представителей организации в защитах дипломных проектов, отбор лучших студентов для работы на предприятии;

– участие в итоговой аттестации выпускников.

2. Совместная научно-практическая деятельность:

– совместное проведение научно-практических конференций;

– организация информационного обмена работодателей с выпускающей кафедрой, участие в проведении круглых столов, предоставление работодателем информации о своей компании для разработки учебных пособий.

3. Мероприятия по трудоустройству молодых специалистов:

– проведение ярмарки вакансий;

– совместная разработка индивидуальных моделей карьеры для бакалавров;

– организация процесса адаптации бакалавров (введение в организацию, наставничество, стажировки).

Реализация данных форм социального партнёрства позволит различным субъектам социального партнёрства включиться в систему профессионального образования, тем самым разделить ответственность за результат профессиональной подготовки учащихся.

Результатом социального партнёрства в образовании принято считать «позитивные и ожидаемые участниками изменения» [13]. Несмотря на общность цели социального партнёрства в профессиональном образовании, положительные изменения могут быть различны для разных субъектов данных отношений. Например, для учебного заведения результатом партнёрских отношений может быть улучшение условий подготовки учащегося, совершенствование процесса профессиональной подготовки, оптимизация практических занятий студентов. Для работодателей положительный результат партнёрских отношений – это возможность найма квалифицированного, компетентного специалиста. Специфичность социального партнёрства в сфере профессионального образования заключается в том, что работодатель здесь выступает одновременно как заказчик конечного продукта совместной партнёрской деятельности и как исполнитель данного заказа.

Потенциал социального партнёрства в образовании состоит из совокупности различных видов ресурсов: интеллектуальных, кадровых, финансовых, методических.

Таким образом, в качестве теоретического основания социального партнёрства в профессиональном образовании мы выделяем его составляющие: уровни, цель, субъекты, принципы, формы, результат, потенциал. На наш взгляд, социальное партнёрство в профессиональном образовании – это особый тип взаимодействия об-

разовательного учреждения с органами власти, предприятиями-работодателями, общественными организациями, реализуемый в формах совместного участия в образовательном процессе, совместной научно-практической деятельности, участия в трудоустройстве выпускников, целью которого является повышение качества профессиональной подготовки на основе взаимной активности, ответственности сторон и обоюдной выгоды.

Примечания

1. *Кашленко Е. К.* Организационно-педагогические условия построения социального партнёрства как фактора социализации личности школьника: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2003. 22 с.

2. *Перебудов С. П.* Корпорация, общество, государство: эволюция отношений / РАН; Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). М.: Наука, 2003. 351 с.; *Якимец В. П.* Межсекторное социальное партнёрство: основы, теория, принципы, механизмы. М.: Эудиториал УРСС, 2004. 118 с.

3. *Ветров А. В.* На пути к социальному партнёрству: развитие социально-трудовых отношений в современной России / под ред. А. А. Гордона, Э. В. Клопова и др. М.: Прогресс, 1993. 123 с.

4. *Вержицкий Г. А.* Концепция социального партнёрства муниципальной системы образования. Новокузнецк, 2008. С. 76.

5. Трудовой кодекс РФ: от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ. М.: Юрлитинформ, 2002.

6. *Рыбина А. А.* Социальное партнёрство субъектов образовательного пространства с представителями различных сфер экономики и общественной жизни как важнейшее условие подготовки учащейся молодежи к социально-профессиональному самоопределению. Чехов 2003. URL: <http://www.Labourmarket.ru/conf/reports.php>

7. *Выборнов В. Ю.* Становление социального партнёрства в начальном профессиональном образовании региона: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2003. С. 13.

8. *Бориллов А. В.* Социальное партнёрство как индикатор качества среднего профессионального образования (на примере Омского государственного колледжа отраслевых технологий строительства и транспорта): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2007. Казань, 2005. С. 12.

9. *Игнатъев Н. С.* Социальное партнёрство как условие повышения качества подготовки специалистов в колледже: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2005; *Маршалова И. Н.* Социальное партнёрство как средство формирования корпоративной культуры будущих инженеров: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2010.

10. *Синицына Г. П., Михайлова В. Е.* Образовательное партнёрство учреждений общего и дополнительного образования // Дополнительное образование. 2005. № 7. С. 31.

11. *Игнатъев Н. С.* Указ. соч. С. 14.

12. *Глебова А. Н.* Формирование политики социального партнёрства при разработке и осуществлении законодательства в образовании в 80–90-е гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.: Ин-т теории образования и педагогики РАО, 2002. С. 3.

13. *Кашленко Е. К.* Указ. соч. С. 11.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.628.23

Е. В. Левченко, Т. А. Втюрина

МЕНТАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МОТИВАЦИИ У СТУДЕНТОВ

В статье обсуждаются особенности ментальных репрезентаций мотивации у студентов. Показаны сходные основания и различия в ментальных репрезентациях мотивации в зависимости от психологической направленности и включенности в процесс психологического образования. Реконструирована базовая и развернутая модели ментальной репрезентации мотивации.

In article are discussed the features of mental representations of motivation students. Showing similar reasons and differences in mental representations of motivation, depending on the orientation and psychological involvement in the process of psychological education. Reconstructed basic and detailed model of mental representation of motivation.

Ключевые слова: ментальная репрезентация, мотивация, психологическое знание.

Keywords: mental representation, motivation, psychological knowledge.

В настоящее время в психологической науке наблюдается значительный интерес к исследованию ментальных репрезентаций различных психических явлений. Успешно реализуются задачи изучения ментальных репрезентаций базовых эмоций [1], психологических терминов [2], жизненных ситуаций [3], счастья [4] и др. Основная цель подобных исследований – изучение содержательных аспектов субъективного отображения как психической реальности в целом, так и отдельных ее феноменов, а также способов их понимания и интерпретации. В работах отражаются вопросы реконструкции психологических представлений, описания феноменологии восприятия явлений психики, особенностей отображения человеком собственного внутреннего мира. Изучение того, каким образом во внутреннем плане обычного человека, не имеющего психологического образования, представлены психические явления – важная предпосылка успешности психологического просвещения и образования, результативности психологического консультирования и коррекции.

Понятие *ментальная репрезентация* (*mental representation*) используется в когнитивной психологии, психофизиологии, психолингвистике, социальной психологии, знаменуя переход к построению единой когнитивной модели, объединяющей разрозненные факты, традиционно относимые к процессам перцепции, памяти, внимания [5]. Активное освоение понятия *ментальная репрезентация* в 1970–1980-е гг. было сопряжено с изменением предмета научного поиска, осуществляемого в рамках когнитивной психологии, в частности со смещением акцента с содержания отражения на способы кодирования и переработки информации [6]. Когнитивно ориентированное направление в зарубежной психологии связано с изучением ментальных состояний и ментальных процессов, характеризующих поведение человека. Как отмечает Р. Солсо [7], исследователям, работающим в рамках данного направления, принадлежит допущение, что все наблюдаемое поведение человека детерминируется его внутренними состояниями и ментальными, непосредственно не наблюдаемыми, процессами и механизмами. Таким образом, поставив на первый план проблему внутренней представленности знания, исследователи особое внимание стали уделять таким сложным явлениям, как планирование деятельности, виды и способы отражения мира, его ментальные репрезентации.

Теоретический анализ проблемы показал, что к пониманию данного конструкта авторы подходят по-разному. Е. А. Сергиенко под понятием *репрезентация* подразумевает «представленность себе», «отображение одного в другом или на другое», т. е. речь идет о внутренних структурах, формирующихся в процессе жизни человека, в которых воплощается сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя. «Когнитивные структуры – это не копии образцов, а обобщенно-абстрактные репрезентации – схемы, включающие возможность не только получения знаний, но и способ их получения» [8]. М. А. Холодная определяет понятие *ментальная репрезентация* как актуальный умственный образ того или иного конкретного события, то есть субъективную форму видения, понимания и интерпретации происходящего. Иными словами, ментальные репрезентации являются оперативной формой ментального опыта, они зависят от обстоятельств и строятся в конкретных условиях для

специфических целей и являются специализированной и детализированной умственной картиной события [9].

Таким образом, авторы ведут обсуждение данной проблемы в терминах внутренних структур, формирующихся в процессе жизни человека, психического отражения, включающей проблему субъективного образа, обращаются к рефлексивным процессам, ментальным, непосредственно не наблюдаемым, процессам и механизмам. Парадигма ментальной репрезентации дает возможность исследовать субъективную форму видения, понимания и интерпретации человеком информации не только о внешнем, но и о внутреннем мире, в том числе и о различных явлениях психики.

Необходимость изучения ментальных репрезентаций психических явлений обусловлена дистанцией между научным и житейским психологическим знанием. Как отмечает Ю. М. Забродин, «структура и содержание знания совсем не обязательно совпадают со структурой и содержанием процесса отражения реальной действительности...» [10]. Поэтому важно знать, как устроены исходные системы понятий, индивидуальный контекст значений, как представлены аналоги научных психологических знаний в обыденном сознании.

В процессах взаимодействия с клиентом психолог нередко обращается к регулятивной сфере его личности, его мотивации. Однако то, каким образом это сложное психическое образование представлено в сознании клиента, репрезентировано ему, остается по существу неизвестным. Психолог работает с клиентом как с «черным ящиком», отслеживая процессы взаимодействия лишь на входе и выходе, и не имеет возможности опереться на субъективную картину мотивации, стихийно сложившуюся у клиента.

Разработка проблемы ментальной репрезентации мотивации актуальна и в связи с обучением будущих психологов [11]. Она заключается в том, что субъект, не являющийся носителем научного психологического знания, взаимодействует с психологом, уже изначально он обладает фоновыми житейскими знаниями, установками и представлениями о психике и психическом, которые помогают ему структурировать свой внутренний мир, понимать других людей. Однако психологу, работающему с так называемым наивным субъектом, заранее неизвестно содержание этих представлений и знаний, что может усложнять процесс общения. Поэтому знание ментальных репрезентаций психических явлений, в том числе мотивации, облегчит взаимодействие психолога с непсихологом как в процессе обучения психологии, так и в ходе психологического консультирования.

Исследование мотивации в контексте ментальных репрезентаций позволяет проанализировать представления субъекта о мотивации как результате отображения, анализа, структурирования информации о внутреннем мире субъекта. Предметом изучения выступает не мотивация сама по себе, а то, как субъект думает о мотивации, понимает и осознает мотивацию (т. е. проблема познания субъектом феномена мотивации).

Целью исследования явилось изучение содержания и структуры ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании, выявление универсальности и специфичности в представлениях о мотивации у студентов – будущих психологов и непсихологов, исследование влияния психологического образования на особенности ментальных репрезентаций мотивации. Проверялись гипотезы о существовании как сходного основания, так и различий в ментальных репрезентациях мотивации в зависимости от психологической направленности и включенности в процесс психологического образования, о возможности реконструкции базовой и развернутой моделей ментальной репрезентации мотивации и специфики ее функционирования для двух сравниваемых выборок.

Исследование проводилось на базе Вятского государственного гуманитарного университета. Всего в исследовании приняли участие 360 студентов, которые составили две выборочные совокупности по 180 человек. Первая выборка – студенты-психологи, в процессе профессионального обучения активно, целенаправленно осваивающие научное психологическое знание (в возрасте от 18 до 25 лет; средний возраст испытуемых – 21,6 года). Вторая выборка – студенты, для которых психологическое знание не является профессионально значимым, приобретающие его спонтанно, случайным образом, то есть так называемые наивные испытуемые (студенты математического, физического, филологического факультетов, факультетов управления, технологии и дизайна в возрасте от 17 до 24 лет; средний возраст испытуемых – 20,3 года).

Придерживаясь в своей работе теорий множественной репрезентации [12] (теория Ст. М. Косслина, различающего образную и вербальную репрезентацию; подход А. Пайвио, провозгласившего идею двойного кодирования – вербального и невербального), мы обращаемся к двум (в наибольшей степени адекватным особенностям профессионального общения и обучения) способам реконструкции и изучаем вербально-ассоциативный и образный уровни ментальных репрезентаций. Для их эмпирического исследования применялись ассоциативный эксперимент и метод рисунка. Испытуемым-студентам было предъявлено слово-стимул «мотивация», для

которого было предложено сначала написать не менее пяти ассоциаций, а затем нарисовать (изобразить) «мотивацию» так, как они себе ее представляют.

В ходе обработки результатов исследования подсчитывалась частота встречаемости для всех видов ответов (как слов, так и элементов рисунков) в абсолютных величинах и процентах от количества испытуемых. Проводилась процедура сегментарного контент-анализа (вербальные реакции и элементы рисунков распределялись по категориям с последующим определением частоты их встречаемости среди всей совокупности полученных в каждом задании ответов). Для вербальных ассоциаций определялась групповая мера выраженности (объем ассоциативного поля, ассоциативная беглость, стереотипность реакций и др.); устанавливалась мера семантической близости, определяемая совпадением семантических полей значений для выборок студентов – психологов и непсихологов.

Статистическая обработка результатов проводилась с использованием критерия χ^2 – угловое преобразование Фишера. Расчеты осуществлялись в программе Excel, SPSS 10.0.

Эмпирические результаты исследования вербально-ассоциативного компонента ментальных репрезентаций мотивации. Было установлено, что в группе студентов-психологов предложена 991 ассоциация к слову «мотивация». Ассоциативная беглость составила 5,5 реакций. Словарь различных понятий содержит 271 слово. Количество стандартных (с частотностями более двух) ассоциаций всего составило 734 (74,07%), различных – 60 (22,14%). Частота индивидуальных реакций – 257 (25,93%), различных 211 (77,86%). Ассоциации, которые упоминались хотя бы 7% респондентов, составляют 541 реакцию (54,59%).

В группе студентов-непсихологов предложено 824 ассоциации. Ассоциативная беглость составила 4,6 реакции. Словарь различных понятий со-

держит 325 слов. Количество стандартных ассоциаций всего составило 524 (63,59%), различных 56 (17,23%). Частота индивидуальных реакций – 300 (36,41%), различных – 269 (82,77%). Ассоциации, которые упоминались хотя бы 7% респондентов, составляют 304 реакции (36,89%).

Сопоставление полученных данных выявило значимые различия по всем рассмотренным показателям, за исключением ассоциативной беглости. Вслед за А. А. Григорьевым, М. С. Кленской [13] и рядом других авторов [14], которые указывают, что в исследованиях ассоциативных полей значительное место занимают разнообразные сопоставления, нами была проведена количественная оценка близости ассоциативного поля на стимул «мотивация». Полученное значение показателя близости ($W = 0,48$) говорит о том, что при отображении понятия *мотивация* обе группы испытуемых пользуются близкими, но не идентичными словарями.

Для выявления особенностей репрезентаций мотивации в экспериментальных группах был проведен сравнительный анализ слов-ответов по частоте встречаемости. В табл. 2 представлены общие для сравниваемых выборок ассоциации, упоминающиеся хотя бы 7% респондентов.

Результаты сравнения также показали, что из 19 наиболее часто употребляющихся понятий 7 не имеют значимых различий по частоте встречаемости в выборках психологов и непсихологов, а 12 – имеют. В число ассоциаций, репрезентирующих общие компоненты значений, попали ответы *цель, побуждение, мотив, действие, интерес, необходимость, результат*.

Частота обращений к 12 составляющим приведенного в табл. 2 списка в сравниваемых группах студентов имеет достоверные различия. В целом, частота использования ассоциаций имеет более высокие значения в группе психологов в силу большего объема используемого ими словаря. Для студентов-психологов достоверно выше

Таблица 1
Количественные показатели встречаемости вербальных ассоциаций на стимул «мотивация»

Показатели	Студенты-психологи	Студенты-непсихологи	χ^2 -критерий Фишера	Уровень значимости
Кол-во ассоциаций	991	824	5,543	$p \leq 0,01$
Ассоциативная беглость	5,5	4,6	1,542	$p \geq 0,05$
Словарь различных понятий	271	325	5,451	$p \leq 0,01$
Частота стандартных (стереотипных) ассоциаций (%)	74,07	63,59	4,836	$p \leq 0,01$
Частота индивидуальных (отдельных) реакций (%)	25,93	36,41	4,815	$p \leq 0,01$
Объем ассоциаций, упоминаемый 7% респондентов (%)	54,59	36,89	7,572	$p \leq 0,01$

частота таких ассоциаций, как *желание, стремление, деятельность, стимул, потребность, работа, заинтересованность, достижение, успех, учеба*. Студенты-непсихологи достоверно чаще используют лишь две ассоциации из списка – *причина, объяснение*.

Из табл. 2 также можно видеть, что семипроцентный барьер преодолевают 18 слов из списка группы студентов-психологов и лишь 12 – из списка ответов непсихологов, причем ранги слов в каждой из групп различаются. Для определения структуры поля полученных ассоциаций в каждой из групп была использована методика прототипического анализа П. Вержеса [15]. Обработка данных сводилась к распределению полученных в ассоциативном эксперименте ассоциаций на «зоны» в зависимости от частоты встречаемости и ранга ассоциации. В зону ядра попадают ассоциации, имеющие низкий ранг и высокую частоту встречаемости, к периферической зоне, напротив, относятся ассоциации с высоким рангом и низкой частотой встречаемости. К переходной области – так называемой зоне изменений – относятся как ассоциации с низким рангом и высокой частотой, так и ассоциации с высоким рангом и низкой частотой. Согласно И. Б. Бовиной, А. Ю. Драгульской [16],

элементы ядра придают смысл всему представлению и имеют наибольшее количество связей с остальными элементами, и, в частности, с элементами периферической системы. Элементы периферической системы осуществляют связь ядра представления с реальностью, задавая тем самым контекст представления.

Результаты прототипического анализа позволили конкретизировать описанные выше различия между сравниваемыми выборками. Ядро ментальных репрезентаций мотивации в двух группах на две трети сходно: у студентов-психологов оно представлено ассоциациями *цель, побуждение, мотив, стимул*; у студентов-непсихологов – словами *цель, мотив, побуждение* (табл. 3). Однако периферия и зона изменений представлены несовпадающими ассоциациями, причем их список у студентов-непсихологов значительно короче, чем у психологов.

Результаты исследования образного компонента ментальных репрезентаций мотивации. Описание образной репрезентации мотивации получено путем описания 360 изображений, в которых были выделены формальные и содержательные элементы.

Было установлено, что в группе студентов-психологов предложено 475 формальных и 447 со-

Таблица 2

**Результаты ассоциативного эксперимента
(общие ассоциации, упоминающиеся в обеих
или в одной из сравниваемых выборок хотя бы 7% респондентов)**

Ассоциации к понятию «Мотивация»	Частота встречаемости				ф-критерий Фишера	Уровень значимости
	студенты-психологи		студенты-непсихологи			
	кол-во	%	кол-во	%		
Цель(и)	63	35,0	68	37,8	0,550	p ≥ 0,05
Желание	51	28,3	14	7,8	5,275	p ≤ 0,01
Побуждение	51	28,3	38	21,1	1,584	p ≥ 0,05
Стремление	44	24,4	15	8,3	4,26	p ≤ 0,01
Мотив	43	23,9	46	25,6	0,37	p ≥ 0,05
Деятельность	37	20,6	17	9,4	3,026	p ≤ 0,01
Стимул	31	17,2	16	8,9	2,362	p ≤ 0,01
Действие	26	14,4	26	14,4	0	p ≥ 0,05
Потребность(и)	26	14,4	10	5,6	2,846	p ≤ 0,01
Работа	24	13,3	13	7,2	1,935	p ≤ 0,05
Заинтересованность	23	12,8	4	2,2	4,117	p ≤ 0,01
Достижение	22	12,2	6	3,3	3,311	p ≤ 0,01
Успех	19	10,6	4	2,2	3,463	p ≤ 0,01
Учеба	18	10,0	6	3,3	2,647	p ≤ 0,01
Интерес	17	9,4	9	5,0	1,632	p ≥ 0,05
Необходимость	17	9,4	9	5,0	1,632	p ≥ 0,05
Причина	16	8,9	38	21,1	3,311	p ≤ 0,01
Результат	13	7,2	11	6,1	0,417	p ≥ 0,05
Объяснение	1	0,6	13	7,2	3,681	p ≤ 0,01

держательных единиц. Словарь различных образов содержит 61 единицу. Количество стандартных образов всего составило 892 (96,75%), различных – 39 (63,93%). Частота индивидуальных реакций – 30 (3,25%), различных – 22 (36,07%). Образы, которые упоминались хотя бы 5% респондентов, составляют 779 единиц (84,49%).

В группе студентов-непсихологов предложено 550 формальных и 467 содержательных единиц. Словарь различных образов содержит 66 единиц. Количество стандартных образов всего составило 989 (97,25%), различных – 43 (65,15%). Частота индивидуальных реакций – 28 (2,75%), различных – 23 (34,85%). Образы, которые упоминались хотя бы 5% респондентов, составляют 863 единицы (84,86%) (табл. 4).

Для выявления особенностей образных репрезентаций мотивации в экспериментальных группах был проведен сравнительный анализ формальных и содержательных характеристик рисунков по частоте встречаемости. В табл. 5 и 6 анализируются общие образы, представленные в обеих или в одной из сравниваемых выборок хотя бы 5% респондентов.

Эмпирические данные, полученные с помощью методики рисунка, свидетельствуют как об общности, так и о различиях в использовании испытуемыми двух сравниваемых групп своего рода словаря образов, имажикона. В обеих группах испытуемых наиболее предпочитаемым приемом рисования является использование композиции. Высока частота отображения в рисунке динами-

Таблица 3

Ядерно-периферическая структура ассоциативного поля

Компоненты ядерно-периферической организации ассоциативного поля	Студенты-психологи	Студенты-непсихологи
Ядро	Цель (63; 2,95) Побуждение (51; 2,31) Мотив (43; 2,09) Стимул (31; 2,96)	Цель (68; 2,16) Мотив (46; 2,49) Побуждение (38; 2,34)
Зона изменений	Желание (51; 3,49) Стремление (44; 3,79) Деятельность (37; 3,78) Заинтересованность (23; 3,04) Учеба (18; 2,94) Интерес (17; 2,64)	Причина (38; 3,08) Действие (26; 2,61) Стимул (16; 2,37) Работа (13; 2,69)
Периферия	Действие (26; 3,5) Потребность (26; 3,88) Работа (24; 4,16) Достижение (22; 4,04) Успех (19; 3,73) Необходимость (17; 3,76) Причина (16; 4,25) Результат (13; 3,92)	Деятельность (17; 2,94) Стремление (44; 3,79) Желание (14; 3,78) Объяснение (13; 3,15)

Таблица 4

Количественные показатели встречаемости образных элементов в рисунках «мотивации»

Показатели	Студенты-психологи	Студенты-непсихологи	ф-критерий Фишера	Уровень значимости
Формальные единицы	475	550	3,35	$p \leq 0,01$
Содержательные единицы	447	467	0,941	$p \geq 0,05$
Словарь различных образов	61	66	0,088	$p \geq 0,05$
Частота стандартных (стереотипных) образов (%)	96,75	97,25	0,638	$p \geq 0,05$
Частота индивидуальных (отдельных) образов (%)	3,25	2,75	0,638	$p \geq 0,05$
Объем образов, упоминаемый 5% респондентов (%)	84,49	84,86	0,242	$p \geq 0,05$

ки отображаемого феномена. Для обеспечения большей свободы выражения индивидуальных значений репрезентируемого понятия испытуемые нередко привлекают вербальные средства (надписи, реплики), знаки и символы. Из содержательных элементов наиболее часто привлекаются изображения человека и его эмоций, а также проявлений активности – действий.

Анализ статистически значимых различий количественных данных показал, что студенты-психологи в целом существенно уступают студентам-непсихологам по частоте использования в рисунках формальных элементов: приема абстракции, знаков, символов, линий, геометрических фигур. Единственный прием, к которому значительно чаще обращаются студенты первой группы – это композиция, что свидетельствует о це-

лостности передаваемой в рисунке образной репрезентации. Анализируя различия в содержательных элементах изображений, можно отметить, что психологи чаще связывают мотивацию с позитивными эмоциями изображенного на рисунке человека, используют изображения мебели как атрибута различных видов деятельности человека.

У студентов-непсихологов уровень целостности и обобщенности рисунков, как правило, невысок: изображение нередко распадается на отдельные, с конкретным содержанием, фрагменты. В изображении чаще используются элементы, затрудняющие декодирование, – абстрактные составляющие, линии, знаки, символы, геометрические фигуры. Использование абстрактных элементов чаще восполняется вербально (надписями, письменными комментариями рисунка). Из числа

Таблица 5

**Частота встречаемости формальных элементов рисунков мотивации
(в % от количества испытуемых в каждой группе)**

Формальные элементы рисунков	Частота встречаемости		ф-критерий Фишера	Уровень значимости
	студенты-психологи	студенты-непсихологи		
Композиция	88,33	63,89	5,597	$p \leq 0,01$
Отдельное изображение	9,44	13,33	1,176	$p \geq 0,05$
Абстракция	8,33	16,11	2,296	$p \leq 0,05$
Образы-схемы	6,67	6,67	0	$p \geq 0,05$
Знаки, символы	27,22	47,78	4,079	$p \leq 0,01$
Линии	1,67	10,00	3,624	$p \leq 0,01$
Геометрические фигуры	2,78	10,56	3,102	$p \leq 0,01$
Статика	32,78	40,56	1,537	$p \geq 0,05$
Динамика	75,56	71,11	0,968	$p \geq 0,05$
Реплика, надписи	10,00	24,44	3,69	$p \leq 0,01$
Отказ рисовать	1,11	1,11	0	$p \geq 0,05$

Таблица 6

**Частота встречаемости содержательных элементов рисунков мотивации
(в % от количества испытуемых в каждой группе)**

Содержательные элементы рисунков	Частота встречаемости		ф-критерий Фишера	Уровень значимости
	студенты-психологи	студенты-непсихологи		
Ситуации, коммуникация	12,22	18,33	1,613	$p \geq 0,05$
Действия	71,11	68,33	0,569	$p \geq 0,05$
Человек	71,67	76,11	0,949	$p \geq 0,05$
Грусть, слезы	6,11	2,78	1,546	$p \geq 0,05$
Радость, улыбка	27,22	16,67	2,419	$p \leq 0,01$
Живая природа	6,67	12,22	1,802	$p \leq 0,05$
Неживая природа	5,56	7,22	0,617	$p \geq 0,05$
Учеба и ее атрибуты	14,44	15,00	0,161	$p \geq 0,05$
Предметы быта	33,89	42,78	1,736	$p \leq 0,05$
Продукты	2,22	6,67	2,144	$p \leq 0,05$
Денежные знаки	5,56	16,67	3,453	$p \leq 0,01$
Мебель	7,22	1,67	2,666	$p \leq 0,01$
Строения, дом	9,44	8,89	0,161	$p \geq 0,05$

содержательных элементов значимо чаще используются изображения живой природы, предметов быта, продуктов и денежных знаков как стимулов, инициирующих активность человека.

Таким образом, эмпирическое исследование позволило установить как общность, так и различия вербальных и образных компонентов ментальной репрезентации мотивации у студентов-психологов и студентов-непсихологов. Соответственно можно полагать, что имеется общая базовая ментальная модель мотивации (рис. 1), функционирование и дополнение (развитие) которой осуществляется в сравниваемых выборках несовпадающим образом.

Она выстроена на основании списка ассоциаций, не имеющих в сравниваемых группах значимых различий по частоте встречаемости, а также по данным прототипического анализа, свидетельствующим о почти полной идентичности в этих же группах ядра структуры представлений о мотивации. Содержание списка свидетельствует о том, что мотивация репрезентируется в деятельностном кон-

тексте как составляющая целостного акта деятельности. Модель отражает психологическую структуру деятельности: ее исходный элемент (*цель*), активность, направленную на достижение цели (*действие*) и *результат*, означающий успешное завершение активности. Начальный и процессуальный элементы модели имеют мотивационную (энергетическую) подпитку запускаемого процесса, представленную в модели объективной и субъективной сторонами мотивации. Постановка и удержание цели обеспечивается побуждением (глубинно-субъективная сторона) и/или мотивом (объективная, наблюдаемая, по А. Н. Леонтьеву, сторона). Процесс достижения цели поддерживается интересом (глубинно-субъективная сторона) и/или необходимостью (объективная, внешняя сторона).

Яркость цвета отображает различия в частоте встречаемости понятий. В соответствии с данными в модели акцентировано начальное звено. Оно и представлено в ядре структуры ассоциативного поля, полученного при применении прототипического анализа.

Рис. 1. Базовая ментальная модель мотивации (общая для студентов-психологов и студентов-непсихологов)

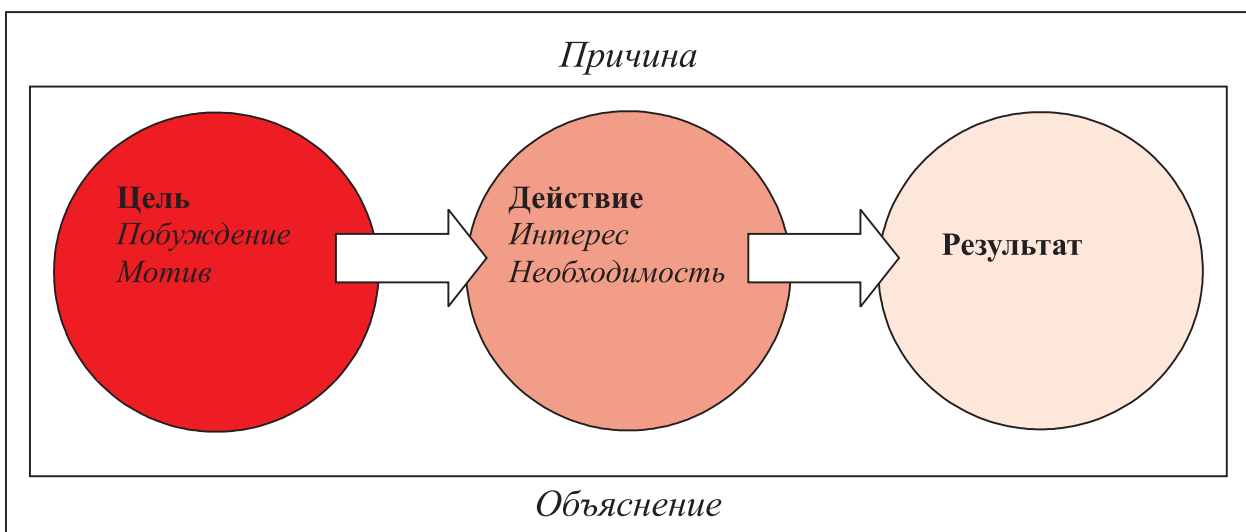

Рис. 2. Ментальная модель мотивации у студентов-непсихологов

Функционирование этой модели у студентов-непсихологов связано с уходом в сторону метарефлексивных категорий *причина, объяснение*, которые не обогащают психологическую картину мотивации, а выступают, если воспользоваться метким выражением В. Н. Мясищева, как «словесное прикрытие неизвестных причин». Вербальный дефицит студенты-непсихологи компенсируют за счет насыщения ментальной репрезентации мотивации абстрактными образными элементами.

У психологов функционирует обогащенный, психологически содержательный, развернутый вариант модели. Обогащение базовой модели осуществляется в этом случае за счет детализации содержания субъективного, глубинно-психологического компонента модели (табл. 7).

Работу описанных моделей можно продемонстрировать на материале ядерно-периферической структуры вербально-ассоциативного поля (табл. 3). Из таблицы можно видеть, что у студентов-психологов зона изменений и периферия наполнены понятиями, относящимися к содержанию субъективного компонента модели (11 ассоциаций из 13), в то время как у непсихологов этот компонент представлен лишь 5 ассоциациями из 8. Психологи лишь в последнюю очередь обращаются к метарефлексивным, психологически бессодержательным категориям (*причина*), в то время как у непсихологов ранг этого понятия достаточно высок (на границе с ядром).

Резюмируем сказанное. Эмпирическое исследование вербальных и образных компонентов ментальной репрезентации мотивации у студентов-психологов и непсихологов позволило воссоздать базовую, общую для двух групп, ментальную модель мотивации. По содержанию эта модель является деятельностной, так как в ней нашли отражение основные компоненты структуры деятельности с акцентом на начальном зве-

не (*цель, действие, результат* и мотивационное обеспечение первых двух звеньев).

У непсихологов функционирование этой модели осуществляется при минимизации использования вербальных средств (психологически содержательных, глубинно-субъективных понятий) и максимизации использования абстрактных образных средств ментальной репрезентации мотивации. У психологов модель развивается в сторону наполнения субъективного компонента, активного привлечения вербальных средств для его насыщения, детализации при минимизации обращения к метарефлексивным компонентам.

Примечания

1. Подпругина В. В., Блинникова И. В. Ментальные репрезентации эмоций у учащихся общеобразовательной школы и школы искусств // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 3. С. 31–44.

2. Кильченко О. И. Ментальная репрезентация психологических терминов: дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2003.

3. Цымбалюк А. Э. Ментальная репрезентация жизненных ситуаций в юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2010.

4. Свередюк Е. В. Ментальные репрезентации счастья студентов-психологов // Современные научные исследования и инновации. 2011. Май. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/05/543>

5. Брушлинский А. В., Сергиенко Е. А. Ментальная репрезентация как системная модель в когнитивной психологии // Ментальная репрезентация: динамика и структура. М., 1998. С. 5–22.

6. Тамерьян Т. Ю. Понятие ментальной репрезентации в когнитивной лингвистике. URL: <http://www.viu-online.ru/science/publ/bulleten17/page34.html>

7. Солсо Р. А. Когнитивная психология. М.: Три-вола, 2002. 598 с.

8. Сергиенко Е. А. Современное состояние исследований когнитивных процессов // Психологический журнал. 2002. № 2. С. 21.

9. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп.

Таблица 7

Ментальная модель мотивации у студентов-психологов

Структура деятельности	Объективный компонент (описание с позиции внешнего наблюдателя)	Субъективный компонент (описание с позиции внутреннего наблюдателя, с психологической позиции)
Начальное звено и его мотивация	<i>Цель(и)</i> <i>Мотив</i> <i>Потребность(и)</i>	<i>Побуждение</i> <i>Желание</i> <i>Стремление</i>
Процесс осуществления	<i>Учеба</i> <i>Работа</i>	<i>Деятельность</i> <i>Действие</i>
Собственно мотивация процесса	<i>Внешняя мотивация</i> <i>Стимул</i> <i>Необходимость</i>	<i>Внутренняя мотивация</i> <i>Интерес</i> <i>Заинтересованность</i>
Результат	<i>Результат</i>	<i>Достижение</i> <i>Успех</i>
Метарефлексивные категории	<i>Объяснение</i>	<i>Причина</i>

СПб.: Питер, 2002. 272 с. (Сер. «Мастера психологии»).

10. Забродин Ю. М. Практическая психология и управление социально-экономическими процессами // Вестник практической психологии образования. 2007. № 1(10). С. 106.

11. Левченко Е. В. Психологическое познание как предмет исследования // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 2(28). С. 4–25.

12. Ребеко Т. А. Ментальная репрезентация как формат хранения информации // Ментальная репрезентация: динамика и структура. М., 1998. С. 25–54.

13. Григорьев А. А., Клеменская М. С. Проблемы количественного анализа в сопоставительных исследованиях ассоциативных полей // Языковое сознание и образ мира / под ред. Н. В. Уфимцевой. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 313–318.

14. Палкин А. Д. Ассоциативный эксперимент как способ кросскультурного исследования образов сознания // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 54–63; Мартинович Г. А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 93–99.

15. Бовина И. Б., Драгульская А. Ю. Представления студентов о науке и об ученом // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 73–85; Левченко Е. В., Продоликова А. Г. Сравнение возможностей количественных и качественных методов в исследовании социальных представлений (на примере изучения представлений о сознании и бессознательном) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4(3). С. 79–92.

16. Бовина И. Б., Драгульская А. Ю. Указ. соч.

УДК 159.922.7

Т. Н. Князева, Н. Н. Куимова

К ПРОБЛЕМЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ АДАПТИВНОСТИ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ИЗ НАЧАЛЬНОЙ В ОСНОВНУЮ ШКОЛУ

В статье рассматривается проблема развития и дифференциальной диагностики адаптивности в переходный период развития ребенка – 10–12 лет. Анализируются психологические характеристики адаптивности, позволяющие диагностировать специфику этого свойства у школьников, имеющих задержку и норму психического развития. Представлены экспериментальные данные в виде карты дифференциальной диагностики, а также варианты (типы) развития адаптивности учащихся на этапе перехода из начальной в основную школу.

Describes a problem developing and adaptive differential diagnosis of child development during the transitional period is 10–12 years. Psychological characteristics of adaptability are analyzed to diagnose the specificity of this property in school children with delay and rule of mental development. Experimental data are presented in the form of maps of differential diagnosis, as well as variants (types of) development adaptability of students transition from elementary to primary school.

Ключевые слова: адаптивность, диагностика адаптивности, задержка психического развития, младший подростковый возраст, варианты (типы) адаптивности.

Keywords: adaptability, Adaptive diagnosis, delayed mental development, adolescence, variants (types) of adaptability.

Проблема индивидуально-личностных ресурсов человека обозначилась в психологии давно. Особое место в анализе этой проблемы занимает такая характеристика личности, как адаптивность. Процессы взаимодействия организма и окружающей среды достаточно давно рассматривались в рамках естественнонаучного знания; затем проблема адаптации расширилась до области гуманитарных и социальных наук, при этом обогатившись новыми идеями и приобретая более глубокое содержание и значение.

Одним из важнейших положений теории социально-психической адаптации личности является идея о том, что в сложных проблемных ситуациях адаптивные процессы личности протекают с участием не отдельных, изолированных механизмов, а их комплексов. Эти адаптивные комплексы вновь и вновь актуализируются и используются в сходных социальных ситуациях, закрепляются в структуре личности и становятся подструктурами ее способностей к процессу адаптации [1]. Таким образом, общая способность субъекта к адаптации – адаптивность – формируется в процессе самой адаптации (деятельности) и как общая способность является индивидуально-психическим свойством человека.

Исследователями понятие «адаптивность» трактуется довольно широко:

- как изменчивость поведения в соответствии с ролевыми ожиданиями других [2];
- как личностное свойство [3];
- как способность к приспособлению, которая отражает уровень врожденных и приобретенных в жизни качеств человека [4].

Адаптивные способности рассматриваются учёными в совокупности ряда структурных составляющих. Исследуя структуру адаптивности, авторы выделяют разные критерии (показатели, комплексы) рассматриваемого нами явления у разных категорий испытуемых: от старших подростков [5] до взрослых [6].

Однако недостаточно исследований, посвященных изучению индивидуальных различий адаптивности на ранних этапах развития этого свойства, в частности, в период младшего школьного и младшего подросткового возраста.

Адаптивность как общая способность к адаптации – это индивидуально-психическое свойство, которое в младшем подростковом возрасте находится в процессе формирования. Учёные, изучающие период 10–12 лет, подчёркивают, что это воз-

раст активного формирования различных индивидуальных особенностей, которые пока слабо изучены. Вместе с тем возрастной период 10–12 лет является не только малоизученным, но и проблемным. Проблемность его выражается в пересечении двух переходов: социально-образовательного – из начальной школы в среднюю и онтогенетического – из младшего школьного возраста в подростковый; а также наличием двух кризисов: возрастного и образовательного, что и определяет своеобразие его характеристик. Тот факт, что этап перехода из начальной в основную школу обостряет развитие адаптивных механизмов [7], делает этот период чрезвычайно важным как с точки зрения изучения специфики становления индивидуальных характеристик адаптивности, так и возможностей оценки общей способности к адаптации субъекта в будущем.

Особую значимость эта проблема приобретает, если речь идёт о детях с нарушениями развития. В настоящее время значительно актуализировались вопросы, связанные с процессом интеграции детей с различными формами дизонтогенеза, в частности учащихся с задержкой психического развития (ЗПР) в общеобразовательную среду.

Данные клиницистов и психофизиологов, изучавших младших школьников с ЗПР [8], показывают, что недоразвитие познавательной деятельности у детей с ЗПР, обусловленное недостаточностью функций некоторых мозговых структур, приводит к диффузной несформированности высших психических функций. В связи с этим такие важные для обучения психологические характеристики ребёнка, как работоспособность, уровень интеллектуального и речевого развития, объём памяти, внимания, произвольная регуляция деятельности, в силу нарушения нормального развития (функционирования) мозговых структур и межполушарных связей отстают от возрастной нормы. Таким образом, психофизиологические недостатки развития могут обуславливать специфику формирования такого индивидуального свойства, как адаптивность.

Однако данных, показывающих развёрнутую картину тех личностных характеристик, которые формируются, проявляются в этот период как составляющие способностей к адаптации у младших подростков, и в возрастной, и в коррекционной психологии сегодня явно недостаточно. Не исследованными остаются механизмы тех психологических новообразований, которые составляют основу адаптивности ребёнка в переходный период развития – 10–12 лет.

Отсутствие чётких показателей адаптивности затрудняет процесс диагностики этого интегративного свойства личности, оценку его становления и развития. Обращаясь к проблеме инди-

видуально-личностных ресурсов детей с ЗПР и учитывая факт, что адаптивные возможности субъекта повышаются именно в переломные периоды развития, мы обратились к изучению специфики адаптивности детей с ЗПР на возрастном отрезке 10–12 лет, который по времени совпадает с периодом перехода на новую (основную) ступень обучения и в то же время является этапом, соединяющим два возраста: младший школьный и подростковый. Значимость этого периода в становлении личности отмечается рядом психологов [9]. Однако потенциал адаптивности ребёнка в этом возрасте в аспекте специфики его развития и возможности коррекции (формирования) не раскрыт.

В связи с этим мы полагаем, что изучение особенностей становления адаптивности учащихся с задержкой развития в сравнении со сверстниками, не имеющими этих нарушений на этапе 10–12 лет, позволит лучше понять потенциал их индивидуального развития, а также выявить психологические характеристики общей способности к адаптации, позволяющие дифференцировать формы онто- и дизонтогенеза в предподростковом возрасте.

Опираясь на данные психологических исследований, мы полагаем, что адаптивность как сложное, многоструктурное свойство личности на этапе 10–12 лет активно развивается. Для более глубокого и разностороннего изучения этого сложного образования мы выделили в нём диагностически важные структурные компоненты: **индивидуально-психический, социально-личностный и субъектно-деятельностный.**

При изучении **индивидуально-психических** характеристик адаптивности учащихся мы исследовали особенности их эмоциональных проявлений (устойчивость – неустойчивость; интровертированность – экстравертированность), особенности характера (возможные акцентуации) младших подростков и уровень их тревожности на этом этапе развития (при переходе с одной школьной ступени на другую). Их изучение осуществлялось с помощью опросника Г. Айзенка (подростковый), тест-опросника Г. Шмишека, методики изучения тревожности А. М. Прихожан.

Среди **социально-личностных** характеристик, влияющих на становление адаптивных свойств субъекта, учёными называется целый комплекс свойств. В своем исследовании мы рассматриваем те качества личности, которые связаны именно с периодом развития 10–12 лет, в частности: самооценку; особенности личности, характеризующие склонность ребёнка к конфликтам; качества, определяющие стиль поведения и общения в конфликтной ситуации. Для изучения этих характеристик нами применялись тест «Самооценка» А. Д. Столяренко, методика «Личност-

ная агрессивность и конфликтность» Е. П. Ильина, методика «Стиль поведения в конфликте» К. Н. Томаса.

Субъектно-деятельностные характеристики личности младшего подростка определяют его

позицию и отношение к деятельности, в процессе которой изучается (и развивается) адаптивность. По данным психологов, важнейшими в этом аспекте являются такие личностные характеристики, как мотивация, активность, самостоятель-

Таблица 1

Психологическая карта дифференциальной диагностики адаптивности учащихся 10–12 лет с ЗПР и НПР на этапе перехода из начальной в основную школу

Специфические особенности адаптивности у учащихся 10–12 лет			
ЗПР		НПР	
Преобладающие специфические показатели индивидуально-психического развития			
4-й класс	5-й класс	4-й класс	5-й класс
эмоциональная неустойчивость		эмоциональная устойчивость	
экстравертированность	интровертированность	доминирование не выражено	экстравертированность
«циклотимный» и «демонстративный» акцентуированные типы		«гипертимный» и «возбудимый» акцентуированные типы	
«школьная» и «самооценочная» тревожность	«школьная» тревожность	«самооценочная» и «межличностная» тревожность	«самооценочная» тревожность
Общевозрастные показатели			
– частая смена настроения (повышенная активность и возбудимость сменяется подавленностью и заторможенностью);			
– тревожность, связанная с межличностным взаимодействием (5-й класс)			
Преобладающие специфические показатели социально-личностного развития			
высокий уровень самооценки	высокий и выше среднего уровни самооценки	высокий уровень самооценки	доминирование не выражено
в конфликтной ситуации склонны к подозрительности и компромиссу		в конфликтной ситуации склонны к вспыльчивости и обидчивости	
пассивная линия поведения в конфликте, его избегание		активность и настойчивость в отстаивании своей позиции	
стиль поведения в конфликте: «сотрудничество»	стили поведения в конфликте: «сотрудничество» и «приспособление»	нет доминирующих стилей поведения в конфликте	стили поведения в конфликте: «соперничество» и «компромисс»
Общевозрастные показатели			
– неустойчивость самооценки			
Преобладающие специфические показатели субъектно-деятельностного развития			
средний уровень мотивации (преобладает положительное отношение к школе, познавательный интерес фиксируется избирательно к некоторым предметам)		высокий уровень мотивации (преобладает активно-положительное отношение к школе, явный познавательный интерес)	
доминируют «позиционный» и «внешний» мотивы	доминируют «социальный» и «внешний» мотивы	доминируют «учебный» и «позиционный» мотивы	доминирует «позиционный» мотив
уровни саморегуляции средний неустойчивый и средний с тенденцией к низкому	уровни саморегуляции от высокого до среднего с тенденцией к низкому	уровни саморегуляции стабильно высокий и средний с тенденцией к высокому	уровни саморегуляции от стабильно высокого до среднего с тенденцией к низкому
уровень самостоятельной активности – средний неустойчивый	уровни самостоятельной активности: от высокого до среднего с тенденцией к низкому	уровни самостоятельной активности: высокий и средний с тенденцией к высокому	уровни самостоятельной активности: от высокого до среднего неустойчивого
Общевозрастные показатели			
– снижение учебной мотивации от 4-го к 5-му классу;			
– преобладание «позиционного мотива»			

ность и саморегуляция. Их изучение проводилось с помощью методики изучения мотивации учения школьников И. Г. Антоновой, И. А. Финько и метода экспертных оценок «Карта обследования подростков» (модифицированный вариант опросника С. А. Беличевой).

В исследовании принимали участие испытуемые 4-х и 5-х классов с ЗПР (53 учащихся) и развивающихся в норме (НПР – 51 учащийся), всего 104 учащихся общеобразовательных школ г. Нижнего Новгорода.

Полученные результаты позволили дифференцировать показатели адаптивности у изучаемых детских категорий на этапе 10–12 лет, что послужило основой для составления нами психологической карты дифференциальной диагностики адаптивности учащихся 10–12 лет с ЗПР и НПР при переходе из начальной в основную школу (на основе статистически значимых данных по всем применявшимся методикам, см. табл. 1).

Сравнительный анализ психодиагностических компонентов адаптивности у испытуемых 10–12 лет с ЗПР и НПР, проведённый с помощью метода кластерного анализа «Иерархический кластерный анализ с более чем двумя переменными» (Hierarchical Cluster Analysis) позволяет выделить варианты (типы) адаптивности учащихся 10–12 лет при переходе из начальной в основную школу.

Данный метод статистической обработки данных позволил выделить четыре варианта адаптивности у наших испытуемых 10–12 лет. Выделение этих вариантов проводилось на основе частоты наблюдаемых показателей изучаемых характеристик адаптивности у обеих категорий детей. Полученные кластерные группировки можно считать экспериментально выделенными вариантами (типами) адаптивности на возрастном этапе её развития – 10–12 лет у младших подростков с ЗПР и НПР. Количественный состав групп испытуемых, представленный в каждом варианте адаптивности, указан в табл. 2.

Таблица 2

Количественный состав групп испытуемых в каждом варианте адаптивности, в %

Контингент испытуемых	Варианты (типы) адаптивности учащихся 10–12 лет			
	1	2	3	4
4, 5-е классы ЗПР	2	51	43	4
4, 5-е классы НПР	20	58	20	2

Как видно из таблицы, наиболее характерными вариантами для изучаемых групп учащихся на этапе 10–12 лет являются второй и третий типы. Качественная характеристика выделенных

типов адаптивности учащихся при переходе из начальной в основную школу определяется следующим:

1-й тип – активно-адаптивный (инициативный). Данный вариант включил 2% детей с ЗПР и 20% сверстников с НПР.

Для учащихся 1-го типа характерно преобладание стабильной эмоциональной устойчивости (эмоциональная неустойчивость проявляется эпизодически), выраженная самостоятельная активность, инициативность и общительность; высокие показатели саморегуляции и самоконтроля в процессе деятельности; высокий уровень учебной мотивации с преобладанием позиционного мотива. Самооценка проявляется в границах от среднего до неадекватно низкого уровня. Высокий уровень самооценочной тревожности. В процессе общения со сверстниками могут проявлять вспыльчивость, обидчивость, бескомпромиссность и соперничество. Значительно реже используют такой тип поведения как приспособление. Эти дети редко испытывают трудности со сменой круга общения при переходе на новую ступень обучения. У них проявляется склонность к лидерству, без ярко выраженного эгоцентризма.

2-й тип – ситуативный-адаптивный (подстраиваемый). Данная модель включила 51% детей с ЗПР и 58% сверстников с НПР.

У учащихся 2-го типа эмоциональная устойчивость – неустойчивость ярко не выражена, проявление этих качеств у детей данной группы зависит от ситуации; характерны активное поведение и способность регулировать своё поведение при наличии яркой мотивации к этому. Отмечается преобладание позиционного мотива. Фиксируется устойчивая самооценка высокого или среднего уровня. Тревожность не имеет ярких проявлений. Дети не испытывают тревогу со сменой круга общения при переходе в пятый класс. В трудной ситуации чаще выбирают такие стили взаимодействия, как сотрудничество, компромисс, приспособление; редко проявляют вспыльчивость, обидчивость, демонстративность поведения. Стремление к лидерству ярко не выражено.

3-й тип – пассивно-адаптивный (тревожный). Данная модель включила 43% детей с ЗПР и 20% сверстников с НПР.

Для учащихся 3-го типа характерны эмоциональная неустойчивость, преобладание пассивной личностной позиции, слабо выраженная общительность, низкая активность и инициативность. У них наблюдается частая смена настроения. Дети склонны к подозрительности и демонстративному поведению, но к открытому соперничеству не стремятся. Чаще соглашаются с готовым решением. Самооценка от высокой до неадекватно высокой. Высокий уровень школьной тревожности. Снижен уровень познавательной активнос-

ти и преобладает внешняя мотивация. Испытывают трудности со сменой круга общения; обладают выраженным эгоцентризмом, склонностью к конфликтам; испытывают трудности с саморегуляцией и самоконтролем в поведении, но при сильной мотивации контроль и саморегуляция усиливаются.

4-й тип – условно-адаптивный (реактивный). Данная модель включила 4% детей с ЗПР и 2% сверстников с НПП.

Для учащихся 4-го типа характерны гиперактивность; вспыльчивость; общительность; экстравертированность; инициативность внешнего характера, не связанная с содержанием деятельности. Дети испытывают трудности с самоконтролем и дисциплиной на учебных занятиях. Для них характерен низкий уровень познавательной активности, ярко выражен внешний мотив учения. Обладают завышенной самооценкой; выражено стремление занять лидерскую позицию. Не испытывают тревогу со сменой круга общения при переходе в основную школу, но оценка личности другими повышает тревожность ребёнка. Не склонны к приспособлению и компромиссу; одобряют сотрудничество, но в случае личной заинтересованности часто вступают в соперничество.

Итак, результаты проведённого исследования позволяют констатировать наличие специфики в развитии адаптивности учащихся с ЗПР 10–12 лет в сравнении со сверстниками, развивающимися в норме. Наряду с особенностями развития адаптивности, обусловленными характером дизонтогенеза, у детей этого возраста имеются и общевозрастные показатели развития. В целом полученные данные позволили выделить характерные для периода 10–12 лет варианты (типы) развития адаптивности учащихся при переходе из начальной в основную школу. Надеемся, что эти результаты будут интересны для психологов, в частности, при организации психологического сопровождения учащихся начальной и средней школы.

Примечания

1. Налчаджян А. А. Социально-психологическая адаптация личности. Ереван, 1988. 262 с.
2. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб., доп. М., 1996. 440 с.

3. Кисельникова Е. Н. Педагогические условия развития адаптивных способностей старших подростков в учреждении дополнительного образования: дис. ... канд. пед. наук. Магнитогорск, 2003. 217 с.; *Собчик А. Н.* Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. М., 1990. 75 с.

4. Асеев В. Г. Теоретические аспекты проблемы адаптации // Адаптация учащихся и молодежи к трудовой и учебной деятельности. Иркутск, 1986. С. 3–17; *Столяренко А. Д.* Основы психологии. Ростов н/Д, 1997. 736 с.

5. Кисельникова Е. Н. Указ. соч.; *Розов В. И.* Психологический анализ адаптивности в экстремальных условиях: автореф. ... канд. психол. наук. Киев, 1993. 19 с.; *Попова А. Г.* Социально-педагогическое сопровождение формирования социальной адаптивности подростков, обучающихся на дому, в условиях отделения семейного патронажа Центра социальной помощи семье и детям: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 22 с.

6. Чебарыкова С. В. Феноменология типов личности, развивающейся в условиях дизонтогенеза, с позиции её адаптивности: дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 223 с.; *Блубева Т. А.* Профессиональная деятельность субъектов образования по развитию адаптивности личности студентов-первокурсников ссуза: дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2003. 196 с.; *Пакулина С. А.* Адаптивные способности студентов педвуза: структура, факторы и средства развития: дис. ... канд. психол. наук. Челябинск, 2004. 198 с.; *Посохова С. Т.* Психология адаптирующейся личности (Субъектный подход): дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2001. 393 с.

7. Ганжа С. Ю. Социально-психологическая адаптация школьников с нарушениями соматического и нервно-психического здоровья: дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2000. 153 с.; *Поливанова К. Н.* Психология возрастных кризисов. М., 2000. 181 с.; *Цукерман Г. А.* 9–12-летние школьники: «ничья земля» в возрастной психологии // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 17–31; *Цукерман Г. А.* Переход из начальной школы в среднюю как психологическая проблема // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 19–34.

8. Дробинская А. О., Фишман М. Н. Дети с трудностями в обучении // Дефектология. 1996. № 5. С. 22–28.

9. Цукерман Г. А. Переход из начальной школы ...; *Поливанова К. Н.* Указ. соч.; *Князева Т. Н.* Предпоздковый возраст как проблема современного детства // Вопросы психологии. 2011. № 6. С. 25–35; *Князева Т. Н.* Психологическая система обеспечения готовности младших школьников с задержкой психического развития к обучению в основной школе в условиях интеграции в общеобразовательную среду: дис. ... д-ра психол. наук. Н. Новгород, 2005. 392 с.

Т. Н. Матанцева

ВОЗРАСТНЫЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПОДРОСТКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье представлен анализ экспериментального исследования подростков с задержкой психического развития с 11 до 16 лет, позволяющий выявить тенденции в становлении личностной саморегуляции, являющиеся общими для подростков нормы и с задержанным развитием, а также формирующиеся в условиях задержанного развития.

The article provides the analysis of the experimental study of adolescents with mental retardation from 11 to 16 years, which allows to reveal trends in the formation of personality self-regulation, which are common for teenagers standards and with the development of detainees, as well as emerging in the conditions of the detainee's development.

Ключевые слова: личностная саморегуляция, задержка психического развития, онтогенез, дизонтогенез, внутренняя активность, личностная рефлексия, ценностные ориентации, возрастной кризис развития, сензитивный период, общевозрастные особенности, специфика в развитии.

Keywords: personal self-regulation, a delay of mental development, ontogeny, disontogeny, internal activity, age peculiarities, personal reflection, value orientation, age crisis development, sensitive period, particular, the specifics of the development.

Понятие «личностная саморегуляция» связано со способностью личности регулировать свою активность: эмоции, чувства, поведение, общение. Личностная саморегуляция проявляется в активно-действенном отношении личности к себе и другим, в нравственных и социальных установках. В целом, «данное понятие отражает параметры социального поведения и межличностных отношений, обеспечивающие преобразование деятельности и общения» [1]. В отечественной психологии адекватно сформированная саморегуляция представляется одним из факторов развития личности, который ведет к самодетерминации и самореализации человека в жизни.

Структурными компонентами личностной саморегуляции являются личностные образования, участвующие в регуляции, в первую очередь ценностные ориентации, активность и рефлексия [2]. Каждый структурный компонент в целостном процессе регуляции выполняет свою роль. Ценностные ориентации указывают на значимые для личности социальные ценности. Активность выполняет функцию реализации значимого как во внешнем, так и во внутреннем мире и включает в себя все виды и формы реализации активно-

сти: труд, учёбу, общение, поведение. Внутренняя активность находит свое выражение в самопознании и саморуководстве. Рефлексия осуществляет контроль за правильностью выбранных форм и видов активности, а также осуществляет обратную связь, обращая психическую активность на себя. В результате происходит переоценка и переосмысление активности, изменение ценностно-смысловых образований. Благодаря обратной связи идет приобретение внутреннего регуляторного опыта.

Процесс формирования личности подростка проявляется «в увеличении роли внутренних факторов и совершенствовании механизмов личностной саморегуляции», при этом эффективность личностного становления подростков с отклонениями в развитии, особенно в современных образовательных условиях, во многом зависит от пробуждения стимулов к развитию, квалифицированной помощи специалистов и оптимизации условий развития [3].

Собранный нами экспериментальный материал и его анализ позволили выявить тенденции в становлении личностной саморегуляции, являющиеся общими для подростков с нормальным психическим развитием и подростков с задержанным развитием.

Итак, рассмотрим *общевозрастные особенности в развитии личностной саморегуляции*.

1. На протяжении подросткового возраста происходят динамические прогрессивные изменения всех структурных компонентов личностной саморегуляции: внутренней активности, базовых ценностей и рефлексии, что свидетельствует о качественных сдвигах в её развитии и повышающихся возможностях подростков в плане регуляции. Это обеспечивает к старшему подростковому возрасту смещение регуляции вовнутрь и позволяет считать подростковый возраст сензитивным к её развитию. Благодаря личностному регулированию в подростковый период закладываются основы социально-нравственного поведения, формируется общая направленность нравственных представлений и установок, обеспечивается становление нравственной активности и в целом социального развития подростка, что обуславливает поступательное развитие его как личности.

2. Развитие личностной саморегуляции не ограничивается подростковым возрастом, так как в систему регуляции недостаточно интегрированы важные составляющие: уверенность в себе, саморуководство и ценность-Я, кроме того, значительного усложнения структурных компонентов личностной саморегуляции к окончанию подросткового онтогенеза не происходит, что отражает дальнейшие возможности развития данной функции в юношеском возрасте.

3. Становление личностной саморегуляции носит процессуальный характер, динамика развития её показателей указывает на связь с этапами подросткового онтогенеза. В соответствии с точкой зрения К. Н. Поливановой, в развитии личностной саморегуляции можно выделить стабильный период (11–12 лет) и кризисный период (13–16 лет), что соответствует хронологии подросткового возраста [4].

Стабильный период совпадает с младшим подростковым возрастом. Личностная саморегуляция характеризуется ведущими показателями активности: открытостью младших подростков во взаимоотношениях с самим собой, мотивацией социального одобрения в регуляции поведения, при этом у части подростков уже доминирует ориентация на себя. Но младшие подростки не ощущают себя уверенными, самостоятельными и волевыми, следовательно, ещё не могут осуществлять саморукводство и саморегуляцию в полном объёме, они во многом зависят от средовых влияний. Несмотря на достаточно развитые базовые ценности и рефлексия, у младших подростков преобладают внешние регуляторы поведения. В нравственных представлениях младших подростков звучит зависимость от взрослых, а ответственность в этом возрасте ещё не является смыслообразующей ценностью, хотя уже включена в структуру регуляции.

Анализ своеобразия личностной саморегуляции подростков в кризисный период обнаруживает следующие характеристики. Прогрессивное развитие временно приостанавливается, доминируют противоречия: нежелание раскрывать себя сочетается с повышением уверенности в себе, способность к самоконтролю сочетается со склонностью подчиняться средовым влияниям; в отношениях с самим собой, в саморукводстве, в отражённом самоотношении выражена избирательность. Ценность ответственности не приводит к ответственному поведению, а усложняющиеся нравственные представления не являются значимыми регуляторами.

Развитие совершает больше разрушительную, чем созидательную работу: повышается закрытость подростков, причины трудностей, заключающиеся в самом подростке, отрицаются, переживание «Я» сопровождается внутренним напряжением, ожидаются негативные чувства от окружающих по отношению к себе. Но к концу кризисного периода, к 15–16 годам, подростки изменяются, появляются новообразования: личность становится источником активности, проявляется сила «Я», возрастают регулирующие возможности «Я», формируется внутренний стержень личности, ответственность становится ведущей ценностью, свидетельствующей о социальной зрелости старших подростков, совершенствуется личностная рефлексия. Ведущими механиз-

мами регуляции становятся рефлексия и ценностные ориентации.

Таким образом, кульминационной точкой в формировании личностной саморегуляции подростков является возраст 15–16 лет, в этом возрасте происходит качественный сдвиг в её развитии, связанный с формированием возрастных новообразований. Центр тяжести регуляции смещается извне вовнутрь. Личность подростка на основе внутренней активности становится способной регулировать свою внешнюю активность.

4. Личностное регулирование в подростковом возрасте носит избирательный характер: в неожиданных и незнакомых обстоятельствах подростку необходима регуляторная внешняя помощь. Препятствием к саморегулированию является тот факт, что четверть старших подростков (25% – НПР и 20% – ЗПР) живут с ожиданием негативных проявлений от окружающих, чувствуя себя социально не успешными и не востребованными.

Проанализированные нами общевозрастные особенности и тенденции развития личностной саморегуляции являются показателем психологического взросления подростков нормы и с задержанным психическим развитием. Тесная взаимосвязь личностной саморегуляции с этапами подросткового онтогенеза доказывает, что данный возраст сензитивен к её развитию. Подростки нормы и с ЗПР внутренне изменяются, выходя на качественно новый личностный уровень. Положительно то, что к 15–16 годам по ряду структурных компонентов личностной саморегуляции подростки с ЗПР выравниваются относительно нормы, это свидетельствует о достаточных возможностях подростков с ЗПР в плане личностного регулирования.

Общая с нормой логика развития, наличие потенциальных возможностей развития детей и подростков с ЗПР давно отмечены в специальной психолого-педагогической литературе, которая обращает внимание и на тот факт, что для детей и подростков с отклонениями в развитии характерна значительная неоднородность сохранных и нарушенных звеньев психической деятельности. Исследователи наиболее часто отмечают незрелость личности и сложных форм поведения, недостатки целенаправленной деятельности и системы познания. Всё это неизбежно влияет на более сложные структуры личности, участвующие, в частности, в саморегуляции, приводя к формированию её специфических особенностей в условиях задержанного развития.

Специфические особенности личностной саморегуляции подростков с задержкой психического развития:

1. Несмотря на то что на протяжении подросткового возраста происходят динамические изменения практически всех структурных компонен-

тов личностной саморегуляции подростков с ЗПР, компоненты саморегуляции: показатели внутренней активности, базовые ценностные ориентации, рефлексия, нравственные представления и нравственное самосознание – имеют более низкий уровень сформированности на каждом этапе подросткового онтогенеза, что позволяет судить о более низком по сравнению с нормой уровне развития саморегуляции в целом, которая задержана в развитии на несколько лет.

2. В соответствии с особенностями развития функций в период возрастных кризисов, в развитии личностной саморегуляции подростков с ЗПР также можно выделить стабильный период (11–12 лет) и кризисный период (13–16 лет), но с качественным своеобразием. Стабильный период несколько атипичен. Атипичность проявляется в закрытости младших подростков с ЗПР. Во внутренних взаимоотношениях для них характерно выраженное защитное поведение, избегание открытых отношений с самим собой. Как следствие, младшие подростки с ЗПР не вполне осознают, какие они, какова их личность, к чему они стремятся, в большей степени полагаясь на мнение окружающих. Более того, они живут с ожиданием негативных чувств от других людей по отношению к себе, так как не всегда верно интерпретируют поведение окружающих. Младшие подростки с ЗПР ещё в меньшей степени ощущают себя уверенными, самостоятельными и волевыми, следовательно, не могут осуществлять эффективно саморуководство и саморегуляцию.

Кризисный период также обнаруживает специфические характеристики:

1) сформированные в стабильный период показатели под влиянием развития не затухают, а усиливаются. Подростки 13–14 лет становятся более открытыми, немного повышается самоуверенность и саморуководство, снижается избирательность; повышаются рефлексивные способности, формируются нравственные представления, но данные структуры оказываются не взаимосвязанными между собой, так как система саморегуляции в этом возрасте распадается;

2) к концу кризисного периода у небольшой части подростков появляются возрастные новообразования, связанные с появлением силы «Я», регулирующей ролью «Я», внутренним стержнем личности. Это доказывает наличие потенциальных возможностей подростков с ЗПР к развитию личностной саморегуляции, они зависят от глубины нарушения психической сферы при ЗПР, причин дизонтогенеза и условий жизнедеятельности подростков.

3. Нарушения развития психической сферы при ЗПР приводят к качественному своеобразию структурных компонентов личностной саморегуляции, что проявляется:

– во внутренней пассивности подростков как недостаточной способности к самоуправлению и саморазвитию. Отметим, что регуляция и активность тесно взаимосвязаны друг с другом. Это явление очень точно подмечено философской мыслью «что во мне, то и вовне». Пассивность в сочетании с интеллектуальным дефектом приводит к снижению функционированию психических процессов, вялой рефлексии, отсутствию стремления к самопознанию, саморуководству, самосовершенствованию. В силу пассивности подростки с ЗПР требуют систематической стимуляции активности извне, испытывая затруднения в труде, учёбе, общении, поведении;

– в закрытости подростков с ЗПР, что проявляется в недостаточной потребности в самопознании и самораскрытии, внутренняя пассивность и закрытость тормозят развитие более сложных регуляторных структур: ценностных ориентаций и рефлексии;

– в более слабом развитии рефлексии. Подростки с ЗПР в меньшей степени осознают средства и основания собственной активности;

– в недостаточной сформированности ценностных ориентаций;

– в задержанном характере развития нравственных представлений и нравственного самосознания.

Несовершенство структурных компонентов личностной саморегуляции приводит к нарушениям целостного процесса регуляции.

4. В целостном процессе регуляции подростков с ЗПР значительно снижена роль регуляторных компонентов. Недостаточная внутренняя активность не выполняет функцию реализации значимого во внутреннем плане. В силу этого ограничивается обращённость психической активности на себя, как результат – задержанно формируется рефлексия, не происходит на достаточном уровне переоценка, переосмысление и изменение активности. Рефлексия недостаточно осуществляет контроль за правильностью выбранных подростком форм и видов активности, а также не в полном объёме осуществляет обратную связь. В конечном итоге из-за слабости структурных компонентов ограничено приобретение внутреннего регуляторного опыта подростками с ЗПР. Пассивность и закрытость тормозят развитие более сложных регуляторных структур: ценностных ориентаций и рефлексии.

5. Значительного усложнения механизмов и уровня регуляции у подростков с ЗПР не происходит к завершению подросткового онтогенеза. В 11–12 лет не все показатели активности входят в механизм саморегуляции, который мы определили как базовый, на его основе формируются более сложные – ценностные и рефлексивные механизмы регуляции. Важная предпосылка

для развития структуры личностной саморегуляции у подростков с ЗПР недостаточна, она представлена показателем «Закрытость», который является препятствием для развития личности подростка с ЗПР. В 13–14 лет механизм регуляции не прослеживается. В 15–16 лет механизмом является компонент Зеркальное-Я, что соответствует младшему подростковому возрасту в норме. Механизмы личностной саморегуляции подростков с ЗПР задержаны в своём развитии. Высшего ценностного регуляторного уровня подростки с ЗПР к 15–16 годам не достигают, находясь на уровне регуляции, соответствующем младшим подросткам нормы.

5. Подросткам с ЗПР характерна «рыхлая» связность между структурными компонентами саморегуляции, что проявляется в слабой взаимообусловленности и взаимовлиянии друг на друга показателей активности, рефлексии, ценностных ориентаций и нравственных представлений. Наиболее слабо в регуляции представлены рефлексия, ценность ответственности, ценность-Я, саморуководство и нравственные представления. В регуляции нравственной активности подростки с ЗПР на них практически не опираются. Яркой особенностью саморегуляции является структурный кризис в 13–14 лет, характеризующийся временным распадом системы.

6. Личностная саморегуляция подростков с ЗПР имеет не только специфические особенности, связанные с недоразвитием и задержанным развитием компонентов и всей структуры саморегуляции, но и, в отличие от подростков с умственной отсталостью, потенциальные возможности её развития. Они проявляются:

1) в достаточной значимости ценности «познание», которая в структуре саморегуляции на каждом возрастном этапе выполняет регулируемую роль. Данная ценность отражает потребность подростков в постижении сущности реальности и общую направленность на развитие. У подростков с ЗПР, главное, есть готовность к познанию всего важного в себе и для себя, а значит и способность к саморазвитию и самосовершенствованию;

2) формирующаяся к старшему подростковому возрасту «ценность-Я» демонстрирует базовую социальную потребность подростков с ЗПР быть личностью. Такой подросток для достижения своих целей активен, а не пассивен. Если подросток осознаёт себя как ценность, то он проявляет способности для применения силы Я правильно и с пользой;

3) отношение к себе мотивирует социальное поведение. Общественно полезная деятельность как ценность подростков с ЗПР и регулятор поведения свидетельствует о готовности проявлять социальную позицию и выражать себя в ней. В ней

звучит потребность подростков с ЗПР в самоутверждении;

4) рост рефлексии отражает способность к внутреннему развитию.

Таким образом, личностная саморегуляция подростков с ЗПР как сложная интегративная личностная функция характеризуется задержанным развитием наиболее сложных структурных компонентов, недоразвитием ценностных ориентаций, незрелостью механизмов и уровня регуляции, рассогласованностью самой системы саморегуляции.

Безусловным является и то, что процесс развития личностной саморегуляции подростков с ЗПР отличается неблагополучием, о чем убедительно свидетельствуют структурный кризис саморегуляции в 13–14 лет и специфика формирующихся регуляторных компонентов. Это неблагополучие в разном возрасте выражается по-разному и оказывает различное влияние на целостное личностное развитие подростков. Мы уверены, что наибольший урон саморегуляции подростков с ЗПР наносит структурный кризис, приводящий к рассогласованности регуляторных компонентов в 13–14 лет. Как функция личности саморегуляция ретардирует, приостанавливается её развитие. На фоне этого процесса отмечают высокую склонность подростков с ЗПР к различным формам девиантного поведения.

Вместе с тем, учитывая достаточный уровень сформированности структурных компонентов личностной саморегуляции у подростков с ЗПР, можно утверждать, что при соответствующих образовательных условиях профилактической и пропедевтической деятельности кризиса можно было бы избежать или ослабить его влияние.

Таким образом, влияние дизонтогенеза не является тотальным, гораздо больший негативный эффект оказывает влияние социальной среды: сами условия обучения в классах КРО массовой школы. К подобному выводу приходит и И. А. Конева: «Подростки остро ощущают свою дефективность на фоне благополучно развивающихся сверстников. Не секрет, что не только сверстники, но и педагоги нередко не скрывают своего особого взгляда на ненормальность развития детей с ЗПР и делают это не очень деликатно. Такое поведение, несомненно, связано, с одной стороны, с низким уровнем культурного развития общества, его гуманности, а с другой стороны – свидетельствует о низкой психологической компетентности педагогических кадров. И та и другая проблемы являются глобальными и не могут быть разрешены сразу» [5].

В итоге подростки с ЗПР оказываются:

– личностно и социально инфантильными;

– воспринимают себя в негативном свете или при срабатывании защитных механизмов прибегают к гиперкомпенсаторным реакциям;

– у них формируются неоправданно позитивные представления о сверстниках, что мешает налаживанию полноценного общения;

– проявляется дисгармония в формирующемся личностном самоопределении;

– проявляются установки на пассивность и девиантные формы поведения.

Образовательные учреждения применительно к подросткам с ЗПР видят своей целью в первую очередь обучение общеобразовательным предметам, работа по развитию личности не является значимой целью в большинстве школ. Все же к концу подросткового возраста у части подростков с ЗПР спонтанно возникают новообразования, связанные со становлением регулирующей роли Я. Но, без специально организованной образовательной среды необходимые регуляторные механизмы, целостность и взаимосвязанность структуры личностной саморегуляции сформироваться не смогут в силу недостаточности не только регуляторной, но и когнитивной сферы.

Подростки с ЗПР, несомненно, имеют потенциальные возможности к развитию саморегуля-

ции в виде сохранных структурных компонентов. Мы определили области наибольшего влияния дизонтогенеза на становление личностной саморегуляции, они достаточно далеко отстоят от первичного дефекта и являются социальными по своему происхождению. Можно считать, что совершенствование становления личностной саморегуляции у подростков с ЗПР может быть осуществлено за счет организации целенаправленного коррекционного учебно-воспитательного процесса. Выявленные нами особенности личностной саморегуляции могут служить основой для организации соответствующей образовательной среды.

Примечания

1. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1980. С. 110.

2. Миславский Ю. А. Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте. М.: Педагогика, 1991. С. 54.

3. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. С. 324.

4. Поливанова К. Н. Психология возрастных кризисов. М.: Изд. центр «Академия», 2000. С. 32.

5. Конева И. А. Особенности образа Я младших подростков с задержкой психического развития: дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород, 2002. С. 132.

ПЕРСОНАЛИИ

ВАДИМ ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛОТИЛОВ: ТРАЕКТОРИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ (Письмо к 80-летию со дня рождения)

Нет ничего, что раз и навсегда
На свете было бы выражено словом.
Все, как в любви, для нас предстанет новым,
Когда настанет наша черед...

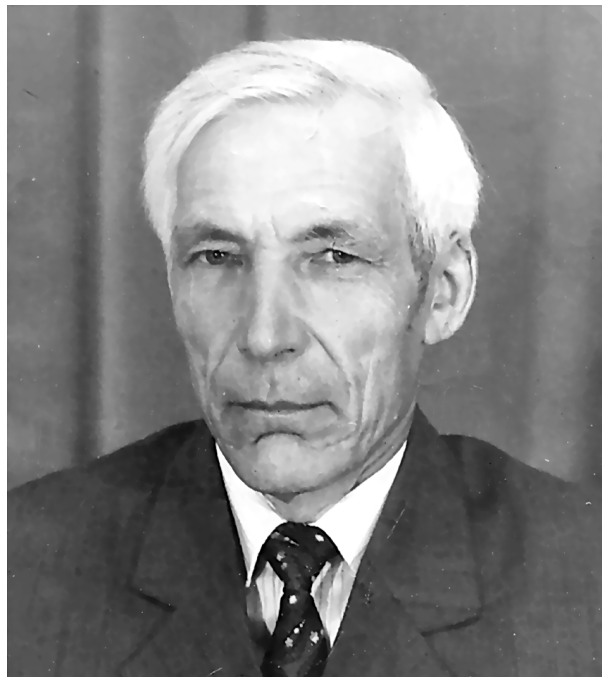
А. Т. Твардовский

Траектория трудовой и творческой жизни В. В. Колотилова – прямая линия: после окончания школы – инженерный факультет Горьковского сельскохозяйственного института, после окончания института ремесленное училище № 5 г. Кирова, а за ним более пятидесяти пяти лет – Кировский государственный педагогический институт...

Дорогой Вадим Васильевич, Ваша профессиональная деятельность сложилась закономерно успешно: аспирантура в МОПИ (Москва) и защита диссертации (1969), доцент (1972), профессор (1992), более пятнадцати лет заведующий кафедрой общетехнических дисциплин. Вы вдохновитель и основатель многих дел на индустриально-педагогическом факультете и кафедре: под Вашим руководством выполнена первая курсовая работа, по материалам которой была опубликована статья в журнале «Школа и производство» (1963), защищена первая выпускная квалификационная работа, Вы стояли у истоков аспирантуры, и Ваш аспирант защитил первую на факультете кандидатскую диссертацию в нашем диссертационном совете...

И все же, наверное, главное – это создание теоретического основания для обучения и организации учебного процесса с самого первого дня существования факультета – первого сентября 1959 г. Тут сложилось всё: забота о материальной базе, разработка учебных программ и создание учебных пособий, проведение опытной и научно-исследовательской работы... В этой работе выросли и проявились самые важные для человека и гражданина качества Вашей личности. О них мы должны и желаем сказать.

Грань первая – верность делу. Вадим Васильевич! Вы – методист высшей пробы: у Вас вдумчивый характер, цепкая аналитическая жилка при обращении с фактами, Вы всегда ориентированы на максимально конкретное (а значит, всеобщее)

научное решение вплоть до чертежа, действующего макета установки, детального решения задачи, у Вас бесконечная терпимость и живой интерес в совместных поисках нужного решения вместе со школьником, студентом, аспирантом...

В своей научно-методической деятельности Вы последовательно и целеустремленно идете к творчеству. Вот эта логика в названиях ключевых работ: программа новой учебной дисциплины «Техническое моделирование и конструирование» (в соавторстве, М., 1979) – «Методика трудового обучения и общетехнических дисциплин» (в соавторстве, М., 1980) – учебное пособие «Техническое моделирование и конструирование» (в соавторстве, М., 1983) – «Техническое творчество учащихся» (в соавторстве, М., 1989) и авторские пособия «Внеурочная работа по технике и труду» (Киров, 1989) – «Практикум по методике изучения автодела» (Киров, 2001)... Вспомним, трудное было время! Каждая такая работа – достижение не только лично Ваше, но и достижение нашей науки. Не случайно сейчас интерес к проектированию и моделированию только растет...

Типичный жизненный сюжет. Вы были долгие годы членом научно-методического совета ТО

и ОТД Министерства просвещения СССР. Как всегда идет борьба за какое-то конкретное решение, и вот уже оно сформулировано. И вроде бы все согласны. Но несколько неожиданно и как бы внешне спокойно берет слово Вадим Васильевич: а вот надо бы так, и вот почему... И действительно, как это мы сразу не увидели, ведь это лучшее решение... Мы многократно видели, как, с одной стороны, Вадим Васильевич на первый взгляд спокойно следит за дискуссией, но, с другой стороны, незаметно и настойчиво идет внутренняя напряженная и заинтересованная мыслительная работа, которая в итоге дает разумный результат.

Грань вторая – творчество. Нацеленность на организацию творческой деятельности школьников, студентов, аспирантов – Ваш верный и стратегический ориентир в жизни. И сами Вы в своих многочисленных методических исследованиях всегда в напряженном поиске новых решений. В творчестве легко по определению не бывает.

Долгие годы, уже в статусе профессора, Вы, Вадим Васильевич, работаете в Областном центре детского (юношеского) технического творчества: участвуете в организации и проведении областных олимпиад по технике и труду и конкурсов творческих проектов, профессионального мастерства, много консультируете преподавателей...

Сколько на кафедре было сломано копий в поисках методических решений в организации исследовательской деятельности студентов. И в 60-е, и в 70-е, и в 80-е гг. Вы вместе с коллегами понимали, что альтернативы творчеству нет. Большим и долговременным творческим делом был проект по научно-методическому обеспечению олимпиадного движения: в школах области было 43 учебных цеха, а их нужно было поддерживать, создавались ученические бригады, в 1963 г. на площадке г. Кирова был проведен второй Всероссийский слет производственных бригад, выпускались бюллетени о рационализаторских и конструкторских предложениях школьников, студентов, учителей... И первая публикация из опыта организации олимпиад по трудовому обучению была в журнале «Школа и производство» за Вашей подписью! Гордостью факультета в те годы является постоянно действующая выставка творческих работ: микроавтомобиль, модели самолетов и др.

Утверждают, что мышления без чувств не бывает. И как характерно Ваше увлечение инструментальной музыкой! В этом Вы и сейчас образец для нас! Не случайна также любовь к охоте и рыбалке... Широта интересов любого преподавателя – ресурс в воспитании студентов.

Грань третья – настойчивость. «Нет, Юрий Аркадьевич, я с Вами не согласен. Диссертация ещё сырая, в условиях предзащиты её невозможно улучшить до нужного качества...» – такие Ваши слова воспринимались с неким внутренним удовлетворением. Как часто не хватает оппонента, который найдет, не побоится выразить иную идею, поможет её понять и подарит.

Смеем утверждать, что в большинстве случаев без настойчивости научного руководителя не получается ни хорошей диссертации, ни хорошего диплома, ни хорошего соискателя. Надо реально жить возникшим, обозначенным образовательным делом. Тогда будет результат. Не случайно все соискатели Вадима Васильевича успешно защитились. В те годы целеустремленно разрабатывалась методика организации проектной деятельности через построение средств включения учащихся в творчество. В итоге по данному перспективному научному направлению были защищены диссертации А. С. Чебаковым, В. Б. Коноваловой, С. И. Мелёхиной.

Грань четвертая – доброжелательность. В работе редко выпадает ситуация для смеха или улыбки. Чаще всего преподавателю достается доля решения сложных проблем. В этой ситуации внешне Вы бываете хмуры, но внутри идет работа мыслей и чувств для помощи собеседнику или коллеге.

И вот один памятный случай. В нашем диссертационном совете готовила диссертацию к представлению соискатель из Сыктывкара Н. Н. Новикова. Но не всё с формулировками темы и новизной решений складывалось хорошо. И хотя формально Вы не были научным руководителем, но приняли активное участие в её творческих поисках и помогли дойти до защиты. Такая помощь в каждом конкретном случае дорогого стоит.

Много лет уже замечаем: внешне по форме и словам умных людей много, но, по сути, по делу – меньше... Вы всегда – тяжело или легко – несёте добро. И пусть Вам постоянно светит Солнце.

Ю. А. Сауров, профессор,
А. М. Слободчиков, профессор,
С. А. Смирнов, доцент

Глубокоуважаемый Вадим Васильевич!
С далекого 1955 г. Вы внесли немалый вклад в становление и развитие системы подготовки учителей ТО и ОТД в Кировской области и страны в целом. Ректорат ВятГГУ, редакция журнала, коллеги от души поздравляют Вас с юбилеем и желают здоровья и удачи в жизни.

РЕЦЕНЗИИ

ДИАЛЕКТИКА ЭСТЕТИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ В РАЗВИТИИ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Введение в литературоведение. Основы теории литературы / под общей редакцией В. П. Мещерякова. М.: Юрайт, 2012.

«Введение в литературоведение. Основы теории литературы» адресован бакалаврам направления подготовки 050100.62 «Педагогическое образование» и рекомендован Министерством образования и науки Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям. Следует учитывать, что это 3-е издание, переработанное и дополненное, а значит заслуживающее внимания как прошедшее апробацию и имеющее эмпирическую практику. Коллектив авторов учебника: В. П. Мещеряков, А. С. Козлов, Н. П. Кубарева, М. Н. Сербул – в предисловии подчеркивают важность затрагиваемых проблем, потому что «Введение в литературоведение. Основы теории литературы» является базовым разделом дисциплины «Литературоведение», призванной сформировать у студентов-бакалавров такие компетенции, как «способность использовать систематизированные теоретические и практические знания гуманитарных, социальных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач» (ОПК-2) и «готовность к литературоведческому анализу текстов с учетом знаний об уровне системы литературы в единстве содержания и формы» (СК-8).

Авторы учебника очень четко формулируют желаемые результаты освоения дисциплиной обучаемого: знать (предмет и задачи литературоведческой науки, базовые литературоведческие понятия и термины, работы ведущих ученых-литературоведов); уметь (применять полученные знания и умения в процессе теоретической и практической деятельности в области литературоведения); владеть (основными методологическими подходами в сфере литературоведения) (с. 3) Такая конкретизация усиливает практико-ориентированную направленность такой теоретической дисциплины, как «Введение в литературоведение», и заявляет о намерении решить трудную задачу превращения «сухой теории» в вечнозеленящее «дерево жизни».

В первой части учебника раскрываются основные понятия теории литературы: специфика и сущность искусства, художественный образ, роды, виды и жанры литературы, фабула, сюжет, композиция; тема и идея, форма и содержание, своеобразие художественной речи, стиля в поэзии и прозе, теория стиха. Во второй части дается представление об основных этапах развития литературы в рамках литературных эпох и направлений, базирующихся на философско-эстетических и литературных традициях, сформировавшихся на протяжении столетий, а также на опыте современных ученых-литературоведов и мастеров слова: античная литература, литература средних веков и эпохи Возрождения, барокко, классицизм и т. д. В третьей части кратко охарактеризованы основные этапы литературно-критической мысли: литературная мысль в античности, средние века и Возрождение, XVII в., эпоху Просвещения, XIX в. (лингвистическая, антропологическая школы, биографический метод; культурно-историческая, психоаналитическая школа и т. п.), XX в. (мифологическая критика, формальные школы и т. п.)

Несомненным достоинством учебника следует признать первую главу «Основные и вспомогательные литературоведческие дисциплины», в которой авторы наряду с «высокими» рассуждениями о микропоэтике, текстологии, атрибуции и другом достаточно подробно объясняют вчерашним школьникам, как надо составлять библиографию, как оформить исследовательскую работу и продемонстрировать библиографическую грамотность; как оформлять различные ссылки, в том числе и затекстовые; а также для начинающих исследователей, которым предстоит писать курсовую работу, предлагается «максимально краткий список главных библиографических пособий по литературе» (с. 11). Однако этот список может вызвать ряд вопросов, так как непонятны ни принцип, ни критерий отбора рекомендуемых научных трудов.

Авторы учебника постарались дополнить «литературную картину» современными образцами, например, «Некоторые проблемы современной поэзии», где дается представление о концептуалистах и метареалистах (правда, только с опорой на работы М. Энштейна) (с. 181–183), и глава X «Массовая литература». Безусловно, это очень нужные и своевременные дополнения. Ведь нельзя более игнорировать новейшую литерату-

ру и тенденции современного литературного процесса, останавливаясь в своих исследованиях на 70–80-х гг. XX в.

Тем не менее вызывает удивление, что авторы учебника, наставляющие бакалавров в части библиографических ссылок и ГОСТовских оформлений, не сочли нужным представить более развернуто учебную и справочную литературу, указатель терминов и понятий, указатель имен, а, возможно, и перечень вопросов для самостоятельной работы студентов. Вызывают сомнения и некоторые слишком прямолинейные характеристики отдельных литературных и культурных явлений (глава «Массовая литература», с. 354–362).

В целом учебник «Введение в литературоведение. Основы теории литературы», рекомендованный Министерством образования и науки РФ, дает более полное представление, прежде всего преподавателям, о том, что и как должен знать студент-бакалавр направления подготовки 050100.62 «Педагогическое образование», соответствующего ФГОС высшего профессионального образования третьего поколения.

*К. С. Лицарева,
кандидат филологических наук,
доцент по кафедре русской
и зарубежной литературы*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О ВСЕРОССИЙСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ «КОМПЕТЕНТНОСТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ МОДЕЛЬ НОВОЙ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ»

Волго-Вятский региональный научно-образовательный центр РАО совместно с Министерством образования и науки РФ, Российской академией естественных наук, Институтом развития образования Кировской области, Вятской торгово-промышленной палатой 28 февраля 2012 г. провел Всероссийскую научно-практическую интернет-конференцию «Компетентностно-деятельностная модель новой сельской школы». Конференция проходила на базе ИРО Кировской области.

Цель конференции – обсуждение концептуальных основ и практических механизмов построения новой сельской школы в соответствии с компетентностно-деятельностной парадигмой и введением новых образовательных стандартов.

Участники конференции – ученые Российской академии естественных наук, НАЧОУ ВПО «Современная гуманитарная академия» (г. Москва), ГОУ ВПО «Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара», ИРО Кировской области, ВятГГУ, ВВРНОЦ РАО, административные работники образования, учителя сельских школ Кировской области.

В ходе пленарного заседания, вебинара «Практические механизмы построения новой сельской школы в соответствии с компетентностно-деятельностной парадигмой и введением новых образовательных стандартов» и панельной дискуссии были обсуждены следующие проблемы:

- Инновационные тенденции образования в сельских школах России и их влияние на формирование синтеза когнитивно-информационной и компетентностно-деятельностной парадигм образования.

- Теоретико-методологические аспекты разработки и реализации компетентностно-деятельностной концепции новой сельской школы с учетом требований новых образовательных стандартов.

- Психолого-педагогические, социальные и методические механизмы реализации компетентностно-деятельностной концепции новой сельской школы с учетом требований новых образовательных стандартов.

- Развитие содержания естественнонаучной области в новой образовательной парадигме.

- Совершенствование предметных методик обучения в свете требований компетентностно-деятельностной парадигмы и новых образовательных стандартов.

- Использование информационных и здоровьесберегающих технологий в компетентностно-деятельностной модели обучения в сельской школе, создание развивающей информационно-коммуникативной среды.

- Педагогический опыт реализации элементов компетентностно-деятельностного образования в сельской школе.

- Подготовка педагогов к реализации идей концепции компетентностно-деятельностного образования в сельской школе.

- Исследование профессиональной деятельности династий педагогов как источник получения ценного педагогического знания о педагогическом мастерстве и способах совершенствования социально-профессиональной ориентации молодежи.

В резолюции конференции отмечено, что жизнедеятельность сельских школ всегда была особым предметом научных педагогических исследований и важным объектом развивающегося образования России. Сегодня, в условиях подготовки и введения новых образовательных стандартов, необходимости обеспечения качественного «прорыва» в образовании, интерес к проблемам сельских школ как важному компоненту всей российской образовательной системы усиливается. Нужна концептуальная и технологическая перестройка образовательного процесса в сельской школе, соответствующая вызовам времени и новой компетентностно-деятельностной парадигме образования.

1. Введение новых образовательных стандартов и обеспечение качества образования в сельской школе может быть успешным при использовании концепции компетентностно-деятельностного образования в сельской школе, адаптированной к специфике образовательного процесса на селе и учитывающей особенности сельского социума. Методологическим базисом концепции является компетентностный подход как составная часть деятельностного, рассматриваемый в рамках интегративно-дифференцированного подхода.

2. Перспективными практическими механизмами построения новой сельской школы, в осно-

ве которой лежат принципы компетентностно-деятельностной парадигмы, считать следующие:

- поддержка социальных инициатив педагогов, учащихся, родителей, представителей всех социальных институтов сельского социума;

- ориентированность процесса социализации на активное участие сельского школьника в деятельности разновозрастных команд в рамках как учебной, так и внеучебной деятельности;

- ориентированность профессиональной позиции педагога сельской школы как важнейшего условия развития личности ученика на переход от позиции «влияние» в обучении к приоритетным в компетентностно-деятельностной парадигме обучения позициям «взаимодействие, сотрудничество» и «сопровождение» обучающегося как члена определенной конкретной семьи – единицы сельского социума и социальной среды ученика, а также детско-взрослой общности сельского поселения;

- ориентированность профессиональной деятельности сельского педагога на «социальный дуализм» подготовки сельского школьника к взрослой жизни;

- ориентированность образовательного процесса сельской школы на исследовательский аспект учебно-познавательной деятельности школьников, введение в образование элементов учебного исследования в виде проектной деятельности, участия в различных конкурсах и соревнованиях, решения большего количества задач-ситуаций, проблемных вопросов и заданий, открытых задач, на регионализацию образования;

- проведение научно-методических мероприятий с учителями сельских школ по разъяснению социально-образовательного потенциала новых образовательных стандартов, их деятельностно-компетентностной сущности, возможностей сельской школы в реализации Концепции деятельностно-компетентностного обучения сельских школьников;

- реализация уровнево-стилевой дифференциации в рамках модульной интеграции, которая удовлетворяет требованию создания условий для индивидуально-творческой деятельности сельского школьника.

3. Результаты конференции целесообразно в обобщенном виде трансформировать в сборнике материалов конференции «Построение новой сельской школы на основе компетентностно-деятельностной парадигмы» с целью активизации информационно-аналитического участка работы всех заинтересованных в развитии образования на селе структур.

4. Увеличить число разрабатываемых по проблеме образования в сельских школах грантов методом проектной деятельности, реализуемой совместно учеными и практиками. В связи с этим

расширить сеть экспериментальных школ и других образовательных учреждений, на базе которых проводить апробацию новых педагогических механизмов построения новой сельской школы.

5. Создать в составе РАЕН, ИРО, ВВРНОЦ РАО и ВятГГУ временные творческие коллективы, разрабатывающие проблемы реализации концепции компетентностно-деятельностного образования в новой сельской школе.

О. В. Коршунова, директор ВВРНОЦ РАО, доктор педагогических наук, доцент по кафедре физики и методики обучения физике

МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КИРОВЧАНЕ В МОСКОВСКОЙ БИТВЕ 1941–1942 гг.», ПОСВЯЩЕННАЯ 70-ЛЕТИЮ СО ВРЕМЕНИ НАЧАЛА СРАЖЕНИЯ

21 декабря 2011 г. в актовом зале учебного корпуса №1 Вятского государственного гуманитарного университета прошла межвузовская научно-практическая конференция «Кировчане в Московской битве 1941–1942 гг.», посвященная 70-летию со времени начала сражения.

Пленарное заседание конференции открыл проректор по научно-исследовательской работе ВятГГУ Ю. А. Балыбердин. Далее с приветственными словами выступили заместитель Председателя Правительства Кировской области А. А. Галицких, начальник отделения по работе с гражданами военного комиссариата Кировской области В. С. Сучков, заместитель начальника управления организационной работы с личным составом Управления Министерства внутренних дел по Кировской области А. В. Степанов, председатель Областного совета ветеранов войны и труда Ю. А. Ежов.

После минуты молчания почетная делегация от конференции в составе ветеранов и студентов возложила корзину цветов к Вечному огню.

На пленарном заседании прозвучали доклады участника Московской битвы, гвардии полковника М. Н. Сусорова, поделившегося и своими личными воспоминаниями об этом незабываемом событии, методиста музея Кировского физико-математического лицея им. Героя Советского Союза Якова Падерина Е. М. Букова, рассказавшего о первом бое Кировской 355-й стрелковой дивизии под Москвой в декабре 1941 г., ведущего специалиста Государственного архива социально-политической истории Кировской области Е. К. Пилюсьян – о документах, посвященных Я. Н. Падерину, кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории ВятГГУ

А. А. Машковцева, проанализировавшего труды кировских историков рубежа XX–XXI вв. о Московской битве.

Дальнейшая работа конференции продолжилась в рамках двух секций: «Московская битва: военные, социально-экономические и международные аспекты» и «Война глазами молодых исследователей». В музее истории ВятГГУ работал круглый стол «Музеи образовательных учреждений: инновационные методы и формы гражданско-патриотического воспитания».

В работе секции «Московская битва: военные, социально-экономические и международные аспекты» (руководитель – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории А. А. Машковцев, секретарь – ст. лаборант кафедры А. В. Егоров) приняли участие преподаватели кировских вузов, ветераны войны и труда, представители военно-патриотических организаций.

Выступление доктора исторических наук, профессора, декана гуманитарного факультета ВГУ А. А. Печёнкина было посвящено двум знаменитым уроженцам Вятского края – маршалам И. С. Коневу и Л. А. Говорову. А. А. Печёнкин кратко коснулся биографии этих полководцев, рассмотрев становление их карьеры накануне Великой Отечественной войны. Наибольшее же внимание было уделено участию И. С. Конева и Л. А. Говорова в Московской битве.

В докладе кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории Е. С. Останина были проанализированы дневники Г. Я. Жаворонкова, одного из участников Московской битвы, в дальнейшем – деятеля местного правозащитного движения. В выступлении аспиранта гуманитарного факультета ВГУ М. Н. Свинцовой рассматривались особенности развития здравоохранения Кировской области в 1941–1942 гг.

Секция «Война глазами молодых исследователей» (руководители – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры отечественной истории П. Н. Шарабаров, канд. филос. наук, доцент В. А. Криушина, секретарь – ассистент А. М. Рафиков) собрала ветеранов Великой Отечественной войны, преподавателей и студентов исторического факультета ВятГГУ, учащихся МОАУ СОШ № 8 г. Кирова, студентов юридического факультета Кировского филиала МГЭИ. Материалы всех выступлений носили исследовательский характер. Студенты провели беседы с ветеранами Великой Отечественной войны и их родственниками, использовали в своих исследованиях уникальные материалы личных архивов участников войны и документы госархивов. Особый интерес вызвал доклад студентки второго курса исторического факультета ВятГГУ С. А. Чесноковой «Военная судьба Н. Ф. Мартынюка», свя-

занный в том числе и с тем, что сам Николай Федорович присутствовал на этой секции.

В работе круглого стола (модератор – зав. Музеем истории ВятГГУ Е. Н. Махнева) приняли участие директор музеев средних образовательных учреждений г. Кирова и студенты. На нем обсуждались следующие темы:

1. Традиции образовательного учреждения как средство патриотического воспитания молодежи.

2. Поиск новых способов подачи информации о героическом прошлом нашей страны для активизации интереса к изучению истории Отечества.

3. Введение информационных и компьютерных технологий в музейную деятельность: за и против.

4. Проблемы создания и обновления экспозиции, посвященной воинской доблести наших предков.

5. Краеведческие проекты как средство патриотического воспитания учащихся.

6. Межмузейное сотрудничество как поиск новых форм патриотического воспитания молодежи.

Всего на конференции присутствовали более 350 человек. По ее итогам принята следующая резолюция:

1. Заслушав доклады, участники конференции отмечают несомненную актуальность и важность тем, связанных с событиями и нашими победами в Великой Отечественной войне. Задача современного поколения россиян состоит в дальнейшем изучении, сохранении и увековечивании героических подвигов многонационального народа-победителя. Искключительную важность приобретает формирование патриотического мировоззрения у подрастающего поколения, осознание им всего величия и драматизма Победы в Великой Отечественной войне.

2. С целью приобщения молодого поколения к гражданско-патриотическим ценностям и с целью противодействия искажению и фальсификации событий Великой Отечественной войны необходимо активизировать научные исследования по изучению ее истории. Считаем важным проведение ежегодных научно-практических конференций по темам, посвященным героическим страницам истории России.

3. Учитывая, что Великая Победа над фашизмом была достигнута не только силой оружия и боевого духа, но и благодаря мобилизации и консолидации сил тружеников тыла, поддерживаем инициативу по учреждению почетного звания «Город трудовой славы» и присуждению этого звания городу Кирову.

4. В целях сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны считаем необходимым со стороны органов власти, научного сообщества, общественных организаций

оказывать содействие в организации и проведении различных молодежных творческих конкурсов, посвященных Победе в Великой Отечественной войне, работе школьных музеев и инициативам, направленным на увековечивание памяти об участниках войны.

5. Результаты работы конференции отразить в средствах массовой информации и научных периодических изданиях.

По итогам конференции издан сборник материалов.

*А. В. Сергеев, кандидат исторических наук,
доцент по кафедре отечественной истории,
декан исторического факультета ВятГГУ*

ТРЕТЬЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «ПСИХОЛОГИЯ САМОРАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА»

5–7 декабря 2011 г. на факультете психологии Вятского государственного гуманитарного университета прошла третья Всероссийская научная конференция с международным участием, направленная на обсуждение существующих и поиск новых подходов к решению актуальных проблем психологии саморазвития человека. Инициатором проведения конференции выступила кафедра практической психологии ВятГГУ. В работе программного комитета конференции приняли участие профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН В. Ф. Петренко; зав. кафедрой общей и клинической психологии Пермского государственного университета, профессор Е. В. Левченко; директор института педагогики и психологии Череповецкого государственного университета, профессор В. Г. Маралов; доцент кафедры юридической психологии Минского института управления Е. И. Комкова; ведущий научный сотрудник факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова О. В. Митина; доцент кафедры общей и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы М. А. Щукина.

С приветствиями к участникам конференции обратились проректор по научно-исследовательской работе ВятГГУ, профессор Ю. А. Балыбердин и декан факультета психологии, доцент Е. Е. Рудницкая.

На пленарном заседании конференции с докладами выступили А. Ф. Корниенко (г. Казань) – «Процессы сознания и осознания как основа саморазвития человека», Н. А. Низовских (г. Киров) – «Психосемантический подход в ис-

следовании саморазвития человека», О. В. Митина (г. Москва) – «Саморегуляция личности в исследованиях Юлиуса Куля», Л. А. Мосунова (г. Киров) – «Роль смыслового чтения в саморазвитии личности», Э. В. Бушкова-Шиклина (г. Киров) – «Ценностные индикаторы личности руководителя».

Значимым событием в ходе проведения конференции стала актовая лекция крупнейшего отечественного специалиста в области психологии личности, профессора МГУ им. М. В. Ломоносова Д. А. Леонтьева на тему «Личностное измерение развития», которая привлекла внимание не только участников конференции, но и многих преподавателей, аспирантов, студентов ВятГГУ и других вузов. Центральная идея лекции заключалась в том, что именно «личностное измерение» развития, несводимое ни к биологической, ни к социальной линиям, предоставляет человеку возможность самосовершенствоваться, жить своей жизнью, состояться. Обсуждение поднятых в лекции вопросов продолжилось на круглом столе с участием Д. А. Леонтьева.

Второй день конференции был представлен работой двух секций: «Саморазвитие на этапах взросления личности, в становлении и развитии профессионала» [доклады: С. В. Кудинова (Киров), А. В. Мозговая (Киров), А. А. Ожегина (Киров), Ю. А. Скорнякова (Киров), В. А. Ясная (Москва); заочные участники: О. А. Белобрыкина (Новосибирск), А. А. Бирюк (Киев), О. В. Бородачева (Тула), И. В. Иванова (Благовещенск), С. А. Минюрова (Екатеринбург), О. Л. Подлинцев (Иркутск), Ю. Е. Сорокина (Тула), М. А. Щукина (Санкт-Петербург)]; «Содействие саморазвитию человека в психологической и образовательной практике» [доклады: М. В. Волков (Киров), О. В. Митина (Москва), Е. А. Ронжин (Киров), В. А. Шиляев (Киров); заочные участники: Е. В. Базарова (Самара), С. М. Буянова (Тула), Е. И. Комкова (Минск), Н. В. Якушова, Б. Ф. Гаряне (Елгава, Рига), А. И. Горбунова (Ташкент)].

Актовым мероприятием второго дня работы конференции стала лекция ведущего научного сотрудника факультета психологии МГУ, заведующей лабораторией количественной психологии факультета информационных технологий МГППИ О. В. Митиной, в ходе которой слушатели имели возможность познакомиться с проблемой анализа модераторов и медиаторов в исследовании личности, осмыслить и усвоить положение о том, что при проведении корреляционных и других исследований следует применять методы математического анализа, позволяющие учитывать факторы, оказывающие опосредованное влияние на исследуемые свойства личности.

С актуальными психотехниками личностного саморазвития участники конференции полу-

чили возможность познакомиться в трех психологических мастерских: «Самопознание средствами мозартики» (Н. Н. Ершова, В. И. Лыскова), «Самопринятие как личностный ресурс» (Е. П. Киселева), «Управление временем жизни» (Е. Н. Клейн).

В третий, заключительный, день работы конференции состоялся семинар на тему «Сознание и саморазвитие», который проходил с участием доцента кафедры общей психологии факультета педагогики и психологии Академии социального образования А. Ф. Корниенко (Казань). Оживленная дискуссия, развернувшаяся в ходе семинара, еще раз позволила убедиться в том, что в понимании роли сознания в саморазвитии еще

очень много нерешенных вопросов, настоятельно требующих исследования.

Конференция завершилась подведением итогов, был сделан вывод о том, что проблемы психологии саморазвития человека в условиях современной социокультурной ситуации являются актуальными, имеют практическую значимость и требуют дальнейшего исследования.

*Н. А. Низовских, доктор психологических наук,
доцент по кафедре практической психологии
ВятГГУ,*

*Е. П. Киселева, кандидат психологических наук,
доцент по кафедре практической психологии
ВятГГУ*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНУФРИЕВ Анатолий Евдокимович – доктор филологических наук, доцент по кафедре русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

АРТЕМЬЕВ Николай Семенович – профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России, доктор юридических наук, заслуженный работник высшей школы РФ. 390036, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.

E-mail: apu-fsin@mail.ru

БЕРДИНСКИХ Мария Викторовна – аспирант социологического факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

E-mail: russkoedelo@list.ru

БЛАГОДИР Алла Леонтьевна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре гражданско-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ablagodir@yandex.ru

ВТЮРИНА Татьяна Анатольевна – ассистент кафедры практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: vttanja@gmail.com

ГРЕЦКОВ Владимир Валериевич – аспирант кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

ДОЛГУШЕВ Вадим Григорьевич – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kafrus@vshu.kirov.ru

КИТАЕВ Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

КНЯЗЕВА Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Нижегородского государственного педагогического университета. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

E-mail: tnknyazeva@mail.ru

КОНДАКОВА Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре лингвистики и перевода ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: irinakondakova@mail.ru

КУИМОВА Наталья Николаевна – ассистент кафедры общей психологии Нижегородского государственного педагогического университета. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

E-mail: kuimova_nataliy@mail.ru

ЛЕВЧЕНКО Елена Васильевна – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой общей и клинической психологии Пермского государственного национального исследовательского университета. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

E-mail: levchenkoev@yandex.ru

ЛИЦАРЕВА Ксения Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русской и зарубежной литературы, декан филологического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philol@vshu.kirov.ru

МАТАНЦЕВА Татьяна Николаевна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре общей и специальной психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: tatiana.matantsewa@yandex.ru

ОСИПОВА Нина Осиповна – доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

ПАНИШЕВА Наталья Александровна – аспирант кафедры русской литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: Nata-panisheva@yandex.ru

ПАХОМОВА Яна Игоревна – аспирант кафедры культурологии Пермского государственного института искусства и культуры. 614600, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18.

E-mail: yana-pahomova@yandex.ru

ПЕТРУНЕВА Анна Николаевна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: an-78@mail.ru

ПОМЕЛОВ Владимир Борисович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

РЕДИКУЛЬЦЕВА Елена Николаевна – кандидат юридических наук, зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: elena.red@inbox.ru

РОЗУВАН Алексей Михайлович – и. о. декана юридического факультета ВятГГУ, заслуженный юрист РФ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: rozuvan@vshu.kirov.ru

СЕМЕНО Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре теории и истории государства и права ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: law@vshu.kirov.ru

СИТНИКОВА Анастасия Александровна – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: anastasiya848@yandex.ru

СОБОЛЕВА Мария Владимировна – аспирант кафедры культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: 2109masha@mail.ru

СУДОВИКОВ Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

СУХОТЕРИН Дмитрий Янкович – соискатель кафедры культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: sbt_creative@mail.ru

СУЧКОВА Татьяна Евгеньевна – ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: tatyanaes@rambler.ru

ТИМШИН Алексей Борисович – старший преподаватель кафедры ГМУ филиала Вятского государственного гуманитарного университета в г. Вятские Поляны. 612961, Кировская область, г. Вятские Поляны, ул. Советская, д. 13.

E-mail: Timus80@mail.ru

ТИМШИН Вадим Алексеевич – кандидат философских наук, доцент по кафедре культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: timshinvadim@mail.ru

ТЯН Валентин Васильевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре социологии и культуры Московского государственного университета приборостроения и информатики. 107996, г. Москва, ул. Стромынка, д. 20.

E-mail: roman_76@mail.ru

ФЕДОТОВ Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры филологического образования Московского института открытого образования, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, член Союза писателей России. 125167, г. Москва, Авиационный пер., д. 6.

E-mail: o.fedotov@rambler.ru

ЧИРКОВА Евгения Сергеевна – аспирант заочной формы обучения кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина. 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

E-mail: keneke-keneke@yandex.ru

ЮЛОВ Владимир Федорович – доктор философских наук, профессор по кафедре философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

ЮНГБЛЮД Валерий Теодорович – доктор исторических наук, профессор по кафедре всеобщей истории, ректор ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: rector@vshu.kirov.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ANUFRIEV Anatoliy Evdokimovich – Doctor of Philological Sciences, associated professor of the Department of Russian and Foreign Literature in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

ARTEMYEV Nikolay Semyonovich – Professor of the Department of Criminology and Organization of crime prevention in the Academy of the FPS of Russia. Doctor of Juridical Sciences, Honored Worker of Higher School of Russia. 390036, Ryazan, 1 Sennaya str.

E-mail: apu-fsin@mail.ru

BERDINSKIKH Maria Viktorovna – Postgraduate student of the Sociological Faculty in Ural Federal University. 620002, Ekaterinburg, 19 Mira str.

E-mail: russkoedelo@list.ru

BLAGODIR Alla Leontyevna – Candidate of Juridical Sciences, associated professor of the Department of Civil-law Disciplines in VSHU, 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.

E-mail: ablagodir@yandex.ru

VTYURINA Tatyana Anatolyevna – Assistant of the Department of Practical Psychology in VSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.

E-mail: vttanja@gmail.com

GRETSKOV Vladimir Valerievich – Postgraduate student of the Department of Philosophy and Sociology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

DOLGUSHEV Vadim Grigoryevich – Doctor of Philological Sciences, associated professor of the Department of Russian Language in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: kafrus@vshu.kirov.ru

KITAEV Dmitriy Nikolaevich – Postgraduate student of the Department of Domestic History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

KNYAZEVA Tatyana Nikolayevna – Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of General Psychology in Nizhny Novgorod state pedagogical university. 603950, Nizhny Novgorod, 1 Ulyanova str.

E-mail: tnknknyazeva@mail.ru

KONDAKOVA Irina Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, associated professor of the Department of Linguistics and Translation in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: irinakondakova@mail.ru

KUIMOVA Natalya Nikolayevna – Assistant of the Department of General Psychology in Nizhny Novgorod state pedagogical university. 603950, Nizhny Novgorod, 1 Ulyanova str.

E-mail: kuimova_nataliy@mail.ru

LEVCHENKO Elena Vasilyevna – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of General and Clinical Psychology in Perm state national research university. 614990, Perm, 15 Bukireva str.

E-mail: levchenkoev@yandex.ru

LITSAREVA Ksenia Stanislavovna – Candidate of Philological Sciences, associated professor of the Department of Russian and Foreign Literature in VSHU, Dean of the Philological Faculty in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: philol@vshu.kirov.ru

MATANTSEVA Tatyana Nikolayevna – Candidate of Psychological Sciences, associated professor of the Department of General and Special Psychology in VSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.

E-mail: tatiana.matantseva@yandex.ru

OSIPOVA Nina Osipovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Cultural Studies and Advertisement in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

PANISHEVA Natalya Aleksandrovna – Postgraduate student of the Department of Russian Literature in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: Nata-panisheva@yandex.ru

PAKHOMOVA Yana Igorevna – Postgraduate student of the Department of Cultural Studies in Perm State Institute of Arts and Culture. 614600, Perm, 18 Gazety «Zvezda» str.

E-mail: yana-pahomova@yandex.ru

PETRUNYOVA Anna Nikolayevna – Senior teacher of the Department of Civil-law disciplines in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: an-78@mail.ru

POMELOV Vladimir Borisovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy in VSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

REDIKULTSEVA Elena Nikolayevna – Candidate of Juridical Sciences, Head of the Department of Civil-law Disciplines in VSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.

E-mail: elena.red@inbox.ru

ROZUVAN Alexey Mikhaylovich – Dean of the Faculty of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.

E-mail: rozuvan@vshu.kirov.ru

SEMENO Andrey Valeryevich – Candidate of Historical Sciences, associated professor of the Department of State and Law theory and history in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: law@vshu.kirov.ru

SITNIKOVA Anastasiya Aleksandrovna – Postgraduate student of the Department of Domestic History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: anastasiya848@yandex.ru

SOBOLEVA Maria Vladimirovna – Postgraduate student of the Department of Cultural Studies and Advertisement in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: 2109masha@mail.ru

SUDOVNIKOV Mikhail Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, associated professor, Head of the Department of Domestic History in VSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

SUKHOTERIN Dmitriy Yankovich – Fellow applicant of the Department of Cultural Studies and Advertisement in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: sbt_creative@mail.ru

SUCHKOVA Tatyana Evgenyevna – Assistant of the Department of Civil-law disciplines in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: tatyanaes@rambler.ru

TIMSHIN Aleksey Borisovich – Senior Teacher of the Department of State Local Government in VSHU branch office in Vyatskie Polyany. 612961, Kirov region, Vyatskie Polyany, 13 Sovetskaya str.

E-mail: Timus80@mail.ru

TIMSHIN Vadim Alekseevich – Candidate of Philosophy, associated professor of the Department of Cultural Studies and Advertisement in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: timshinvadim@mail.ru

TJAN Valentine Vasilyevich – Candidate of Historical Sciences, associated professor of the Department of Sociology and Culture in Moscow State University of Instrument Engineering and Informatics. 107996, Moscow, 20 Stromynka str.

E-mail: roman_76@mail.ru

FEDOTOV Oleg Ivanovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief research officer of the Department of Scholarship in Moscow Institute of Open Education, Corresponding member of International academy of the open education, member of Society of Russian poets. 125167, Moscow, 6 Aviatsionnuy per.

E-mail: o.fedotov@rambler.ru

CHIRKOVA Evgenia Sergeevna – Postgraduate student of extra-mural form of education of the Department of State and Law theory in Kutafin Moscow State Law Academy. 123995, Moscow, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str.

E-mail: keneke-keneke@yandex.ru

YULOV Vladimir Fyodorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Sociology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

YUNGBLUD Valery Teodorovich – Doctor of Historical Studies, Professor of the Department of General History, Rector of VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: rector@vshu.kirov.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 1(1)

Подписано в печать 25.02.2012 г.
Формат 60x84 $\frac{1}{8}$. Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,5. Тираж 1000. Заказ № 074.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674